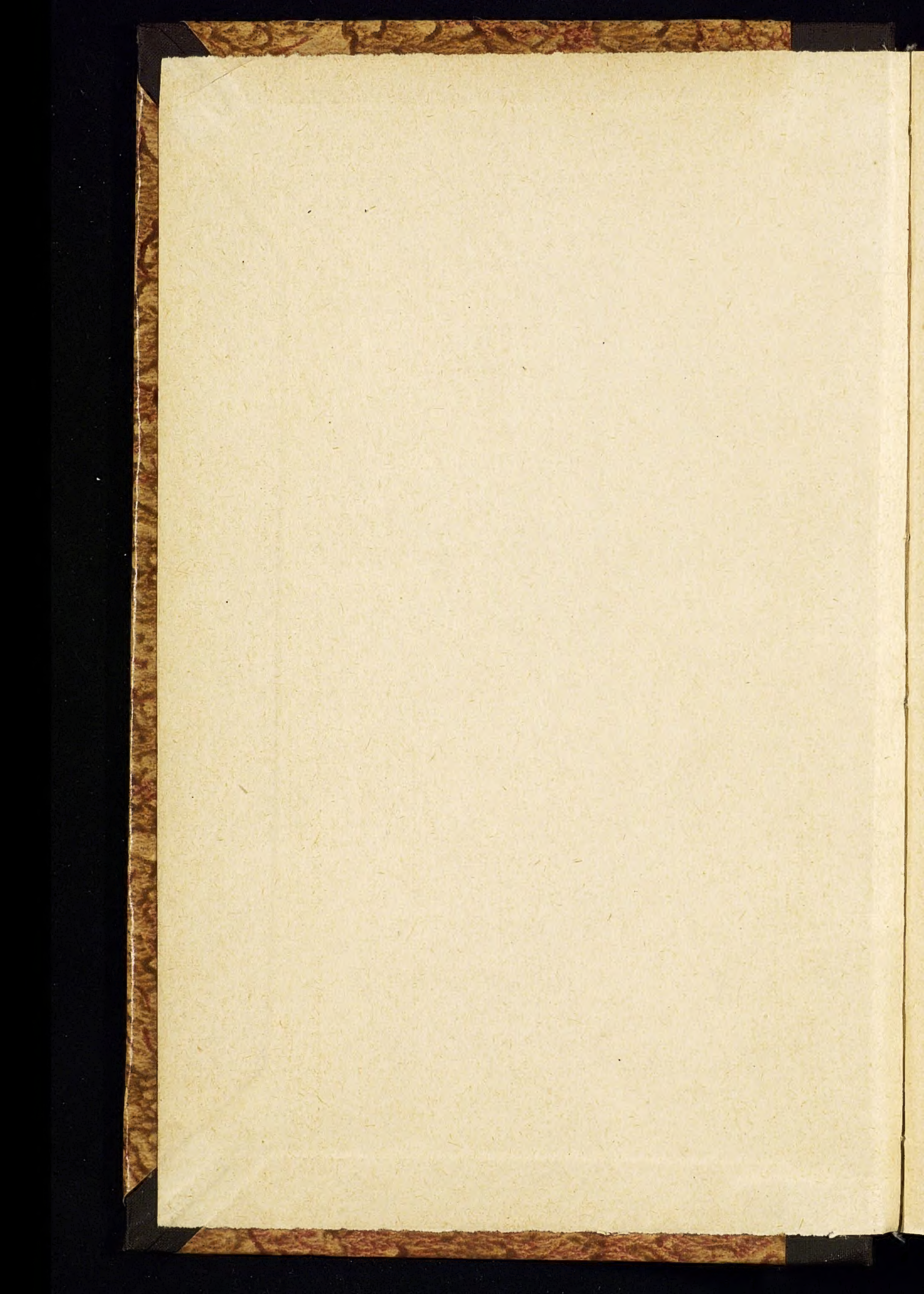
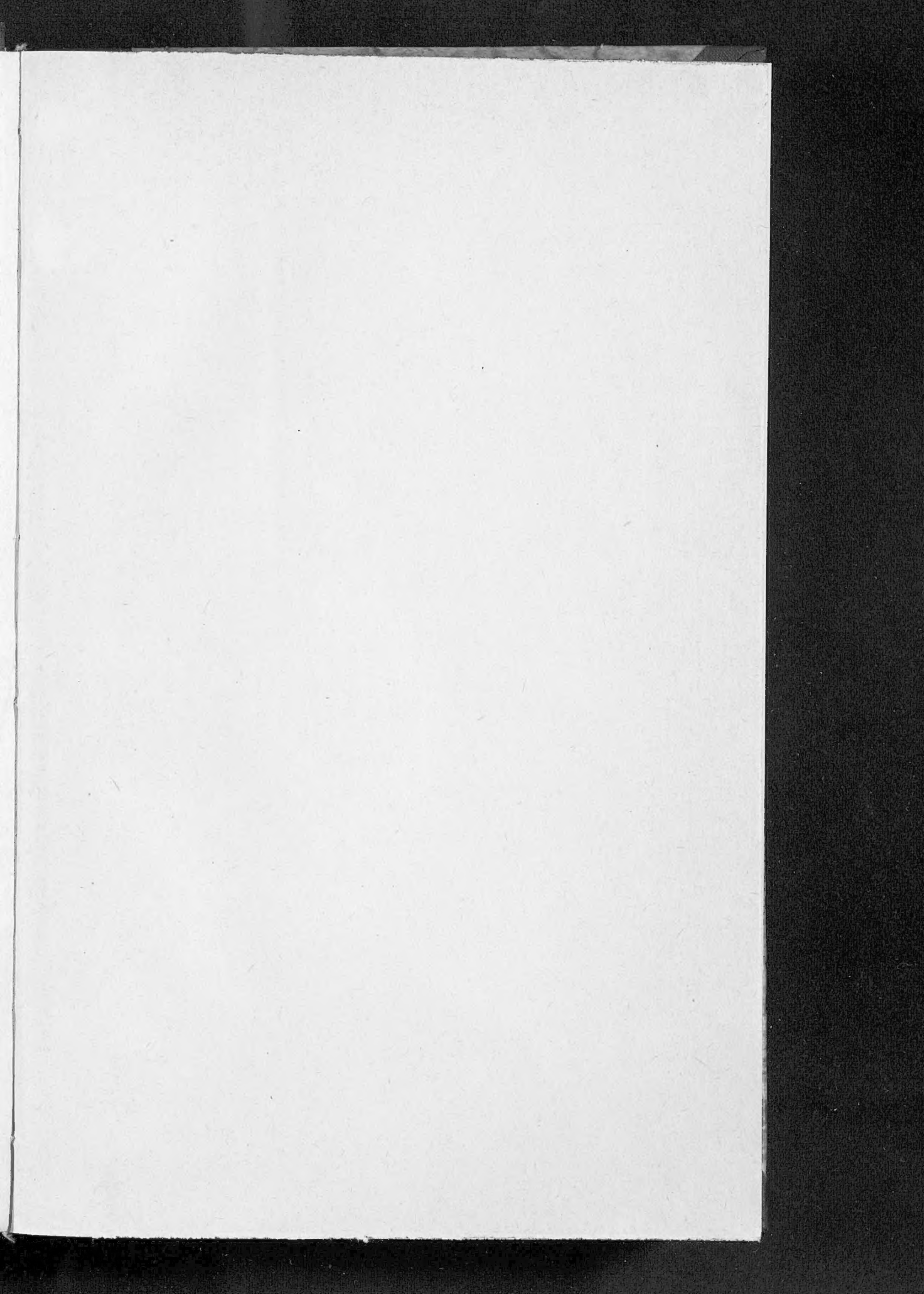
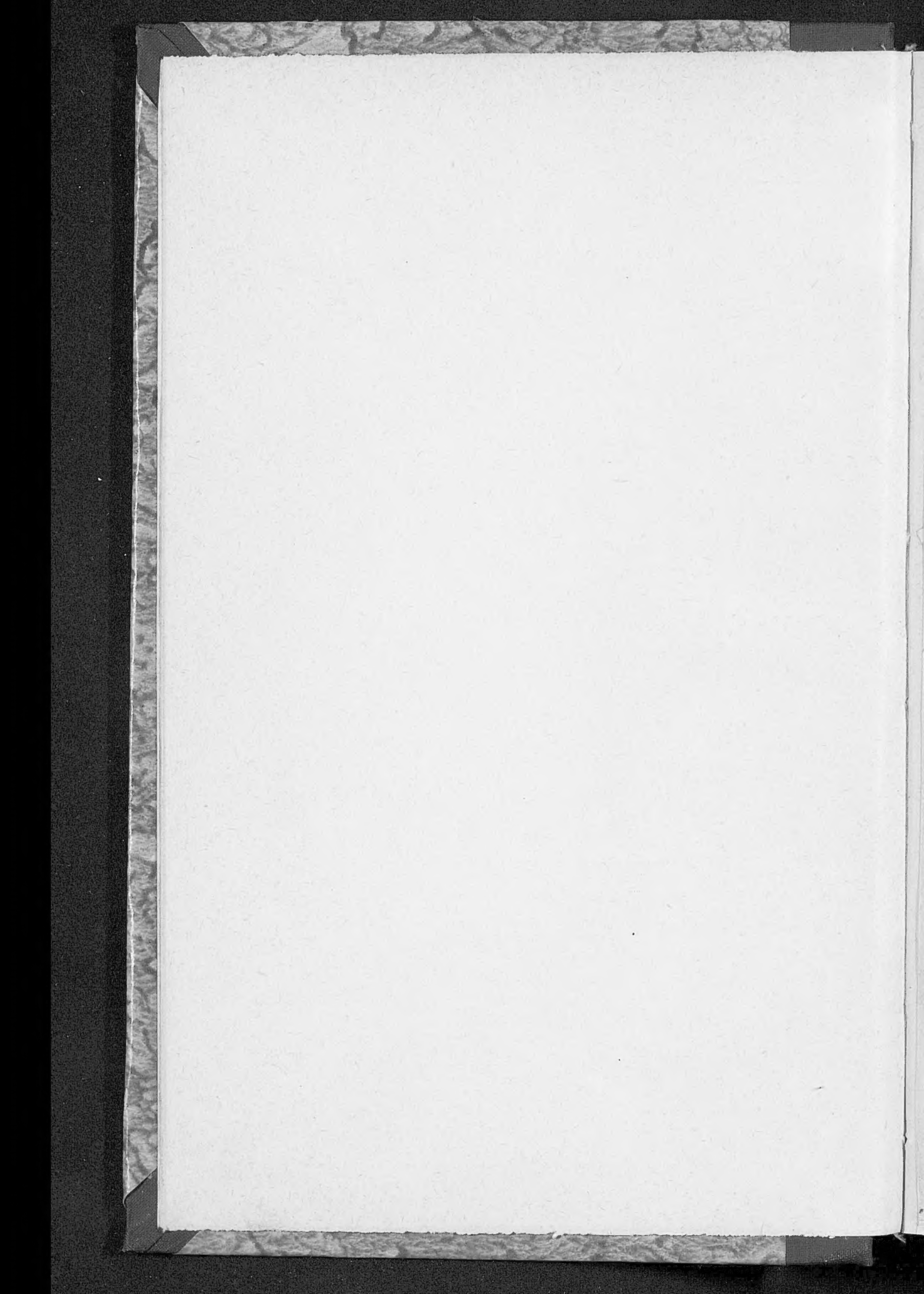
ный
ник

02
03
2

36







ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

1892

ЯНВАРЬ

№ 1

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

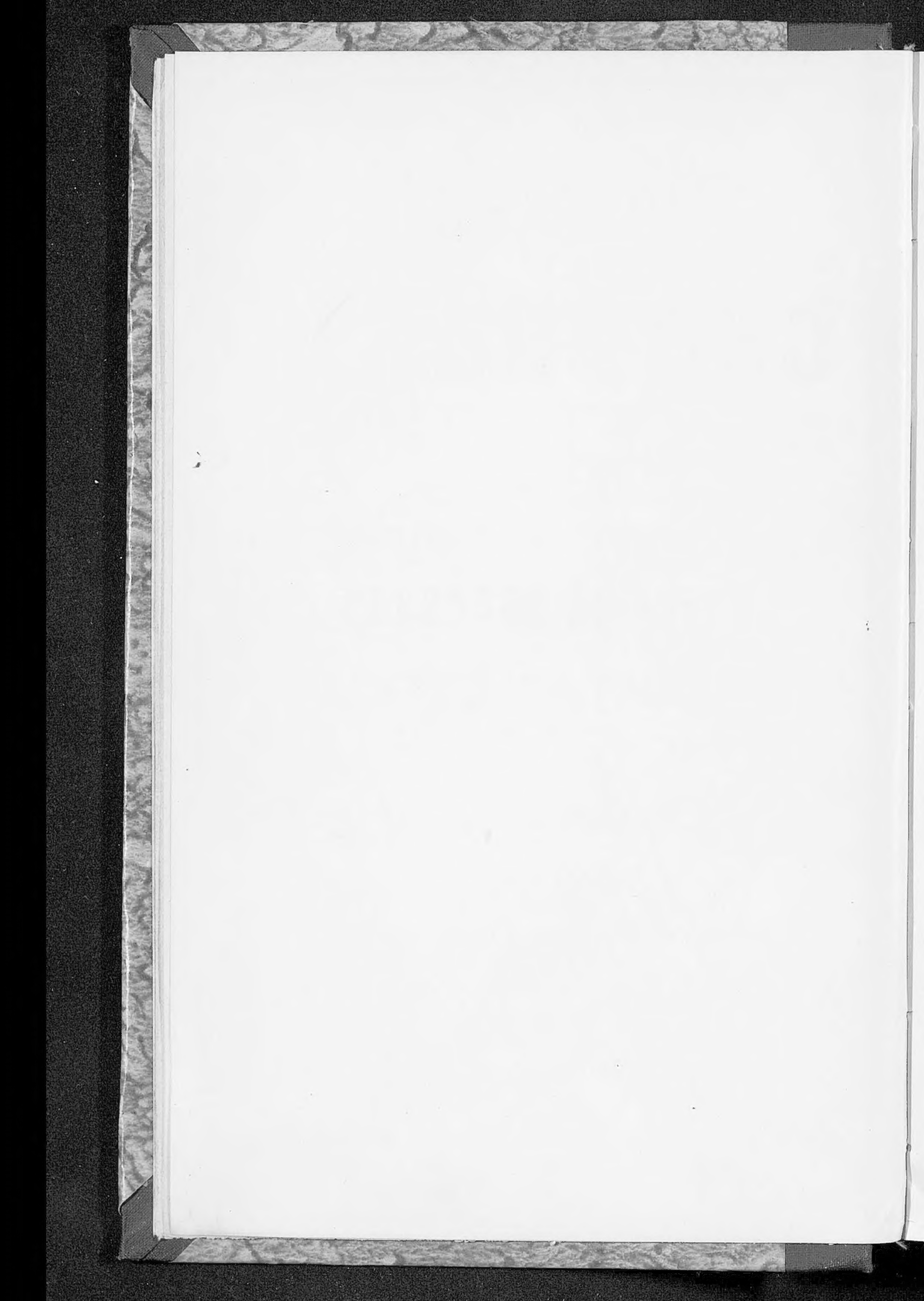
I.

II.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

«Систематическій указатель «Русскаго Инвалида» за 1869—1890 гг.». (Отдѣльная книжка).

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ



ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

ТОМЪ CCIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая, № 40.
1892

На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 8-го марта 1862 года, журналы правительственныхъ учрежденій изъяты отъ разсмотрѣнія общей цензуры, почему «Военный Сборникъ» издается главнымъ редакторомъ онаго подъ личною его отвѣтственностью и подъ наблюденіемъ Военнаго Министерства.

С.-Петербургъ. 31-го декабря 1891 года.

Главный редакторъ «Военнаго Сборника»,

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ **Лаврентьевъ**.

I.

ОЧЕРКЪ
ДѢЙСТВІЙ ЗАПАДНАГО ОТРЯДА ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ГУРКО.

Часть II.

Декабрь 1877 года.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ.

(*Статья пятая*) [1].

I.

Паденіе Плевны. Расположеніе нашихъ и турецкихъ войскъ въ концѣ ноября 1877 года. Предположенія обѣихъ сторонъ.

28-го ноября пала Плевна и съ этого дня войска отряда обложенія могли получить новое назначеніе, такъ какъ еще до паденія Плевны рѣшено было, по плѣненіи арміи Османа, немедленно усилить отряды генераловъ Радецкаго и Гурко, съ тѣмъ, чтобы дать имъ возможность совершить переходъ черезъ Балканы. Къ началу декабря силы противниковъ на балканскомъ театрѣ войны были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: у Плевны—100 баталіоновъ русскихъ и сверхъ того румыны; западный отрядъ генералъ-адъютанта Гурко изъ 43-хъ баталіоновъ, 56-ти эскадроновъ и сотенъ и 172-хъ орудій, силою около 30,000 человѣкъ, въ этропольскихъ Балканахъ; противъ него былъ расположенъ отрядъ Шакира-паши силою въ 75 баталіо-

[1] См. «Военный Сборникъ» 1891 г., № 12-й.

новъ (около 20,000 человѣкъ), въ томъ числѣ на позиціяхъ у Арабъ-конака 53 баталіона ([1]). Отрядъ генералъ-лейтенанта Карцова изъ пяти баталіоновъ, 10-ти сотенъ и 24-хъ орудій, силою около 4,000 чел., наблюдалъ горные проходы между этропольскими Балканами и шипкинской позиціей и поддерживалъ связь между войсками генерала Гурко и отрядомъ генерала Радецкаго, который съ бо̀льшей частью 8-го корпуса, 24-й пѣхотной дивизіей и семью болгарскими дружинами (всего 29 баталіоновъ, пять сотенъ и 102 орудія, около 20,000—18,000) занималъ шипкинскій, травненскій и хаинкіойскій перевалы противъ арміи Весселя-паши, которая, въ числѣ около 40 баталіоновъ, охраняла пространство отъ Карлова до Твардицы и главная часть которой находилась у Шипки.

Отрядъ генералъ-лейтенанта барона Деллингсгаузена, состоявшій изъ 11-го корпуса, части 8-го корпуса и 4-й стрѣлковой бригады силою около 25,000 человѣкъ (всего 39 баталіоновъ, 21 эскадронъ и 133 орудія), былъ расположенъ у Елены и на османъ-базарской дорогѣ и поддерживалъ связь между войсками генерала Радецкаго и рущукскимъ отрядомъ, который подъ начальствомъ Наслѣдника Цесаревича стоялъ на Ломѣ и былъ силою около 57,000 человѣкъ. имѣя 55 баталіоновъ, 67 эскадроновъ и сотенъ и 260 орудій.

Наконецъ, на линіи Черноводы—Кюстенджи находился нижне-дунайскій отрядъ генералъ-лейтенанта Циммермана въ числѣ $30^1/_2$ баталіоновъ, 32-хъ эскадроновъ и сотенъ и 138 орудій, около 25,000 человѣкъ. Противъ трехъ послѣднихъ отрядовъ турки имѣли армію Сулеймана-паши въ 134 баталіона, силою около 100,000 человѣкъ. которая занимала позиціи отъ Старорѣки до Дуная и крѣпостей четырехъ-угольника.

Итакъ, ко времени паденія Плевны силы турокъ были расположены на два фронта: *восточный*, отъ Дуная черезъ Османъ-Базаръ на Сливно, длиною около 120 верстъ, гдѣ стояло 134 баталіона, имѣя противъ себя наши: 11-й, 12-й и 13-й корпуса съ 26-й дивизіей. т. е. 84 баталіона нашихъ войскъ; *южный*, отъ Сливно черезъ Казанлыкъ и Златицу на Софію, 210 верстъ, гдѣ стояло 115 баталіоновъ, имѣя противъ себя съ нашей стороны 86 баталіоновъ. Наконецъ, мы имѣли у Плевны свободными 100 баталіоновъ. не считая румынъ. Всего у насъ было 270,000, у турокъ 115,000, причемъ сильный резервъ у Плевны находился приблизительно въ равномъ

([1]) Куропаткинъ. «Переходъ черезъ Балканы отряда ген. Скобелева», «Воен. Сбор.», 1889 г. № 6, стр. 190.

разстояніи отъ Этрополя, Габрова, Тырнова и Бѣлы, что давало намъ всѣ выгоды центральнаго расположенія. Резервъ этотъ могъ быть двинутъ по двумъ главнымъ направленіямъ: противъ восточнаго фронта турецкой арміи или противъ южнаго.

Дѣйствія въ восточномъ направленіи не могли привести къ рѣшительнымъ результатамъ, между тѣмъ какъ прорывъ южнаго фронта открывалъ намъ дорогу къ Адріанополю и Константинополю; на успѣхъ дѣйствій въ этомъ послѣднемъ направленіи было много надежды, такъ какъ превосходство въ численной и нравственной силѣ войскъ было безусловно на нашей сторонѣ; но рѣшеніе энергически продолжать войну зимою съ предстоявшимъ переходомъ черезъ Балканы встрѣчало огромныя затрудненія со стороны условій природы.

Переходъ черезъ Балканы въ суровую зимнюю пору для нашихъ войскъ, почти не имѣвшихъ теплой одежды, конечно представлялъ предпріятіе въ высшей степени трудное и легко было предвидѣть, что оно будетъ сопряжено съ большими потерями. Но, съ другой стороны и стоянка на горахъ, гдѣ свирѣпствовали метели, среди глубокаго снѣга и при сильной стужѣ, безъ теплой одежды и удобныхъ помѣщеній, становилась съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе, вызывая много потерь заболѣвшими и обмороженными.

Вслѣдствіе этого нѣкоторыя части, во избѣжаніе окончательнаго разстройства, пришлось спустить съ горъ для временнаго отдыха; такъ, генералъ Радецкій вынужденъ былъ въ половинѣ декабря отправить съ Шипки въ Тырново 24-ю пѣхотную дивизію, въ первыхъ трехъ полкахъ которой было въ строю къ 13-му декабря всего около 2.000 человѣкъ.

Такимъ образомъ, чтобы поставить войска въ лучшее положеніе, надо было рѣшиться или на переходъ черезъ горы, не взирая на всѣ препятствія, или на отступленіе съ горъ.

Съ паденіемъ Плевны явилась возможность усилить отряды генераловъ Гурко и Радецкаго, съ тѣмъ, чтобы быстрымъ рѣшительнымъ наступленіемъ разбить по частямъ войска противника, не давъ имъ сосредоточиться и оправиться отъ нравственнаго впечатлѣнія, произведеннаго извѣстіемъ о сдачѣ арміи Османа; наконецъ, и самый переходъ черезъ горы въ такое время, когда многіе были склонны думать, что такое предпріятіе совершенно немыслимо, долженъ былъ поразить нашихъ противниковъ своей неожиданностью. Сверхъ того, залогомъ успѣха служило и то общее одушевленіе, которое было вызвано извѣстіемъ о паденіи Плевны и которое охватило всю армію.

Планъ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго заключался въ слѣдующемъ: пользуясь превосходствомъ силъ, форсировать линію Балканъ отъ Арабъ-конака до Шипки. Овладѣніе шипкинскимъ проходомъ открывало намъ путь по кратчайшему операціонному направленію на Адріанополь, овладѣніе же арабъ-конакскимъ проходомъ давало возможность выйти во флангъ и тылъ турецкимъ войскамъ, замыкавшимъ шипкинскій проходъ и при томъ открывало связь съ сербами. Послѣ же перехода черезъ горы, отряды генераловъ Радецкаго и Гурко должны были соединенными силами наступать къ Адріанополю. Въ это же время генералъ Карцовъ долженъ былъ перевалить черезъ горы со стороны Траяна и поддерживать связь между отрядами генераловъ Гурко и Радецкаго; наконецъ, генералъ Деллингсгаузенъ, прикрывая лѣвый флангъ отряда генерала Радецкаго, долженъ былъ ему содѣйствовать демонстраціею, произведенной по направленію къ Твардицѣ и Сливно.

Движеніе долженъ былъ начать отрядъ генерала Гурко, а затѣмъ уже слѣдовало наступать и генералу Радецкому. При этомъ предполагалось, что движеніе отряда генералъ-адъютанта Гурко оттянетъ силы турокъ къ Софіи и Филиппополю, чѣмъ облегчится овладѣніе прямымъ и главнымъ путемъ на Адріанополь, черезъ Шипку и Казанлыкъ.

Въ то время, пока первый, какъ видно изъ донесеній его Великому Князю Главнокомандующему, считалъ переходъ черезъ горы въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда всѣ горныя дороги и самыя горы занесены глубокимъ снѣгомъ, весьма сомнительнымъ, генералъ Гурко, напротивъ, желалъ скорѣйшаго наступленія минуты перехода черезъ Балканы, что основывалось на стремленіи скорѣе спуститься въ южную Болгарію и избавиться отъ тяжелой стоянки на горахъ. Такимъ образомъ, рѣшено было наступательныя дѣйствія начать отряду генерала Гурко.

Въ исполненіе этого плана Главнокомандующимъ были сдѣланы слѣдующія распоряженія: 4-й корпусъ, 4-й саперный баталіонъ и 9-й донской казачій полкъ получили приказаніе двинуться на усиленіе отряда генерала Радецкаго; 3-я стрѣлковая бригада первоначально была двинута на усиленіе отряда генерала Карцова, но затѣмъ послѣднему былъ оставленъ только одинъ 10-й баталіонъ, а остальные направлены къ генералу Радецкому. Генералу Деллингсгаузену приказано было направить къ генералу Радецкому части 8-го корпуса и 4-ю стрѣлковую бригаду. Въ распоряженіе генерала Гурко были назначены 3-я гвардейская пѣхотная дивизія и 9-й корпусъ.

Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій части 3-й пѣхотной дивизіи, состоявшія подъ начальствомъ генерала Гурко, должны были послѣ перехода черезъ Балканы слѣдовать вмѣстѣ съ Кавказскою и Сводною казачьею бригадами, на соединеніе съ отрядомъ генерала Карцова для присоединенія къ войскамъ генерала Радецкаго. Кавалерійскій отрядъ генералъ-лейтенанта Арнольди (4-й уланскій и 4-й гусарскій полки, 8-я конная батарея и бригада рошіоровъ) долженъ былъ оставаться у Берковаца и поддерживать связь между румынскими войсками, занимавшими Рахово и Ломъ-Паланку, и западнымъ отрядомъ, а также сербами; частямъ 11-го корпуса и 24-й пѣхотной дивизіи, остававшимся еще на лѣвомъ берегу Дуная, предписано было присоединиться къ своимъ корпусу и дивизіи.

Для обезпеченія сообщеній Тырновъ обращенъ былъ въ обширный укрѣпленный лагерь, гдѣ заготовленъ былъ 20-ти-дневный запасъ продовольствія для 11-ти пѣхотныхъ и четырехъ кавалерійскихъ дивизій; для охраны сообщеній и для занятія Тырнова была назначена изъ-подъ Плевны 2-я пѣхотная дивизія. Чтобы не обнаружить преждевременно своихъ намѣреній, Главнокомандующій пока оставался въ Боготѣ, а въ окрестностяхъ Плевны былъ оставленъ и общій стратегическій резервъ: гренадерскій корпусъ—у Дольняго-Дубняка; 1-я кавалерійская дивизія (три полка, Сумскій гусарскій еще не прибылъ), а также 9-й уланскій и 9-й драгунскій полки стали по квартирамъ между Ловчею, Траяномъ и Турскимъ-Изворомъ.

Съ своей стороны и турецкое правительство, получивъ извѣстіе о плѣненіи плевненской арміи, рѣшило немедленно принять мѣры для оказанія упорнаго сопротивленія русскимъ войскамъ, если бы они двинулись черезъ Балканы. Вслѣдствіе этого рѣшено было немедленно отдѣлить изъ 160 баталіоновъ восточной арміи, занимавшей четырехъ-угольникъ крѣпостей, которой съ паденіемъ Плевны предположено было очистить, 60 баталіоновъ и перевести ихъ къ Арабъ-конаку, ввѣривъ Сулейману-пашѣ начальствованіе надъ всѣми войсками, которыя будутъ собраны близъ этого пункта. Сверхъ того, рѣшено было собрать у Адріанополя резервную армію, подъ начальствомъ Реуфа-паши.

Переводъ войскъ изъ восточной арміи въ направленіе къ Софіи былъ произведенъ турками замѣчательно быстро, несмотря на множество встрѣтившихся затрудненій. Для этого Сулейманъ выдѣлилъ изъ числа войскъ, находившихся у Елены, 28 баталіоновъ, изъ Рущука и Разграда—21 баталіонъ и, наконецъ, изъ Османъ-Базара и другихъ пунктовъ—10 баталіоновъ. Войска эти въ числѣ 59-ти ба-

таліоновъ (около 30,000 человѣкъ) были двинуты черезъ Котелъ и Сливну, далѣе по желѣзной дорогѣ, частью на Варну, здѣсь посажены на суда, перевезены въ Константинополь и двинуты вновь по желѣзной дорогѣ. Къ 15-му декабря войска эти прибыли къ Татаръ-Базарджику, а часть вступила въ Софію, куда прибылъ и Сулейманъ, какъ разъ въ то время, когда авангардъ отряда генерала Гурко уже дебушировалъ изъ горъ у Чурьяка и занялъ софійское шоссе.

Такимъ образомъ, хотя операція перевозки войскъ была исполнена весьма скоро, но тѣмъ не менѣе войска эти не могли принять участія въ оборонѣ этропольскихъ Балканъ, черезъ которыя ко времени ихъ сосредоточенія русскіе уже совершили переходъ.

Но если бы эти войска прибыли по назначенію своевременно и соединились съ арміею Шакира, то турки могли бы образовать армію въ 130 баталіоновъ, съ которой намъ пришлось бы сражаться при переходѣ черезъ Балканы. Но такое сосредоточеніе туркамъ удалось исполнить лишь позже, въ окрестностяхъ Филиппополя.

Сверхъ того, изъ числа баталіоновъ, направленныхъ на поддержку арміи Шакира, часть была разбросана въ разныхъ мѣстахъ; такъ, Сулейманъ, отправившись къ мѣсту своего новаго назначенія, приказалъ расположить въ Казанѣ (дефиле) 11 баталіоновъ, въ Петричевѣ, Мирковѣ и Буновѣ—шесть баталіоновъ, въ Софіи—пять баталіоновъ, между Ихтиманомъ и Софіей—пять баталіоновъ и т. д. По прибытіи въ Софію, Сулейманъ приказалъ собрать для обороны укрѣпленій этого города войска, занимавшія лютиковскую позицію, и части, расположенныя въ окрестностяхъ Софіи, такъ что въ этомъ мѣстѣ всего сосредоточилось около 30-ти баталіоновъ, подъ начальствомъ Мехмеда-паши.

Такимъ образомъ, послѣ паденія Плевны турецкое правительство рѣшило оборонять всю линію Балканъ и резервъ сосредоточить позади лѣваго фланга оборонительной линіи, т. е. позади этропольскихъ Балканъ. Планъ этотъ принадлежалъ константинопольскому военному совѣту и, повидимому, былъ основанъ на надеждѣ, что Турція, при посредствѣ Англіи, успѣетъ заключить перемиріе, а потому желательно было, чтобы во время переговоровъ линія Балканъ находилась еще въ турецкихъ рукахъ ([1]).

Рѣшеніе оставаться на Балканахъ было выражено въ депешѣ Саида, отъ 14-го декабря, Сулейману-пашѣ. «То обстоятельство, что русскіе еще до сихъ поръ не рѣшились перейти черезъ Балканы,

([1]) «Сборникъ турецкихъ документовъ», стр. 121.

должно быть приписано или суровости зимы, или тому, что они не окончили еще своихъ приготовленій. Лишь только поправится погода, или кончатся приготовленія, русскіе, безъ сомнѣнія, перейдутъ въ наступленіе. Постоянная разброска нашихъ силъ принесла до сихъ поръ много вреда, поэтому важнѣе всего держать войска сосредоточенными на оборонительной линіи Балканъ».

Для успѣшной же обороны Балканъ необходимо было, по мнѣнію константинопольскаго военнаго совѣта, прежде всего, усилить софійскую армію, положеніе которой было наиболѣе затруднительное, тѣмъ болѣе, что лѣвому флангу ея могли угрожать сербы, которые въ это время уже начали военныя дѣйствія въ направленіи къ Софіи. Рядомъ съ этимъ планомъ былъ и другой, который, повидимому, высказывался многими турецкими генералами, напримѣръ, Шакиромъ: по плану этому предполагалось отказаться отъ непосредственной обороны главнаго хребта Балканъ и, оставивъ для наблюденія за проходами черезъ него и для задержанія русскихъ лишь незначительные отряды, немедленно оттянуть войска Весселя и Шакира къ Адріанополю, гдѣ, по соединеніи этихъ войскъ съ тѣми, которыя ожидались изъ восточной арміи, можно было собрать около 200 баталіоновъ (100,000 человѣкъ). Съ этими войсками можно было надѣяться оказать продолжительное сопротивленіе русскимъ и, быть можетъ, затянуть войну еще надолго. Въ пользу мнѣнія о необходимости сосредоточенія всѣхъ силъ у Адріанополя послѣ паденія Плевны высказывалось также и меньшинство константинопольскаго совѣта, а именно семь голосовъ, о чемъ хотя и былъ составленъ протоколъ, но онъ былъ оставленъ безъ всякихъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, планъ этотъ, хотя и представлявшійся гораздо болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ оборона длинной линіи Балканскихъ горъ, не былъ принятъ и турецкое правительство рѣшило во что бы то ни стало оборонять эти горы, надѣясь, что силы Шакира и Весселя будутъ достаточны, чтобы, вмѣстѣ съ твердынями Балкановъ, снѣгами и морозами, остановить первый напоръ нашихъ войскъ.

На основаніи этого рѣшенія тотчасъ послѣ паденія Плевны, Реуфъ-паша и секретарь султана Саидъ телеграфировали 30-го ноября Сулейману о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдовало принять для обороны Балканъ и о которыхъ уже сказано выше.

«По свѣдѣніямъ, полученнымъ сегодня изъ Европы, говорится въ этой депешѣ, мѣры, которыя Османъ-паша принялъ для того, чтобы пробиться къ сторонѣ Виддина, остались безплодными и наши войска были вынуждены положить оружіе послѣ продолжительнаго боя;

Османъ-паша былъ раненъ. Это извѣстіе опечалило и народъ, и правительство, а въ особенности нашего султана. Но сожалѣніе безплодно, а отчаяніе еще вреднѣе. Единственное средство нашего спасенія—это сопротивляться упорнѣе прежняго. Непріятель естественно будетъ пытаться перейти всѣми своими силами черезъ Балканы и, не давъ намъ время усилиться, направится къ Адріанополю и далѣе, стараясь предупредить посредничество державъ. Если, чего не дай Боже, это ему удастся, то зданіе государства и мусульманства будетъ потрясено въ самыхъ основахъ. Поэтому необходимо усилить софійскій отрядъ, который, какъ сообщилъ его начальникъ, состоитъ большею частью изъ мустахфиза, всегда готоваго бѣжать передъ обученнымъ непріятелемъ. Вмѣстѣ съ этимъ необходимо теперь же заняться устройствомъ обороны въ Адріанополѣ. Восточный отрядъ состоитъ всего изъ 160 таборовъ. Слѣдуетъ немедленно же оставить въ немъ лишь столько таборовъ, сколько необходимо для обороны, а всѣ остальные перевести на южную сторону Балкановъ. Отправленіе это необходимо начать и исполнить немедля ни минуты, чтобы успѣть предупредить непріятеля, такъ какъ иначе прибытіе нашихъ войскъ не принесетъ пользы. Хотя необходимость удерживать восточные укрѣпленные пункты очевидна, но, въ случаѣ пораженія нашихъ войскъ и направленія непріятеля къ Адріанополю и можетъ быть даже къ Константинополю, гдѣ никогда еще не видѣли непріятеля съ самаго дня завладѣнія, восточный отрядъ, удерживая свои позиціи, не только не принесетъ пользы, но можетъ даже быть разрѣзанъ на части рѣшительнымъ наступленіемъ непріятеля. Вслѣдствіе этого, большую часть вашихъ силъ необходимо отправить возможно поспѣшнѣе на южную сторону Балкановъ, чтò дастъ намъ возможность еще разъ оказать непріятелю сопротивленіе».

II.

Сосредоточеніе отряда генерала Гурко въ окрестностяхъ Орханіэ. Движеніе 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи и 9-го корпуса изъ подъ Плевны къ Орханіэ.

Движеніе 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. 30-го ноября, согласно маршрута, полученнаго изъ полеваго штаба арміи, дивизія

должна была восемью переходами перейти изъ д. Трнины въ Орханіэ, причемъ выступленіе было назначено на 4-е декабря, но ночью на 2-е декабря была получена телеграма съ предписаніемъ выступить 2-го числа послѣ назначеннаго въ этотъ день Высочайшаго смотра. Ускореніе выступленія дивизіи было вызвано настойчивымъ требованіемъ генерала Гурко о скорѣйшемъ прибытіи подкрѣпленій къ его отряду. Въ 3 часа дня послѣ Высочайшаго смотра дивизія двинулась походомъ по софійскому шоссе, причемъ первый ночлегъ былъ въ Дольнемъ-Дубнякѣ.

При выступленіи въ частяхъ дивизіи было на лицо строевыхъ:

л.-гв. въ Литовскомъ полку . . .	60 офиц.,	2,999 нижн. чин.
въ Кексгольмскомъ гренад. полку. .	60 »	2,649
въ Спб. гренадерскомъ полку . . .	58 »	2,866
л.-гв. въ Волынскомъ полку . . .	55 »	2,662
въ 3-й гвард. и грен. артил. бриг. .	38 »	1,489
Всего. . .	271 офиц.,	12,665 нижн. чин.,

а съ нестроевыми около 15,000 нижнихъ чиновъ и около 2,300 лошадей.

Состояніе одежды на людяхъ при выступленіи изъ подъ Плевны было весьма неудовлетворительно: обувь истрепалась почти у всѣхъ, а у нѣкоторыхъ ноги были обмотаны тряпками; шапки и шинели у многихъ были прожжены у костровъ; за отсутствіемъ ранцевъ, люди были обвѣшаны мѣшками съ хлѣбомъ и необходимыми вещами. Сухарей имѣлось въ Волынскомъ полку на четыре дня, а въ прочихъ на семь дней, въ артилеріи на восемь дней; патроновъ было по 105 на каждаго человѣка.

Походъ дивизіи до Орханіэ происходилъ при холодной погодѣ съ рѣзкими вѣтрами; попутныя деревни были почти совершенно разорены; большая часть домовъ стояла безъ дверей, безъ потолковъ и оконъ, ворота были сняты, а изъ сырцовыхъ заборовъ и стѣнъ были выдуты жерди; соломенныя крыши отчасти были сняты на подстилку и кормъ лошадямъ и скоту, и почти на всѣхъ дворахъ валялись предметы домашняго хозяйства и трупы людей и животныхъ. Въ такомъ состояніи были турецкія деревни и турецкіе кварталы въ остальныхъ селеніяхъ; тамъ же, гдѣ населеніе было болгарское и большею частью оставалось на мѣстѣ, тамъ строенія находились почти въ полной исправности. Вслѣдствіе такого состоянія построекъ, войска во время ночлеговъ съ трудомъ могли находить пріютъ въ попутныхъ

(1) Эпкель. «Военный Сборникъ», 1881 г., № 2, стр. 396.

селеніяхъ и обыкновенно на каждую роту назначалось всего по нѣскольку дворовъ.

По маршруту, высланному изъ полеваго штаба, дивизія должна была прибыть въ Орханіэ восемью переходами, однако, 4-го декабря, когда войска стояли на маломъ привалѣ въ пяти верстахъ отъ Телиша, пріѣхалъ ординарецъ генерала Гурко съ новымъ маршрутомъ, по которому дневки были уничтожены и разстояніе отъ Телиша до осиковской позиціи, около 55-ти верстъ, которое по маршруту полеваго штаба было раздѣлено на четыре перехода, приказано было пройти двумя переходами.

Погода, и безъ того дурная, стала все болѣе и болѣе портиться, шелъ попеременно то дождь, то снѣгъ, и дорога покрылась глубокимъ слоемъ грязи; люди, съ трудомъ лавируя между лужами и ямами, подвигались впередъ гуськомъ и колонны растягивались на значительное протяженіе; вслѣдствіе значительной длины переходовъ, вскорѣ по приходѣ головы колонны на ночлегъ наступала совершеннная темнота, такъ что люди, отставшіе въ дорогѣ, догоняли свои части уже на бивакахъ, съ трудомъ отыскивая ихъ иногда въ теченіе цѣлой ночи, а между тѣмъ на другой день имъ предстоялъ вновь усиленный переходъ. Особенно затруднительно было движеніе обозовъ, которые едва успѣвали догонять войска, приходя къ мѣсту ночлега тогда, когда войскамъ уже нужно было отправляться далѣе, а начиная съ Блазничево (въ 40 верстахъ отъ Телиша), обозы уже вовсе не могли догонять свои части на ночлегахъ ([1]).

Для ночлега войскъ не всегда хватало строеній; тогда имъ приходилось располагаться на бивакѣ, большею частью на расмягченной пашнѣ, причемъ о кострахъ нельзя было и думать, какъ вслѣдствіе дождя, такъ и по недостатку топлива; въ такихъ условіяхъ единственная пища состояла изъ сухарей.

При такихъ обстоятельствахъ особенно затруднительно было движеніе артиллеріи, которая иногда, какъ, напримѣръ, 5-го декабря, могла сдѣлать только 13 верстъ за весь день и притомъ переходъ этотъ настолько былъ затруднителенъ, что командующій бригадою, полковникъ Зиновьевъ, принужденъ былъ, вопреки маршрута, высланнаго изъ штаба западнаго отряда, сдѣлать 6-го декабря дневку. Чтобы облегчить движеніе артиллеріи и обозовъ, генералъ Каталей распорядился въ помощь имъ назначить часть пѣхоты, а именно, 2-й баталіонъ и три роты 1-го баталіона С.-Петербургскаго гренадер-

([1]) Федотовъ. «Исторія Спб. грен. полка», стр. 202—204.

скаго полка, такъ что 3-й дивизіи пришлось испытать тяжесть перевозки артилеріи не только при переходѣ черезъ горы, но и при движеніи по шоссе.

7-го декабря дивизія прибыла въ Орханіэ, гдѣ временно расположилась на квартирахъ въ полуразрушенныхъ строеніяхъ города; на другой день 2-я бригада дивизіи была расквартирована въ дер. Врачешѣ.

Движеніе 9-го армейскаго корпуса отъ Плевны до Орханіэ должно было совершиться двумя колоннами: одна по софійскому шоссе, другая—черезъ городъ Врацу. Въ составъ 9-го корпуса входили 5-я и 31-я пѣхотныя дивизіи съ ихъ артилеріей и казачій № 34-го полкъ; 9-я кавалерійская дивизія была отправлена въ отрядъ генерала Гурко лишь послѣ перехода черезъ Балканы. 5-я дивизія шла въ лѣвой колоннѣ, т. е. по шоссе, а 31-я въ правой, т. е. черезъ Врацу, причемъ, вслѣдствіе затрудненій въ дорогѣ, дивизіи эти прибыли не 8-го декабря, какъ предполагалось, а нѣсколько позже, именно: 31-я дивизія прибыла 11-го декабря и расположилась въ Скривенахъ и Новачинѣ; 1-я бригада 5-й дивизіи прибыла въ Орханіэ 12-го, а 2-я бригада той же дивизіи 15-го декабря.

Съ прибытіемъ подкрѣпленій изъ подъ Плевны силы отряда генерала Гурко достигли 84½ баталіона, 56 эскадроновъ и сотенъ, 264 пѣшихъ орудія, 54 конныхъ орудія.

III.

Планъ генерала Гурко для перехода черезъ Балканы. Развѣдки горъ. Хозяйственныя распоряженія по отряду. Предварительныя указанія войскамъ. Разработка дороги на Чурьякъ. Диспозиція для перехода.

За время стоянки на горахъ еще до прибытія подкрѣпленій, собирались въ штабѣ отряда свѣдѣнія, необходимыя для соображеній при предстоявшемъ переходѣ черезъ горы; необходимо было выяснить какъ силы и расположеніе турокъ, такъ и тѣ пути, по которымъ наши войска могли двинуться черезъ горы. Лично объѣзжая позиціи войскъ на горахъ, генералъ Гурко не упускалъ случая собирать на мѣстѣ свѣдѣнія о проходимости горъ и о положеніи противника; въ тоже время начальникъ штаба отряда тщательно собиралъ при помощи офицеровъ генеральнаго штаба, а также и при посредствѣ со-

стоявшаго при штабѣ хорунжаго князя Цертелева, свѣдѣнія о всѣхъ путяхъ черезъ Балканы. Въ результатѣ намѣчено было четыре пути.

1) Дорога, шедшая отъ дер. Врачеша по ущелью, образуемому верховьемъ ручья того же имени и далѣе черезъ гору Умургачъ, откуда ведутъ пути на дер. Потопъ, Елешницу или Желяву, причемъ по той же дорогѣ можно было пройти и въ Чурьякъ.

2) Дорога, отходившая вправо отъ софійскаго шоссе, верстахъ въ восьми отъ Орханіэ, отъ такъ называемаго «бивака Астраханскаго драгунскаго полка», по направленію къ д. Чурьякъ, откуда имѣлся выходъ въ софійскую котловину.

3) Дорога изъ города Этрополя черезъ Бабу-гору на Буново, и

4) Дорога изъ Этрополя по верховьямъ Малаго Искера на Златицкій перевалъ и далѣе въ Златицу.

Всѣ эти четыре направленія мы назвали дорогими, но, строго говоря, это названіе нельзя дать ни одному изъ нихъ.

Первый путь, изслѣдованный генеральнаго штаба подполковникомъ Пузыревскимъ, оказался тропой, совершенно неудобной для движенія артиллеріи и чрезвычайно затруднительной даже для пѣхоты. Въ началѣ, близъ д. Врачеша, она проходила въ тылу лютиковской позиціи турокъ, на виду у непріятеля. При началѣ подъема тропа вилась по карнизу, размытому ручейкомъ и наполненному гальками, далѣе въ одномъ мѣстѣ она охватывала остроконечную вершину и, наконецъ, версты за 2—3 до перевала, входила въ лѣсъ, который оканчивался у самаго перевала, совершенно лишеннаго древесной растительности. Каменистая почва и необычайно крутые подъемы, мѣстами доходившіе до 45°, дѣлали сколько нибудь сносную разработку этого пути въ непродолжительное время совершенно невозможной ([1]).

Второй путь на Чурьякъ былъ изслѣдованъ генеральнаго штаба подполковникомъ Ставровскимъ и оказался не болѣе какъ тропинкой, извивавшейся по кручамъ и скатамъ лѣсистыхъ Балкановъ; большею частью онъ шелъ лѣсомъ, что представляло выгоды скрытности, какъ при разработкѣ этого пути, такъ и при движеніи по немъ, притомъ грунтъ большею частью поддавался разработкѣ, хотя и здѣсь во многихъ мѣстахъ почва была очень камениста. За то спускъ въ чурьякское ущелье былъ чрезвычайно затруднителенъ по значительной крутизнѣ и кромѣ того, какъ выяснили развѣдки, турки наблюдали за этимъ путемъ, имѣя около Чурьяка часть войскъ.

([1]) Пузыревскій. «Воспоминанія офицера генеральнаго штаба», стр. 153—157.

Третье направленіе изъ Этрополя на Бабу-гору, развѣданное генеральнаго штаба капитаномъ Протопоповымъ, оказалось сравнительно удобнымъ и не требующимъ особенной предварительной разработки; но опасный его недостатокъ заключался въ томъ, что Баба-гора, къ которой онъ выводилъ, совершенно обнажена отъ древесной растительности, а это условіе было крайне невыгодно въ виду метелей и бурановъ, господствующихъ въ горахъ въ зимнее время года.

Наконецъ, четвертый путь изъ Этрополя черезъ Златицкій перевалъ, подробно описанный въ первой части нашего очерка, представлялъ сравнительно болѣе удобствъ для движенія войскъ, хотя также требовалъ разработки. Недостатокъ этого пути—нѣкоторая кружность движенія, а достоинство его то, что отрядъ флигель-адъютанта полковника Любовицкаго, занимавшій Златицкій перевалъ, служилъ готовымъ авангардомъ для войскъ, которыя бы двинулись изъ Этрополя ([1]).

Итакъ, для обхода фланговъ турецкой позиціи у Арабъ-конака, имѣлось по два пути, выводившихъ съ одной стороны на софійское шоссе, съ другой—на путь отступленія Шакира къ Татаръ-Базарджику.

Планъ генерала Гурко для перехода черезъ горы былъ основанъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: фронтальное движеніе, вслѣдствіе силы непріятельской позиціи и сравнительной ничтожности достигаемыхъ результатовъ, было признано неумѣстнымъ и такимъ образомъ признано было необходимымъ обратиться къ обходамъ.

По имѣвшимся въ штабѣ отряда свѣдѣніямъ о непріятелѣ, турецкія войска были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ комарційской долинѣ и по арабъ-конакской позиціи около 45 таборовъ; въ Златицѣ отъ 10 до 15 таборовъ, на лютиковской позиціи отъ 6 до 10 таборовъ; въ окрестностяхъ Софіи и по дорогамъ въ Пиротъ и Берковацъ около 12 таборовъ; всего же отъ 72 до 80 таборовъ. О числѣ орудій точныхъ свѣдѣній не имѣлось ([2]). По свѣдѣніямъ, имѣвшимся 14-го декабря въ штабѣ Шакира, въ отрядѣ его состояло на лицо 12.500 человѣкъ ([3]).

Отрядъ Шакира, занимавшій арабъ-конакскую позицію, могъ отступить по двумъ направленіямъ—на Софію и на Татаръ-Базард-

([1]) Сверхъ того былъ сдѣланъ рядъ развѣдокъ офицерами гвардейской конницы.

([2]) Рапортъ ген. Гурко. «Воен. Сбор.», 78—4—350.

([3]) Бекеръ. «Воен. Сбор.», 80—4—438.



жикъ. Отступивъ на Софію, Шакиръ могъ соединиться съ гарнизономъ этого города, силою около 30 таборовъ, онъ могъ воспользоваться значительными складами, собранными въ этомъ городѣ, и, пользуясь укрѣпленіями, воздвигнутыми вокругъ Софіи, могъ укрыться въ нихъ и защищать этотъ пунктъ противъ русскихъ и сербовъ, наступавшихъ со стороны Пирота; но, въ случаѣ невозможности продолжать оборону города, онъ могъ бы отступить въ юго-восточную Турцію только кружнымъ путемъ, такъ какъ прямой путь на Татаръ-Базарджикъ черезъ Ихтиманъ уже не могъ служить для движенія его войскъ. Что касается до отступленія съ арабъ-конакской позиціи по направленію на Татаръ-Базарджикъ черезъ Петричево, то это направленіе давало возможность Шакиру сохранить связь съ отрядомъ Весели-паши, опереться на войска, собранныя у Татаръ-Базарджика и дальнѣйшимъ отступленіемъ съ боемъ на Филиппополь и Адріанополь задержать наступленіе русскихъ или въ большомъ бою въ полѣ, или въ укрѣпленномъ лагерѣ, уже воздвигнутомъ вокругъ Адріанополя. Въ этомъ случаѣ софійскій гарнизонъ и отряды, расположенные въ окрестностяхъ, могли присоединиться къ Шакиру и усилить его весьма ослабленную армію.

Итакъ, намъ надо было рѣшить, который изъ турецкихъ фланговъ слѣдовало обойти. Принимая во вниманіе численное и нравственное превосходство нашихъ войскъ, возможность развить успѣхъ въ наивысшей степени и силу нашей собственной позиціи, прикрывавшей нашъ путь отступленія на Плевну — рѣшено было прибѣгнуть къ двойному обходу съ обоихъ фланговъ непріятельскаго расположенія и при этомъ, такъ какъ огромное большинство нашихъ войскъ было сосредоточено къ сторонѣ Орханіэ и Врачеша, рѣшено было главную обходную колонну вести въ обходъ лѣваго фланга турецкой позиціи ([1]).

Движеніемъ въ этомъ направленіи мы отрѣзывали Шакира отъ Софіи и получали возможность войти въ связь съ сербами. Кромѣ того, при выборѣ этого направленія имѣлось въ виду то обстоятельство, что оно облегчало дальнѣйшее движеніе къ Татаръ-Базарджику широкимъ фронтомъ, нѣсколькими колоннами, въ то время какъ отъ Петричева и Златицы въ Татаръ-Базарджикъ дороги большею частью пролегали по горнымъ ущельямъ и были весьма затруднительны для движенія артиллеріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, движеніемъ

([1]) Пузыревскій. Переходъ и проч., стр. 52.

части войскъ въ обходъ праваго фланга турокъ достигалась возможность отрѣзать Шакира отъ Весселя-паши.

Первоначально предполагалось главную обходную колонну направить черезъ Умурчагъ, лежащій отъ турецкой позиціи далѣе, нежели чурьякскій перевалъ, что, повидимому, болѣе способствовало скрытности движенія; но вслѣдствіе обстоятельныхъ данныхъ, полученныхъ путемъ двухъ развѣдокъ, произведенныхъ подполковникомъ Пузыревскимъ и выяснившихъ недостатки этого пути, генералъ Гурко рѣшилъ направить главныя силы на Чурьякъ, а черезъ Умурчагъ двинуть лишь небольшую колонну, получившую особое назначеніе.

Что же касается до выбора направленія для обхода праваго фланга турокъ, то рѣшено было дать предпочтеніе пути, идущему черезъ Бабу-гору; такимъ образомъ, для совершенія перехода пришлось войска раздѣлить на три колонны. Кромѣ того, у насъ былъ отрядъ у Златицы и необходимо было оставить часть силъ съ фронта для демонстрацій и прикрытія тыла; все это привело къ раздѣленію войскъ на нѣсколько отдѣльныхъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ на пространствѣ отъ Златицкаго перевала до Умурчага.

Самый переходъ черезъ горы назначенъ былъ на 13-е декабря. Хозяйственныя распоряженія, сдѣланныя въ отрядѣ передъ выступленіемъ въ горы, заключались въ слѣдующемъ. Людямъ всѣхъ отрядовъ, за исключеніемъ остававшихся на позиціяхъ противъ Шандорника и Арабъ-конака, приказано было выдать сухарей по 18-е декабря включительно, полагая по одному фунту на человѣка. Сухари эти предписывалось расходовать подъ личною отвѣтственностью ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ командировъ, которые обязаны были, лично на вечернихъ перекличкахъ, дѣлать осмотръ сухарныхъ запасовъ и разъяснять людямъ всю важность сбереженія сухарей во время движенія чрезъ горы, когда войска могли быть на долгое время лишены связи со своими обозами и складами. Затѣмъ людямъ приказано было выдать чаю и сахару по 18-е декабря включительно, а передъ вступленіемъ трехдневную порцію мяса; по утрамъ велѣно выдавать по чаркѣ водки; кавалеріи и артиллеріи имѣть трехдневную дачу ячменя (1). Тѣмъ войскамъ, которыя оставались на мѣстѣ, приказано было выдавать не сухари, а печеный хлѣбъ, выпекаемый изъ муки, найденной во врачешскихъ складахъ. Во всѣхъ частяхъ принимались мѣры для обезпеченія людей про-

(1) Приказы по отряду отъ 10-го и 11-го декабря 1877 г.

довольствіемъ и одеждой въ виду предстоявшаго перехода черезъ горы, но, по бѣдности края и по затруднительности сообщеній, въ этомъ отношеніи могло быть сдѣлано весьма немногое. Такъ, въ виду недостатка хорошо устроенныхъ хлѣбопекарныхъ печей, приходилось ихъ иногда вырывать въ мерзлой землѣ.

Въ виду того, что обувь людей была приведена почти повсюду въ совершенную негодность, приняты были всевозможныя мѣры къ пріобрѣтенію кожи и шкуры, для починки сапоговъ и приготовленія опанокъ по болгарскому образцу; равнымъ образомъ, закупалось мѣстное сукно для починки шинелей, мундировъ и брюкъ. Передъ выступленіемъ частей люди были осмотрѣны и всѣ слабые здоровьемъ оставлены при обозахъ.

По невозможности взять въ горы колесный обозъ, пришлось устраивать вьюки, назначая подъ нихъ часть подъемныхъ лошадей. Но, къ сожалѣнію, число вьюковъ надо было ограничить крайней необходимостью въ виду недостатка фуража и трудности заготовленія вьючныхъ сѣделъ. При этомъ необходимо замѣтить, что уже въ это время у многихъ лошадей были натерты спины, вслѣдствіе употреблявшагося способа перевозки фуража при фуражировкахъ, состоявшаго въ связываніи его веревками, положенными непосредственно на спину лошадей. Не малое затрудненіе представляла ковка лошадей на острые шипы, что, однако же, было крайне необходимо, какъ вслѣдствіе гололедицы, такъ и въ виду крутости предстоявшихъ подъемовъ и спусковъ въ горахъ. Хотя во врачебныхъ складахъ имѣлся большой запасъ подковъ, но подковы эти, приготовленныя для мелкой породы турецкихъ лошадей и потомъ имѣвшія видъ жестяного круга съ отверстіемъ по серединѣ, не были пригодны для нашихъ коней. Желѣзо, которое пріобрѣталось у мѣстныхъ жителей, было очень плохого качества и зачастую нужно было прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, какъ выламываніе изъ брошенныхъ турецкихъ домовъ желѣзныхъ прутьевъ, скобъ и полосъ для ковки подковъ и гвоздей. Въ особенности ощущался недостатокъ въ гвоздяхъ, ковка которыхъ представляла весьма большія затрудненія ([1]). Однако, не смотря на всѣ встрѣченныя трудности, нѣкоторыя части, благодаря рѣшительнымъ мѣрамъ, все-же достигли обезпеченія своихъ лошадей подковами на острыхъ шипахъ.

При общихъ приготовленіяхъ къ переходу офицеры старались запастись кто чѣмъ могъ для облегченія труднаго похода, но средства

([1]) Мартыновъ. «Очеркъ дѣйствій 5-й гв. кон. батареи». стр. 59.

для этого, однако, были очень ограничены. Кто могъ достать куски овечьей шкуры, устраивалъ себѣ изъ нея теплыя рукавицы и чахлы для ногъ; «Красный Крестъ» снабжалъ нѣкоторыхъ офицеровъ шапками изъ верблюжьяго сукна, заготовленными для больныхъ и раненыхъ; кромѣ того, не многимъ счастливцамъ удалось получить валенки и полушубки изъ Россіи или изъ «Краснаго Креста», но такихъ было мало; большинство пошло черезъ горы въ холодныхъ шинеляхъ съ поддѣтыми шведскими куртками или фуфайками.

Въ отношеніи организаціи отряда были приняты слѣдующія мѣры: всѣ батареи, назначенныя для перехода, приказано было переформировать въ четырехъ-орудійныя, имѣя при нихъ по одному зарядному ящику на орудіе; для запряжки ихъ приказано было выбрать самыхъ лучшихъ лошадей. Затѣмъ тѣ батареи, которыя не были назначены въ обходныя колонны и заслоны, должны были собраться у дер. Лажени (Лазанъ), гдѣ онѣ были выстроены въ строгомъ порядкѣ въ нѣсколько линій такъ, чтобы, по первому требованію, всякая батарея могла выѣхать немедленно, не нарушая при этомъ общаго порядка; наконецъ, у дер. Правца были расположены въ строгомъ порядкѣ артиллерійскіе парки и интендантскіе транспорты въ нѣсколько линій съ такими интервалами, чтобы по первому приказанію можно было двинуть ихъ въ ту или другую сторону и чтобы движеніе это могло быть произведено въ самомъ строгомъ порядкѣ; здѣсь же у Правца было собрано и значительное количество обозовъ. Всѣ эти повозки были ввѣрены наблюденію полковника Шевича.

Относительно порядка движенія колоннъ была предоставлена полная свобода ихъ начальникамъ, но съ соблюденіемъ слѣдующихъ условій: 1) орудія и ящики приказано было прикомандировать къ ротамъ, такъ чтобы на одну роту приходилось по одному орудію или одному ящику; 2) коннипѣ, кромѣ небольшой части, слѣдовать въ хвостѣ эшелоновъ; 3) имѣющіеся при войскахъ вьюки везти непосредственно за своими частями, т. е. ротные—за ротами, баталіонные—за баталіонами и т. д. Изъ повозокъ разрѣшалось брать только аптечныя одноколки; въ каждой части имѣть въ запасѣ лямки. Затѣмъ давались въ приказѣ по отряду отъ 11-го декабря 1877 года нѣкоторыя указанія относительно мѣръ охраненія, порядка движенія и проч. Такъ, напримѣръ, предписывалось во время перехода мѣры охраненія исключительно составлять изъ пѣхотныхъ патрулей, а во время ночлеговъ—изъ пѣшихъ секретовъ; передъ выступленіемъ въ горы начальникамъ предложено было подтвердить ввѣреннымъ имъ частямъ строжайшее воспрещеніе поднимать тревогу и въ особенно-

сти производить стрѣльбу, вслѣдствіе тревоги; нижнимъ чинамъ объяснить, что при слѣдованіи по такимъ ущельямъ и трущобамъ, по какимъ имъ придется переваливать черезъ Балканы, немыслимо серьезное нападеніе со стороны непріятеля и только одиночные люди или небольшія партіи могли покушаться тревожить наши войска при подобныхъ условіяхъ мѣстности.

Наконецъ, предписывалось начальникамъ эшелоновъ и частей принять строгія мѣры къ сохраненію и поддержанію порядка во время движенія и въ особенности наблюсти, чтобы колонны не растягивались и чтобы нижніе чины не выходили изъ фронта.

Предшествовавшія дѣйствія въ горахъ показали всю трудность подъема орудій на балканскія выси и легко можно было предвидѣть, что зимою дѣло будетъ еще труднѣе, вслѣдствіе этого необходимо было озаботиться заготовленіемъ различныхъ приспособленій для перевозки артиллеріи. Кромѣ предписанія заготовить лямки, въ нѣкоторыхъ отрядахъ озаботились заготовленіемъ и наймомъ саней и сборомъ рабочихъ изъ мѣстныхъ жителей; такъ, напримѣръ, въ отрядѣ генерала Дандевиля, которому предстояло движеніе черезъ Бабугору, было нанято 700 человѣкъ съ лопатами и кирками и до 12-ти паръ воловъ съ санями и 40 съ вьючными сѣдлами; въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Вельяминова, который долженъ былъ идти черезъ Умургачъ, были наняты болгарскія сани на волахъ числомъ до 24-хъ (1).

Наконецъ, для возможно безпрепятственнаго движенія главной обходной колонны рѣшено было заблаговременно тщательно разработать дорогу на Чурьякъ.

Съ этою цѣлью съ 8-го декабря былъ выведенъ изъ Орханіэ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ и поставленъ бивакомъ у начала подъема на этотъ путь, а именно, на 8-й верстѣ отъ Орханіэ по софійскому шоссе у такъ называемаго драгунскаго бивака (здѣсь стоялъ Астраханскій драгунскій полкъ). При этомъ предписано было полку имѣть при себѣ 400 лопатъ, 200 кирокъ и 200 топоровъ (2). Инструментъ этотъ былъ собранъ съ полковъ Семеновскаго и Измайловскаго и переданъ Преображенскому, и такимъ образомъ всего набралось 452 лопаты, 170 кирокъ и 140 топоровъ. Руководство работами было возложено на командира гвардейскаго сапернаго баталіона, флигель-адъютанта полковника Скалона, а общее наблюденіе— на генералъ-адъютанта графа Шувалова.

---

(1) Пузыревскій. «Переходъ и проч.», стр. 92.
(2) «Исторія Преображенскаго полка», стр. 498.

Вмѣстѣ съ Преображенскимъ полкомъ все время работали двѣ роты гвардейскихъ саперъ: Его Величества и 4-я ([1]).

Съ 9-го числа начались работы, которыя велись слѣдующимъ образомъ: ежедневно приказомъ по полку дѣлался нарядъ ротъ на работы на двѣ смѣны. Каждая смѣна состояла изъ 4—5 ротъ и, сверхъ того, одной, назначавшейся для прикрытія работъ; въ каждой смѣнѣ должно было быть отъ 400 до 600 рабочихъ, раздѣляемыхъ на двѣ совершенно равныя половины, какъ по количеству, такъ и роду инструмента. Первая смѣна выступала съ бивака въ 8 час. 30 мин. утра, а вторая начинала работу въ часъ дня; при каждой смѣнѣ находились всѣ офицеры роты и одинъ изъ баталіонныхъ командировъ по очереди. За работу принимались дружно и усердно, и въ первый же день было отдѣлано болѣе 200 саженъ пути, причемъ еще, не доходя до подъема, пришлось устроить два фашинные моста, а затѣмъ, уширять тропу и дѣлать зигзаги для избѣжанія слишкомъ крутыхъ подъемовъ. Но первые шаги были значительно легче послѣдующихъ и съ утра 10-го декабря уже обнаружилось, какая трудная работа предстояла далѣе: начался подъемъ на перевалъ и крутизна скатовъ все болѣе и болѣе увеличивалась, дорога шла или по гребню горъ или по скату ихъ; шириной она должна была быть въ 4 шага. При этомъ особенно было трудно разработать одно мѣсто на участкѣ 4-й роты гвардейскаго сапернаго баталіона, не доходя перевала; здѣсь дорога положительно высѣчена въ каменистомъ грунтѣ: съ одной стороны, поднимается отвѣсная стѣна, а съ другой, ниспадаетъ пропасть: въ такомъ видѣ дорога тянулась почти на 300 саженъ. Затѣмъ она поднималась круто влѣво и переваливала на юго-восточную сторону хребта. Обойти это крутое мѣсто было невозможно, а потому приказано было здѣсь на протяженіи 20-ти-саженнаго подъема вырубить ступеньки высотою въ полъ фута и шириною отъ одного до трехъ футовъ.

Сильно утомленными возвращались люди на бивакъ, но и тутъ не могли найти необходимаго покоя и отдыха. Морозъ, доходившій до 15°—18°, стоялъ во все время разработки дороги и крѣпко донималъ людей, принужденныхъ бивакировать въ походныхъ палаткахъ, для разстановки которыхъ сначала сгребали снѣгъ и затѣмъ подрывали обмерзлую землю. Ежедневно на работы пріѣзжалъ генералъ-адъютантъ Гурко, причемъ, посѣтивъ работы 11-го декабря, онъ приказалъ къ слѣдующему дню приготовить все для окончательнаго не-

([1]) Рейгартенъ. «Очеркъ дѣятельности л.-гв. Сапернаго баталіона», стр. 122.

рехода полка за перевалъ, послѣ чего предстояло въ одну ночь разработать спускъ съ него по южному склону Балканъ. Вслѣдствіе этого 12-го декабря, въ 8 часовъ утра, 1-й и 2-й баталіоны Преображенскаго полка выступили для окончательной отдѣлки подъема, причемъ имъ было приказано взять съ собою палатки и все остальное, чтобы болѣе не возвращаться на бивакъ, такъ какъ слѣдующую ночь предполагалось провести уже за переваломъ, скрытно засѣвъ въ Чурьякѣ.

11-го декабря и ночью на 12-е число была оттепель, а 12-го снова сильный морозъ, вслѣдствіе чего сдѣлалась такая гололедица, что даже одиночнымъ людямъ трудно было подниматься по разработанной дорогѣ. Тогда приказано было сдѣлать ступеньки на всѣхъ подъемахъ, чтобы дать хотя какой-либо упоръ ногѣ. Въ 2 часа выступили съ бивака 3-й и 4-й баталіоны, захвативъ съ собою заготовленныя фашины для укладки ихъ въ топкихъ мѣстахъ, встрѣчавшихся зачастую по дорогѣ до самой долины Чурьяка.

Къ 5-ти часамъ дня 12-го декабря всѣ баталіоны подтянулись къ гребню перевала, гдѣ и остановились въ ожиданіи сумерекъ, чтобы начать работу незамѣтно для противника. Среди глубокаго снѣга, въ густомъ лѣсу расположились преображенцы, въ ожиданіи возможности приступить къ работамъ; морозъ крѣпко давалъ себя чувствовать, но костры были строго воспрещены; около 9-ти часовъ вечера 1-й и 4-й баталіоны получили приказаніе спуститься въ д. Чурьякъ, занявъ которую они должны были прикрывать разработку спуска, для чего были назначены 2-й и 3-й баталіоны Преображенскаго полка, а также 4-я рота саперъ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Чудовскаго. Каждой ротѣ былъ отведенъ свой участокъ, гдѣ работа производилась подъ руководствомъ ротныхъ командировъ; въ видахъ скрытности, приказано было соблюдать строжайшую тишину и даже не курить. Ночь была темная и морозная и разработка спуска, пролегавшаго по крутымъ и скалистымъ скатамъ горъ была крайне затруднительна; но вскорѣ взошла луна и сдѣлалось такъ свѣтло, что свободно можно было читать; тогда явились опасенія, какъ бы турки не обнаружили нашего присутствія. Во все время производства работъ генералъ Гурко со штабомъ находился на спускѣ съ перевала, расположившись на снѣгу у едва пылавшаго костра. Между тѣмъ 1-й и 4-й баталіоны безъ шума и скрытно добрались до Чурьяка, гдѣ и расположились по квартирамъ, предварительно оцѣпивъ деревню часовыми. Людямъ строго было приказано не показываться на улицахъ деревни, чтобы не привлекать вниманія турокъ.

Озабочиваясь возможно быстрымъ движеніемъ главной колонны,

генералъ-адъютантъ Гурко приказомъ по отряду отъ 12-го декабря предписалъ, при слѣдованіи по вновь разработанной дорогѣ, наблюдать строгій порядокъ и заботиться, чтобы ее не портить. Вслѣдствіе этого предписывалось командиру лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона, флигель-адъютанту полковнику Скалону, на всѣхъ мѣстахъ дороги, гдѣ можно было болѣе ожидать порчи, поставить офицеровъ и команды саперъ для своевременнаго исправленія пути; офицерамъ этимъ разрѣшено было временно останавливать движеніе войскъ и всѣ начальники обязаны были во время слѣдованія безпрекословно исполнять ихъ требованія. Въ томъ же приказѣ давались и нѣкоторыя указанія для предстоявшихъ столкновеній съ турками, въ которыхъ предписывалось дѣйствовать густыми стрѣлковыми цѣпями, поддержанными нѣсколькими линіями ротныхъ колоннъ. Вообще предлагалось избѣгать дѣйствій густыми, глубокими колоннами, а стараться принимать тонкій строй; на подготовку атакъ огнемъ обратить серьезное вниманіе, причемъ, сверхъ того, при всякой возможности пользоваться обходами и охватами фланговъ. На примѣненіе къ мѣстности велѣно было обратить самое строгое вниманіе; патроны беречь, помня, что зарядныхъ ящиковъ не будетъ. Въ туманѣ быть крайне бдительными, чтобы не перестрѣлять другъ друга, а потому прежде открытія огня убѣждаться, не своя-ли часть, въ которую хотимъ стрѣлять; для этого имѣть впереди и по бокамъ дозоры и самымъ строжайшимъ образомъ преслѣдовать самовольное открытіе огня въ частяхъ. Огонь долженъ быть вполнѣ въ рукахъ начальниковъ.

По окончаніи всѣхъ подготовительныхъ распоряженій и работъ, 11-го декабря въ Орханіэ была отдана диспозиція для совершенія перехода черезъ Балканы, назначеннаго на 13-е число.

12-го декабря, утромъ, всѣ начальники колоннъ и начальники отрядныхъ штабовъ были собраны на квартирѣ у генерала Гурко, въ Орханіэ. Здѣсь у большаго стола, на которомъ была разложена карта австрійскаго генеральнаго штаба, начальникъ штаба отряда, генералъ-маіоръ Нагловскій, прочелъ вслухъ отданную по отряду диспозицію, къ которой начальникъ отряда давалъ словесныя подтвержденія въ видѣ общихъ и отдѣльныхъ указаній ([1]).

Диспозиція. Въ г. Орханіэ. 11-го декабря 1887 г.

13-го сего декабря, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда начать движеніе, съ цѣлью перехода черезъ Балканскія горы. Для сего:

([1]) Энкель. «Воен. Сбор.», стр. 81—2—412 и 417.

«1) *Авангарду*, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рауха, собравшись во Врачешѣ къ 5-ти часамъ утра 13-го декабря, выступить сего 13-го декабря, въ $5^1/_2$ часовъ утра изъ Врачеши и, сдѣлавши привалъ до 11-ти часовъ дня, возлѣ бивака 8-го драгунскаго Астраханскаго полка, на софійскомъ шоссе, у начала вновь разработанной старой софійской дороги, ведущей на перевалъ, ровно въ 11 часовъ дня начать подъемъ на гору и слѣдовать лишь съ небольшими остановками въ дер. Чурьякъ, гдѣ и остановиться на привалъ

Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ—4 баталіона, лейбъ-гвардіи Измайловскій—4 баталіона, 1-й и 4-й стрѣлковые баталіоны гвардейской стрѣлковой бригады—2 баталіона, одинъ полкъ 31-й пѣхотной дивизіи—3 баталіона, 1-я, 3-я и 6-я батареи 1-й гвардейской артиллерійской бригады по четыре орудія отъ каждой—12 орудій, четыре орудія одной изъ 4-хъ-фунтовой батареи 3-й артиллерійской бригады—4 орудія, Кавказская казачья бригада—11 сотенъ, четыре конныхъ орудія. Всего 13 баталіоновъ. 16 пѣшихъ орудій, 11 сотенъ, 4 конныхъ орудія.

14-го декабря, авангарду выступить въ 4 часа утра и слѣдовать черезъ Потопъ, Елесницу и Стольникъ на софійское шоссе, откуда, сдѣлавши поворотъ на лѣво, идти на такъ называемую позицію у Малины, гдѣ остановиться и построить боевой порядокъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, деревни Потопъ и Елесница заняты турецкою пѣхотою. Сила всей пѣхотной части, собранной въ двухъ этихъ пунктахъ, отъ одного до двухъ таборовъ (т. е. отъ 500 до 800 человѣкъ). По свѣдѣніямъ, турки стоятъ по ночамъ очень небрежно. Необходимо постараться захватить ихъ врасплохъ и вытѣснить изъ обѣихъ деревень.

Между деревнями Чурьякъ и Потопъ отходитъ влѣво ущелье, по которому идетъ дорога въ софійскую долину. На дорогу эту выставить, въ видѣ боковаго заслона, полкъ 31-й пѣхотной дивизіи съ четырьмя 4-хъ-фунтовыми орудіями и съ одною сотнею казаковъ.

2) «*Первому эшелону*, подъ начальствомъ генералъ-маіора Курлова, собравшись 13-го декабря, въ $5^1/_2$ часовъ утра, во Врачеши, за исключеніемъ Астраханскаго драгунскаго полка, который присоединится къ эшелону на своемъ бивакѣ, выступить изъ Врачеши въ 7 часовъ утра, 13-го декабря, и слѣдовать по софійскому шоссе къ мѣсту бивака Астраханскаго драгунскаго полка. Въ этомъ мѣстѣ эшелону сдѣлать привалъ и начать дальнѣйшее движеніе черезъ полчаса послѣ того, какъ хвостъ авангарда свернетъ съ шоссе. Эшелону слѣдовать лишь съ необходимыми для отдыха людей небольшими оста-

новками до тѣхъ поръ, пока голова эшелона не догонитъ, въ окрестностяхъ Чурьяка, хвостъ авангарда.

Лейбъ-гвардіи Волынскій полкъ—4 баталіона, Прусскій полкъ—4 баталіона, четыре дивизіона отъ четырехъ батарей 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады—16 орудій, Астраханскій драгунскій полкъ—4 эскадрона, одна сотня Кавказской казачьей бригады. Всего восемь баталіоновъ, 16 орудій, пять эскадроновъ и сотенъ.

14-го декабря эшелону выступить въ 6 часовъ утра и слѣдовать черезъ Потопъ и Елесницу въ Рожданіэ. Если же по донесеніямъ прямая дорога изъ Чурьяка въ Рожданіэ, по ущелью, отдѣляющемуся влѣво, не доходя до Потопа, окажется возможною для движенія артилеріи, то идти прямо на Рожданіэ, гдѣ и расположиться на ночлегъ.

3) «*Второму эшелону*, подъ начальствомъ генералъ-маіора Философова, собравшись 13-го декабря, къ 8-ми часамъ утра, во Врачеши, выступить изъ этой деревни тогда, когда получатся свѣдѣнія, что хвостъ авангарда свернулъ съ софійскаго шоссе. Придя на бивакъ драгунскаго Астраханскаго полка, эшелону остановиться на привалѣ для подъема въ гору черезъ полчаса послѣ того, какъ хвостъ 1-го эшелона свернетъ съ шоссе направо. Затѣмъ эшелону слѣдовать лишь съ необходимыми для отдыха людей небольшими остановками до Чурьяка, гдѣ остановиться на привалъ.

Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ—4 баталіона, Австрійскій полкъ—4 баталіона, 2-й и 3-й стрѣлковые баталіоны гвардейской стрѣлковой бригады—2 баталіона, два дивизіона отъ двухъ остальныхъ батарей 3-й гвардейской и гренадерской артилерійской бригады—8 орудій. Всего 10 баталіоновъ и восемь орудій.

14-го декабря выступить черезъ часъ послѣ выступленія хвоста 1-го эшелона и слѣдовать черезъ Потопъ и Елесницу въ Стольникъ, гдѣ и расположиться на почлегѣ.

4) «Общее командованіе надъ первымъ и вторымъ эшелонами возлагается на начальника 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта Каталея.

5) «*Правой колоннѣ*, подъ начальствомъ начальника 31-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта Вельяминова, собравшись 13-го декабря, къ 5-ти часамъ утра, во Врачеши, выступить: пѣхотѣ со всей артилеріею въ $5^1/_2$ часовъ утра (а кавалеріи въ 5 часовъ вечера) и слѣдовать черезъ гору Умургачъ въ д. Жиляву.

1-я бригада 31-й пѣхотной дивизіи—6 баталіоновъ, батарея 31-й артилерійской бригады—8 орудій, 1-я и 2-я бригады гвардейской кавалерійской

дивизіи—16 эскадроновъ. Всего шесть баталіоновъ, восемь пѣшихъ орудій, 16 эскадроновъ, восемь конныхъ орудій.

Колоннѣ идти непрерывно до наступленія темноты, давая людямъ лишь необходимые отдыхи. На ночь расположиться тамъ, гдѣ застанетъ темнота. На другой день колоннѣ выступить въ 4 часа утра и слѣдовать на Жиляву. По приходѣ въ Жиляву, главное назначеніе колонны—составить заслонъ для главной колонны, со стороны Софіи и Кремиковицы; для этого, оставивъ въ Жилявѣ четыре баталіона, четыре орудія и одинъ эскадронъ кавалеріи, выслать къ Чайнику и Яну по одному баталіону при двухъ орудіяхъ, а всю кавалерію и всю конную артиллерію выслать впередъ, возложивъ на нее наблюденіе за Софіей, софійско-филиппопольскимъ шоссе и выходами изъ горъ у Кремиковицы и Сельева (Сеславцы); если же бы оказалось, что турки удерживаютъ выходъ изъ ущелья у дер. Елесницы и тѣмъ заслоняютъ дебушированіе главной колонны, то слѣдуетъ отдѣлить часть пѣхоты съ артиллеріею и кавалеріею для дѣйствія въ тылъ турецкимъ войскамъ, занимающимъ Елесницу.

6) «По выходѣ въ софійскую долину, Астраханскому драгунскому полку слѣдовать немедленно черезъ Іенихано въ Тырново и наблюдать шоссе въ Ихтиманъ, на софійско-филиппопольскомъ шоссе. На Кавказскую казачью бригаду возлагается обязанность очистить отъ турецкихъ партій всю мѣстность къ югу отъ шоссе и расположиться на ночлегъ въ деревнѣ Коджа.

7) «*Отдѣльной этропольской колоннѣ*, подъ начальствомъ генералъ-маіора Дандевиля, выступить изъ Этрополя въ 6 часовъ утра, 13-го декабря, и слѣдовать по дорогѣ въ Буново черезъ гору Бабу.

2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи—6 баталіоновъ. Воронежскій пѣхотный полкъ—3 баталіона, одна батарея 31-й артиллерійской бригады—8 орудій.

Взойдя на перевалъ, состоящей при этой колоннѣ кавалеріи спуститься въ Буново и выслать немедленно сильные разъѣзды въ Дольніе-Комарцы и по дорогѣ въ Златицу, и разрушить телеграфъ, находящійся какъ на этой дорогѣ, такъ и на дорогѣ изъ Дольнихъ-Комарцовъ въ Петричево.

Екатеринославскій драгунскій полкъ—4 эскадрона, двѣ сотни сводной донской казачьей бригады, четыре конныхъ орудія донской казачьей № 19-го батареи, два орудія конной № 16-го батареи. Всего девять баталіоновъ, восемь пѣшихъ орудій, шесть эскадроновъ и сотенъ и шесть конныхъ орудій.

«Пѣхотѣ же съ пѣшей и конной артиллеріею дѣйствовать съ утра 14-го декабря во флангъ и тылъ турецкой позиціи у Шандорника Главное назначеніе колонны—демонстраціями противъ праваго флан-

га турокъ привлечь ихъ вниманіе въ ту сторону и тѣмъ облегчить дѣйствія главной колонны. Въ случаѣ же отступленія турецкихъ войскъ на Петричево, энергичнымъ преслѣдованіемъ, по возможности, разстроить отступающія войска.

8) «*Отрядамъ* генералъ-адъютанта графа Шувалова, Его Высочества принца Ольденбургскаго и свиты Его Величества генералъ-маіора Брока оставаться на занимаемыхъ ими позиціяхъ, и зорко слѣдить за непріятелемъ, причемъ, въ случаѣ отступленія непріятеля, немедленно перейти въ наступленіе, занять очищаемыя позиціи и тѣснить непріятеля по пятамъ.

9) «*Отряду* генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера оставаться на позиціяхъ у Врачеши и Скривена и наблюдать за непріятелемъ, занимающимъ лютиковскую позицію и составлять заслонъ противъ этой позиціи.

Три полка 5-й пѣхотной дивизіи—9 баталіоновъ, четыре батареи 5-й артиллерійской бригады—32 орудія, 3-я бригада 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи—7 эскадроновъ, 6 конныхъ орудій. Всего девять баталіоновъ, 32 пѣшихъ орудія, семь эскадроновъ и шесть конныхъ орудій.

10) «Общее командованіе надъ отрядами Его Высочества принца Ольденбургскаго, генералъ-адъютанта графа Шувалова и генералъ-лейтенанта Шильдеръ-Шульднера возлагается на командира 9-го корпуса, генералъ-лейтенанта барона Криденера. Въ случаѣ, если бы движеніе нашихъ войскъ побудило турокъ очистить лютиковскую позицію, то, отдѣливъ для занятія очищенной лютиковской позиціи одинъ полкъ и одну батарею, остальные два полка со всею кавалеріею и артиллеріею двинуть по шоссе къ позиціи, занимаемой отрядомъ генералъ-адъютанта графа Шувалова.

11) «Санитарныя средства отряда распредѣлить слѣдующимъ образомъ:

а) «Всему наличному персоналу дивизіоннаго лазарета 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостѣ авангарда главныхъ силъ на Чурьякъ и Елесницу [1]; б) половинѣ персонала дивизіоннаго лазарета 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостѣ правой колонны генерала Вельяминова; в) другой половинѣ дивизіоннаго лазарета 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи оставаться при отрядѣ генералъ-адъютанта графа Шувалова; г) санитарному персоналу 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи слѣдовать въ хвостѣ перваго и втораго эшелоновъ главной колонны на Чурьякъ и Елесницу; д) ле-

---

[1] Елешница.

тучимъ отрядамъ «Краснаго Креста» слѣдовать въ хвостѣ колоннъ генераловъ Вельяминова и Дандевиля. По выходѣ въ долину Софіи устроить перевязочные пункты въ Жилявѣ и Елесницѣ.

12) «Я буду находиться въ началѣ движенія въ головѣ 1-го эшелона главной колонны, по выходѣ же въ долину Софіи въ деревнѣ Стольникъ». Подписалъ: Начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ *Гурко*.

Согласно этой диспозиціи, войска были раздѣлены на восемь отрядовъ, изъ которыхъ четыре отряда оставались на мѣстѣ, какъ заслоны, а остальные четыре должны были двинуться черезъ горы.

Всего въ дѣйствіяхъ должны были принять участіе: 81½ батальоновъ, 48 эскадроновъ и сотенъ, 166 пѣшихъ и конныхъ орудій; изъ нихъ оставались на позиціяхъ: 34½ баталіона, 92 орудія и 10 эскадроновъ и сотенъ, а переваливали черезъ горы 47 баталіоновъ, 74 орудія и 38 эскадроновъ и сотенъ [1].

Дѣйствія должны были разыграться на пространствѣ около 40 верстъ, считая отъ Умургача до Златицы.

IV.

Движеніе авангарда и главныхъ силъ.

Авангарду, состоявшему изъ 13-ти баталіоновъ, 16-ти пѣшихъ орудій, 11-ти сотенъ и четырехъ конныхъ орудій, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рауха, предписано было, собравшись во Врачеши къ 5-ти часамъ утра 13-го декабря, выступить въ 5½ час. утра и слѣдовать въ Чурьякъ. Привалъ былъ назначенъ на софійскомъ шоссе, у начала подъема до 11-ти часовъ утра, когда должно было начаться движеніе въ горы.

На другой день, 14-го декабря, авангарду предписано было выступить въ 4 часа утра и слѣдовать черезъ Потопъ, Елешницу и Стольникъ на софійское шоссе, откуда, сдѣлавши поворотъ налѣво, идти на такъ называемую позицію у Малины, гдѣ остановиться и

---

[1] Всего въ отрядѣ состояло: 84½ бат., 261 пѣх. ор., 56 эск. и сот. и 51 кон. ор.; изъ нихъ переходили горы 41¼ бат., 74 ор. и 38 эск., а въ заслонныхъ были—34¾ б. 92 ор. и 10 эск.; ко дню перехода не прибылъ 19-й Костромской полкъ; 152 ор. оставались въ паркѣ у Лажени. а саперный бат. и одинъ эск. 3-й бр. 2-й гв. кав. див. и семь сотенъ свободной казачьей бригады не вошли въ диспозицію отъ 11-го декабря. Кромѣ того, въ отрядѣ г. Вельяминова было не 6 бат., какъ сказано въ диспозиціи, а 5, одинъ же остался въ тылу, такъ что переходило 44¾ бат. (3-я стр. рота Великолуцкаго полка не переходила горы, а была въ златицкомъ отрядѣ).

построить боевой порядокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось, что, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, деревни Потопъ и Елешница заняты турецкою пѣхотою, силою отъ 500 до 800 человѣкъ, и что между деревнями Чурьякомъ и Потопомъ отходитъ влѣво ущелье, по которому идетъ дорога въ Софійскую долину. На дорогу эту предписывалось выставить въ видѣ заслона полкъ 31-й пѣхотной дивизіи съ четырьмя 4-хъ-фунтовыми орудіями и одною сотнею казаковъ. Сверхъ того, на Кавказскую казачью бригаду возлагалась обязанность очистить отъ турецкихъ партій всю мѣстность къ югу отъ шоссе (вѣроятно, софійскаго) и расположиться на ночлегъ въ д. Коджи.

Во исполненіе этихъ требованій, начальникомъ авангарда сдѣланы были частныя распоряженія. Войскамъ, входившимъ въ составъ авангарда, велѣно было вытянуться къ $5^1/_2$ часамъ утра 13-го декабря по софійскому шоссе у д. Врачеша и двигаться въ слѣдующемъ порядкѣ: 2-я и 3-я кубанскія сотни Кавказской казачьей бригады, Козловскій пѣхотный полкъ съ четырьмя орудіями 3-й артиллерійской бригады и четырьмя конными орудіями[1]; при этомъ Козловскому полку приказано было выдѣлить въ голову колонны, за сотнями, въ видѣ авангарда, одну стрѣлковую роту, а остальныя 14 ротъ употребить для содѣйствія движенію артиллеріи, для чего ко всѣмъ восьми зарядньмъ ящикамъ и четыремъ пѣшимъ орудіямъ предписывалось назначить по одной ротѣ, а къ четыремъ коннымъ орудіямъ по полуротѣ. Отъ каждой роты выдѣлить команды въ 40 человѣкъ для непосредственнаго содѣйствія артиллеріи, причемъ половина людей должна была работать, а половина—нести ружья товарищей. За Козловскимъ полкомъ приказано было двигаться 1-му и 4-му гвардейскимъ стрѣлковымъ баталіонамъ съ 1-й батареей лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, а затѣмъ долженъ быль слѣдовать лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ съ 3-й и 6-й батареями той же артиллерійской бригады и, наконецъ, въ хвостѣ колонны девять сотенъ казаковъ, за которыми слѣдовали вьюки. По приходѣ на драгунскій бивакъ сдѣлать привалъ до 11-ти часовъ утра, причемъ людямъ произвести варку и раздать по чаркѣ водки. Во время движенія ближайшіе начальники должны были строго наблюдать, чтобы части ихъ не растягивались, для чего, между прочимъ, въ хвостѣ каждой роты оставлены были фельдфебеля, которымъ предписано было со всей энергіей подгонять отстающихъ и слѣдить, чтобы роты двигались, такъ сказать ящиками. Послѣ перехода черезъ перевалъ предписано было принять всѣ мѣры

[1] Пузыревскій. «Переходъ и проч.», стр. 79 и Тутолминъ. «Воен. Сбор.». 82—5—40

для скрытности движенія: всякій шумъ и разговоръ должны быть прекращены, а по приходѣ въ Чурьякъ огня не дозволялось разводить ни подъ какимъ видомъ.

На слѣдующій день, 14-го декабря, приказано было продолжать движеніе въ слѣдующемъ порядкѣ: въ 4 часа утра выступить двумъ сотнямъ Кавказской казачьей бригады, за ними Козловскому полку съ четырьмя орудіями 3-й артиллерійской бригады; къ орудіямъ назначить надлежащее число рабочихъ отъ Козловскаго полка. Изъ числа этихъ частей одной сотнѣ, четыремъ орудіямъ и Козловскому полку свернуть между дд. Чурьякомъ и Потопомъ влѣво, по указанію штабсъ-капитана Милорадовича (исполнявшаго обязанности офицера генеральнаго штаба при авангардѣ), другой сотнѣ пріостановиться скрытно и выжидать приближенія передоваго отряда, во главѣ котораго и двигаться далѣе. Вслѣдъ за вышеупомянутыми частями двинуться передовому отряду подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника графа Клейнмихеля въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-й и 4-й стрѣлковые баталіоны, четыре конныхъ орудія и 4-й баталіонъ Преображенскаго полка. За передовымъ отрядомъ слѣдовать главнымъ силамъ, а именно: двумъ баталіонамъ Преображенскаго полка, 1-й батареѣ лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, одному баталіону лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и 3-й батареѣ лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, двумъ баталіонамъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, 6-й батареѣ лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, остальнымъ двумъ баталіонамъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и, наконецъ, девяти сотнямъ Кавказской казачьей бригады. Въ виду важности предстоявшаго движенія, а также трудности перехода черезъ Балканы, генералъ Раухъ отдалъ слѣдующій приказъ по отряду:

«Войска авангарда! Вамъ выпала почетная и славная доля: въ головѣ нашихъ побѣдоносныхъ войскъ, спуститься со снѣжныхъ высотъ Балканскихъ, чтобы поразить врага въ его неприступномъ убѣжищѣ. Нашъ Царь, вся Россія, весь свѣтъ слѣдятъ за вашими подвигами въ борьбѣ съ суровой природой и врагомъ, который укрылся въ недоступныхъ кручахъ, не смѣя помѣряться съ вами силами въ открытомъ полѣ. Пойдемъ же смѣло и бодро впередъ! Еще одно усиліе и, съ Божіею помощью, послѣдняя грозная преграда, подъ защитой которой укрылся непріятель, останется за нами. Я увѣренъ, что ни стужа, ни метель, ни высокія горы, а тѣмъ болѣе непріятель, уже битый вами не одинъ разъ, ничто васъ не остановитъ. И такъ на радость Царя, Россіи и за Христову вѣру, бодро впередъ».

Такимъ образомъ, предполагалось, что войска авангарда, высту-

пивъ изъ Врачеша 13-го декабря, въ 5½ часовъ утра, къ вечеру сосредоточатся въ Чурьякѣ, а на другой день, въ 4 часа утра, двинутся далѣе въ софійскую долину; слѣдовательно, самый переходъ предполагалось совершить въ теченіе одного дня, а въ теченіе двухъ дней надѣялись успѣть выйти на софійское шоссе, и тѣмъ отрѣзать отрядъ Шакира отъ Софіи.

Но послѣдующія событія показали, что разсчеты эти далеко не оправдались.

13-го декабря, въ морозное, туманное утро войска стали собираться на шоссе, морозъ доходилъ до 18°, а въ горахъ—до 20° Р. (1); въ туманной мглѣ исчезали мѣстные предметы и темнота была такъ велика, что части съ величайшимъ трудомъ могли отыскать назначенныя имъ мѣста. Тѣмъ не менѣе до привала у драгунскаго бивака войска дошли безпрепятственно и подъемъ головныхъ частей начался въ назначенное время. Но только что началось движеніе по вновь разработанной дорогѣ, какъ тотчасъ же пошли задержки и остановки, не смотря на то, что дорога была разработана хорошо, причемъ было сдѣлано все возможное для ея улучшенія; путь былъ достаточно уширенъ для прохода артиллеріи (2) и выровненъ, слишкомъ крутые подъемы обдѣланы ступеньками, вдоль пути были разставлены саперы, но тѣмъ не менѣе движеніе артиллеріи оказалось чрезвычайно затруднительнымъ. Протяженіе всего подъема, при значительной крутизнѣ, было около 7—8 верстъ и при томъ вслѣдствіе оттепели, а затѣмъ морозовъ, образовалась гололедица, такъ что при этихъ условіяхъ даже одиночные люди съ палкой въ рукахъ поднимались съ большимъ трудомъ и должны были придерживаться за деревья, кусты, камни; такимъ образомъ, понятно, что движеніе орудій на лошадяхъ становилось совершенно невозможнымъ и ихъ пришлось выпречь при самомъ началѣ подъема. Тогда-то вновь пѣхота обратилась въ рабочую силу и началась та тяжелая, утомительная работа, которую она исполняла уже не впервые со времени вступленія въ предгорья Балканъ. Правда, на этотъ разъ дорога была значительно лучше, чѣмъ тѣ тропинки, по которымъ приходилось поднимать орудія на Шандорникъ, тащить ихъ при обходномъ движеніи правецкой позиціи и въ другихъ случаяхъ, но за то на этотъ разъ прибавилась гололедица, чрезвычайно затруднявшая тягу орудій. Медленно тянулись длинныя вереницы пушекъ и ящиковъ, безпрерывно раздавались ободряющіе

(1) Энкель. «Воен. Сбор.», 81—2—417.
(2) Рапортъ ген. Рауха. «Воен. Сбор.». 78—8—208.

крики офицеровъ и тяжелый грузъ съ величайшими затрудненіями поднимался на нѣсколько шаговъ; среди дикой балканской природы безпрерывно раздавалась лихая русская пѣсня, столь знакомая всему рабочему русскому люду, пѣсня, безъ которой не обходится на обширной Руси ни одна работа, требующая дружныхъ усилій [1]. Затѣмъ слѣдовала остановка, измученные люди переводили духъ; но вновь раздавались крики, вновь хоромъ затягивали люди «разъ, два, три— бери», люди напирали сколько было мочи, но, усталые и изнеможенные, они скользили, падали и орудіе, поднятое на нѣсколько футовъ, катилось назадъ. Тогда спѣшно закрѣпляли лямки за деревья, подкладывали подъ колеса камни и общими усиліями грузъ удерживался на мѣстѣ. Еще бо́льшія трудности выпадали на долю людей, тащившихъ ящики.

Между тѣмъ время бѣжало, день клонился къ вечеру и начало темнѣть; тогда работа сдѣлалась еще затруднительнѣе, тѣмъ болѣе, что, отъ прохода переднихъ орудій, ступеньки, высѣченныя въ ледяной корѣ, покрывавшей полотно дороги, были почти совершенно стерты и пришлось возобновлять ихъ снова.

При этомъ работа, производимая въ темнотѣ, становилась не только затруднительнѣе, но и опаснѣе и, къ сожалѣнію, не обошлось безъ нѣкоторыхъ несчастныхъ случаевъ.

На одномъ крутомъ подъемѣ, узкимъ карнизомъ, поднимавшемся между отвѣсною скалою съ одной стороны и обрывомъ—съ другой, одинъ изъ ящиковъ покатился назадъ. Тянувшіе за концы люди не въ силахъ были удержать его и ящикъ, раскатившись въ сторону, оборвался въ обрывъ. Жертвою этого случая были нижніе чины 1-го стрѣлковаго баталіона, изъ которыхъ одинъ былъ раздавленъ до смерти, а трое получили увѣчья.

Между тѣмъ холодъ становился все сильнѣе и сильнѣе, но костры были строго воспрещены; однакоже, не смотря на это запрещеніе или быть можетъ, по невѣдѣнію или недоразумѣнію, кое гдѣ блеснули огоньки и вскорѣ весь путь слѣдованія колонны авангарда обозначился ярко пылавшими кострами. Тогда явилось опасеніе, что турки могутъ обнаружить обходное движеніе, которое и днемъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога шла по открытымъ, незаросшимъ лѣснымъ кручамъ, было видно изъ-далека, напримѣръ, при помощи бинокля съ позиціи принца Ольденбургскаго подъ Шандорникомъ. Но изъ турецкихъ документовъ не видно, чтобы противники наши замѣтили наше обход-

[1] Хитрово. «Очеркъ дѣйствій батарей л.-гв. 1-й артил. бриг.», стр. 199.

ное движеніе въ это время. Тѣсными кучками окружали измученные люди костры, многіе ложились тутъ же и мгновенно засыпали, но отдыхать было не время: не смотря на цѣлый день, проведенный въ работѣ и на ранній часъ выступленія, нельзя было и думать объ отдыхѣ. Тогда начальники, сами изнемогавшіе отъ усталости, будили людей, призывая ихъ къ работѣ и вновь, среди ночной темноты при слабомъ лунномъ освѣщеніи, продолжалась тяга орудій.

Часу во второмъ ночи, два передовыхъ орудія съ двумя ротами Козловскаго полка достигли, наконецъ, перевала [1], между тѣмъ какъ остальныя части авангарда растянулись по всему подъему, а главныя силы еще не начинали движенія и все еще находились на софійскомъ шоссе. Двѣ сотни казаковъ, шедшія во главѣ авангарда, прибыли въ Чурьякъ 14-го декабря, въ 7 часовъ вечера, а остальныя сотни расположились ночевать по сторонамъ дороги, на склонахъ горъ, по колѣно въ снѣгу [2]. Между тѣмъ, головныя части авангарда медленно, одна за другою достигали перевала; генералъ Гурко, находившійся всю ночь на перевалѣ, не счелъ возможнымъ тотчасъ же спускать ихъ внизъ изъ опасенія несвоевременно открыть движеніе непріятелю и подвергнуть часть авангарда атакѣ противника до сосредоточенія всѣхъ войскъ. Вслѣдствіе этого, передовымъ войскамъ пришлось провести на перевалѣ скрытно весь слѣдующій день и ночь на 15-е декабря. Генералъ Гурко лично приказалъ начальнику штаба авангарда генеральнаго штаба подполковнику Пузыревскому выбрать бивакъ для подходившихъ войскъ. И вотъ среди глубокаго снѣга, войска должны были расположиться въ густомъ буковомъ лѣсу, нѣсколько не доходя до вершины перевала, скрыто за скатомъ его. Подходившія части протоптывали себѣ дорогу къ указаннымъ мѣстамъ и начинали варку пищи, что, однакоже, представляло немало хлопотъ, такъ какъ развести костры изъ толстаго, промерзлаго бука, который былъ при томъ такъ крѣпокъ, что едва поддавался ударамъ тесаковъ, было крайне затруднительно. Вслѣдствіе этого, а также и крайняго утомленія, большинство людей предпочитало отказаться отъ пищи, тѣмъ болѣе, что на приготовленіе ея надо было не менѣе двухъ часовъ.

Ночь съ 14-го на 15-е декабря прошла крайне тревожно: поднялся вѣтеръ, а вскорѣ началась сильнѣйшая метель: костры погасли, мелкій снѣгъ пролѣзалъ повсюду, таялъ на лицѣ и складкахъ

(1) Рапортъ ген. Рауха. «Воен. Сб.», 78—8—209.
(2) Тутолминъ. «Воен. Сб.», 82—5—41 и 42.

платья... Уже двое сутокъ никто не раздѣвался, находясь почти непрерывно въ работѣ и имѣя на себѣ тяжелую одежду и все вооруженіе; плечи ломило отъ тяжести, ноги горѣли отъ наминокъ, холодъ проникалъ насквозь и голодъ давалъ себя сильно чувствовать.

Между тѣмъ, генералъ Гурко еще 14-го декабря спустился въ Чурьякъ и немедленно лично произвелъ развѣдку непріятельскаго расположенія. Къ югу отъ деревни, верстахъ въ двухъ отъ нея, на высотахъ, по сторонамъ ущелья, по которому течетъ ручей, видѣлись турецкіе посты.

Со времени прибытія Преображенскаго полка въ Чурьякъ, т. е. съ разсвѣта 13-го декабря, въ расположеніи этихъ постовъ не было замѣтно никакихъ перемѣнъ, что наводило на мысль, что турки еще не обнаружили нашего обходнаго движенія. Тѣмъ не менѣе, нельзя было разсчитывать, чтобы непріятель долго оставался бездѣятельнымъ свидѣтелемъ обхода его позиціи у Арабъ-конака, а разъ какъ это движеніе было обнаружено, уже не трудно было задержать выходъ нашихъ войскъ изъ Чурьякскаго ущелья въ Софійскую долину, посредствомъ даже небольшаго отряда, если бы ему удалось своевременно занять позицію по сторонамъ этого ущелья; вслѣдствіе этого, генералъ Гурко приказалъ генеральнаго штаба подполковнику Ставровскому, отлично изучившему мѣстность, во время развѣдокъ, произведенныхъ имъ при разработкѣ плана для перехода черезъ Балканы, выбрать направленіе, по которому войска авангарда могли бы выйти изъ Чурьякскаго ущелья въ Софійскую долину.

Озабочиваясь возможно быстрымъ захватомъ высотъ впереди Чурьяка, для обезпеченія безпрепятственнаго выхода войскъ въ Софійскую долину, а также принимая во вниманіе полученныя донесенія, что турки усиливаются передъ Чурьякомъ и въ Потопѣ, генералъ Гурко ночью на 15-е декабря прислалъ генералу Рауху, находившемуся на перевалѣ, приказаніе спуститься внизъ съ тѣми войсками, что́ были подъ рукою, и выслать впередъ Кавказскую казачью бригаду. Получивъ это приказаніе, генералъ Раухъ выдвинулъ впередъ казаковъ, а за ними Козловскій пѣхотный полкъ съ донскою № 8-го батареей. Между тѣмъ, подъемъ остальныхъ частей авангарда все еще продолжался и только къ полудню 15-го декабря сосредоточились на перевалѣ 1-й и 4-й гвардейскіе стрѣлковые баталіоны, а лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ—къ вечеру того же дня [1].

Такимъ образомъ, спускъ съ горъ пришлось совершить поспѣш-

---

[1] Рапортъ ген. Рауха. «Воен. Сб.», 78—8—209.

нѣе и въ то же время въ видахъ скрытности — ночью. Исполнить эту работу было также трудно, какъ и подымать орудія на перевалъ, но, сверхъ того, работа эта была гораздо опаснѣе. Къ этому необходимо добавить, что спускъ былъ разработанъ далеко не такъ тщательно, какъ подъемъ, по причинамъ, уже изложеннымъ выше. Наконецъ, при спускѣ орудій необходимо было соблюдать особенную осторожность, строжайшій разсчетъ движенія, во избѣжаніе столкновенія частей артиллеріи, тянувшихся одна за другой. Но и на этомъ еще не кончались всѣ затрудненія, встрѣченныя войсками при совершеніи спуска. Чрезвычайная крутизна и скользкость пути лишали людей какой бы то ни было опоры и потому они только съ величайшимъ трудомъ могли сдерживать орудія и управлять ихъ движеніемъ. Орудія исключительно спускались на канатахъ и лямкахъ, которые обматывались вокругъ придорожныхъ пней, камней и кустовъ и вытравливались подобно якорямъ; такимъ образомъ орудія спускались послѣдовательно отъ вершины Балканъ до дна Чурьякскаго ущелья. Но не вездѣ могла производиться работа такимъ образомъ; мѣстами, покрытые ледяною корою крутые скаты, на значительномъ протяженіи не представляли точекъ опоры и здѣсь то начиналась работа, преисполненная не только величайшими трудностями, но и опасностями. Затормозивъ колеса, рабочіе, упираясь ногами, сдерживали артиллерію на канатахъ и управляли движеніемъ ея съ помощью дышелъ. Но иногда люди, выбившись изъ силъ и скользя на обледенѣлыхъ кручахъ, падали и выпускали изъ рукъ канаты: тогда грузъ быстро устремлялся внизъ, увлекая за собою людей, находившихся у дышла. Жизнь человѣческая при этомъ висѣла на волоскѣ; всякій неудержавшійся на дышлахъ и попавшій подъ колеса, погибалъ неизбѣжно, что и случилось при спускѣ одного изъ ящиковъ. Толпа, державшаяся за канатъ, упустивъ его, упала, и ящикъ съ громадной высоты покатился внизъ. Стрѣлокъ баталіона Его Величества, находившійся у дышла, не успѣлъ отскочить и повисъ на немъ. Въ начавшейся продолжительной борьбѣ съ опасностью, онъ проявилъ необычайное присутствіе духа, силу и ловкость. Уцѣпившись руками и ногами за дышло, онъ постепенно передвигался къ вагѣ во время движенія ящика, мчавшагося съ величайшею быстротою. Ему оставалось вызвать въ себѣ послѣднее усиліе, и онъ былъ бы спасенъ: ящикъ уже приближался къ гладкой площадкѣ, но вотъ одно изъ переднихъ колесъ наскочило на камень, передокъ сильно покачнулся—стрѣлокъ оборвался и упалъ подъ колеса.

Для ускоренія движенія генералъ Гурко приказалъ саперамъ

проложить рядомъ съ разработаннымъ уже спускомъ еще другой: этотъ послѣдній пролегалъ по глубокому снѣгу, что, впрочемъ, составляло значительное удобство, такъ какъ люди легче находили опору для ногъ. Работа эта была исполнена 17-го декабря 2-ю ротой, подъ руководствомъ полковника Скалона ([1]).

Медленно производился спускъ артиллеріи въ Чурьякское ущелье, одно за другимъ спускались орудія, а между тѣмъ генералъ Гурко торопилъ движеніе авангарда, присылая къ генералу Рауху одного гонца за другимъ съ приказаніемъ спѣшить въ Чурьякъ. Генералъ Раухъ, наблюдавшій за спускомъ войскъ, наконецъ, опередилъ ихъ, и около полудня 15-го декабря прибылъ со штабомъ въ Чурьякъ, впереди котораго въ это время генералъ Гурко производилъ вмѣстѣ съ генеральнаго штаба подполковникомъ Ставровскимъ развѣдку непріятельскаго расположенія, подъ ружейными выстрѣлами турокъ. Вернувшись въ Чурьякъ, начальникъ отряда лично объяснилъ генералу Рауху планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Рѣшено было: преображенцевъ двинуть впередъ для атаки турокъ, находившихся прямо передъ ущельемъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно изгибается и дѣлаетъ поворотъ на юго-востокъ; Кавказской казачьей бригадѣ съ батареей и Козловскому полку слѣдовать за Преображенскимъ полкомъ. По сбитіи турокъ преображенцами, козловцы должны были повернуть по ущелью на право и занять дд. Елешницу и Потопъ, а казаки выйти въ долину по шоссе и, наконецъ, заслономъ къ сторонѣ Горнихъ-Комарцевъ была выдвинута одна рота козловцевъ ([2]).

Итакъ, рѣшено было головныя части авангарда бросить впередъ для захвата выхода изъ Чурьякскаго ущелья въ Софійскую долину; оставалось сдѣлать еще одно усиліе и послѣдніе уступы южнаго склона Балканъ были бы пройдены нами. Между тѣмъ, остальныя части авангарда и главныхъ силъ тянулись еще черезъ горы, а большая часть главныхъ силъ еще и не начинала подъема; о судьбѣ колоннъ Вельяминова и Дандевиля не имѣлось никакихъ свѣдѣній.

Оставимъ на время авангардъ генерала Рауха и посмотримъ, что дѣлалось у нашихъ противниковъ.

Со времени вступленія Шакира въ командованіе комарційскою арміей, турки пасивно оставались на своей укрѣпленной позиціи, не предпринимая никакихъ наступательныхъ дѣйствій и ограничиваясь противодѣйствіемъ нашимъ предпріятіямъ, причемъ пытались мѣшать

([1]) Ренгартенъ, стр. 131.

([2]) Рапортъ ген. Рауха. «Воен. Сбор.», 78—8—210.

своимъ артиллерійскимъ огнемъ нашимъ землянымъ работамъ, или отвѣчали на канонаду нашихъ орудій артиллерійскимъ огнемъ. Въ организаціи арміи послѣдовала перемѣна: еще Мехмедъ-Али раздѣлилъ ее на три дивизіи: Реджиба, Шакира и Бекера. Въ первыхъ двухъ дивизіяхъ было по 17-ти баталіоновъ, составлявшихъ двѣ бригады по семи баталіоновъ и одинъ резервный полкъ, составъ же дивизіи Бекера неизвѣстенъ. Въ виду ожидавшагося паденія Плевны, Шакиръ былъ того мнѣнія, что всѣ турецкія войска изъ-подъ Арабъконака, Виддина и отъ сербской границы должны были быть сосредоточены вокругъ Адріанополя, не ожидая перехода въ наступленіе превосходныхъ русскихъ силъ, которыя должны были освободиться, вслѣдствіе паденія Плевны; мнѣніе это Шакиръ сообщилъ Сулейману, но этотъ паша считалъ необходимымъ оборонять всю линію Балкановъ и, кромѣ того, занять еще позицію къ западу отъ Софіи, для задержанія сербской арміи.

Извѣстіе о паденіи Плевны Шакиръ приказалъ сохранить въ тайнѣ, стараясь, сколько возможно, поддержать нравственное настроеніе войскъ. 29-го ноября, послѣ полудня, изъ Гюльдизъ-табія на Шандорникѣ слышны были на русской позиціи громкіе и радостные крики и, несмотря на принятыя мѣры, черезъ два дня извѣстіе о плѣненіи плевненской арміи распространилось уже по всему отряду Шакира.

По полученіи извѣстія о паденіи Плевны, Шакиръ уже не сомнѣвался въ томъ, что русскіе, получивъ подкрѣпленія, двинутся впередъ, для перехода черезъ горы.

Въ первыхъ числахъ декабря, турки стали замѣчать, что русскіе распространили свой правый флангъ къ Чурьяку, причемъ отъ эскадрона, стоявшаго въ Елешницѣ, было получено донесеніе, что въ Чурьякѣ была замѣчена пѣхота и конница [1]. Свѣдѣніе это было несовсѣмъ вѣрно, такъ какъ въ это время въ Чурьякѣ были только незначительныя части нашей конницы, а именно: $^{1}/_{2}$ эскадрона лейбъгвардіи Уланскаго и одинъ эскадронъ Астраханскаго драгунскаго полковъ. Сверхъ того, Шакиръ получилъ свѣдѣніе, что мы возводимъ на высотахъ у Чурьяка значительныя укрѣпленія, что было тоже совершенно невѣрно. Для провѣрки этихъ свѣдѣній Шакиръ разрѣшилъ Бекеру-пашѣ произвести къ сторонѣ Чурьяка развѣдку, которая и состоялась 12-го декабря утромъ.

Въ этотъ день Бекеръ отправился съ однимъ эскадрономъ черезъ

---

[1] Бекеръ. «Воен. Сбор.», 80—4—435.

Ташкисенъ къ Елешницѣ, гдѣ стояли четыре арабскихъ эскадрона и, отправивъ ихъ на высоты восточнѣе Потопа, со своимъ эскадрономъ двинулся въ эту деревню. Здѣсь онъ взялъ подъ свое начальство двѣ роты изъ расположеннаго тутъ баталіона мустахфизовъ и приказалъ имъ занять горный отрогъ, возвышавшійся верстахъ въ двухъ направо отъ дороги между Потопомъ и Чурьякомъ; арабская конница была направлена еще правѣе по тропинкѣ, спускавшейся къ Чурьяку.

Наша конница, занимавшая въ этотъ день Чурьякъ, а именно, ½ эскадрона лейбъ-гвардіи Уланскаго полка и одинъ эскадронъ астраханскихъ драгунъ, встрѣтили турокъ, развернувшихся въ ущельѣ и завязавшихъ огнестрѣльный бой съ дальняго разстоянія, частью въ пѣшемъ, а частью въ конномъ строю, и оттѣснили ихъ назадъ (¹). Изъ наблюденій, сдѣланныхъ во время этой развѣдки, Бекеръ пришелъ къ заключенію, что Чурьякъ занятъ баталіономъ пѣхоты и казачьимъ полкомъ, и приказалъ баталіону, стоявшему въ Потопѣ, занять и укрѣпить позицію на отрогѣ, на которомъ была расположена турецкая пѣхота во время развѣдки, а арабской конницѣ поручилъ ежедневно посылать разъѣзды къ Чурьяку для наблюденія за тѣмъ, будутъ ли прибывать въ эту деревню подкрѣпленія.

Выслушавъ докладъ Бекера о результатахъ произведенной развѣдки, Шакиръ счелъ необходимымъ назначить значительныя силы, чтобы вытѣснить русскихъ изъ Чурьяка и просилъ Сулеймана прислать ему для этого войска изъ Софіи, но получилъ отказъ. 13-го декабря утромъ Шакиръ, Реджибъ и Бекеръ отправились на крайній лѣвый флангъ турецкаго расположенія на позицію, занятую полкомъ Ахмедъ-бея, съ цѣлью изслѣдовать бивакъ русскихъ войскъ, расположившихся у вновь возведенной батареи, на крайнемъ правомъ флангѣ нашихъ позицій. Присутствіе русскихъ орудій на этой высотѣ заставило турокъ призадуматься надъ тѣмъ, по какой дорогѣ мы могли провезти туда пушки, причемъ, по мнѣнію Бекера, было возможно лишь одно предположеніе, что русскіе разработали тропинку изъ Орханіэ въ Чурьякъ.

Такимъ образомъ мысль о возможности обхода турецкой позиціи движеніемъ на Чурьякъ появилась у турокъ въ то время, когда этотъ обходъ уже начался. Трудно сказать, которую изъ нашихъ батарей рекогносцировали турки 13-го декабря, но изъ предъидущаго разсказа читатель знаетъ, что 13-го декабря утромъ наши войска

(¹) Пузыревскій. «Переходъ и проч.», стр. 86.

только еще начали подъемъ и, слѣдовательно, орудія и войска, обнаруженныя турками, были не изъ числа тѣхъ, которыя прошли по разработанной преображенцами дорогѣ на Чурьякъ.

11-го декабря Шакиръ получилъ изъ Лютикова черезъ Софію депешу, что три русскія дивизіи вошли въ орханійскій проходъ изъ Плевны(¹). Свѣдѣніе это было совершенно вѣрное—это были: 3-я гвардейская, 5-я и 31-я пѣхотная дивизіи. Получивъ эту депешу, Шакиръ направилъ къ Негашеву для наблюденія за мѣстностью между Ташкисеномъ и Чурьякомъ шесть эскадроновъ.

Такимъ образомъ, несмотря на рядъ свѣдѣній, указывавшихъ, что русскіе получивъ значительныя подкрѣпленія и, повидимому, что-то затѣваютъ близъ Чурьяка, Шакиръ не принялъ никакихъ мѣръ для тщательнаго осмотра мѣстности къ сѣверу отъ этой деревни, между тѣмъ какъ посылка въ горы одиночныхъ людей, особенно въ болгарскомъ платьѣ, не представляла никакихъ затрудненій. Вслѣдствіе этого, въ то время, какъ наши войска уже два дня подымались по дорогѣ на Чурьякъ, а Преображенскій полкъ и гвардейскій саперный баталіонъ уже два дня находились въ Чурьякѣ, турки ничего этого не подозрѣвали и ограничились высылкой конницы, которая въ горахъ собственно и не могла исполнить должнымъ образомъ развѣдку, а тѣмъ болѣе не могла задержать выхода нашихъ войскъ въ софійскую долину.

V.

Движеніе черезъ Балканы главныхъ силъ.

Ночь съ 12-го на 13-е декабря части, входившія въ составъ главныхъ силъ, почти не спали, занимаясь приготовленіями къ переходу. Вслѣдствіе большаго скопленія войскъ въ Орханіэ и въ деревняхъ орханійской котловины, люди были размѣщены по домамъ, сараямъ и другимъ постройкамъ, и потому сборъ людей въ темную ночь и выстраиваніе въ походныя колонны представляли не малыя затрудненія. Фельдфебеля и горнисты всю ночь ходили по улицамъ, собирая людей къ своимъ частямъ и десятки разъ раздавались въ темнотѣ одни и тѣ же знакомые сигналы.

Въ добавокъ къ темнотѣ, густой туманъ застилалъ окрестности, такъ что даже огни были видны только съ самаго близкаго разстоя-

(¹) Бекеръ. «Воен. Сбор.», 80—1—438.

нія. Дорога во Врачешъ, на которой строились войска, была до того скользка, что люди, лошади и ослы едва держались на ногахъ; наконецъ, 18—20 градусный морозъ давалъ себя сильно чувствовать (1).

Главныя силы были раздѣлены на два эшелона. Первый, подъ начальствомъ генералъ-маіора Курлова, состоялъ изъ лейбъ-гвардіи Волынскаго и С.-Петербургскаго гренадерскаго полковъ, 16-ти орудій 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады, Астраханскаго драгунскаго полка и одной сотни Кавказской казачьей бригады, всего восемь баталіоновъ, 16 пѣшихъ орудій, четыре эскадрона и одна сотня.

Второй эшелонъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Философова, состоялъ изъ Литовскаго и Кексгольмскаго полковъ, 2-го и 3-го баталіоновъ гвардейской стрѣлковой бригады и двухъ батарей 3-й гвардейской и гренадерской артиллерійской бригады, всего 10 баталіоновъ и восемь полевыхъ орудій.

Первый эшелонъ долженъ былъ собраться 13-го декабря, въ 5½ часовъ утра во Врачешѣ, оттуда выступить въ 7 часовъ утра и слѣдовать къ бивaку Астраханскаго драгунскаго полка, гдѣ къ эшелону долженъ былъ присоединиться этотъ полкъ. На этомъ мѣстѣ эшелону предписано было сдѣлать привалъ и начать подъемъ черезъ полчаса послѣ того, какъ хвостъ авангарда свернетъ съ шоссе въ горы.

Второму эшелону приказано было 13-го декабря собраться во Врачешѣ къ 8-ми часамъ утра и выступить изъ этой деревни тогда, когда получится свѣдѣніе, что хвостъ авангарда свернулъ съ софійскаго шоссе на подъемъ. Придя на бивакъ Астраханскаго полка, эшелону собраться на привалѣ и начать подъемъ черезъ полчаса послѣ того, какъ хвостъ 1-го эшелона свернетъ съ шоссе на право.

Обоимъ эшелонамъ предписано было слѣдовать въ Чурьякъ только съ небольшими остановками, необходимыми для отдыха людей.

14-го декабря приказано было обоимъ эшелонамъ выступить изъ Чурьяка, 1-му—въ 6 часовъ утра, а 2-му—черезъ часъ послѣ выступленія хвоста 1-го эшелона, и слѣдовать 1-му на Рожданіэ, или прямо черезъ Потопъ, или черезъ Потопъ и Елешницу, а 2-му идти въ Стольникъ черезъ Потопъ и Елешницу. Кромѣ того, пунктомъ шестымъ диспозиціи отъ 11-го декабря предписано было Астраханскому драгунскому полку по выходѣ въ Софійскую долину слѣдовать немедленно черезъ Іени-ханъ въ Тырново и наблюдать шоссе изъ Софіи въ Ихтиманъ.

(1) Энкель. «Воен. Сбор.», 81—2—417; у Федотова, «Исторія Спб. грен. полка», стр. 212, показано 16°.

Между тѣмъ какъ войска 1-го эшелона, вполнѣ готовыя къ движенію, стояли у того мѣста, гдѣ дорога изъ Врачеша выходитъ на шоссе, мимо нихъ еще проходили части авангарда, Козловскій полкъ, артилерія, и только въ 10-мъ часу утра могла тронуться голова колонны генерала Курлова. Въ это время поднялся туманъ, показалось яркое зимнее солнце и холодъ сразу значительно уменьшился. Колонна вошла въ Арабъ-конакское ущелье, но у драгунскаго бивака должна была остановиться, такъ какъ авангардъ генерала Рауха еще не весь втянулся на подъемъ. Въ виду продолжительной остановки войскамъ эшелона генерала Курлова было разрѣшено варить пищу и на этомъ же мѣстѣ колонна осталась ночевать ([1]). Эшелонъ генерала Философова остался во Врачешѣ. Къ вечеру 13-го декабря подулъ сильный вѣтеръ съ оттепелью, еще болѣе увеличивавшій гололедицу.

Утромъ 14-го числа еще болѣе чѣмъ половина авангарда не начинала подъема; такимъ образомъ, войска генерала Курлова оставались на мѣстѣ и въ виду того, что ущелье, гдѣ начинается подъемъ въ горы, было болѣе закрыто отъ сквознаго вѣтра, господствовавшаго на драгунскомъ бивакѣ, генералъ Каталей перевелъ сюда бивакъ эшелона генерала Курлова, а колонна генерала Философова была изъ Врачеша передвинута къ драгунскому биваку. 15-го декабря хвостъ авангарда все еще толпился часовъ до 3-хъ пополудни въ ущельѣ, оставаясь такимъ образомъ, болѣе двухъ сутокъ на мѣстѣ и только тогда начался подъемъ 1-го эшелона, происходившій при тѣхъ же затруднительныхъ условіяхъ и съ такимъ же распредѣленіемъ пѣхоты и артилеріи, какъ и подъемъ авангарда и потребовавшій такихъ же гигантскихъ усилій отъ всѣхъ участниковъ этого перехода. Къ вечеру 15-го декабря поднялась до перевала голова колонны генерала Курлова и здѣсь войска были остановлены, такъ какъ совершеніе спуска въ темную ночь и во время поднявшейся метели было признано невозможнымъ. Съ разсвѣтомъ 16-го декабря начался спускъ съ перевала, который затруднялся еще тѣмъ, что въ это время еще не были спущены одна батарея и ящики другой батареи изъ авангарда. Работа эта была окончена только 18-го декабря вечеромъ ([2]), такъ что на спускъ артилеріи авангарда и двухъ эшелоновъ главныхъ силъ, всего 44-хъ орудій, потребовалось почти четверо сутокъ; длина спуска была всего около трехъ верстъ. Такимъ образомъ, вмѣсто 13-го декабря войска собрались на южномъ склонѣ горъ только 18-го вечеромъ.

([1]) Федотовъ, стр. 124.
([2]) Федотовъ, стр. 226.

Послѣ перехода черезъ горы и послѣ всѣхъ перенесенныхъ трудовъ большинство людей не имѣли ни необходимаго отдыха, ни достаточной пищи. Занятыя селенія были въ большинствѣ не велики и не могли дать пріюта всѣмъ войскамъ, а потому многимъ людямъ пришлось располагаться бивакомъ на дворахъ. Но кромѣ того, что приходилось оставаться на открытомъ воздухѣ при сильномъ морозѣ, люди еще испытывали величайшія лишенія, не имѣя достаточнаго продовольствія. Правда, мясо имѣлось почти вездѣ и у всѣхъ въ изобиліи, но затѣмъ, кромѣ мяса, люди ничего не имѣли: ни хлѣба, ни сухарей, такъ какъ сухарный запасъ, взятый съ собой въ горы, истощился давно. Неся въ теченіе нѣсколькихъ дней огромный трудъ при перетаскиваніи артиллеріи черезъ горы, люди во время этого перехода не могли ограничиться фунтовой дачею сухарей, такъ что уже 17-го и 18-го декабря многіе не имѣли сухарей и должны были довольствоваться однимъ мясомъ. Къ этому необходимо добавить, что въ войскахъ ощущался недостатокъ соли, а въ нѣкоторыхъ частяхъ ея и совсѣмъ не было [1].

Генеральнаго штаба подполковникъ Епанчинъ.

(Продолженіе будетъ).

---

[1] Федотовъ, стр. 227

НРАВСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ ВЪ РУКАХЪ СУВОРОВА.

Въ статьѣ нашей «Нравственный элементъ въ рукахъ опытнаго начальника» («Военный Сборникъ» 1888 года, № 12-й) мы сдѣлали первый опытъ изслѣдованія вопросовъ пользованія нравственнымъ элементомъ на войнѣ и для этого выбрали матеріаломъ небольшой эпизодъ—Ахалъ-текинскую экспедицію, веденную М. Д. Скобелевымъ. Но детальная разработка подобныхъ, весьма важныхъ и обширныхъ вопросовъ, съ цѣлью дать возможность придти къ болѣе или менѣе правильнымъ выводамъ и къ установленію хотя бы главныхъ основныхъ принциповъ, конечно, не ограничивается изученіемъ одного небольшаго эпизода. Подобные вопросы требуютъ обширныхъ матеріаловъ и серьезной разработки, которая не всегда и подъ силу одному человѣку.

Изыскивая достаточно обширный матеріалъ, конечно, не исключая его солидности, невольно приходится остановиться на дѣятельности Суворова. Его дѣятельность можетъ дать самый богатый матеріалъ, съ одной стороны, потому что онъ былъ великій, геніальный русскій полководецъ, а съ другой стороны—потому, что не всѣ иностранцы признаютъ его за великаго полководца. Въ прошлой статьѣ нашей мы упоминали уже, что военно-историческія изслѣдованія весьма мало разработываютъ проявленія нравственнаго элемента. Обращаясь же къ извѣстной формулѣ Наполеона, что на войнѣ $^3/_4$ нужно отнести къ нравственному элементу и $^1/_4$ ко всему остальному, приходится придти къ заключенію, что военная исторія, въ большинствѣ случаевъ, детально разработываетъ и разъясняетъ только четвертую составную часть всѣхъ явленій на войнѣ. Происходитъ это отъ того, какъ мы уже высказали, что нравственная сторона и въ дѣлѣ обученія войскъ, и ихъ воспитанія, и въ дѣлѣ единенія войскъ со своимъ начальникомъ, и въ дѣлѣ воздѣйствія начальника на свои войска, въ большинствѣ случаевъ, остается невидимою, такъ какъ составляетъ не казовую, а внутреннюю сторону дѣятельности и жизни войскъ. Въ другихъ же случаяхъ она проявляется въ видѣ отдѣль-

ныхъ эпизодовъ, имѣвшихъ наибольшее значеніе именно въ данную минуту, а потому опять-таки ускользаетъ отъ безстрастнаго изслѣдователя. Кромѣ того, иностранцу весьма трудно разбирать нравственные вопросы при изслѣдованіи дѣятельности чужой арміи, такъ какъ эти вопросы имѣютъ настолько тѣсную связь съ національными особенностями армій, что нужно самому весьма близко изучить и знать извѣстную національность, чтобы дѣлать выводы и подмѣчать значеніе всякой мѣры въ смыслѣ нравственнаго воздѣйствія на войска этой національности. Потому-то большинство иностранцевъ и не могли оцѣнить дѣятельности Суворова, такъ какъ у него эти $^3/_4$ были настолько полны и содержательны, что въ нихъ-то и была вся суть дѣла.

Дѣйствительно, большинство иностранцевъ относили успѣхи нашего великаго полководца или къ слѣпому счастью, или къ столь неразумному упрямству въ достиженіи намѣченной цѣли, при которомъ уже не принимались во вниманіе размѣры кровопролитія. Тѣ же изъ иностранцевъ, которые, какъ, напримѣръ, Дюбокажъ, имѣли возможность хоть сколько нибудь ознакомиться съ бытовою стороною нашихъ войскъ, вполнѣ увѣровали въ геніальность Суворова и восхищаются его дѣятельностью, оцѣнивая ее по заслугамъ.

Вотъ почему намъ особенно важно детально разобрать спеціально съ этой точки зрѣнія дѣятельность этого великаго человѣка; къ тому же эта дѣятельность можетъ дать намъ возможность указать на средства пользованія нравственнымъ элементомъ не только въ военное время, но и въ мирное, т. е. въ дѣлѣ обученія и воспитанія войскъ. Это же мы считаемъ еще болѣе важнымъ въ настоящее время.

Прежде, когда войны были сравнительно чаще и когда служба солдата продолжалась не менѣе 25-ти лѣтъ, не трудно было дать людямъ боевое воспитаніе и поддерживать въ части боевыя традиціи. Каждая часть и каждый солдатъ неминуемо попадали на войну и заканчивали тамъ свое военное воспитаніе, а въ мирное время добрая половина людей полка была изъ ветерановъ военнаго времени. Нынѣ же, къ сожалѣнію, существуютъ и въ нашей арміи цѣлыя дивизіи, которыя просуществовали уже болѣе четверти вѣка и имъ не улыбнулась еще судьба участіемъ въ кампаніи. Солдатъ, бывшихъ въ бою, совсѣмъ почти не осталось въ рядахъ. Съ другой же стороны, молодому поколѣнію народа въ теченіе 4—5 лѣтняго отбыванія воинской повинности необходимо внѣдрить такую военную закваску, чтобы она не выдохлась въ теченіе 14—13 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ запасный можетъ постоянно ожидать призыва въ ряды моби-

лизованной арміи. Изъ этого уже ясно видно, насколько должны быть продуманы всѣ пріемы обученія и воспитанія въ мирное время, чтобы каждый изъ нихъ непремѣнно вносилъ бы что нибудь и въ развитіе боеваго духа въ людяхъ. Тогда только, по мобилизаціи, нравственный элементъ въ войскахъ будетъ настолько силенъ, что имъ можно будетъ пользоваться съ перваго дня открытія кампаніи. Нельзя не придти послѣ этого къ заключенію, что чѣмъ дольше продолжается мирное время, тѣмъ все чаще и чаще нужно говорить и напоминать людямъ и частямъ о войнѣ. При этомъ время, четыре года, въ сравненіи съ требуемыми результатами настолько мало, что необходимо не упускать ни одной минуты, ни одного подходящаго случая для дѣятельности въ этомъ направленіи.

Дѣятельность Суворова представляетъ собою самый богатый, какъ мы уже сказали, матеріалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый трудный, какъ по своей обширности, такъ и потому, что Суворовъ былъ дѣйствительно нашимъ народнымъ героемъ, а слѣдовательно въ разсказахъ объ изслѣдованіяхъ жизни и подвиговъ Суворова, попавшихъ въ печать и дошедшихъ до нашего времени, много были, а много и небылицъ. Хотя послѣднія и сложены вѣрно въ суворовскомъ духѣ, но на нихъ все-таки нежелательно было бы основываться, какъ на фактахъ. Поэтому-то для выборки матеріала по интересующему насъ вопросу мы остановились преимущественно на такихъ солидныхъ и правдивыхъ трудахъ о дѣяніяхъ Суворова, которымъ можно безусловно довѣрять, и удержались отъ искушенія просмотрѣть такіе источники, которые, хотя и значительно больше переполнены подходящими эпизодами, но эпизоды эти трудно раздѣлить на дѣйствительно бывшіе и на составляющіе плодъ народной фантазіи, развившейся на почвѣ весьма достойнаго увлеченія своимъ героемъ. Не ручаемся, конечно, что мы выбрали дѣйствительно всѣ, заслуживающіе вниманія и разбора, факты, такъ какъ при массѣ ихъ всегда возможно многіе изъ нихъ упустить, даже и не изъ второстепенныхъ.

Прежде чѣмъ приступить къ самому изложенію, мы считаемъ необходимымъ сказать, что сначала мы полагаемъ привести и разобрать эпизоды и мѣры, которыми Суворовъ во время военныхъ дѣйствій добивался нужнаго для него подъема духа своихъ войскъ и подрыва нравственныхъ силъ у противника. Эти обѣ категоріи мѣръ и средствъ мы приведемъ нераздѣльно, такъ какъ многія изъ нихъ обоюдоострыя, ибо сразу дѣйствуютъ желательнымъ образомъ и на свои войска, и на непріятельскія, но только раздѣлимъ наше изложеніе на три главныхъ групы, сообразно тремъ главнымъ противни-

камъ—поляки, турки, французы, противъ которыхъ довелось дѣйствовать Суворову. Въ каждой же групѣ соберемъ факты въ хронологическомъ порядкѣ.

Изъ этого отдѣла намъ будетъ видно, на какихъ струнахъ и въ какомъ тонѣ игралъ Суворовъ въ военное время; тогда-то мы и перейдемъ къ изслѣдованію—какъ Суворовъ приготовлялъ и настраивалъ эти струны въ мирное время, чтобы получить возможность столь виртуозно ими пользоваться въ военное. Или иначе, разберемъ отношенія Суворова къ подчиненнымъ въ мирное время и обученіе и воспитаніе ихъ съ точки зрѣнія воздѣйствія на подготовку моральныхъ силъ войскъ. Въ заключеніе же постараемся сдѣлать, насколько это намъ удастся, общіе выводы и соображенія.

При этомъ считаемъ нужнымъ оговорить, что при военно-историческомъ изложеніи мы не будемъ описывать дѣйствія полностью и детально, а постараемся лишь въ краткихъ чертахъ возстановить въ памяти читателя данную обстановку и подробно разбирать лишь нужные намъ эпизоды.

I.

Подъемъ духа своихъ войскъ и угнетеніе моральныхъ силъ противника.

1) *Войны съ польскими конфедератами 1768—1772 г.г. и 1794 г.* Противникъ, съ которымъ приходилось дѣйствовать нашимъ войскамъ въ этихъ войнахъ, представлялъ отдѣльныя конфедератскія шайки, хорошо вооруженныя и въ конномъ строю, въ рукахъ отдѣльныхъ энергичныхъ личностей. Партіи эти безъ всякаго стѣсненія переходили изъ одного мѣста въ другое, встрѣчая всюду полное сочувствіе и содѣйствіе мѣстныхъ жителей, какъ въ продовольствіи, пользованіи и знаніи мѣстности, что было особенно важно въ лѣсистомъ, болотистомъ и бездорожномъ польскомъ театрѣ дѣйствій, такъ и въ постоянномъ знаніи всѣхъ передвиженій и данныхъ о противникѣ. Поэтому-то дѣйствія въ этой малой войнѣ русскихъ войскъ должны были отличаться особенною быстротою и скрытностью, такъ какъ только при этомъ получалась возможность неожиданно настигнуть и захватить партію. Кромѣ того, боевые погромы шаекъ должны были быть эфектны въ смыслѣ проявленія силы, такъ какъ только это затрудняло конфедератамъ новый сборъ, отвлекало отъ нихъ слабыхъ участниковъ и должно было отвлекать отъ конфедераціи колеблющихся и уменьшать сочувствіе въ населеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ

образъ дѣйствій и поведеніе нашихъ войскъ должно было перетягивать все больше и больше на нашу сторону симпатіи населенія.

Осенью 1768 года, для усиленія русскихъ войскъ въ Польшѣ, въ Смоленскѣ формировался маленькій корпусъ и Суворовъ съ Суздальскимъ пѣхотнымъ полкомъ получилъ приказъ прибыть изъ Ладоги подъ Смоленскъ. Ноябрскія непогоды и соотвѣтственное имъ состояніе тогдашнихъ дорогъ, при множествѣ переправъ черезъ рѣки и полузамерзшія болота, не могли благопріятствовать скорости движенія. Однако, Суворовъ совершаетъ этотъ длинный путь въ 850 верстъ всего въ 30 сутокъ, т. е. болѣе 28-ми верстъ въ сутки кругомъ, причемъ на квартирахъ онъ не оставилъ ни одного больного, а на походѣ у него захворало лишь шесть человѣкъ и одинъ пропалъ ([1]). На походѣ онъ всегда былъ съ войсками, раздѣляя вмѣстѣ съ ними всѣ трудности и невзгоды, причемъ, разговаривая все время съ солдатами, своими поговорками и вѣчною бодростью поддерживалъ въ нихъ энергію. По приходѣ на мѣсто, Суворовъ, получивъ въ командованіе бригаду, неутомимо обучалъ ее быстрымъ движеніямъ, тревогамъ, ночнымъ походамъ и дѣйствіямъ, и смѣлымъ атакамъ въ штыки, «потому что, говорилъ онъ, кто отваженъ и смѣло идетъ прямо на непріятеля, тотъ одержалъ уже половину побѣды...» ([2]). Такимъ образомъ Суворовъ настойчиво знакомилъ войска съ предстоящими имъ дѣйствіями.

Весною слѣдующаго года Суворовъ получилъ приказаніе поспѣшить изъ Минска въ Варшаву съ Суздальскимъ полкомъ и двумя эскадронами. Передвиженіе это черезъ край, находившійся въ волненіи, было совершено замѣчательно быстро. Пѣхота въ полномъ вооруженіи съ примкнутыми штыками слѣдовала на подводахъ, половина кавалеристовъ также, по очереди, садилась на подводы. Такимъ образомъ было совершено 560 верстъ въ теченіе 12-ти сутокъ, т. е. болѣе 16-ти верстъ въ сутки кругомъ. Въ ночь прибытія къ Варшавѣ онъ выступаетъ съ небольшимъ отрядомъ на встрѣчу партіи Котлубовскаго, разсѣиваетъ ее и возстановляетъ спокойствіе въ Варшавѣ.

Затѣмъ, по полученіи въ Варшавѣ свѣдѣнія о направленіи обоихъ Пулавскихъ въ Литву, чтобы заставить эту область окончательно присоединиться къ дѣлу конфедераціи, Суворовъ, съ двумя батальонами, однимъ эскадрономъ, 50-ю казаками и двумя орудіями,

([1]) «Генералиссимусъ князь Суворовъ». А. Петрушевскій, т. I, стр. 79.

([2]) «Суворовъ и паденіе Польши». Смитта, ч. I, стр. 29.

былъ направленъ въ Брестъ. Придя форсированно къ этому пункту, онъ прочно занялъ его, а самъ ночью съ 400—500 человѣкъ пѣхоты, 100 человѣкъ кавалеріи и двумя орудіями выступилъ на поискъ партій. Къ полудню другаго дня онъ отыскалъ у дер. Орѣхово нѣсколько соединенныхъ партій Пулавскихъ и другихъ, въ числѣ до 2.000 человѣкъ конницы. Пользуясь неожиданностью своего прибытія, Суворовъ съ гренадерами и кавалеріею прорывается черезъ мостъ, отдѣлявшій его отъ позиціи поляковъ. Кавалерія бросается на орудія, которыя поляки поспѣшно убираютъ, боясь ихъ потерять, и нашъ отрядъ выстраивается тыломъ къ лѣсу, имѣя впереди поляну, гдѣ расположены поляки. Сначала наши держатся оборонительно и выдержаннымъ огнемъ отражаютъ всѣ послѣдовательныя атаки многочисленной конницы противника. Когда же неудача этихъ горячихъ атакъ, соединенная съ большими потерями, достаточно понизила боевой азартъ противника, Суворовъ приказываетъ артиллеріи зажечь выстрѣлами деревню Орѣхово въ тылу противника, на пути его отступленія. Пользуясь этими двумя впечатлѣніями на противника, Суворовъ бросаетъ свою пѣхоту въ дерзкую штыковую атаку и обращаетъ противника въ бѣгство. Кавалерія наша, въ числѣ менѣе 200 коней, энергично преслѣдуетъ непріятеля, пѣхота же и артиллерія открываетъ въ лѣсу самый частый огонь съ цѣлью устрашить поляковъ, заставя ихъ думать о прибытіи къ намъ новыхъ силъ ([1]). Непріятель безостановочно продолжаетъ бѣгство и приходитъ въ полное разстройство.

Въ этомъ эпизодѣ мы видимъ разнообразную подготовку упадка нравственныхъ силъ въ рядахъ противника. Сначала быстрый маршъ и неожиданное появленіе, съ дерзкимъ прорывомъ черезъ мостъ въ расположеніе противника. Затѣмъ, вслѣдствіе неравенства силъ, временное оборонительное положеніе, причемъ удачными дѣйствіями онъ убѣждаетъ противника въ своей силѣ и заставляетъ разочароваться въ мечтаніяхъ одержать успѣхъ надъ малымъ нашимъ отрядомъ, подготовляетъ катастрофу затрудненіемъ пути отступленія и тогда переходитъ къ энергичному наступленію и настойчивому преслѣдованію.

Дальше мы встрѣчаемъ Суворова начальникомъ Люблинскаго раіона, весьма важнаго по свойствамъ мѣстности и по близости къ границамъ. По малости силъ, вообще удѣленныхъ на Польшу, вслѣдствіе открывшейся войны съ Турціею, и въ Люблинскомъ округѣ

([1]) А. Петрушевскій, т. I, стр. 83. Смиттъ, ч. I, стр. 31.

находилось всего около 4,000. При такихъ силахъ войска оказались разбросанными малыми отрядами для занятія укрѣпленныхъ замковъ и вообще важныхъ пунктовъ всего раіона, имѣя центръ въ Люблинѣ. Конечно, и дѣйствія войскъ ограничивались лишь постоянными малыми поисками отдѣльными отрядцами противъ бродящихъ партій поляковъ, появлявшихся въ разныхъ пунктахъ раіона. Благодаря этимъ безпрестаннымъ быстрымъ налетамъ, удавалось сдерживать усиленіе конфедераціи и сохранять край въ своей власти.

Но когда дѣятельность конфедератовъ, благодаря помощи Франціи, значительно оживляется; когда энергичный и даровитый французскій эмисаръ полковникъ Дюмурье, благодаря деньгамъ и инструкторамъ, присланнымъ изъ Франціи, и содѣйствію вліятельныхъ лицъ, успѣваетъ внести въ силы конфедераціи основы организаціи, умножаетъ ихъ и добивается на нѣкоторое время единодушныхъ дѣйствій для исполненія одного общаго, широко задуманнаго, плана.—Суворовъ энергичною и неутомимою дѣятельностью въ 1771 году уничтожаетъ всѣ эти иллюзіи о болѣе правильной постановкѣ военной дѣятельности конфедератовъ.

Мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за его дѣйствіями, упомянемъ только, что нечаяннымъ ночнымъ нападеніемъ онъ разбилъ часть Пулавцевъ подъ Роховымъ, и перейдемъ затѣмъ къ разбору окончательнаго удара, нанесеннаго имъ конфедератамъ подъ Ландскроною.

Суворовъ, собравъ около 3,500 чел. съ восемью орудіями, приближался къ Ландскронѣ, гдѣ Дюмурье успѣлъ собрать многія партіи конфедератовъ на крѣпкой позиціи, опиравшейся лѣвымъ флангомъ на городъ и укрѣпленный замокъ Ландскрону, занятый 1,200 челов. съ 30-ю орудіями. Остальную позицію составлялъ командующій гребень, скаты котораго представляютъ затрудненіе для кавалеріи передъ центромъ и лѣвымъ флангомъ и совершенно недоступны по скалистости передъ правымъ флангомъ. Центръ и правый флангъ прикрыты рощами, занятая каждая сотнею французскихъ егерей. Остальныя силы Дюмурье состояли изъ конницы конфедератовъ и регулярныхъ гусаръ Шюца. Всего у Дюмурье было около 3,000 человѣкъ. Суворовъ подходитъ на противоположный гребень со своимъ авангардомъ и, послѣ обозрѣнія позиціи противника, направляетъ Чугуевскій казачій полкъ въ разсыпную на центральную рощу, поддерживая его эскадрономъ карабинеръ. Дюмурье, боясь, что Суворовъ откажется отъ атаки, запрещаетъ егерямъ и артиллеріи открывать по казакамъ огонь, желая встрѣтить противника атакою, когда онъ, раз-

строенный, взберется на гребень. Но разсчеты противника были разрушены Суворовымъ. Не успѣли казаки безнаказанно взобраться на гребень, какъ быстро сомкнулись въ лаву и дерзкою, рѣшительною атакою совмѣстно съ карабинерами сбили въ центрѣ и на правомъ флангѣ конфедератовъ Сапѣги и Оржевскаго; затѣмъ той же участи подверглись и гусары Шюца. Пользуясь этимъ и сумятицей въ рядахъ противника, подошла часть русской пѣхоты и остальная кавалерія. Взобравшись на гребень, она хотя и была встрѣчена горячею атакою Міочинскаго, но успѣла ее отбить, такъ что всѣ силы противника обращены были въ бѣгство и только Валевскій съ лѣваго фланга и Дюмурье со своими егерями сохранили порядокъ при отступленіи. Весь бой продолжался полчаса времени и поляки, потерявъ 500 человѣкъ убитыми и 200 плѣнными, со многими начальниками въ безпорядкѣ бѣжали съ поля сраженія, горячо преслѣдуемые кавалеріею.

Суворовъ самъ про эту замѣчательную кавалерійскую атаку говорилъ впослѣдствіи: «произошло отъ хитрыхъ маневровъ французскою [illegible]стью, которою мы пользовались...» и далѣе «...непріятелю времени давать не должно, пользоваться сколько можно его ошибкой и брать его всегда смѣло съ слабѣйшей стороны, но надлежитъ, чтобы войска предводителя своего разумѣли» (¹). Изъ этихъ словъ видно, что Суворовъ воспользовался ошибкою Дюмурье не встрѣчать разсыпной атаки казаковъ, какъ не стоющей, по его мнѣнію, вниманія, и, зная неспособность конфедератовъ къ быстрому маневрированію и ихъ впечатлительность, неожиданно для нихъ и быстро перевелъ это наступленіе въ дерзкую и рѣшительную атаку. Остальное было слѣдствіемъ впечатлѣнія этой атаки. Невозможный, въ глазахъ поляковъ и Дюмурье, способъ овладѣнія сильной ландскронской позиціею, помощью разсыпной атаки кавалеріи, перешелъ въ возможный подъ всесокрушающими ударами шашекъ преслѣдующихъ. Бѣшеное продолженіе перваго удачнаго удара не дало времени противнику одуматься и примѣниться къ неожиданнымъ обстоятельствамъ, созданнымъ Суворовымъ.

Дюмурье послѣ Ландскроны бросилъ все и уѣхалъ во Францію. Суворовъ же сейчасъ выступилъ форсированнымъ маршемъ къ Замостью и, напавъ врасплохъ на Пулавскаго, разбилъ и его. Не можемъ не упомянуть здѣсь, что Пулавскій, спасая оставшуюся у него часть силъ, успѣваетъ искустнымъ маневромъ обмануть Суво-

(¹) А. Петрушевскій, т. I, стр. 104

рова и, обойдя скрытно фланговымъ маршемъ гнавшагося за нимъ Суворова, отступить къ Ченстохову въ тылу нашего отряда по той же дорогѣ. Суворовъ, уважая и у противника военныя доблести, восхитился этимъ маневромъ и послалъ Пулавскому въ знакъ уваженія на память табакерку.

Такимъ образомъ, энергичная и неподражаемая дѣятельность Суворова въ этотъ періодъ сломила возрожденную французами конфедерацію и обезсилила ее снова настолько, что наступило опять затишье. Но достигнуто это было дѣйствительно неподражаемыми рѣшимостью, смѣлостью и неутомимостью. Достаточно сказать, что въ послѣднія 17 сутокъ Суворовъ сдѣлалъ 700 верстъ, что составитъ въ среднемъ болѣе 41-й версты въ сутки, причемъ не проходило 18-ти часовъ безъ боя [1]. Недолго Суворовъ оставался послѣ этого въ покоѣ въ Люблинѣ. Конфедератамъ, послѣ ударовъ, нанесенныхъ имъ, оставалась еще одна реальная надежда на присоединеніе къ нимъ литовскаго гетмана графа Огинскаго. Дѣйствительно, Огинскій, имѣя въ Литвѣ собственныя и коронныя войска, давно уже ихъ собиралъ и готовилъ, но все еще не рѣшался окончательно сбросить маску и присоединиться къ Барской конфедераціи.

Русскіе отряды слѣдили за нимъ и, наконецъ, послѣ категорическаго съ нашей стороны запроса, онъ рѣшается открыть свои намѣренія, нападаетъ внезапно на русскій отрядъ Албычева и издаетъ манифестъ о своемъ присоединеніи къ конфедератамъ. Удачное развитіе дѣятельности Огинскаго грозило большими послѣдствіями. Къ нему потянулись уже разныя партіи конфедератовъ. Волненіе въ народѣ могло охватить всю Литву; поляки мечтали уже о перенесеніи оружія въ русскіе предѣлы, почти оголенные отъ войскъ, и вообще значеніе Огинскаго росло съ каждымъ днемъ. Разные русскіе отряды, расположенные въ Литвѣ, не предпринимали ничего рѣшительнаго противъ него и лишь наблюдали за нимъ издалека. Одинъ Суворовъ, сидя въ Люблинѣ, понялъ опасность положенія и рѣшился идти къ Огинскому для нанесенія ему рѣшительнаго удара. «Спасемъ сначала нашихъ, говоритъ Суворовъ, а потомъ пусть казнь падетъ на мою голову» [2]. Съ четырьмя ротами и однимъ эскадрономъ выступилъ онъ на Коцкъ и Бялу. Здѣсь онъ присоединилъ къ себѣ еще двѣ роты, два эскадрона и нѣсколько казаковъ и продолжалъ форсированно двигаться къ Бресту. На четвертыя сутки къ вечеру, сдѣлавъ около

---

[1] А. Петрушевскій, т. I, стр. 105; Смиттъ, ч. I, стр. 50.
[2] Смиттъ, ч. I, стр. 53.

200 верстъ и имѣя около $^1/_6$ части людей отсталыми, по скорости движенія ([1]), Суворовъ прибываетъ въ Слонимъ. Затѣмъ онъ выступаетъ далѣе, но, узнавъ по пути о нахожденіи Огинскаго съ силами болѣе 3,000 у Сталовичъ, поворачиваетъ туда и подходитъ къ противнику за два часа до полуночи. Имѣя всего боевой силы въ отрядѣ въ 822 человѣка, Суворовъ въ непроглядно-темную ночь на 12-е сентября 1771 года подошелъ къ Сталовичамъ, направляя отрядъ на огонекъ монастырской башни въ мѣстечкѣ.

Схваченный уланскій пикетъ изъ четырехъ человѣкъ далъ возможность собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о расположеніи отряда и о нужномъ направленіи движенія. Съ выходомъ на чистое мѣсто отрядъ перестроился въ боевой порядокъ, имѣя въ первой линіи четыре роты, два орудія въ серединѣ съ одною ротою прикрытія, три эскадрона во второй линіи и одну роту Суздальскаго полка (которымъ прежде командовалъ Суворовъ) съ частью кавалеріи въ резервѣ. Въ такомъ порядкѣ отрядъ подошелъ къ болоту, прикрывавшему съ тыла м. Сталовичи. Пѣхота живо бросилась черезъ узкую греблю, длиною въ 200 шаговъ, пролегавшею черезъ болото. У непріятеля поднялась тревога съ страшною суматохою и торопливымъ безпорядочнымъ огнемъ, но уже было поздно—съ потрясающимъ «ура»! пѣхота и кавалерія ворвались въ мѣстечко и работали штыкомъ и саблей, не давая опомниться оторопѣлымъ конфедератамъ. Самъ Огинскій едва успѣлъ вскочить на коня и ускакать къ другой, большей части своего отряда, стоявшей внѣ мѣстечка. Болѣе стойко сопротивлялась лишь личная гвардія Огинскаго въ числѣ 300 человѣкъ, такъ называемыхъ лейбъ-янычаръ. Къ утру Сталовичи были очищены, конфедераты бѣжали къ частямъ, стоявшимъ внѣ мѣстечка, гдѣ Огинскій спѣшно устраивалъ ихъ на позиціи, но конечно, бѣглецы изъ селенія не могли ихъ усилить, а внесли съ собой только ужасъ и смятеніе. Суворовъ живо устроилъ свой отрядъ и повелъ его въ рѣшительную атаку. Побѣда была полная. Всѣ 12 орудій, весь обозъ и казна достались въ руки побѣдителей. Отрядъ Огинскаго окончательно разсѣялся, онъ же самъ бѣжалъ за границу. Такимъ образомъ, однимъ рѣшительнымъ ударомъ были разсѣяны всѣ радужныя надежды поляковъ на Огинскаго и Литву. Не даромъ Суворовъ говаривалъ: Искусно произведенныя внезапныя нападенія всегда удаются; ночью беззаботный солдатъ, пробуженный вдругъ

([1]) Смиттъ, ч. I, стр. 53 и «Précis historique sur le marechal Souworow». Duboscage, стр. 62. А. Петрушевскій же свидѣтельствуетъ, что скорость и число отсталыхъ преувеличены.

отъ сна, рѣдко оказываетъ сильное сопротивленіе; чѣмъ неожиданнѣе опасность, тѣмъ бóльшею кажется она ему, и первою мыслью внезапно атакованнаго ночью непріятеля есть, не сопротивленіе, но спасеніе себя бѣгствомъ» ([1]).

Заканчивая выборку эпизодовъ изъ дѣятельности Суворова за этотъ періодъ, намъ остается только привести нѣсколько выдержекъ изъ его инструкціи и указаній постовымъ начальникамъ (т. е. начальникамъ отдѣльныхъ постовъ, каковыми были разбросаны войска для занятія всего раіона) о способѣ дѣйствій противъ конфедератовъ. Такъ, онъ указываетъ имъ, между прочимъ, при поискахъ разсчитывать суточный маршъ отъ 50—85 верстъ—«не бродить по куриному, а ходить по оленьему» ([2]); если конфедераты имѣютъ артиллерію, то прежде всего ее отнять; тогда они падаютъ духомъ; постовымъ командирамъ не представлять ему, Суворову, извѣстій о конфедератахъ на разсмотрѣніе, а распоряжаться самимъ, по зрѣломъ разсмотрѣніи дѣла.

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ для обрисовки отношеній Суворова къ прекратившему сопротивленіе противнику и къ мѣстнымъ жителямъ. Въ Несвижѣ, гдѣ онъ послѣ Сталовичъ оставляетъ взятыхъ плѣнныхъ, плѣнные офицеры были приглашены къ нему на обѣдъ. Затѣмъ по дорогѣ къ Пинску онъ встрѣтилъ конфедератскаго офицера съ полковою казною и, давъ ему пропускъ, отпустилъ его вмѣстѣ съ деньгами къ мѣсту назначенія. Вообще же своими мѣрами, внушенными милосердіемъ, за короткое время пребыванія въ Литвѣ, онъ, по свидѣтельству историковъ, существенно способствовалъ умиротворенію края. Неоднократно приказываетъ онъ содержать плѣнныхъ ласково и человѣколюбиво; кормить ихъ хорошо—«хотя бы то было и сверхъ надлежащей порціи»; постовымъ командирамъ предписываетъ чаще напоминать подчиненнымъ о хорошемъ обращеніи съ отступающими отъ конфедераціи—«ибо благопріятіе раскаявшихся возмутителей пользуетъ болѣе нашимъ интересамъ, нежели разлитіе ихъ крови» ([3]), даже и про нераскаянныхъ говоритъ—«какъ бунтовщиковъ подлыми не почитайте, но никакого злодѣя уничтожать не должно, а, оружіе низложивши, оказывать всякое благоволеніе». При капитуляціи краковскаго гарнизона Суворовъ отказался взять шпаги у французскихъ офицеровъ, обнялъ и поцѣловалъ начальника ихъ Шуази; затѣмъ пригласилъ офицеровъ

([1]) Смиттъ, ч. I, стр. 55.

([2]) А. Петрушевскій, т. I, стр. 122.

([3]) А. Петрушевскій, т. I, стр. 116 и 123.

къ завтраку, а, отправляя партію плѣнныхъ, предписалъ конвойному начальнику—«содержать ихъ весьма ласково» ([1]).

Еще болѣе богата поучительными эпизодами была дѣятельность Суворова во вторую польскую кампанію.

Польская революція 1794 года, дѣятельно подготовляемая съ Гродненскаго сейма, неожиданно вспыхнула при роспускѣ части польскихъ войскъ. Прибывшій изъ-за границы Костюшко имѣлъ огромный успѣхъ въ первыхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ отрядовъ. Вслѣдъ затѣмъ произошла кровавая рѣзня захваченныхъ врасплохъ русскихъ гарнизоновъ въ Варшавѣ и Гроднѣ, причемъ въ первомъ городѣ нашъ гарнизонъ потерялъ до 3,000 человѣкъ съ 40 орудіями. Обожаемый поляками, даровитый Костюшко дѣятельно организовалъ всеобщее вооруженіе, такъ что удачи пруссаковъ, вступившихъ въ край, и войскъ генерала Дерфельдена подъ Краковымъ и Люблиномъ не могли понизить энтузіазмъ поляковъ, а послѣдующія событія еще больше укрѣпили въ нихъ надежду на полную удачу. Общее начальство надъ всѣми двинутыми въ Польшу отрядами было ввѣрено князю Репнину; имъ же должны были вестись главныя наступательныя дѣйствія съ сѣверо-востока. На Румянцева возложена была оборона всего пограничнаго пространства отъ Минской губерніи до турецкой границы и содѣйствіе наступательнымъ операціямъ Репнина. Вскорѣ Румянцевъ, по ходу дѣла, счелъ необходимымъ занять значительнымъ отрядомъ съ демонстративною цѣлью городъ Брестъ. Отряду этому затѣмъ указано было, по занятіи Бреста, оборонять линію Буга, содержать связь между отрядами нашими въ Польшѣ и Литвѣ, и устроить провіантскіе магазины для себя и другихъ.

Такимъ образомъ, цѣль дѣйствій этого отряда была второстепенная и демонстративная. Исполненіе этого порученія было возложено Румянцевымъ на Суворова. Къ этому времени слава Суворова, послѣ блестящихъ его подвиговъ въ турецкихъ войнахъ, достигла огромныхъ размѣровъ; солдаты знали и обожали героя Измаила. Вотъ какъ одинъ изъ нихъ говоритъ объ этомъ: «Многіе изъ воиновъ еще не видали его. — Авось, Богъ дастъ, увидимъ роднаго нашего батюшку!—Такъ надѣялись воины, безгранично любившіе своего полководца.—Явись къ намъ отецъ, и веди, куда хочешь, куда велѣно. И всѣ мы, до послѣдней капли крови твои: не на животъ, а на смерть!—Таково было желаніе, таковы были мысли русскихъ! И

([1]) А. Петрушевскій, т. I, стр. 136.

это святая истина. О какъ мы любили его! Да и было за что обожать намъ единственнаго въ цѣломъ мірѣ вождя» ([1]).

Выступая къ Бресту съ частью силъ и сдѣлавъ распоряженія для присоединенія къ себѣ отрядовъ на маршѣ, Суворовъ разослалъ въ войска, не бывшія еще подъ его командой и не знакомыя съ его обученіемъ и требованіями, свой «катехизисъ» съ приказаніемъ: «...вседневно читать солдатамъ, чтобы они помнили; а штабъ и оберъ-офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и даже капраламъ приказано было знать наизусть. И мы его знали какъ Отче нашъ».

Къ концу августа весь отрядъ Суворова, въ числѣ 12,000 — 13,000, собрался въ Ковнѣ; тутъ были получены свѣдѣнія объ отступленіи прусскаго короля отъ Варшавы, которую онъ блокировалъ, вслѣдствіе начавшагося возстанія въ его польскихъ провинціяхъ. Въ то же время стало извѣстнымъ о сосредоточеніи поляковъ къ Бресту силою, по слухамъ, до 20,000. Все это заставило Суворова безъ замедленія вести дальнѣйшее наступленіе и, пользуясь быстротой и скрытностью движенія, обрушиться на противника внезапно для большаго впечатлѣнія. Для скрытности движенія не назначался часъ выступленія, а было приказано: «Войскамъ выступить, когда пѣтухъ запоетъ. Идти быстро!.. Голова хвоста не ждетъ. Жителей не обижать!». Затѣмъ кричалъ пѣтухомъ «кукареку» самъ Суворовъ, когда по его разсчетамъ было время двигаться. Для отсталыхъ при аріергардѣ были подводы. Артельныя повозки двигались впереди главныхъ силъ, подъ прикрытіемъ особаго кавалерійскаго отряда. На походѣ Суворовъ объѣзжалъ части, здороваясь съ ними и разговаривая съ людьми: «Помилуй Богъ Өедоръ ([2])! твои богатыри! чудо-богатыри! По говорятъ: у злодѣевъ-то много силы; а мы ихъ поколотимъ, помилуй Богъ поколотимъ!» ([3]) Затѣмъ спрашивалъ о старыхъ солдатахъ, узнавалъ бывшихъ съ нимъ въ прежнихъ кампаніяхъ, вспоминалъ съ ними о разныхъ эпизодахъ въ прежнихъ бояхъ, давалъ людямъ прозвища—Огонь, Орелъ, Соколъ и т. д.

Быстро и неожиданно для непріятеля подвигаясь впередъ, Суворовъ нечаянными нападеніями захватилъ передовую кавалерійскую партію у Дивина, разгромилъ авангардъ Сѣраковскаго у Кобрина и разбилъ его главныя силы у Крупчицы. Въ этомъ бою: «Свойственнымъ только ему одному взглядомъ, онъ гдѣ только замѣчалъ малѣйшій застой нашихъ противъ силы непріятельской, мгновенно являлся

([1]) «Разсказы стараго воина о Суворовѣ», стр. 8.
([2]) Командиръ роты Ө. В. Харламовъ.
([3]) «Разсказы стараго воина», стр. 16 и 20.

тутъ; нѣсколько его словъ, какъ-то: впередъ! коли! руби! бей! не давай опомниться!—вливали въ воиновъ новую силу, удесятеряли храбрость, и непріятель грудами падалъ на мѣстѣ. Поистинѣ, воины творили чудеса въ его глазахъ, потому что невыразимо любили его всею душею» ([1]).

Подъ Крупчицей непріятель, потерявъ около 3,000 человѣкъ, успѣлъ укрыться отъ преслѣдованія густыми лѣсами. Быстрота движенія и скрытность до этихъ боевъ послужили къ тому, что Сѣраковскій, по показанію плѣннаго ([2]), считалъ до Крупчицы своими противниками небольшие отряды Бугсгевдена и Маркова; Суворова же предполагалъ еще далеко назади. Неожиданное же появленіе Суворова передъ польскими войсками, конечно, имѣло громадное значеніе.

Заботливость о людяхъ Суворова во время этихъ форсированныхъ дѣйствій доходила до того, что въ концѣ боя подъ Крупчицею, видя признаки склоненія побѣды на нашу сторону, онъ спѣшно посылаетъ за артельными повозками, такъ что черезъ часъ послѣ боя началась уже варка пищи. Немного отдохнувъ послѣ боя, тутъ же, подъ деревомъ, на раскинутомъ плащѣ, Суворовъ поѣхалъ въ лагерь, гдѣ, подъѣзжая къ каждому полку, благодарилъ всѣхъ до послѣдняго солдата за молодецкую быстроту и храбрость и—«говорилъ рѣчь въ каждомъ полку, рѣчь краткую, огненную, которая проницала въ душу воина и дѣлала всякаго непобѣдимымъ богатыремъ. Въ заключеніе сказалъ: «экзерцицiя! субардинація! ученье свѣтъ, а не ученье тьма. Дѣло мастера боится. Вы богатыри! вы витязи, вы русскіе! Какую топь перелетѣли! какія крѣпкія батареи вы взяли! Благодареніе Богу... ура!» ([3]).

Въ тотъ же день, вечеромъ, Суворовъ объѣхалъ раненыхъ нашихъ и поляковъ, и плѣнныхъ; затѣмъ пробовалъ пищу въ котлахъ и, выѣхавъ передъ фронтъ выстроившихся войскъ, скомандовалъ «къ зорѣ» и, обнаживъ голову, самъ громко прочелъ молитву. Ночью, какъ разсказывали караульные, Суворовъ выходилъ часто изъ палатки, разговаривалъ съ ними и, обращаясь къ спящему лагерю, говорилъ имъ: «тише, тише говорите! пусть спятъ витязи!» ([4]). И дѣйствительно, нужно было отдохнуть витязямъ, такъ какъ предстояло еще докончить пораженіе Сѣраковскаго у Бреста, гдѣ у него оста-

([1]) «Разсказы стараго воина», стр. 27.
([2]) А. Петрушевскій, т. II, стр. 56.
([3]) «Разсказы стараго воина», стр. 29—30.
([4]) «Разсказы стараго воина», стр. 32.

валось болѣе 10,000, а Суворовъ могъ привести туда не болѣе 8.000—9.000.

Направляясь къ Бресту, Суворовъ подошелъ къ вечеру на шесть верстъ и остановилъ отрядъ скрытно за лѣсистымъ холмомъ; отсюда онъ тронулся въ 1 часъ ночи въ обходъ позиціи поляковъ по бродамъ черезъ Муховецъ и Бугъ. Когда поляки обнаружили наступленіе русскихъ и ихъ направленіе, они принуждены были перемѣнить позицію подъ прямымъ угломъ. Такимъ образомъ, съ самаго начала онъ заставилъ поляковъ измѣнить свои распоряженія, подчиняясь дѣйствіямъ противника. Перестроеніе было совершено въ порядкѣ и, повидимому, поляки собирались съ твердостью встрѣтить наступленіе. Они уже открыли артилерійскій огонь. Но вскорѣ Сѣраковскій, вѣроятно, недовольный новою позиціею, началъ отступать на слѣдующую. Этимъ то невыгоднымъ для непріятеля впечатлѣніемъ сейчасъ же воспользовался Суворовъ и, не дожидаясь пѣхоты, бросилъ всю свою кавалерію на колонны противника; въ бою успѣли принять участіе только нѣсколько передовыхъ егерскихъ баталіоновъ. Поляки защищались отчаянно, но надломленныя моральныя силы ихъ не дали возможности устоять противъ рѣшительныхъ и воодушевленныхъ атакъ войскъ Суворова. Въ бою и при преслѣдованіи на протяженіи 15-ти верстъ за Брестъ корпусъ Сѣраковскаго былъ окончательно уничтоженъ. Вся артилерія, въ числѣ 28-ми орудій, и знамена остались въ рукахъ побѣдителей. Изъ всего корпуса спаслось бѣгствомъ и прибыло въ Варшаву отъ 500—1,000 человѣкъ. Возвратившись съ преслѣдованія съ кавалеріею, Суворовъ засталъ главную часть своей пѣхоты за работами по уборкѣ поля сраженія. Имъ онъ еще раньше послалъ приказаніе — «помогать раненымъ полякамъ» [1]. Онъ живо обскакалъ всѣ части и благодарилъ ихъ за побѣду.

Черезъ день къ свѣжей могилѣ погребенныхъ собрались офицеры и представители отъ каждой роты и эскадрона. Въ присутствіи Суворова была отслужена панихида, послѣ которой онъ сказалъ краткое слово въ память убіенныхъ.

Впечатлѣніе ряда побѣдъ Суворова въ Польшѣ было громадное, такъ блестяще начатое дѣло революціи получило неизлечимый ударъ уничтоженіемъ цѣлаго корпуса Сѣраковскаго и вліяніемъ на польскія войска суворовскихъ побѣдъ. Польскіе солдаты убѣдились во-очію, что имѣютъ дѣло съ тѣмъ же самымъ Суворовымъ, а то

(1) А. Петрушевскій, т. II, стр. 67.

ихъ старались увѣрить начальники, что назначенный въ Польшу Суворовъ есть только однофамилецъ знаменитаго побѣдителя турокъ, до того боялись они впечатлѣнія одного имени Суворова ([1]).

Кастюшко, прискакавъ въ Гродно, наскоро осмотрѣлъ войска и сейчасъ же уѣхалъ въ Варшаву, не переговоривъ обстоятельно съ начальниками войскъ, такъ онъ былъ угнетенъ ужасною вѣстью о Брестскомъ погромѣ.

Послѣ этихъ побѣдъ наступило вынужденное бездѣйствіе въ брестскомъ лагерѣ въ ожиданіи подкрѣпленій для дальнѣйшихъ дѣйствій. У Суворова за необходимыми командировками оставалось не болѣе 5,000—6,000.

Устроивъ лагерь со всевозможною тщательностью и довольствомъ для людей, Суворовъ дѣятельно занималъ ихъ ученьями по два раза въ день, подготовляя къ предстоящимъ дѣйствіямъ. Ученья производились на кароткѣ съ требованіемъ наибольшей быстроты въ движеніяхъ и перестроеніяхъ. Часто производились ночные штурмы устроенныхъ для того земляныхъ укрѣпленій. Суворовъ присутствовалъ или самъ производилъ ученья и послѣ нихъ поучалъ людей выдержками и разъясненіями изъ своего катехизиса, а также разборомъ бывшаго маневра. У вечерней зори самъ читалъ «Отче нашъ». Бывалъ на всенощныхъ и обѣдняхъ въ походной церкви одного изъ полковъ. Часто посѣщалъ госпитали, пробовалъ пищу въ нихъ и въ ротахъ, причемъ безпощадно взыскивалъ за злоупотребленія. Такъ текла жизнь въ Брестѣ; Суворовъ уже начиналъ отчаяваться въ возможности закончить кампанію за наступленіемъ поздняго времени. Но вотъ приходитъ радостная вѣсть о побѣдѣ Ферзена надъ Костюшкой при Мацеіовичахъ 28-го сентября. Поляки разбиты на голову и самъ Костюшко, раненый, захваченъ въ плѣнъ.

Суворовъ сейчасъ же оцѣнилъ нравственное значеніе этого погрома для поляковъ и рѣшилъ немедленно имъ воспользоваться и двинуться для покушенія на Прагу и Варшаву. Онъ сейчасъ же послалъ приказанія, косвенно подчиненнымъ ему, Ферзену и Дерфельдену, гнать передъ собой польскіе отряды и спѣшить къ Прагѣ на соединеніе съ нимъ. Послѣ этого онъ собралъ военный совѣтъ для внушенія своего плана подчиненнымъ начальникамъ, которые и сдѣлали постановленіе согласно его предположеній.

Оставивъ въ Брестѣ около 2,000, онъ съ 8,000 двинулся къ Прагѣ. На походѣ во время движенія онъ опять-таки не разъ подъ-

([1]) А. Петрушевскій, т. II, стр. 71.

ѣзжасть къ войскамъ, подготовляя ихъ разговорами къ предстоящимъ дѣйствіямъ. Причемъ онъ нескрывалъ отъ войскъ силы непріятеля, а убѣждалъ ихъ, что Прага даромъ въ руки не дастся, говоря: «Намъ давнымъ давно туда пора, помилуй Богъ, пора; поляки копаются, какъ кроты въ землѣ»; солдаты же отвѣчали: «...что другаго Измаила не выстроятъ, а и тому не поздоровилось» [1]. Соединившись 14-го октября съ 11,000 Ферзена въ Станиславовѣ, онъ сдѣлалъ смотръ этому корпусу. Оказалось, что нѣкоторые полки не служили еще подъ его начальствомъ, такъ что онъ сейчасъ же приказалъ раздать полкамъ Ферзена свой военный катехизисъ.

Нельзя не упомянуть, что только здѣсь войскамъ подвезли зимнее платье: до тѣхъ поръ у людей были съ собой только кителя и плащи. Суворовъ самъ мерзъ все время въ холщевомъ кителѣ и переодѣлся въ сукно только когда люди одѣли мундиры. Въ Станиславовѣ Суворовъ узнаетъ, что польскіе отряды, отступавшіе къ Варшавѣ, должны находиться верстахъ въ 20-ти отъ него—въ Окуневѣ и Кобылкѣ. Онъ немедленно направляетъ Ферзена на Окуневъ, а самъ, усиливъ свою кавалерію, двигается ночью же на Кобылку. Въ серединѣ ночи кавалерійскій авангардъ, не болѣе 1,500 коней, даетъ знать Суворову о присутствіи у Кобылки 3—4-тысячнаго отряда поляковъ, состоящаго изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, и получаетъ приказаніе продолжать движеніе. Кавалерія втянулась въ густой лѣсъ, затѣмъ должна была пробираться по трудной болотистой мѣстности и, наконецъ, къ шести часамъ утра, 15-го октября, вышла на открытое мѣсто въ полторы версты діаметромъ, окруженное столь же частымъ лѣсомъ, на которомъ и выстроились поляки. Съ фланговъ позиція ихъ обстрѣливалась скрытыми въ чащи лѣса егерями съ артилеріею. Наша кавалерія, несмотря на это, бросается на кавалерію противника, расположенную на флангахъ. Прибывшій на мѣсто Суворовъ посылаетъ спѣшно за остальною кавалеріею и, по мѣрѣ ея прибытія, продолжаетъ настойчивыя и дерзкія атаки на отрядъ противника. Наконецъ, непріятель переходитъ къ отступленію. Суворовъ настойчиво его преслѣдуетъ, причемъ кавалерія пользуется каждой прогалиной въ лѣсу, чтобы атаковать. Пѣхота наша не могла поспѣть по трудности лѣсной и болотистой дороги, испорченной къ тому же проходомъ всей кавалеріи; только два егерскихъ баталіона поспѣли къ мѣсту побоища. Дѣло доходитъ до того, что одинъ егерскій баталіонъ съ четырьмя эскадронами Маріупольскаго легко-кон-

---

[1] А. Петрушевскій, т. II, стр. 87.

наго полка и двумя эскадронами глуховскихъ карабинеръ выходитъ на путь отступленія поляковъ къ Варшавѣ, но на такой мѣстности, гдѣ дѣйствіе въ конномъ строю совершенно невозможно. Тогда эскадроны спѣшиваются и вмѣстѣ съ егерями рѣшительно атакуютъ обойденнаго непріятеля. Результатомъ всѣхъ этихъ дѣйствій, продолжавшихся не болѣе пяти часовъ, является полный разгромъ противника съ потерею всѣхъ девяти орудій, знамени, обоза и 1,073 человѣкъ плѣнными. Лишь самая незначительная часть отряда успѣла спастись въ Прагу.

Въ этомъ бою мы видимъ такое употребленіе кавалеріи, про которое самъ Суворовъ впослѣдствіи какъ-то сказалъ: «Если бы ты былъ при Кобылкѣ, ты бы увидѣлъ то, чего и я никогда не видалъ» (1). Но способъ дѣйствій подъ Кобылкою объясняется бывшею тогда обстановкой. Суворовъ въ 20-ти верстахъ отъ Праги кавалеріею своею нагналъ отступавшій туда отрядъ поляковъ. Если бы онъ ждалъ прибытія пѣхоты, то далъ бы возможность этимъ войскамъ присоединиться къ гарнизону Праги, которую онъ собирался брать штурмомъ, чѣмъ не только бы усилился ея гарнизонъ на 3,000—4,000, но въ составѣ этого гарнизона оказались бы части, которыя съ гордостью говорили бы, что передъ ними былъ самъ Суворовъ со своими войсками и не рѣшился ихъ атаковать. Теперь же гарнизонъ Праги получалъ бѣглецовъ изъ-подъ Кобылки, что могло только ослабить его силы въ нравственномъ отношеніи. Бѣглецы эти могли разсказать только товарищамъ, что даже кавалерія Суворова разметываетъ въ непроходимомъ лѣсу ихъ войска, составленныя изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, а при случаѣ спѣшивается и съ одними саблями такъ же жестоко атакуетъ врага, какъ пѣхота со штыками.

Такъ былъ влитъ ядъ, разрушающій моральныя силы противника, въ гарнизонъ Праги. Потому-то Кобылку мы и относимъ къ нравственной подготовкѣ послѣдующаго штурма Праги. Конечно, такой способъ подготовки подъ силу далеко не всякому; нужно прежде сдѣлаться Суворовымъ въ арміи и завладѣть сердцемъ своихъ войскъ, какъ онъ имъ владѣлъ, и тогда только можно рѣшаться на подобные способы дѣйствій. Горе тому начальнику, который рѣшился бы скопировать одну лишь наружную форму дѣйствій, не думая о внутреннемъ ихъ содержаніи.

Послѣ эпизода у Кобылки войска тотчасъ же начали приготовлять все необходимое—какъ туры, фашины и т. д. для, давно заду-

(1) А. Петрушевскій, т. II, стр. 97.

маннаго Суворовымъ, штурма Праги. Войска Дерфельдена еще не прибыли; съ приходомъ же ихъ у Суворова собиралось 24,000—25,000, въ числѣ которыхъ было около $^1/_3$ кавалеріи и всего 86 полевыхъ орудій. Съ этими-то силами онъ рѣшилъ взять открытою силою Прагу, предмѣстье Варшавы, сильно укрѣпленное и имѣвшее, по слухамъ, до 30,000 защитниковъ при сотнѣ орудій.

Дѣйствительно, Прагу, по проекту Костюшки, поляки укрѣпляли цѣлое лѣто, причемъ дѣло это было значительно подогрѣто патріотизмомъ, такъ что для участія въ работахъ по возведенію укрѣпленій съѣзжалось все населеніе Варшавы безъ различія классовъ. Конечно, это увлеченіе современемъ значительно охладилось, но все-таки ко дню прибытія Суворова Прага была обнесена землянымъ валомъ, а въ верстѣ впереди былъ насыпанъ значительный ретраншаментъ, примыкавшій къ Вислѣ выше и ниже Праги; длина его доходила до $6^1/_2$ верстъ. Мѣстами впереди ретраншамента были сдѣланы отдѣльныя укрѣпленія и онъ былъ усиленъ еще передовыми преградами, въ особенности волчьими ямами въ нѣсколько рядовъ. Самою сильною частью его былъ исходящій уголъ, гдѣ были два сильные кавальера, въ томъ числѣ одинъ каменный. Мостъ черезъ Вислу въ Варшаву прикрытъ былъ небольшимъ укрѣпленіемъ. Узкая полоса между южною оконечностью ретраншамента и рѣкою прикрывалась тремя батареями. Вооруженіе состояло изъ 100 слишкомъ орудій, большею частью крупнаго калибра. Сѣверный флангъ ретраншамента обстрѣливался съ батареи на острову. Главнымъ недостаткомъ была обширность постройки, несоотвѣтствовавшая количеству силъ, которыхъ было ко дню штурма нѣсколько болѣе 20,000. Войска были расположены лагеремъ между валомъ и ретраншаментомъ.

Войска эти хотя и были регулярныя, но, конечно, значительно уступали по своему составу времени начала революціи, когда они были дѣйствительно въ хорошемъ состояніи. Постоянныя пораженія въ послѣдній періодъ кампаніи, конечно, отразились на ихъ моральныхъ силахъ, не говоря уже о выбытіи изъ строя многихъ старыхъ солдатъ. Нельзя это было не замѣтить по увеличивающемуся числу дезертировъ и по меньшему упорству въ бояхъ. Но все-таки, несмотря на эти признаки дезорганизаціи, войско было храброе и воодушевленное любовью къ родинѣ.

Начальствованіе надъ войсками тоже было не прежнее. Плѣненіе въ высшей степени талантливаго народнаго героя Костюшки нанесло непоправимый ударъ революціи. Главнокомандующимъ былъ избранъ

Вавржецкій, человѣкъ не сильнаго характера и къ тому же считавшій дѣло проиграннымъ, а потому исполнявшій только возложенную на него обязанность, безъ всякой увѣренности въ успѣхѣ. Хотя остальные командующіе генералы и держались противоположнаго мнѣнія, но общая рука надъ ними была, какъ мы видимъ, слабая.

Отъ Суворова, конечно, не скрылись всѣ мелкіе признаки состоянія противника, потому-то онъ и шелъ такъ увѣренно на штурмъ; къ тому же на правильную осаду не было ни времени (конецъ октября), ни средствъ, на то потребныхъ; блокада же Праги вмѣстѣ съ Варшавою, хотя и обѣщала успѣхъ, по малымъ запасамъ продовольствія въ городѣ, но была не по силамъ, имѣвшихся въ распоряженіи Суворова, войскъ.

18-го октября Суворовъ произвелъ первую рекогносцировку крѣпости. 19-го прибыли войска Дерфельдена. Суворовъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ внушилъ всѣмъ начальникамъ свою безповоротную рѣшимость штурмовать оплотъ поляковъ, такъ что постановленіе этого совѣта состоялось по сущности слѣдующее: «идти къ Прагѣ и брать ее приступомъ, несмотря ни на какія укрѣпленія» ([1]).

Къ 22-му числу всѣ приготовленія къ штурму были окончены и войска съ распущенными знаменами, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, какъ на праздникъ, выступили подъ Прагу и стали лагеремъ внѣ орудійнаго выстрѣла съ укрѣпленій. Въ теченіе ночи были построены, скрытно отъ непріятеля, батареи на 22, 16 и 48 орудій. Батареи эти совершенно неожиданно для противника открыли на другое утро огонь по укрѣпленіямъ. По донесенію самого Суворова, батареи эти должны были заставить думать противника о начатіи осады, съ цѣлью скрыть рѣшенный штурмъ. Но главною особенностью штурма была его быстрота; онъ былъ назначенъ въ ночь съ 23-го на 24-е число, всего черезъ сутки по прибытіи войскъ подъ Прагу.

Для ночнаго штурма была отдана подробная диспозиція, по которой войска были раздѣлены на семь колоннъ, изъ которыхъ двѣ назначались для прорыва съ фланговъ ретраншамента и дальнѣйшаго наступленія къ мосту въ Варшаву, для отрѣзанія войскамъ Праги пути отступленія черезъ Вислу. Двѣ первыя колонны, которыя должны были въ числѣ первыхъ начать атаку, были подчинены генералу Ласси и полковнику Лобанову-Ростовскому—участникамъ подобнаго же штурма Измаила. Кромѣ того, въ полковыхъ приказахъ были отданы наставленія Суворова людямъ, указывающія подробно внутрен-

([1]) А. Петрушевскій, т. II, стр. 105.

ній распорядокъ въ колоннахъ при штурмѣ; заканчивалось это наставленіе напоминаніемъ объ отношеніи къ жителямъ и слѣдующими словами: «... Кого убьютъ—Царство Небесное; живымъ—слава! слава! слава!» ([1]). Приказъ этотъ былъ прочтенъ въ каждой ротѣ по три раза, чтобы люди хорошенько его запомнили. Съ наступленіемъ ночи люди одѣли чистое бѣлье и, поставивъ у костровъ ротные образа, молились объ укрѣпленіи силъ на предстоящее дѣло и о ниспосланіи побѣды ([2]). Въ 3 часа ночи колонны тронулись, а въ 5, еще до разсвѣта, взвилась сигнальная ракета для начатія штурма. Штурмъ удался блистательно. Суворовъ, слѣдя за штурмомъ и видя по ходу его необыкновенное возбужденіе и ожесточеніе войскъ, прибылъ къ мосту, занятому нашими войсками, съ приказаніемъ никого не пропускать въ Варшаву и приказалъ его сжечь. Ожесточеніе людей въ Прагѣ, достигшее крайнихъ предѣловъ, нужно объяснить не упорствомъ непріятеля, котораго онъ не выказалъ, а отместкою за весеннюю рѣзню въ Варшавѣ. Не даромъ люди еще передъ штурмомъ говорили: «за кровь нашихъ, измѣннически пролитую въ Варшавѣ на Страстной недѣлѣ!.. Пора васъ убаюкать!» ([3]).

На берегъ Вислы была проведена вся артилерія, которая и бомбардировала Варшаву въ теченіе всего дня. Канонада эта, равно какъ пожаръ и истребленіе польской арміи въ Прагѣ, на глазахъ устрашенной Варшавы, сдѣлали свое дѣло—черезъ сутки явилось къ Суворову изъ города посольство съ предложеніемъ капитуляціи.

Погромъ арміи въ Прагѣ былъ полный: 9,000—10,000 легло на мѣстѣ боя, 11,000—13,000 сдалось въ плѣнъ, орудій захвачено 104. По результатомъ впечатлѣнія пражскаго побоища, кромѣ занятія Варшавы, было главное—полное прекращеніе войны и обезоруженіе остатковъ польскихъ войскъ. Не даромъ Суворовъ говорилъ: «Un combat meurtrier en epargne plusieurs autres qui le serait davantage» ([4]).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что штурмъ Праги, долженствовавшій по плану Суворова закончить всю кампанію и окончательно принудить противника къ повиновенію, былъ тщательно имъ подготовленъ: способомъ веденія всѣхъ предшествующихъ операцій; удачнымъ выборомъ времени, когда моральныя силы противника являлись на самомъ низкомъ уровнѣ, и способомъ производства самаго

([1]) «Разсказы стараго воина», стр. 16.
([2]) «Разсказы стараго воина», стр. 47.
([3]) «Разсказы стараго воина», стр. 47.
([4]) Duboscage, стр. 111. «Одно кровопролитное сраженіе исключаетъ многія другія, которыя въ суммѣ повели бы къ большимъ потерямъ».

штурма—быстротою и въ ночное время, чѣмъ обезпечивалась къ тому же его неожиданность для противника. Другою же данною во всей этой операціи было состояніе и настроеніе своихъ войскъ въ рукахъ обожаемаго ими начальника. Только принявъ все это во вниманіе, станетъ понятно, какъ удалось Суворову, по его обѣщанію, покончить съ польскою войной въ теченіе 40 дней, не считая вынужденной стоянки въ Брестѣ.

Но не о сокрушеніи только врага думалъ Суворовъ, столько же мы видимъ съ его стороны заботъ и для умиротворенія края. Всѣ добровольно сдавшіеся плѣнные были, по его приказанію, отпущены на свободу съ выдачею паспортовъ. Сейчасъ же послѣ штурма Праги Суворовъ крайне привѣтливо обошелся съ плѣнными генералами и пригласилъ даже всѣхъ штабъ-офицеровъ къ себѣ на обѣдъ (всѣхъ офицеровъ было взято до 450). Во время штурма онъ спасъ Варшаву отъ такого погрома, каковому подверглась волей-неволей Прага. При въѣздѣ въ Варшаву онъ по братски обнимался съ членами магистрата и громко благодарилъ Бога, что Варшава досталась ему не такою цѣною, какъ Прага. Разница между этими ласками и участью населенія Праги много обезпечивала дальнѣйшее спокойствіе жителей. Затѣмъ въ Варшавѣ король обратился къ нему съ просьбою объ освобожденіи изъ плѣна одного офицера и на это Суворовъ, по собственному почину, предложилъ ему выбрать и вернуть, изъ числа отправленныхъ въ Россію плѣнныхъ, цѣлыхъ 500 человѣкъ. Вообще, при полной энергіи, всѣ его дѣйствія, служившія къ умиротворенію края послѣ войны, отличались такой мягкостью, что возбудили даже противъ него неудовольствіе въ Петербургѣ, но, конечно, сдѣлали главное для водворенія скораго спокойствія въ Польшѣ. И населеніе края, а въ особенности столицы, по достоинству оцѣнило это великодушіе побѣдителя, поднесло ему въ Екатерининъ день 1794 года табакерку отъ города и присвоило ему названіе: «своего избавителя» за сожженіе моста черезъ Вислу въ день пражскаго штурма.

Заканчивая выборки изъ дѣйствій Суворова въ польскія войны, приведемъ еще небольшое предписаніе его одному изъ старшихъ генераловъ, медленностью дѣйствій котораго онъ былъ недоволенъ: «... рекомендую вашему превосходительству полную рѣшимость, вы генералъ; я издали, и вамъ ничего приказать не могу. Иначе стыдно бы было, вы локальный. Блюдите быстроту, импульсію, холодное оружіе; вѣрить счетъ мятежниковъ» ([1]).

([1]) А. Петрушевскій, т. II, стр. 115.

2) *Войны съ турками 1769—1774 гг. и 1787—1791 годовъ.* Въ первый разъ Суворовъ принималъ участіе въ войнахъ съ турками въ кампанію 1773 года, когда уже, предъидущими кампаніями, Румянцевъ окончательно снялъ съ турокъ ореолъ непобѣдимости и вообще военная слава турокъ была для русскихъ войскъ, по крайней мѣрѣ, въ полномъ упадкѣ. Хотя турецкій солдатъ остался столь же храбрымъ и выносливымъ, но духъ войска уже былъ не тотъ; водили его въ бой уже не даровитые искатели военной славы—султаны, а ихъ великіе визири: войска отличались многочисленностью, но уже не имѣли той дисциплины и устройства, которыми славились прежде. Несмѣтныя толпы турокъ атаковали противника со страшнымъ азартомъ и стремительною силою, повторяя эти атаки одну за другой все новыми и новыми частями, но въ атакахъ этихъ не было настойчивости, и отраженныя части переходили въ столь же быстрое отступленіе, такъ что нанесеніе ихъ арміямъ дѣйствительнаго вреда возможно было лишь при неотступномъ и энергичномъ преслѣдованіи. Въ оборонительномъ бою за укрѣпленіями турки выказывали непомѣрное упорство, причемъ ихъ пѣхота и артилерія отличались довольно мѣткой стрѣльбой.

До начала открытія главныхъ дѣйствій въ кампанію 1773 года было предписано произвести нѣсколько мелкихъ поисковъ на правую сторону Дуная. Главный изъ нихъ отъ Ольтеницы на Туртукай выпалъ на долю Суворова, который въ этомъ мѣстѣ командовалъ отрядомъ изъ дивизіи Салтыкова. Начальныя распоряженія по скрытному сбору судовъ къ р. Аржисѣ были начаты еще до прибытія Суворова; съ его прибытіемъ приготовленія продолжались и къ 9-му мая все было окончено. 9-го мая на разсвѣтѣ турки сами произвели изъ за Дуная кавалерійскій поискъ къ Ольтеницѣ и хотя и были отражены съ успѣхомъ, но открыли присутствіе собраннаго нашего отряда, такъ что на внезапность нашего поиска надежда была потеряна. Поискъ сводился къ переправѣ чрезъ Дунай (ширина около 1,000 шаговъ) на судахъ отряда изъ 500 пѣхотинцевъ, 150 карабинеръ и 60 казаковъ, бывшихъ въ распоряженіи Суворова, и въ атакѣ этими силами отряда турокъ въ четыре тысячи человѣкъ, расположеннаго на нагорномъ берегу Дуная въ трехъ укрѣпленныхъ лагеряхъ съ батареями. Прибавимъ еще, что войска были незнакомы Суворову и шли съ нимъ въ дѣло въ первый разъ. Послѣ успѣшнаго отбитія поиска противника Суворовъ назначаетъ свой отвѣтный поискъ въ ту же ночь, съ 9-го на 10-е мая. Войска въ сумерки были двинуты къ мѣсту переправы, причемъ для скрытія ихъ малочисленно-

сти были высланы впередъ войсковыя фуры ([1]), поднявшія громадную пыль. Въ диспозиціи указывался подробно порядокъ переправы и дѣйствій на другой сторонѣ. Заканчивается диспозиція словами: «да поможетъ Богъ!» пѣхота была раздѣлена на двѣ колонны и резервъ, составленный изъ отборныхъ стрѣлковъ Астраханскаго пѣхотнаго полка ([2]).

Переправа началась, когда стемнѣло. Суворовъ былъ при головной колоннѣ и распоряжался ея дѣйствіями. Энергичною атакою были взяты всѣ три лагеря; турки обращены въ бѣгство съ потерею 12 орудій, шести знаменъ, рѣчной флотиліи и всѣхъ запасовъ и добра. Туртукай былъ сожженъ. По возвращеніи Суворова назадъ на лѣвый берегъ, отрядъ былъ собранъ въ общее каре для служенія благодарственнаго молебствія за одержанную побѣду.

Тѣми же пріемами руководился Суворовъ и при второмъ поискѣ на Туртукай, причемъ турки силою тоже болѣе 4-хъ тысячъ занимали два лагеря, сильно укрѣпленные батареями и земляными валами. Съ нашей стороны участвовали въ бою на другой сторонѣ Дуная около 2,500 челов., причемъ пѣхоты было не болѣе 1,720 штыковъ, такъ что Суворовъ вооружилъ пѣхотными ружьями часть карабинеръ и взялъ ихъ съ собою въ пѣшемъ строю; остальные были: карабинеры, казаки и арнауты. Поискъ былъ произведенъ въ ночь съ 16-го на 17-е іюня. Орудіямъ, обстрѣливавшимъ непріятельскій берегъ во время переправы, было приказано по начатіи боя на томъ берегу стрѣлять холостыми снарядами ([3]). Диспозиціею указывалась мужественная и быстрая атака, равно и весь порядокъ боя. Въ авангардъ былъ назначенъ храбрый и испытанный уже въ прежнихъ бояхъ маіоръ Ребакъ, самъ же Суворовъ былъ при главныхъ силахъ съ начальниками менѣе надежными. Побѣда опять была полная, хотя и послѣ болѣе упорнаго сопротивленія противника. Нами захвачено 14 пушекъ и 35 разныхъ судовъ, кромѣ всѣхъ запасовъ.

Въ августѣ того же года, Суворову, за смертью Вейсмана, былъ ввѣренъ важный пунктъ Гирсово, на правомъ берегу Дуная, обезпечивавшій переправу черезъ рѣку нашей главной арміи. Суворову были воспрещены, предположенныя имъ совмѣстно съ другими отрядами, наступательныя дѣйствія къ Карасу противъ турецкихъ силъ. Потому-то вскорѣ ему пришлось съ 3,000-мъ своимъ отрядомъ

([1]) «Война Россіи съ Турціею и польскими конфедератами съ 1769—1774 гг.», А. Петрова, т. IV, 1773 г., стр. 32.

([2]) А. Петровъ, т. IV, стр. 31.

([3]) А. Петровъ. т. IV. стр. 149.

защищать Гирсово противъ наступавшаго 10,000-го корпуса турокъ, состоявшаго изъ войскъ, вновь обученныхъ иностранными офицерами.

3-го сентября, съ утра, турки показались противъ Гирсова. Суворовъ занялъ войсками построенныя укрѣпленія и одну пѣхотную бригаду съ кавалеріею расположилъ скрытно. Приказано было войскамъ не открывать огня по наступающему до самаго близкаго разстоянія. Впередъ же высланы казаки съ приказаніемъ, сначала упорно задерживать наступленіе противника, а затѣмъ быстрымъ бѣгствомъ заманить турокъ къ самымъ укрѣпленіямъ. Турки сначала были удивлены молчаніемъ нашихъ батарей, предполагали даже, что нѣкоторыя изъ нихъ не заняты и, увлекаясь все болѣе и болѣе безнаказаннымъ движеніемъ впередъ, развернули, наконецъ, всѣ свои силы передъ нашими редутами и шанцемъ. Отъ нашихъ войскъ не укрылось необычное зрѣлище правильнаго построенія и движенія въ порядкѣ турокъ въ три линіи на европейскій ладъ.

Суворовъ нарочито указываетъ своимъ войскамъ на это неожиданное явленіе, говоря: «Смотрите, бусурмане хотятъ сражаться въ порядкѣ,—дорого же они поплатятся за это» ([1]).

Наконецъ, правый флангъ турокъ приблизился къ нашему шанцу, въ которомъ былъ Суворовъ, на полукартечный выстрѣлъ и рьяно бросился въ атаку; тогда-то они были обсыпаны картечью и самымъ частымъ огнемъ; въ то же время скрытая бригада пѣхоты и кавалерія обрушились на оба фланга турокъ неожиданною атакою. Недолго держался противникъ, увлеченный легкостью начала дѣла и пораженный неожиданнымъ губительнымъ огнемъ и штыковою атакою, и вскорѣ обратился въ поспѣшное бѣгство, преслѣдуемый на протяженіи 30-ти верстъ гусарами и казаками въ теченіе всей ночи. Въ нашихъ рукахъ остались почти всѣ орудія и весь обозъ.

Во время второй турецкой войны дѣйствія въ 1787 году открылись побѣдою Суворова подъ Кинбурномъ, который представлялъ изъ себя важный пунктъ, прикрывавшій доступъ на Крымскій полуостровъ. Турки имѣли противъ Кинбурна въ крѣпости Очаковѣ 12-ти-тысячный гарнизонъ изъ отборныхъ янычаръ и сильный флотъ.

Усилившіяся попытки турокъ къ Кинбурну заставили Суворова въ концѣ сентября самаго прибыть въ крѣпостцу для приготовленія ея къ отраженію турокъ и принятія личнаго начальствованія надъ небольшими собранными тамъ силами, которыми командовалъ гене-

([1]) Смиттъ, ч. I, стр. 93.

ралъ Рекъ. Еще раньше, Суворовъ писалъ ему: «Ваше превосходительство знаете, что мы дрались часто съ варварами (т. е. турками) одинъ противъ десяти, что вы сами изволили испытать мужествомъ вашимъ при Козлуджи ([1])... Пріучите вашу пѣхоту къ быстротѣ и сильному удару, не теряя огня по пустому. Знайте, настушій часъ ([2]).

30-го сентября турецкій флотъ подошелъ съ десантомъ отъ Очакова къ Кинбурну и съ разсвѣтомъ 1-го октября началъ высадку отряда въ 5,300 человѣкъ самыхъ отборныхъ янычаръ, подъ руководствомъ французскихъ инженеровъ и подъ прикрытіемъ огня изъ 600 орудій флота. Высадка производилась на узкую песчаную косу, западнѣе крѣпости, которая вся была подъ огнемъ орудій флота. Суворовъ такъ же, какъ подъ Гирсовымъ, не приказалъ отвѣчать на огонь турокъ. Къ 9-ти часамъ утра высадка всего отряда окончилась безпрепятственно и турки стали подаваться къ крѣпости, строя поперегъ косы ложементы изъ мѣшковъ съ пескомъ. Суворовъ оставилъ ихъ въ покоѣ и, сдѣлавъ распоряженія о немедленномъ движеніи къ крѣпости нѣкоторыхъ частей, стоявшихъ въ отдаленіи въ другихъ пунктахъ, отправился съ офицерами къ обѣднѣ въ церковь, по случаю праздника Покрова Богородицы. Затѣмъ, онъ сдѣлалъ распоряженія по распредѣленію войскъ для атаки турокъ внѣ крѣпости, причемъ, главныя войска поручилъ храброму сподвижнику прежнихъ своихъ побѣдъ и «старому герою», какъ самъ его называлъ, генералу Реку ([3]).

Непріятель между тѣмъ успѣлъ уже насыпать около 15-ти послѣдовательныхъ ложементовъ и, приготовивъ лѣстницы, собирался штурмовать самую крѣпость, но около 1 часа пополудни неожиданно послѣдовалъ залпъ изъ всѣхъ крѣпостныхъ орудій и въ то же время пѣхота Река и кавалерія обрушилась стремительною атакою на передовыя непріятельскія части и упорнымъ рукопашнымъ боемъ овладѣла послѣдовательно 10-ю непріятельскими ложементами. Сильная рана генерала Река и многихъ его помощниковъ, равно какъ и убійственный огонь съ флота поселили нѣкоторое разстройство въ рядахъ атакующихъ и заставили ихъ перейти къ отступленію съ потерею подбитыхъ непріятелемъ орудій. Видя неустойку, Суворовъ явился въ переднихъ рядахъ и съ крикомъ «впередъ» бросился къ

([1]) Извѣстное сраженіе съ турками въ 1774 году, гдѣ Суворовъ съ 8,000 разбилъ 40,000 турокъ.

([2]) А. Петровъ, «Вторая турецкая война», т. I, стр. 94.

([3]) А. Петровъ, «Вторая война», т. I, стр. 97.

непріятелю; увлеченныя его примѣромъ, съ крикомъ «братцы, генералъ остался впереди» (1), войска рванулись снова впередъ. Ожесточенный бой снова сталъ улыбаться намъ успѣхомъ, но вскорѣ самъ Суворовъ былъ раненъ картечью въ бокъ и войска еще разъ оставили взятые ими ложементы. Къ счастью, рана была не столь сильная, чтобы сломить упорство и энергію Суворова и заставить его считать дѣло проиграннымъ. «Богъ далъ мнѣ крѣпость, я не сомнѣвался» (2), писалъ онъ самъ про этотъ моментъ боя. Суворовъ, оставаясь въ строю и поддерживая увѣренность въ людяхъ, послалъ приказаніе прислать все возможное изъ крѣпости и отъ вагенбурга. Вскорѣ прибыли оттуда три роты; къ тому же времени поспѣлъ слабый баталіонъ, пришедшій по первоначальнымъ распоряженіямъ изъ-за 14-ти верстъ, и, стоявшая въ 30-ти верстахъ отъ Кинбурна, легко-конная бригада. Эти 500 человѣкъ свѣжей пѣхоты дали возможность Суворову въ третій разъ рѣшительно атаковать турокъ и полный успѣхъ послѣ отчаяннаго сопротивленія турокъ, вслѣдствіе нарочнаго отбытія отъ берега ихъ судовъ, не замедлилъ увѣнчать настойчивость кинбурнскаго героя. Изъ 5,300 человѣкъ, высаженныхъ на косу, лишь около 700 человѣкъ были ночью взяты на суда; все остальное легло на косѣ или погибло въ морѣ. Кромѣ того, были взяты всѣ орудія, бывшія на сушѣ, и 14 знаменъ. Съ нашей стороны изъ 3,000. бывшихъ въ бою, около 1/3 выбыло изъ строя. Суворовъ при третьей атакѣ былъ еще разъ раненъ пулею въ ногу.

Впечатлѣніе кинбурнскаго погрома было громадное, такъ какъ тамъ была истреблена почти половина отборнаго очаковскаго гарнизона, про котораго даже Суворовъ доносилъ: «Какіе молодцы, свѣтлѣйшій князь! съ такими я еще не дрался. Если бы мы не ударили на адъ (?), клянусь Богомъ, онъ бы насъ здѣсь поглотилъ» (3). Въ Константинополѣ ожидали совсѣмъ другаго результата отъ внезапнаго открытія военныхъ дѣйствій при тогдашней неготовности къ войнѣ Россіи. И вмѣсто этихъ надеждъ туркамъ пришлось опасаться за участь самаго Очакова, такъ что многіе жители этого города бѣжали въ Бендеры.

2-го октября Суворовъ построилъ свои войска на косѣ, лицомъ къ Очакову, и, отслуживъ торжественный молебенъ, произвелъ побѣдные залпы. На другой сторонѣ лимана очаковскіе турки безмолв-

(1) А. Петровъ, «Вторая война», т. I, стр. 97.
(2) А. Петрушевскій, т. I, стр. 310.
(3) А. Петровъ, «Вторая война», т. I. стр. 102.

но смотрѣли на это побѣдное торжество. Въ память этой побѣды въ Кинбурнѣ была построена церковь Покрова Богородицы.

Еще рельефнѣе выказались пріемы пользованія нравственнымъ элементомъ въ кампанію 1789 года, когда Суворовъ командовалъ отрядомъ на крайнемъ правомъ флангѣ молдавской арміи князя Репнина. Онъ былъ расположенъ у Бырлада и поддерживалъ связь съ лѣвофланговымъ отрядомъ австрійской арміи, подъ начальствомъ принца Кобургскаго. Турки, имѣя главныя силы на нижнемъ Дунаѣ, разсчитывали нанести рѣшительный ударъ молдавской арміи до прибытія медленно двигавшейся арміи Потемкина. Во исполненіе этого плана былъ направленъ отъ Браилова къ Фокшанамъ 30,000-ный корпусъ Османа-паши, долженствовавшій разбить сначала 18,000-ный корпусъ Кобурга, а затѣмъ дѣйствовать со стороны р. Серета.

Получивъ извѣстіе о движеніи турокъ, принцъ Кобургскій просилъ Репнина о поддержкѣ, и Суворову приказано было идти на помощь австрійцамъ. Суворовъ немедленно выступилъ 16-го іюля съ отрядомъ изъ 7,000 человѣкъ и черезъ 36 часовъ времени, пройдя 70—80 верстъ, неожиданно присоединился къ австрійцамъ, которые ожидали его не ранѣе какъ черезъ 3—4 дня. Зная, что только скорымъ движеніемъ и неожиданнымъ стремительнымъ нападеніемъ на противника возможно будетъ разсчитывать на побѣду, Суворовъ употребилъ оригинальный, но вѣрный пріемъ, чтобы заставить медлительныхъ австрійцевъ принять его быстрый планъ. Онъ задумалъ поставить, способнаго къ подчиненію, принца Кобургскаго передъ совершившимся фактомъ принятаго безповоротно рѣшенія. Цѣлый день, когда войска отдыхали и готовились къ предстоящимъ дѣйствіямъ, Суворовъ подъ разными предлогами отклонялъ личное свиданіе съ Кобургомъ и лишь вечеромъ послалъ ему слѣдующую записку: «Войска достаточно отдохнули, и мы завтра въ 3 часа утра выступимъ двумя колоннами: австрійцы въ правой, русскіе—въ лѣвой; пойдемъ прямо на непріятеля, не задерживаясь долго разыскиваніемъ въ кустахъ по сторонамъ, для того, чтобы успѣть во-время подойти къ р. Путнѣ, рано перейти черезъ нее и атаковать непріятеля. Говорятъ, что невѣрныхъ только 50,000, а другіе и того менѣе,- жаль, что они не всѣ вмѣстѣ, разомъ бы ихъ разбили. Но какъ этого нѣтъ, то начнемъ съ этихъ и съ Божіею помощью разгонимъ ихъ».

Эта послѣдняя фраза о силѣ турокъ была, очевидно, разсчитана на вселеніе той увѣренности въ успѣхѣ, которая была у самаго Суворова.

Необходимо еще прибавить, что Кобургъ былъ по службѣ старше

Суворова, но разсчетъ послѣдняго былъ вѣренъ и австрійцы послѣдовали безпрекословно за нимъ. При послѣдующей дружеской бесѣдѣ, уже послѣ одержанной побѣды, Суворовъ далъ слѣдующее объясненіе на вопросъ объ отклоненіи свиданія:

«Свиданія не нужны, сказалъ онъ, я былъ увѣренъ, что мой другъ принцъ Кобургскій не согласится дѣйствовать, согласно съ моими мыслями. Мой планъ атаки былъ составленъ не по правиламъ тактики. Мы провели бы цѣлый день въ дипломатическихъ и тактическихъ преніяхъ, въ которыхъ я былъ бы побѣжденъ, но непріятель рѣшилъ бы нашъ споръ и побилъ бы тактиковъ. А вмѣсто того—ура! съ нами Богъ!».

Теперь оставалось только скрыть до столкновенія отъ непріятеля неожиданное для всѣхъ прибытіе Суворова съ русскими войсками на помощь къ австрійцамъ. Съ этою цѣлью къ нашей колоннѣ былъ приданъ авангардъ изъ австрійскихъ легкихъ войскъ, который ей предшествовалъ. Затѣмъ, во время всего движенія до противника, наши войска располагались въ низменныхъ и закрытыхъ мѣстахъ. Самое движеніе было начато въ 3 часа пополудни, 19-го іюля. Во время самаго боя войска наши вели наступленіе въ безмолвіи и лишь съ близкаго разстоянія открывали картечный огонь, а пѣхота, послѣ нѣсколькихъ ближнихъ залповъ, съ крикомъ «съ нами Богъ!» (¹), бросилась въ штыки. Результатомъ всѣхъ этихъ мѣръ было полное пораженіе турокъ подъ Фокшанами. Оставивъ на мѣстѣ боя до 1,500 убитыми, 12 пушекъ, 16 знаменъ и весь лагерь, они въ полномъ разстройствѣ бѣжали къ Бухаресту и Браилову, горячо преслѣдуемые войсками союзниковъ.

Въ томъ же году осенью Суворову пришлось снова спасти Кобурга отъ грозившей ему опасности, и одержать блистательнѣйшую побѣду при Рымникѣ. Турецкій визирь, съ огромными полчищами двинулся въ началѣ сентября отъ Браилова къ Фокшанамъ, намѣреваясь разбить слабый 18,000-ный корпусъ австрійцевъ. Кобургскій немедленно далъ знать Суворову, который подвинулся изъ Бырлада къ Пуцени и тамъ ожидалъ сутки для окончательнаго выясненія направленія движенія турокъ. 8-го сентября ночью онъ спѣшно выступилъ къ австрійцамъ и, несмотря на всѣ случайныя и стихійныя препятствія въ пути, утромъ 10-го числа присоединился къ нимъ на р. Мелькѣ. Сейчасъ же онъ послалъ принцу записку: «Я пришелъ, и чтобы показать это туркамъ, думаю атаковать ихъ черезъ нѣсколь-

(¹) Смиттъ, ч. I, стр. 249, 253, 255.

ко часовъ». Но эта записка не сразу подѣйствовала на принца, передъ которымъ съ 7-го числа стояла армія визиря, силою отъ 90.000—115,000. Долго пришлось Суворову убѣждать Кобургскаго смѣло атаковать турокъ въ ихъ укрѣпленной позиціи, такъ что подъ конецъ онъ принужденъ былъ даже задѣть военную честь принца слѣдующими словами: «Численное превосходство непріятеля—его укрѣпленная позиція—поэтому-то именно мы и должны атаковать его, чтобы не дать ему времени укрѣпиться еще сильнѣе. Впрочемъ, прибавилъ онъ, чтобы прекратить всякій дальнѣйшій споръ, дѣлайте, что хотите, а я одинъ съ моими русскими войсками намѣренъ атаковать турокъ, и также одинъ надѣюсь разбить ихъ» ([1]).

Такимъ образомъ двѣ неожиданности для турокъ уже были рѣшены. Первое изъ нихъ было прибытіе 7,000 русскихъ героевъ съ Суворовымъ во главѣ, тогда какъ визирь, по послѣднимъ свѣдѣніямъ отъ шпіоновъ, предполагалъ его въ Пуцени. Затѣмъ этотъ же визирь, гордый прошлогоднимъ пораженіемъ австрійцевъ при Слатинѣ, настолько навѣрняка разсчитывалъ съ успѣхомъ атаковать и раздавить австрійцевъ, что заранѣе заготовилъ множество цѣпей для заковыванія плѣнныхъ ([2]) и вмѣсто того самъ былъ на другой день атакованъ. Для дальнѣйшаго скрытія этихъ неожиданностей, войска выступили съ мѣста по закатѣ солнца и, благодаря темной ночи и принятымъ мѣрамъ къ полнѣйшей тишинѣ движенія, со свѣтомъ неожиданно явился передъ позиціями противника. Ожесточенный и неравный бой завязался между 100,000-ной арміею визиря и 25,000-ными силами союзниковъ. Стойко отражали австрійцы, построенные въ небольшія каре, по указанію Суворова, бѣшенныя атаки несмѣтныхъ массъ турецкой конницы, пока Суворовъ со своею колонною атаковалъ съ музыкою, барабанами и распущенными знаменами передовые непріятельскіе лагери, пробиваясь къ ихъ главной позиціи у Крынгу-Мейлорскаго лѣса. Наконецъ, далеко за полдень, охладивъ надежду на успѣхъ у турецкой кавалеріи, оба корпуса соединились передъ главной турецкой позиціею, представлявшей изъ себя неоконченный и весьма слабой профили ретраншаментъ, за которымъ былъ очень рѣдкій лѣсъ. Позицію эту занимали 40,000 пѣхоты—янычаръ, еще не участвовавшихъ въ бою, при 88-ми орудіяхъ большаго калибра. Союзники, сомкнувшись флангами, построились передъ этой позиціею и повели на нее наступленіе кареями, съ интервалами, во второй же линіи была кавалерія. Въ такомъ порядкѣ союзники подошли

([1]) Смиттъ, ч. I, стр. 264 и 265.

([2]) А. Петровъ, «Вторая война», т. II, стр. 73.

на 300—400 саженъ къ ретраншаменту подъ сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ турокъ. Но въ это время вдругъ вся кавалерія союзниковъ выскочила въ интервалы между кареями и хлынула на ретраншаментъ. Пораженные столь невиданнымъ способомъ дѣйствій противъ укрѣпленія, янычары допустили кавалерію вскочить во внутрь ретраншамента и только тамъ уже, на узкомъ пространствѣ между нимъ и лѣсомъ, вступили въ ожесточенный рукопашный бой. Но тѣмъ временемъ пѣхота, не тревожимая огнемъ непріятеля, быстро прибѣжала на выручку своей кавалеріи и штыковою работою довершила пораженіе, обративъ непріятеля въ безпорядочное и полное бѣгство. Побѣда была блистательная и полная, одними убитыми турки потеряли до 15.000, изъ всей арміи у визиря собралось въ Мачинѣ лишь до 15.000, остальные разбѣжались. Было взято 100 знаменъ, шесть мортиръ, семь осадныхъ и 67 полевыхъ орудій (1). Въ тотъ же и на другой день было ведено энергичное преслѣдованіе, такъ что всѣ богатые лагери турокъ, съ запасами и обозомъ стали добычею побѣдителей. На другой день послѣ боя Суворовъ построилъ въ каре всѣ свои войска на полѣ битвы и приказалъ отслужить торжественное молебствіе. Людямъ было приказано имѣть при себѣ лавровыя вѣтки, которыми они и увѣнчали себя, послѣ воодушевленной благодарностью рѣчи Суворова (2).

Въ этихъ двухъ эпизодахъ мы видимъ примѣненіе скрытности и крайней быстроты и рѣшительности дѣйствій, благодаря чему у противника вырывается изъ рукъ иниціатива дѣйствій, измѣняется коренными образомъ обстановка и разбиваются всѣ, лелеянныя противникомъ, мечты и предположенія о легкости предстоящаго захвата непріятеля. Послѣ чего предпринимается столь стремительная атака, которая не даетъ времени туркамъ сообразиться въ новыхъ обстоятельствахъ и принять мѣры противодѣйствія. Во время же самыхъ атакъ принимаются всѣ мѣры для возбужденія своихъ войскъ, а для пораженія и безъ того смущеннаго противника принимаются иногда невиданные имъ способы дѣйствій.

Столь же широкое развитіе нравственныхъ мѣръ мы видимъ въ дѣйствіяхъ Суворова подъ Измаиломъ, гдѣ ему представился случай свершить еще болѣе блистательный подвигъ.

Въ концѣ ноября 1790 года войска наши, стоявшія подъ Измаиломъ, главнѣйшимъ оплотомъ турокъ, уже приняли мѣры къ отступленію отъ крѣпости для расположенія на зимнія квартиры, согласно

(1) А. Петровъ, «Вторая война», т. II, стр. 72.

(2) Смиттъ, ч. I, стр. 278.

постановленію собраннаго военнаго совѣта: «...крѣпость Измаилъ представляетъ чрезвычайно сильную оборону, занята многочисленнымъ гарнизономъ и защищается энергическимъ пашею, то взять такую крѣпость штурмомъ представляетъ «чрезвычайныя затрудненія» (1). Предпринять же осаду за позднимъ временемъ и недостаткомъ средствъ тоже сочтено было невозможнымъ. Но по высшимъ военнымъ и политическимъ соображеніямъ, Потемкину необходимо было покончить какъ нибудь съ Измаиломъ и онъ выбралъ для этого самое вѣрное средство—поручилъ это дѣло Суворову. Но дѣло оказывалось дѣйствительно выходящее изъ ряда по своей трудности. Измаилъ представлялъ изъ себя первоклассную крѣпость, укрѣпленія которой были въ послѣднее время улучшены французскими инженерами; имѣлъ все, что нужно было для упорной и долгой обороны; былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ на цѣлыхъ 1½ мѣсяца. Защищался же онъ 30,000-нымъ гарнизономъ отборныхъ турецкихъ войскъ, не считая, всегда готовыхъ къ оборонѣ, жителей. Хотя часть этого гарнизона и была изъ числа отпущенныхъ по капитуляціямъ гарнизоновъ Хотина, Бендеръ, Аккермана и Киліи, но это могло усилить только ихъ стойкость въ сопротивленіи, такъ какъ разгнѣванный султанъ: «...подъ угрозою самыхъ тяжкихъ наказаній, воспретилъ имъ всякія капитуляціи; въ противномъ случаѣ фирманомъ повелѣно было каждаго изъ гарнизона Измаила, найденнаго гдѣ бы ни было въ живыхъ, казнить смертью» (2). Къ тому же гарнизонъ этотъ былъ подъ начальствомъ испытаннаго и храбраго стараго воина Айдосъ-Мехмедъ-паши. Русскія же войска уже дважды отходили отъ стѣнъ Измаила, не взявъ его. Теперь войска эти были численностью въ 31,000 (3), въ числѣ которыхъ половина состояла изъ казаковъ, вооруженныхъ пиками. Осадныхъ орудій не было, во всемъ былъ недостатокъ. Начальники этихъ войскъ только что сдѣлали упомянутое постановленіе на общемъ совѣтѣ. Но это были русскія войска, а Суворовъ зналъ, какими мѣрами возможно поднять ихъ нравственныя силы до крайнихъ предѣловъ и достичь съ ними даже невозможнаго.

И, дѣйствительно, одна вѣсть о назначеніи Суворова подъ Измаилъ, по свидѣтельству историковъ, вселила въ войска новую надежду и неудержимую радость. Съ прибытіемъ же его къ крѣпости общая радость распространилась между войсками: только онъ, олицетворенная рѣшимость, могъ тѣмъ или другимъ способомъ рѣшить

(1) А. Петровъ, «Вторая война», т. II, стр. 171.
(2) Смиттъ, ч. I, стр. 329—330.
(3) По другимъ—20,000. А. Петровъ.

дѣло; залпъ всѣхъ батарей привѣтствуетъ его прибытіе; на всѣхъ лицахъ видна надежда на счастливый успѣхъ. Все тотчасъ же принимаетъ другой видъ: дѣятельность Суворова, его усердіе, его увѣренность, его презрѣніе къ смерти, переходитъ въ души солдатъ; подъ его предводительствомъ ничто не кажется имъ слишкомъ смѣлымъ или слишкомъ труднымъ. И онъ умѣетъ каждаго ободрить должнымъ образомъ, и всѣ возлагаютъ на него свои надежды. «Видите-ли эту крѣпость», говоритъ онъ солдатамъ, указывая на Измаилъ,—«стѣны ея высоки, рвы глубоки, а все-таки намъ нужно взять ее. Матушка Царица приказала и мы должны ея слушаться».—«Съ тобою навѣрное возьмемъ ее!», съ радостными кликами отвѣчали ему солдаты, и отъ перваго до послѣдняго каждый горѣлъ желаніемъ доказать ему это» ([1]).

Въ этихъ словахъ мы видимъ, что Суворовъ далеко не скрываетъ отъ людей трудности предстоящаго подвига и силу крѣпости противника и противопоставляетъ этому лишь несокрушимую силу долга службы въ исполненіи желанія Верховнаго вождя арміи.

Отправляясь подъ Измаилъ, онъ выбираетъ изъ войскъ, бывшихъ подъ его начальствомъ въ Галацѣ, для слѣдованія съ нимъ, «своихъ храбрыхъ фанагорійскихъ гренадеръ» и 150 охотниковъ изъ Апшеронскаго полка.

5-го декабря войска снова обложили Измаилъ и дѣятельно принялись изготовлять лѣстницы и фашины. По ночамъ войска (ночью — чтобы не видѣли турки, да и штурмъ предполагался ночной) обучались, весьма часто лично Суворовымъ, штурмовать нарочно построенный для этого валъ со рвомъ, причемъ должны были колоть штыкомъ фашины, изображавшія турокъ.

Для устрашенія турокъ и съ демонстративною цѣлью, въ ночь на 7-е декабря были выстроены четыре батареи, вооруженныя 40 полевыми орудіями; на утро батареи открыли огонь по крѣпости. Въ тотъ же день былъ посланъ въ Измаилъ парламентеръ съ увѣщательнымъ письмомъ Потемкина и Суворова; къ этому письму Суворовъ прибавилъ еще собственноручно слѣдующую краткую и внушительную записку:

«Сераскиру, старшинамъ и всему обществу. Я съ войсками сюда прибылъ. 24 часа на размышленіе—воля. Первый мой выстрѣлъ—уже неволя; штурмъ—смерть. Это оставляю вамъ на разсмотрѣніе».

На это сераскиръ прислалъ длинное письмо, сводившееся соб-

([1]) Смиттъ, ч. I, стр. 329.

ственно къ отказу, хотя онъ и просилъ назначенія срока и перемирія для сношенія съ властями. Но это все было лишь съ цѣлью затянуть дѣло. Суворовъ приказалъ прочесть этотъ отвѣтъ во всѣхъ ротахъ и собралъ на совѣтъ военноначальниковъ, тѣхъ самыхъ, которые дѣлали предыдущее постановленіе, но которыхъ теперь нужно было увѣрить въ успѣхѣ предполагаемаго штурма.

Вотъ въ какихъ словахъ разсказываетъ про этотъ совѣтъ одинъ изъ военныхъ историковъ:

«Въ краткихъ, но внушительныхъ словахъ представляетъ Суворовъ слѣдующее: «Дважды стояли русскіе передъ Измаиломъ и дважды отступали отъ него; теперь, въ третій разъ, имъ ничего болѣе не остается, какъ взять крѣпость или умереть. Правда, трудности большія; крѣпость сильная, гарнизонъ ея—армія; но русской силѣ и русскому оружію ничто не должно противостоять; и они, русскіе, тоже сильны, исполнены рѣшимости и главное — до сихъ поръ не отступали ни передъ какимъ затрудненіемъ. Турки, въ своемъ высокомѣріи, воображаютъ себѣ, что могутъ пренебрегать ими за своими стѣнами. Поэтому-то именно и слѣдуетъ показать имъ, что русскій воинъ съумѣетъ всюду настигнуть ихъ». Затѣмъ онъ указалъ на нравственное вліяніе: «Отступленіе произвело бы сильный упадокъ духа въ войскахъ, отозвалось бы во всей Европѣ и придало бы еще болѣе высокомѣрія туркамъ и ихъ друзьямъ. Если же Измаилъ будетъ покоренъ, то кто впредь будетъ противиться русскимъ?» Наконецъ, съ одушевленнымъ выраженіемъ лица, онъ объявилъ свою рѣшимость—или водрузить русскія знамена на стѣнахъ Измаила, или пасть подъ его развалинами.

Рѣчь его воспламенила всѣ умы, и когда стали собирать голоса, то бригадиръ Платовъ, какъ младшій въ совѣтѣ, первый громкимъ голосомъ воскликнулъ: «на штурмъ!». Всѣ съ воодушевленіемъ присоединились къ его мнѣнію. Суворовъ бросился къ нему на шею, и затѣмъ перецѣловалъ всѣхъ по очереди. «Сегодня, сказалъ онъ, Богу молиться, завтра—учиться, послѣ завтра — побѣда или славная смерть!».—«Побѣда или славная смерть!» повторили всѣ съ пламенными взорами, и штурмъ Измаила былъ рѣшенъ» [1].

Послѣ всего сказаннаго постановленіе совѣта вылилось въ слѣдующую форму:

«Приближаясь къ Измаилу, по диспозиціи приступить къ штурму неотлагательно, дабы не дать непріятелю время еще болѣе укрѣ-

[1] Смиттъ, ч. I, стр. 332.

ниться, и по сему уже нѣтъ надобности относиться къ его свѣтлости главнокомандующему; сераскиру въ его требованіи отказать. Обращеніе осады въ блокаду исполнять не должно. Отступленіе предосудительно побѣдоносным Ея Императорскаго Величества войскамъ» (1).

Штурмъ былъ назначенъ въ ночь на 11-е число съ цѣлью скрыть отъ противника малочисленность атакующаго. Оставалось теперь только возбудить до крайнихъ предѣловъ духъ своихъ войскъ. 10-го числа съ утра болѣе 500 орудій съ сухопутной стороны, съ острова и судовъ открыли горячую канонаду по крѣпости. Крѣпость отвѣчала болѣе чѣмъ изъ 250 орудій. Бомбардировка продолжалась безпрерывно цѣлый день и окончилась лишь за 2½ часа до начала штурма. Но и затѣмъ приказано было продолжать стрѣльбу: «пустыми выстрѣлами вплоть до разсвѣта» (2). Никто въ эту ночь въ ожиданіи штурма не спалъ. Въ диспозиціи и прибавленіи къ ней было указано: «Хотя всю ту ночь употребить на внушеніе мужества и твердыхъ мѣръ къ успѣхамъ, но на сказанную линію не иначе приступить и тихо, какъ до опредѣленнаго времени, примѣрно прежде четверти часа, соразмѣряя излишнее положеніе равнообразно въ разстояніи частей войскъ, и чтобы людей не удручить медленіями къ пріобрѣтенію славы...» (3). Самъ Суворовъ всю ночь, до начала штурма, ходилъ отъ одного костра къ другому для личныхъ разговоровъ съ людьми: «Какой полкъ?» спрашивалъ онъ и, получивъ отвѣтъ, хвалилъ каждую часть особенно, припоминалъ минувшіе дни, когда онъ вмѣстѣ съ ними сражался въ Польшѣ, Турціи, подъ Кинбурномъ и въ Крыму. «Славные люди,—храбрые солдаты», восклицалъ онъ,—«тогда они дѣлали чудеса, а сегодня превзойдутъ самихъ себя». И всѣхъ воспламеняли эти слова, и всѣ жаждали показать себя достойными этой похвалы» (4).

Такими разговорами Суворову удалось довести людей до высшей степени боеваго азарта и немудрено, что онъ запретилъ выводить людей къ штурму раньше чѣмъ за четверть часа до назначеннаго времени, зная, что ничто такъ не понижаетъ духа войскъ, какъ томительное и безцѣльное ожиданіе.

Кромѣ того, имъ былъ отданъ слѣдующій приказъ по войскамъ: «Храбрые воины! Приведите себѣ въ сей день на память всѣ наши

(1) А. Петровъ, «Вторая война», т. II, стр. 177.
(2) Н. Орловъ. «Штурмъ Измаила», стр. 141.
(3) Смиттъ, ч. I, стр. 360.
(4) Смиттъ, ч. I, стр. 338.

побѣды и докажите, что ничто не можетъ противиться силѣ оружія россійскаго. Намъ предлежитъ не сраженіе, которое бы въ волѣ нашей состояло отложить, но непремѣнное взятіе мѣста знаменитаго, которое рѣшитъ судьбу кампаніи, и которое почитаютъ гордые турки неприступнымъ. Два раза осаждала Измаилъ русская армія и два раза отступала; намъ остается въ третій разъ или побѣдить, или умереть со славою» (1).

Своихъ фанагорійцевъ и апшеронскихъ охотниковъ онъ назначилъ на одну изъ самыхъ трудныхъ частей крѣпостнаго вала — каменный редутъ Табію. Штурмъ долженъ былъ начаться по сигналу ракетами и по свѣреннымъ часамъ начальниковъ, но чтобы ракеты не выдали начала штурма, за нѣсколько дней передъ нимъ приказано было: «ракетами пріучать бусурманъ, пуская оныя въ каждую ночь во всѣхъ частяхъ передъ разсвѣтомъ» (2).

Къ $5^1/_2$ часамъ ночи при полной темнотѣ и въ густомъ туманѣ всѣ колонны двинулись на крѣпостную ограду. Наблюдая все время внимательно за ходомъ штурма по направленію и тону боевыхъ криковъ, Суворовъ замѣтилъ замедленіе въ движеніи атаки впередъ 6-й колонны Кутузова и: «...немедленно посылаетъ онъ къ Кутузову офицера съ ободряющею вѣстью, что «онъ назначилъ его комендантомъ Измаила и уже послалъ въ Петербургъ извѣстіе о покореніи крѣпости. Кутузовъ, какъ вновь одушевленный, призываетъ на помощь свой резервъ и съ кликомъ: «съ нами Богъ!» снова наступаетъ противъ непріятеля, опрокидываетъ его, беретъ бастіонъ, затѣмъ еще другой и черезъ средній валъ соединяется съ 5-ю колонною .

Не можемъ не упомянуть еще объ одномъ эпизодѣ во время штурма, какъ характеризующемъ нашихъ полковыхъ священниковъ и ихъ значеніе въ боевой семьѣ. На 4-ю и 5-ю колонны, составленныя изъ казаковъ съ пиками, была произведена рѣшительная вылазка турками. Казаки подались назадъ и изнемогали въ неравномъ по вооруженію бою; Суворовъ прислалъ имъ немедленную помощь изъ пѣхоты и кавалеріи. Одинъ изъ баталіоновъ Полоцкаго полка, двинувшись въ штыки на непріятеля, теряетъ своего командира, солдаты колеблятся и приходятъ въ разстройство: «...это видитъ полковой священникъ, воспламеняется мужествомъ, высоко поднимаетъ крестъ съ изображеніемъ Искупителя, обѣщаетъ имъ вѣрную побѣду и, указывая путь къ ней, бросается на сабли турокъ. Воспламенен-

(1) А. Петровъ, «Вторая война», т. II, стр. 179

(2) Н. Орловъ, «Штурмъ Измаила», стр. 56.

ному этимъ мужествомъ солдатъ уже ничто не можетъ противиться: неудержимо стремятся они впередъ и все падаетъ подъ ихъ штыками.

Послѣ отбитой вылазки казаки снова пошли на штурмъ вала, имѣя въ головѣ своего командира Платова, который съ лѣстницею въ рукахъ кинулся впередъ съ крикомъ: «Съ нами Богъ и Екатерина! товарищи, братья-русскіе,—за мной!» (1). Къ разсвѣту весь валъ былъ въ нашихъ рукахъ и войска, устроившись, начали еще болѣе трудное дѣло—уничтоженіе всѣхъ защитниковъ внутри города, такъ какъ ожесточенные турки отдавали каждый клочекъ земли только цѣною смерти. Ожесточеніе было ужасное и страшное кровопролитіе продолжалось до 4-хъ часовъ пополудни, когда, наконецъ, всѣ сопротивлявшіеся были истреблены и Измаилъ покоренъ. Изъ всѣхъ его защитниковъ было убито 30,860 человѣкъ и взято въ плѣнъ 9,000, уйдти изъ Измаила успѣлъ случайно одинъ раненый. Въ крѣпости взято было 265 орудій, 3,000 пудовъ пороха, 20,000 ядеръ и множество другихъ боевыхъ запасовъ, до 400 знаменъ и небольшая флотилія. Съ нашей стороны потери простирались до 1,800 убитыми и 2,400 ранеными (2).

На другой день было торжественное молебствіе, которое служилъ герой-священникъ Полоцкаго полка. Салютомъ изъ взятыхъ орудій и благодарными рѣчами Суворова къ своимъ богатырямъ закончилось это торжество.

Такъ пала послѣдняя твердыня турокъ на Дунаѣ, путь къ Балканамъ былъ открытъ и надолго имя Суворова и его богатырей сдѣлалось главнымъ страшилищемъ для турокъ. Насколько велико было восхищеніе и изумленіе всего русскаго народа, настолько же велика была паника въ средѣ турецкихъ войскъ: они разбѣгались изъ Мачина и Бабадага. Браиловъ со своимъ 12,000-нымъ гарнизономъ просилъ своего пашу не медлить сдачею.

Сергѣй Гершельманъ.

(Продолженіе будетъ).

(1) Смиттъ, ч. I, стр. 341 и 342.
(2) А. Петровъ, «Вторая война», т. II, стр. 187 и 188.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ЧАСТНЫХЪ НАЧАЛЬНИКОВЪ НА ВОЙНѢ.

(*Статья пятая*) ([1]).

VI.

Предупрежденіе приказаній.—Преслѣдованіе общихъ, главныхъ цѣлей.—Самостоятельная постановка новыхъ, частныхъ цѣлей.

Послѣдствіемъ правильной оцѣнки обстановки и сообразныхъ съ нею раціональныхъ рѣшеній и дѣйствій со стороны частныхъ начальниковъ бывало часто замѣчаемое у нѣмцевъ (въ послѣднія ихъ войны) «предупрежденіе приказаній».

Подобное «предупрежденіе» имѣетъ подчасъ значеніе самое рѣшительное. Припомнимъ сказанное прежде, что въ настоящую эпоху приходится управлять весьма большими массами войскъ, расчлененными на крупныя тактическія единицы, раскинутыми на весьма значительныхъ пространствахъ. Такимъ образомъ, сборъ свѣдѣній, передача приказаній, равно какъ исполненіе по нимъ требуютъ противъ прежняго времени гораздо больше, а между тѣмъ, самое время осталось неизмѣннымъ; такъ что всѣ послѣдовательныя распоряженія, которыя при меньшихъ арміяхъ были еще возможны и исполнимы въ теченіе одного дня, никакъ не умѣщаются теперь въ эту неизмѣнную единицу времени.

Понятно, что главное начальство войскъ, дѣйствующихъ въ общей ближайшей связи между собою, должно бы, передъ отдачею приказаній на каждый слѣдующій день, выждать не только свѣдѣній отъ всѣхъ начальниковъ подвѣдомственныхъ частей войскъ (напримѣръ, корпусовъ), но и тѣхъ, которыя собраны передовою конницею, находящеюся впереди общаго фронта. Однако, далеко не всѣ эти свѣдѣнія поспѣваютъ во-время. Такъ, напримѣръ, въ періодъ наступленія

([1]) См. «Военный Сборникъ» 1891 г., № 12-й.

нѣмецкихъ силъ на армію маршала Макъ-Магона, законченнаго Седанскимъ погромомъ послѣдней, прусская главная королевская квартира получила только на другой день многія немаловажныя донесенія своей передовой кавалеріи.

Этотъ недостаточный размѣръ единицы времени еще рѣзче высказывается въ дни боеваго кризиса. Немногіе свѣтлые часы сутокъ, которые прежде были достаточны для первоначальнаго направленія и цѣлесообразнаго маневра тогдашнихъ (хотя бы Фридриховской эпохи) армій, оказались рѣшительно недостаточны, когда дѣло пошло о дневномъ маневрѣ армій, несравненно болѣе многочисленныхъ, какими были арміи эпохи войнъ первой французской республики и Наполеоновскихъ. Управленіе этими арміями въ дни боеваго кризиса сдѣлалось возможнымъ только вслѣдствіе расчлененія прежняго непрерывнаго боеваго строя, посредствомъ перехода отъ тактики линейной къ такъ называемой перпендикулярной. Затѣмъ съ бо̀льшимъ еще увеличеніемъ армій осталось только точно также расчленить и самый починъ въ командованіи, бывшій прежде всецѣло въ рукахъ главнаго начальника. Почином̀ъ этимъ въ частностяхъ (но въ частностяхъ все болѣе и болѣе крупныхъ) главный начальникъ неминуемо долженъ подѣлиться теперь со своими подчиненными. Причина та, что «вся» обстановка, на сколько она слагается изъ суммы частныхъ обстановокъ, выясняется главному начальнику, зачастую, слишкомъ поздно. Если затѣмъ допустить даже, что останется еще достаточное время для соображеній главнаго начальника, для изготовленія, разсылки и получки новыхъ его приказаній, то все-таки можетъ не хватить времени для исполненія. Это относится, конечно, и къ днямъ маневреннымъ, но преимущественно къ днямъ боевыхъ столкновеній, въ особенности въ сраженіяхъ встрѣчныхъ, случайныхъ или вообще неожиданныхъ. Лучше всего объясняется это примѣрами.

Подъ Вертомъ 6-го августа 1870 года командиръ 3-й нѣмецкой арміи, кронпринцъ прусскій, прибывшій къ Верту послѣ полудня, увидѣлъ, что три его передовые корпуса: въ центрѣ 5-й, Кирхбаха, правофланговый, 2-й баварскій, Хартмана и лѣвофланговый 11-й, генерала Бозе, ввязались уже въ серьезное дѣло. Кронпринцъ убѣдился окончательно, что нѣтъ уже возможности прервать сраженіе, довозгорѣвшееся помимо его желанія и предвидѣнія. Рѣшившись довести дѣло до конца, кронпринцъ отдалъ, между прочимъ, слѣдующія приказанія, касавшіяся обоихъ заднихъ его корпусовъ:

«1-му баварскому корпусу, Танна, поспѣшать между 5-мъ и 2-мъ баварскими корпусами».

*

Виртембергцамъ, корпуса Вердера, идти за 11-мъ корпусомъ, на Гунштетъ, за ручей Зауэръ. Баденцамъ пока дойти до Зурбурга .

Но въ то время, когда кронпринцъ, около часа дня, отдавалъ эти приказанія съ высотъ восточнѣе Верта, распоряженія его были уже предупреждены частными начальниками. Авангардъ корпуса Танна уже выстроился правѣе войскъ Кирхбаха, сѣвернѣе Верта и четыре баварскія батареи усилили собою длинную его артилерійскую линію. Остальныя части этого корпуса находились въ полномъ движеніи, поспѣшая на поле сраженія. Самъ Таннъ лично объяснялся съ Кирхбахомъ относительно дальнѣйшихъ взаимныхъ дѣйствій. Все это исполнено было уже въ тотъ моментъ, въ который кронпринцъ только отдавалъ свои приказанія. Что касается Вердера, то онъ, получивъ извѣщеніе Бозе о возгорѣвшемся сраженіи, еще въ одиннадцатомъ часу утра, немедля двинулъ на поддержку ему двѣ пѣшія и одну конную виртембергскія бригады, изъ коихъ головная пѣшая бригада появилась у Гунштета уже около двухъ часовъ пополудни, откуда двинулась за р. Зауэръ. Извѣстно, что баварцы и виртембергцы во-время еще успѣли поддержать войска Кирхбаха и Бозе, которыя съ этими свѣжими поддержками сломили, наконецъ, храброе сопротивленіе французовъ и окончили кровавое дѣло полною побѣдою. На сколько нѣмцы въ данномъ случаѣ обязаны побѣдою именно «предупрежденію приказаній», видно изъ слѣдующаго.

Принимая въ разсчетъ срокъ отдачи приказаній кронпринца, часъ дня, время, необходимое для ихъ пересылки, получки, дальнѣйшихъ по нимъ распоряженій частныхъ начальниковъ, наконецъ, для самаго исполненія войсками, при данныхъ разстояніяхъ не трудно разсчитать, что вызываемыя кронпринцемъ поддержки могли прибыть на мѣсто никакъ не раньше 6—7 часовъ пополудни, если не позже. А между тѣмъ, критическіе моменты боя, рѣшившіе его окончательный исходъ, разыгрались уже около 3—4 часовъ пополудни.

Если бы нѣмецкіе начальники въ Вертскомъ бою заранѣе не предупредили приказаній кронпринца, дошедшихъ до нихъ значительно позже, то задача, предпринятая Кирхбахомъ и Бозе, легко могла для нихъ оказаться непосильною и они могли быть окончательно отбиты до прибытія подкрѣпленій отъ корпусовъ Танна и Вердера (виртембергцы), такъ какъ 2-й баварскій корпусъ, Хартмана, пока, не въ силахъ былъ помочь Кирхбаху и Бозе [1]. Вѣроятность

[1] Одна дивизія 2-го баварскаго корпуса была совершенно разбита еще утромъ, а другая, пока, стерегла дорогу на Бичь, у котораго находились войска французскаго корпуса. Фальи.

же возстановить дѣло или вѣрнѣе наново, сначала разыграть его и рѣшить въ пользу нѣмцевъ собственно подходившими подкрѣпленіями, была очень гадательна. По меньшей же мѣрѣ французы, отбивъ Кирхбаха и Бозе, могли бы отойти спокойно и безъ дальнѣйшихъ потерь, а не такъ окончательно разбитые, какъ то случилось въ дѣйствительности, благодаря предупрежденію приказаній кронпринца со стороны Вердера и Танна.

Подобное же рѣшающее значеніе имѣло предупрежденіе приказаній командира арміи со стороны командировъ нѣмецкихъ корпусовъ, прусскаго гвардейскаго и саксонскаго въ сраженіи при Гравелотъ-Сенъ-Прива 18-го августа 1870 года. Случилось это при слѣдующей обстановкѣ.

Утромъ поименованнаго дня нѣмцамъ, стоявшимъ лицомъ на сѣверъ, не было еще извѣстно, что вся французская армія маршала Базена стоитъ на сильной оборонительной позиціи тыломъ къ Мецу и что она, имѣя фронтъ на западъ, должна была очутиться на флангѣ нѣмцевъ при предпринятомъ движеніи послѣднихъ на сѣверъ. Напротивъ того, нѣмецкіе начальники (въ особенности командиръ 2-й ихъ арміи, принцъ Фридрихъ-Карлъ) предполагали, что французы находятся въ полномъ отступленіи на западъ. Имѣя въ виду настичь противника, нѣмцы рѣшили, пока до полнаго выясненія обстановки, двинуться въ сѣверномъ направленіи. Дѣйствительная обстановка раскрывалась передъ нѣмецкими начальниками не вдругъ, а только постепенно. Когда прежде всего замѣчена была лѣвая половина фронта французовъ, то нѣмцы предположили, что ими все уже раскрыто. Рѣшено было охватить воображаемый правый флангъ противника движеніемъ на Аманвилье, бывши въ дѣйствительности въ центрѣ позиціи маршала Базена. Сообразно этой, далеко еще не точной оцѣнкѣ дѣйствительной обстановки, командиръ 2-й нѣмецкой арміи отдалъ въ двѣнадцатомъ часу дня приказанія: гвардейскому корпусу двинуться черезъ Верневиль или Абонвиль и оттуда произвести серьезное наступленіе противъ непріятельскаго праваго фланга (предполагавшагося у Аманвилье). Одновременно приказано саксонскому корпусу идти на Сентъ-Мари съ цѣлью отрѣзать противнику путь на Бріей.

Но между тѣмъ командиры обоихъ поименованныхъ корпусовъ, гвардейскаго и саксонскаго, стараясь выяснить себѣ обстановку (въ сѣверо-восточномъ направленіи), каждый на свою руку, успѣли въ атомъ, естественно, гораздо скорѣе своего начальника, командира арміи и затѣмъ немедленно приняли соотвѣтственныя рѣшенія, а именно:

Въ тотъ самый почти моментъ, когда командиръ арміи, принцъ Фридрихъ-Карлъ еще только отдавалъ гвардейскому корпусу приведенное выше приказаніе, основанное на ошибочномъ предположеніи, что правый флангъ французовъ не доходитъ до Аманвилье, командиръ послѣдняго, принцъ Виртембергскій, доноситъ уже о томъ, что французская пѣхота находится въ Сентъ-Мари-о-Шенъ и что много французскихъ войскъ въ Сенъ-Прива-ля-Монтань, т. е. еще лѣвѣе Аманвилье. Почему гвардія двинется немедленно (согласно прежнему приказанію, отданному командиромъ арміи въ 10 часовъ утра), но пойдетъ она не на Верневиль, а на Абонвиль, т. е. лѣвѣе.

Съ своей стороны кронпринцъ саксонскій узналъ уже, что нѣтъ французовъ въ сѣверномъ направленіи (гдѣ ихъ первоначально предполагалъ принцъ Фридрихъ-Карлъ), но что они замѣчены въ сторонѣ сѣверо-восточной. Кронпринцъ саксонскій рѣшилъ взять это направленіе, двигаясь въ общемъ на Сентъ-Мари-о-Шенъ и разослалъ соотвѣтственныя приказанія, въ то время, когда командиръ арміи только отправлялъ свое помянутое выше приказанія, совершенно совпадавшія съ рѣшеніями командира саксонскаго корпуса (¹).

Для того, чтобы оцѣнить всю важность рѣшеній и дѣйствій кронпринца саксонскаго, не лишне припомнить, что, несмотря на громадное превосходство наличныхъ силъ, нѣмцы до вечера отражаемы были французами по всей линіи и что войска лѣвофлангового ихъ, прусскаго гвардейскаго корпуса, послѣ преждевременной неудачной атаки на Сенъ-Прива, понеся громадныя потери, залегли по склонамъ французской позиціи вблизи поименованнаго пункта, въ положеніи самомъ неудобномъ и опасномъ. Стоило только французамъ произвести тутъ серьезную контръ-атаку, чтобы окончательно отбросить нѣмцевъ отъ своей позиціи и одержать надъ ними въ тотъ день крупный успѣхъ.

Извѣстно, что саксонцы не только, предупреждая приказаніе командира арміи, заранѣе направились на Сентъ-Мари, но что они совершенно самостоятельно предприняли оттуда охватывающее движеніе на Ронкуръ и завершили его совмѣстно съ прусской гвардіей удачною, на сей разъ, атакою на Сенъ-Прива, рѣшившей побѣду въ пользу нѣмцевъ скоро послѣ заката солнца, около 8-ми часовъ ве-

(¹) При тождественности рѣшеній мотивы, вызвавшіе ихъ, были хотя и однородны, но не вполнѣ совпадали между собою. Принцъ Фридрихъ-Карлъ имѣлъ въ виду окончательно отрѣзать замѣченныхъ у Меца французовъ, а кронпринцъ саксонскій собственно, прежде всего, необходимость наступленія на непріятеля, оказавшагося тамъ, гдѣ принцъ Фридрихъ-Карлъ, пока, его не ожидалъ.

чера. Нелишне замѣтить, что исполнимое еще въ ту пору дня, т. е. относительно засвѣтло, сдѣлалось бы по многимъ причинамъ немыслимо какими нибудь двумя часами позже. Достаточно указать въ этомъ отношеніи на то, что многочисленная нѣмецкая артилерія, на долю коей падаетъ значительная часть заслуги въ окончательномъ успѣхѣ Гравелотскаго боя, волею неволею должна бы прекратить свой адскій огонь на Сенъ-Прива, а съ другой стороны, прусская гвардія едва ли могла удержаться долѣе въ своемъ трудномъ положеніи и, вѣроятно, воспользовалась бы темнотою, представлявшею ей возможность безопаснаго отступленія. Понятно, что если бы кронпринцъ саксонскій не «предупредилъ приказаній», то маневръ его легко могъ значительно замедлиться какъ отъ обычныхъ проволочекъ, такъ и отъ столь частыхъ на войнѣ случайностей; а засимъ за темнотою маневръ сдѣлался бы уже неисполнимымъ.

Такимъ образомъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что нѣмцы при данной обстановкѣ, при которой разыгрались сраженія при Вертѣ и Гравелотъ-Сенъ-Прива, обязаны двумя крупными побѣдами, именно, предупрежденію приказаній со стороны частныхъ начальниковъ.

Понятно, что «предупрежденіе приказаній» при правильной командной системѣ заявляетъ о себѣ не только въ дни боевыхъ столкновеній, но и при промежуточныхъ между ними подготовительныхъ операціяхъ. Періодъ времени, предшествовавшій сраженію при Гравелотѣ, представляетъ тому нѣсколько поучительныхъ примѣровъ.

Помянутыя уже прежде распоряженія нѣмецкихъ начальниковъ, а именно, направленіе Фохтсъ-Рецомъ 19-й пѣхотной дивизіи 13-го августа для занятія переправъ на р. Мозелѣ и предварительный сборъ гвардейскаго прусскаго корпуса ближе къ сѣверу 16-го августа, въ день боя при Марсъ-ля-Турѣ «предупреждали собою послѣдующія приказанія командира арміи. Точно также предупредилъ приказанія главной королевской квартиры принцъ Георгъ саксонскій, отправившійся къ Марсъ-ля-Туру ночью съ 16-го на 17-е августа по извѣщенію Фохтсъ-Реца, что тамъ необходимы свѣжія поддержки.

Подобныхъ примѣровъ можно бы набрать въ дѣйствіяхъ нѣмцевъ гораздо больше; «предупрежденіе приказаній», основанное на толковой оцѣнкѣ обстановки, смѣломъ сообразномъ ей самостоятельномъ рѣшеніи и исполненіи, составляетъ въ нѣмецкой арміи явленіе, можно сказать заурядное.

Нужно ли еще указывать, какой громадный перевѣсъ дастъ такой арміи «предупрежденіе приказаній» въ борьбѣ съ иной, въ которой всякъ привыкъ ожидать толчка извнѣ, въ формѣ «приказаній свыше»,

между тѣмъ какъ въ лучшемъ случаѣ, т. е. если приказанія дѣйствительно получатся, зачастую для исполненія ихъ все-таки не хватитъ уже времени. Такъ было у Шпихерна, гдѣ три французскія дивизіи, выжидавшія на все приказаній, прибыли на поле сраженія уже въ темнотѣ, между тѣмъ какъ онѣ имѣли полную возможность поспѣть во-время по собственному, конечно, почину, и тѣмъ замѣнить испытанное пораженіе въ полную для французовъ побѣду.

Насколько могутъ запаздывать приказанія, а съ ними и войска ихъ выжидающія, показываетъ еще примѣръ 9-го прусскаго корпуса, генерала Манштейна, въ день сраженія при Марсъ-ля-Турѣ.

Диспозиціею по 2-й нѣмецкой арміи на 16-е августа приказано было 9-му корпусу совершить небольшой переходъ отъ Бюни до Спленьи, не доходя верстъ 15 до Павэанъ на р. Мозелѣ. Дойти до этой рѣки и переправиться черезъ нее приказано было корпусу на слѣдующій день 17-го августа. Такимъ образомъ направляемыя тою диспозиціею въ тылъ Мецу части 2-й арміи (корпуса Альвенслебена и Фохтсъ-Реца) должны были очутиться одни безъ поддержекъ не только въ теченіе 16-го августа, но отчасти и 17-го числа. Главная королевская квартира, видимо, усомнилась въ цѣлесообразности этого распоряженія начальства 2-й арміи. На этомъ основаніи генералъ Мольтке еще въ $7^1/_2$ часовъ утра 16-го августа послалъ офицера генеральнаго штаба съ открытымъ приказаніемъ, въ коемъ значилось, чтобы 9-й корпусъ, по возможности, переправился черезъ Мозель еще въ тотъ же день (16-го августа) или, по крайней мѣрѣ, дошелъ вплоть до этой рѣки. Несмотря на то, что разстояніе отъ главной королевской квартиры, Орни до Бюни (штабъ 9-го корпуса въ ночь съ 15-го на 16-е августа) было не болѣе верстъ 15, а оттуда до Спленьи всего 7—8, тѣмъ не менѣе помянутое приказаніе дошло собственно до генерала Манштейна только въ 3 часа пополудни. Запоздалыя за тѣмъ распоряженія Манштейна дали изнемогавшему въ неравномъ бою 3-му корпусу, Альвенслебена, всего четыре баталіона поддержки, да и тѣ попали въ бой почти ночью и ничего существеннаго сдѣлать не могли. А между тѣмъ части 9-го корпуса могли оказать товарищамъ своимъ помощь гораздо болѣе существенную и своевременную, если бы подчиненные Манштейну начальники дивизій рѣшились дѣйствовать сообразно обстановкѣ, не ожидая приказаній, но они стѣснены были положительнымъ воспрещеніемъ своего командира корпуса «не предпринимать 16-го августа никакихъ передвиженій, сверхъ приказанныхъ».

Къ этому «воспрещенію» мы возвратимся еще ниже, пока же

достаточно указать на то, что приведенный примѣръ констатируетъ еще разъ, что «непредупрежденное» приказаніе въ сущности вовсе не было исполнено.

«Предупрежденіе приказаній» старшаго со стороны младшихъ начальниковъ беретъ свое начало прежде всего, конечно, въ одинаковомъ знаніи дѣла вообще (какъ старшимъ, такъ и младшими), въ одинаковой затѣмъ оцѣнкѣ данной, конкретной обстановки и, наконецъ (а это самое главное), въ преслѣдованіи одной и той же цѣли.

Преслѣдованіе одной и той же главной цѣли, какъ со стороны старшаго начальника, такъ и его подчиненныхъ, есть самое основное условіе успѣха; къ нему сводится вся суть дѣла; только на немъ зиждется единство дѣйствій вездѣ и всегда, когда данныя и полученныя приказанія оказываются недостаточны или же не отвѣчаютъ раскрывшейся обстановкѣ. Поэтому указаніе подчиненнымъ цѣлей (какъ главной, такъ и частныхъ) составляетъ первую обязанность старшаго начальника, предпринимающаго какую либо операцію. Упущенія въ этомъ отношеніи, неминуемы, неблагопріятно отзываются на исходѣ операцій. Въ подтвержденіе этого привожу дѣйствія отряда князя Шаховскаго передъ Гроховскимъ сраженіемъ въ Польскую кампанію 1831 года.

Извѣстно, что подошедшій къ Прагѣ съ главными своими силами фельдмаршалъ Дибичъ имѣлъ въ виду 14-го февраля атаковать, ставшую на позиціи впереди Праги, польскую армію съ фронта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, направить въ тылъ ея подошедшій отъ Ковно отрядъ князя Шаховскаго, въ то время успѣвшаго переправиться съ праваго на лѣвый берегъ Буго-Нарова у Зегрже и приближавшагося флангованымъ маршемъ мимо Праги для «присоединенія» къ главнымъ силамъ Дибича, согласно полученнымъ прежде приказаніямъ.

Рѣшивъ, въ отмѣну прежняго приказанія («присоединиться къ главнымъ силамъ») дать Шаховскому новое назначеніе, дѣйствительно болѣе согласное съ раскрывшейся, между тѣмъ, обстановкою, фельдмаршалъ, однако, не сообщилъ своему подчиненному «цѣли новыхъ своихъ приказаній. Въ приказаніяхъ этихъ значилось просто, чтобы Шаховской «все 12-го февраля оставался у Непорента», безъ указанія мотивовъ. Приказаніе это дошло до Шаховскаго въ то время, когда онъ уже выступилъ изъ Непорента; не зная предположеній фельдмаршала и заботясь главнымъ образомъ объ обезпеченіи себѣ пути къ главнымъ силамъ, князь Шаховской счелъ нуж-

нымъ завладѣть деревнею Бѣлоленкою, у которой ввязался въ дѣло съ польскимъ отрядомъ Янковскаго. Сраженіе у Бялоленки возобновилось и на другой день утромъ, и подало поводъ опасавшемуся за Шаховскаго Дибичу безотлагательно атаковать польскую армію на ея позиціи у Грохова уже 13-го февраля, а не 14-го, какъ онъ предполагалъ прежде. Хотя побѣда въ этомъ, недостаточно подготовленномъ, сраженіи все-таки досталась Дибичу, но она, конечно, была бы гораздо полнѣе и рѣшительнѣе, если бы Шаховской, лучше оріентированный указаніями фельдмаршала, могъ дѣйствовать въ смыслѣ намѣреній послѣдняго, т. е. атаковать противника съ тыла. По этому поводу авторъ сочиненія «Польско-Русская война 1831 года» говоритъ слѣдующее:

«...Отдѣляя Шаховскаго и давая ему особую задачу, Дибичъ не познакомилъ его съ ролью въ этой операціи; онъ не сообщилъ Шаховскому цѣли его остановки и уклоненія, до времени, отъ боя. Еще 12-го числа утромъ не было поздно дать подобные директивы. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ былъ рѣзко нарушенъ, по отношенію отдѣльно оперировавшему корпусному командиру, еще Суворовскій завѣтъ: «всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ».

Гроховское сраженіе, сказать мимоходомъ, въ порожденіи своемъ, дальнѣйшемъ развитіи и окончательномъ исходѣ представляетъ собою поразительную аналогію съ перепетіями гораздо болѣе позднѣйшаго боя у Верта, въ кампанію 1870 года.

Какъ тутъ, такъ и тамъ общее сраженіе разыгралось раньше, нежели оба главнокомандовавшіе (фельдмаршалъ Дибичъ и кронпринцъ прусскій) считали это для себя удобнымъ. Оба они, правда, остались побѣдителями, но далеко не въ той мѣрѣ, какъ это имъ было желательно и вполнѣ возможно; причина тутъ и тамъ вполнѣ тождественна: сраженія при Вертѣ и Гроховѣ не разыгрались по заранѣе обдуманнымъ планамъ и, слѣдовательно, безъ должной подготовки.

Поводомъ къ обоимъ этимъ, по мысли начальниковъ атакующихъ сторонъ, преждевременнымъ сраженіямъ послужили бои частные: Шаховскаго у Бялоленки и Ботмера (командира 2-й баварской дивизіи) противъ Фрэшвейлера. Причины были однородны, а именно: погрѣшности противъ раціональнаго способа сношеній и отдачи приказаній частнымъ начальникамъ. Дибичъ, какъ сказано выше, не пояснилъ Шаховскому мотива переданнаго послѣднему приказанія, оставаться 12-го февраля у Непорента, а съ другой стороны, Ботмеръ получилъ приказаніе по буквѣ дѣйствительно сбивчивое («атаковать по направленію на Фрэшвейлеръ, коль скоро послышится ка-

нонада у Верта»). Оба, впрочемъ, подчиненные начальники тоже далеко небезупречны. Если бы Ботмеръ поглубже вникъ въ смыслъ даннаго ему приказанія, а не держался бы одной лишь его наружной формы, то онъ неминуемо пришелъ бы къ заключенію, что, по смыслу приказанія, канонада у Верта, по которой онъ долженъ былъ начать наступленіе, «подразумѣвалась точно и исключительно происходящею отъ наступленія французовъ». Что касается князя Шаховскаго, то онъ, получивъ хотя и запоздалое приказаніе оставаться у Непорента, долженъ былъ понять, что онъ нуженъ фельдмаршалу въ той именно окрестности, а потому нечего было ему двигаться на присоединеніе къ Дибичу въ день Гроховскаго боя, а разъ онъ все-таки предпринялъ это, ни на что самостоятельно не рѣшившись, то слѣдовало ему двигаться возможно быстрѣе для того, чтобы поскорѣе попасть въ сферу непосредственныхъ распоряженій фельдмаршала; чего онъ, однако, не исполнилъ.

Наконецъ, въ видѣ послѣдняго еще сходства, позволю себѣ добавить, что въ обоихъ случаяхъ основною причиною преждевременныхъ, т. е. вовсе неподготовленныхъ сраженій со стороны атакующаго, была одна и та же основная ошибка, стремленіе, такъ сказать, къ академически безупречной подготовкѣ сраженія, на что, конечно, требовалось время.

Событія доказали въ обоихъ случаяхъ, что всѣ средства для успѣшнаго розыгранія наступательнаго боя были уже подъ рукою: медлить, слѣдовательно, было нечего. На войнѣ надо ловить минуту и умѣть распорядиться въ предѣлахъ данной обстановки, не стараясь искусственно созидать еще болѣе выгодную. Фортуна капризна и легко ускользаетъ на своемъ крылатомъ колесѣ. То, что возможно сегодня, можетъ быть неисполнимо завтра.

Академическія стремленія Дибича и кронпринца передали много шансовъ въ пользу ихъ противниковъ; побѣды ихъ оказались далеко не такъ полны, какъ это было возможно, и послѣдствія не соотвѣтствовали понесеннымъ жертвамъ. А между тѣмъ было бы совершенно иное, если бы оба поименованные начальника, «не мудрствуя лукаво» и не мѣшкая, распорядились наличными своими средствами для общей связной атаки, коль скоро пришли въ прикосновеніе съ противникомъ.

Никогда не слѣдуетъ забывать, что на войнѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо стремленіе къ далеко не всегда достижимому «лучшему» часто упускаетъ вполнѣ возможное «хорошее».

Возвращаюсь къ разбираемому тутъ частному вопросу.

Главная обязанность старшаго начальника, какъ уже сказано, состоитъ въ указаніи подчиненнымъ своимъ общей цѣли и въ распредѣленіи между ними ролей, т. е. указанія каждому частной для него цѣли. Изысканіе затѣмъ способовъ исполненія предоставляется частнымъ начальникамъ; иными словами, указывается: «что» надо дѣлать, не вмѣшиваясь въ то, «какъ» оно будетъ исполняемо. Въ настоящее время немыслимы уже распоряженія въ родѣ тѣхъ, коими престарѣлый тогда уже фельдмаршалъ Каменскій счелъ нужнымъ обременить своихъ подчиненныхъ, въ январѣ 1807 года, передъ Пултускимъ сраженіемъ. Извѣстно, что фельдмаршалъ приказалъ командирамъ дивизій: чтобы «на случай, если дивизія будетъ атакована, строиться ей по-бригадно въ три линіи, такъ чтобы 1-й баталіонъ былъ въ первой линіи, 2-й—во второй линіи, а 3-й баталіонъ—въ третьей». Не лишне добавить, что въ то же время общія распоряженія фельдмаршала, вздумавшаго быть точнымъ въ мелочахъ, отличались, по выраженію историка, «запутанностью безпримѣрною».

Сфера самостоятельной дѣятельности частнаго начальника можетъ быть болѣе или менѣе обширна, начиная съ простаго исполненія приказанія, исполненія самостоятельнаго только по отношенію подробностей до вполнѣ самостоятельной постановки себѣ «новой цѣли», коль скоро достиженіе указанной старшимъ начальникомъ оказалось излишнимъ или невозможнымъ. Понятно, что эта новая частная цѣль должна соотвѣтствовать намѣреніямъ старшаго начальника, т. е. общей главной цѣли, имъ себѣ поставленной. Все это не было бы трудно и сложно, если бы старшій начальникъ всегда «могъ» указать подчиненнымъ главную свою цѣль и если бы подчиненнымъ иной разъ не приходилось угадывать ее.

Поясню все это нѣсколькими примѣрами.

Въ день вторженія 3-й нѣмецкой арміи въ предѣлы Нижняго-Эльзаса, 4-го августа 1870 года, диспозиціей кронпринца прусскаго прямо указана была цѣль операціи того дня, а именно: «овладѣніе линіей рѣки Лаутера», каждой колоннѣ дано соотвѣтственное направленіе и приказано «непріятеля, гдѣ онъ встрѣтится, отбросить». Сверхъ того, подтверждено изустно, «чтобы отдѣльныя колонны войскъ поддерживали одна другую».

При такой точной постановкѣ цѣли, достижимой притомъ въ ближайшее время, т. е. въ тотъ же день 4-го августа роль исполнителей не была трудна. Гораздо болѣе трудною, но вмѣстѣ съ тѣмъ отлично исполненной оказалась роль саксонскаго корпуса въ день битвы при Гравелотъ—С.-Прива 18-го августа 1870 года.

Въ своемъ мѣстѣ при разборѣ вопроса «о предупрежденіи приказаній» сказано было, что кронпринцъ саксонскій, «предупреждая приказаніе принца Фридриха-Карла, самостоятельно двинулся въ направленіи, соотвѣтствующемъ разъяснившейся обстановкѣ. Кронпринцъ направился на С.-Мори и оттуда затѣмъ для охвата праваго фланга арміи Базена. Исполняя это, кронпринцъ могъ имѣть въ виду только общее предварительное на тотъ день приказаніе, въ которомъ было сказано: «Сегодня 2-я армія продолжаетъ наступленіе. Задача ея по прежнему оттѣснить непріятеля отъ его пути отступленія на Верденъ—Шалонъ и разбить его тамъ, гдѣ онъ будетъ отысканъ».

Не трудно понять, что «главная цѣль» поставлена тутъ только въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ сказать въ схематическомъ видѣ; но за то она очерчена вполнѣ ясно и опредѣлительно, такъ что относительно истинныхъ видовъ и намѣреній старшаго начальника не могло быть малѣйшаго сомнѣнія. Совершенно схожее видимъ (въ приведенномъ уже прежде) общемъ приказаніи по нѣмецкимъ арміямъ, предшествовавшемъ Седанской битвѣ.

Но бываютъ нерѣдко случаи, когда, по причинѣ несозрѣвшей еще обстановки, старшій начальникъ не можетъ высказать своихъ завѣтныхъ мыслей и отдаленныхъ намѣреній. А между тѣмъ случается, что обстановка, скорѣе чѣмъ ожидалось, развилась въ смыслѣ благопріятномъ намѣреніямъ старшаго начальника. Но время не ждетъ: необходимо, не мѣшкая, пользоваться выгодно сложившимися обстоятельствами, пора дѣйствовать! а дѣйствовать можно только «разгадавъ» намѣренія старшаго.

Типичнымъ этому примѣромъ могутъ служить соображенія прусскихъ генераловъ Гольца и Мантейфеля 14-го августа 1870 года, предшествовавшія атакѣ ихъ на отходившихъ французовъ, о чемъ уже разсказано выше, въ видѣ примѣра вѣрной оцѣнки «общей обстановки». Остается тутъ только подчеркнуть, что эта вѣрная оцѣнка общей обстановки привела прусскихъ начальниковъ къ вполнѣ вѣрной разгадкѣ истинныхъ видовъ и намѣреній своего главнокомандовавшаго.

Сказано было уже прежде, что частные начальники должны всегда имѣть въ виду содѣйствовать общей или главной цѣли, поставленной насебѣ старшимъ начальникомъ. Понятно, что при этомъ частному начальнику не разъ придется, во имя общихъ высшихъ цѣлей, отказаться отъ преслѣдованія той, которая ему прямо указана. Ближай-

нія причины для подобнаго рѣшенія могутъ быть довольно разнообразны. Итакъ, указанная частная цѣль можетъ оказаться просто недостижимой, или же достиженіе ея излишнимъ. Далѣе могутъ представиться цѣли гораздо болѣе важныя. Наконецъ, частный начальникъ просто можетъ очутиться безъ всякихъ приказаній и онъ обязанъ поставить себѣ цѣль совершенно самостоятельно. Поясню это примѣрами.

Извѣстно, что колонны войскъ корпуса маршала Базена, посланныя послѣднимъ въ теченіе 6-го августа 1870 года на поддержку Фроссара, бывшему въ то время въ бою на Шпихернскихъ высотахъ, пришли слишкомъ поздно, къ ночи, въ то время, когда Фроссаръ отступалъ вправо къ Сааргемюнде. Такимъ образомъ, задача, возложенная на начальниковъ этихъ колоннъ, оказалась «недостижимою». Требовалось поставить себѣ «новую» цѣль, или задачу, сообразную «общей обстановкѣ». Этою новою цѣлью могло быть только прикрытіе кратчайшаго пути, ведущаго отъ Саарбрюкена къ Мецу, столь преждевременно брошеннаго Фроссаромъ. Выше уже, по поводу другихъ частныхъ вопросовъ, указано, насколько французскіе начальники исполнили или, вѣрнѣе, не исполнили задачи, поставленной имъ обстоятельствами.

А вотъ примѣръ обстановки, при которой достиженіе указанной частной цѣли сдѣлалось излишнимъ.

Отрядъ Линкера отъ 10-го прусскаго корпуса, генерала Фохтсъ-Рeцa, получилъ приказаніе на 16-е августа 1870 года (день сраженія при Марсъ-ла-Турѣ) идти отъ р. Мозеля къ Шамбле съ тѣмъ, чтобы съ отрядомъ Лемана служить поддержкою 5-й кавалерійской дивизіи, долженствовавшей произвести развѣдку къ сторонѣ Меца. Но въ то время, когда отрядъ, двигаясь къ Шамбле, достигъ Горза, послышалась сильная канонада справа, сдѣлалось очевиднымъ, что, слѣдовавшій правѣе 10-го корпуса, 3-й корпусъ Альвенслебена наткнулся на непріятеля. При такомъ положеніи дѣлъ, когда противникъ былъ уже открытъ, не было никакой надобности идти въ поддержку кавалеріи, направленной именно для развѣдки съ цѣлью раскрытія французовъ. Дѣйствительно, Линкеръ, оставивъ направленіе на Шамбле, поставилъ себѣ «новую задачу». Онъ, направившись отъ Горза на выстрѣлы, доставилъ сражавшейся на правомъ флангѣ корпуса Альвенслебена дивизіи Штюльпнагеля первую крайне нужную поддержку.

Слѣдующіе случаи показываютъ примѣры обстановокъ, при коихъ указанныя менѣе важныя цѣли принесены въ жертву цѣлямъ общимъ.

Корпусу генерала Вердера отъ арміи кронпринца прусскаго приказано было диспозиціею на 6-е августа 1870 года «идти къ Ремерсвейлеру—фронтъ на югъ; аванпосты выдвинуть къ Гагенаускому лѣсу»; между тѣмъ какъ всѣ остальные наличные четыре корпуса арміи становились фронтомъ на западъ. Въ то время нѣмецкое начальство не было достаточно оріентировано относительно расположенія и возможныхъ намѣреній французовъ, а потому корпусу Вердера, видимо, предназначалась роль прикрывать армію отъ покушеній со стороны Гагенау. Но когда началось сраженіе у Верта и командиръ 11-го корпуса, генералъ Бозе, извѣстилъ Вердера о томъ, «что у Гунштета слышна канонада и что онъ идетъ на выстрѣлы», то Вердеръ, справедливо считая вопросъ о прикрытіи со стороны Гагенау менѣе важнымъ и достижимымъ съ меньшими силами, поставилъ себѣ «новую цѣль», а именно поддержку Бозе, и немедленно послалъ половину своего корпуса въ распоряженіе послѣдняго.

Въ день Седанскаго боя 5-й и 11-й прусскіе корпуса послѣ переправы ихъ черезъ р. Мезу получили первоначально направленіе на сѣверъ, на пути Седанъ—Мезіеръ, въ видахъ атаковать французовъ во флангъ во время предполагаемаго ихъ отступательнаго движенія отъ Седана. Когда же выяснилось, что французы не отступаютъ и что слѣдовательно вся ихъ армія пока находится еще въ окрестностяхъ Седана, то поименованнымъ корпусамъ послано было новое приказаніе: «11-му корпусу идти черезъ Манжъ, оттуда принять участіе въ бою, а 5-му—слѣдовать за 11-мъ и выстроиться за послѣднимъ, выдаваясь уступомъ влѣво». На основаніи этого распоряженія обоимъ корпусамъ приходилось перемѣнить сѣверное направленіе на восточное, причемъ указанное 5-му корпусу, очевидно, предназначало ему роль пока болѣе пассивную, въ видѣ резерва 11-го корпуса и обезпеченія фланга послѣдняго. Для дальнѣйшихъ затѣмъ дѣйствій 5-го корпуса потребовались бы новыя приказанія со стороны командира арміи, оставшагося далеко позади, на той сторонѣ рѣки Мезы. При такой обстановкѣ приказанія никакъ не могли поспѣвать своевременно, да притомъ Кирхбахъ былъ не изъ тѣхъ, которые любятъ выжидать приказаній. Оцѣнивъ надлежаще обстановку, Кирхбахъ рѣшилъ второстепенную задачу (поддержки 11-го корпуса и прикрытія его фланга) замѣнить «новою», просто наступленіемъ на противника съ цѣлью полнаго его охвата, причемъ онъ очутился не уступомъ «позади», а уступомъ «впереди» 11-го корпуса. Извѣстно, что гранаты батарей Кирхбаха скоро скрестились съ гранатами прусской гвардіи. Желѣзное кольцо вокругъ арміи французовъ сомкнулось.

Не лишне указать еще мимоходомъ, что наступленіемъ своимъ Кирхбахъ лучше всего прикрывалъ флангъ 11-го корпуса и оказалъ послѣднему самую существенную поддержку. Въ этомъ случаѣ какъ и почти во всѣхъ иныхъ, активныя дѣйствія, достигая высшихъ цѣлей, большихъ успѣховъ, вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяютъ и цѣлямъ пассивнымъ. Нужно-ли еще указывать на то, что если бы Кирхбахъ, по собственному почину, ничуть немедля, не замѣнилъ второстепенной задачи, такъ сказать, перворазрядною, если бы онъ не сомкнулъ во-время кольцо вокругъ арміи Макъ-Магона, то значительная часть французовъ могла ускользнуть въ свободный для нихъ промежутокъ между заходившими флангами нѣмцевъ и чѣмъ сильнѣе былъ напоръ въ другихъ пунктахъ, тѣмъ болѣе французовъ было бы просто вынуждено спастись въ указанномъ направленіи (1).

Дѣйствія полковника Шеннига въ день боя при Марсъ-ля-Турѣ, 16-го августа 1870 года, тоже представляютъ собою примѣръ выбора болѣе важной цѣли съ пренебреженіемъ данной себѣ частной второстепенной задачи.

Извѣстно, что командиръ 16-й пѣхотной прусской дивизіи, генералъ Борнековъ, дойдя до рѣки Мозеля, маршевой цѣли на 16-е августа, рѣшилъ перейти рѣку съ наличною бригадой и идти въ разыгравшійся между тѣмъ бой на подмогу корпусу Альвенслебена. Командиръ слѣдовавшей за Борнековымъ 18-й дивизіи (отъ 9-го корпуса Манштейна), генералъ Врангель, не рѣшился послѣдовать примѣру Борнекова, будучи стѣсненъ положительнымъ воспрещеніемъ своего командира корпуса («не дѣлать въ тотъ день никакихъ передвиженій, сверхъ предписанныхъ»). Тѣмъ не менѣе, Врангель, въ видахъ облегченія Борнекова, передалъ въ его распоряженіе 11-й пѣхотный полкъ, полковника Шеннига. Насколько можно понять, полкъ этотъ назначался собственно только «для занятія переправы», черезъ которую пришелъ Борнековъ. Шеннигъ, въ свою очередь, въ виду все болѣе и болѣе усиливавшагося боя, разсудилъ, что лучше ему прикрыть переправу движеніемъ впередъ, къ сторонѣ боя, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, принять въ немъ участіе.

Нельзя не признать, что рѣшеніе это было вполнѣ раціональное. Прикрытіе переправы было тутъ для Шеннига дѣломъ совершенно второстепеннымъ; онъ могъ быть тамъ замѣненъ любымъ изъ остальныхъ полковъ дивизіи Врангеля. Между тѣмъ, Шеннигъ, появясь на

(1) Извѣстно, что во-время еще ускользнувшіе французы успѣли пробраться даже черезъ Бельгію, не будучи обезоружены.

полѣ сраженія со свѣжею частью войскъ, оказывалъ своимъ незамѣнимую услугу. О дѣйствіяхъ Шенинга будетъ еще упомянуто по поводу другихъ вопросовъ.

Частныя цѣли, указанныя войскамъ на всякій данный день, далеко не всегда имѣютъ въ виду непосредственную возможность столкновенія съ противникомъ. Часто цѣлью указывается просто достиженіе извѣстнаго ночлежнаго пункта. Случается это, когда непріятель еще далеко или же когда вообще боевое столкновеніе не предвидится; впрочемъ, подобные разсчеты не разъ оказываются ошибочными. Такъ, напримѣръ, въ диспозиціи по 2-й нѣмецкой арміи на 16-е августа 1870 года (день Марсъ-ля-Тура) вступительными словами диспозиціи указывалась цѣль и мотивы:

«Непріятель отступаетъ къ р. Мезъ; 2-я армія безъ замедленія послѣдуетъ за непріятелемъ къ р. Мезъ».

Подобнымъ же образомъ, въ ту же кампанію, въ диспозиціи по 3-й нѣмецкой арміи на 6-е августа (бой у Верта) значилось только:

«Армія остается сосредоточенной вокругъ Зульца, но перемѣняетъ фронтъ».

Затѣмъ въ обѣихъ поименованныхъ диспозиціяхъ слѣдуетъ просто указаніе корпусамъ различныхъ маршевыхъ на данный день цѣлей, т. е. въ сущности—ночлежныхъ пунктовъ. Однако, въ обоихъ этихъ случаяхъ, когда, съ виду, предпринимались чуть ли не мирныя передвиженія, загорѣлись общія сраженія.

Понятно, что въ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ частные начальники, не видя предъ собою иныхъ важныхъ, спеціальныхъ цѣлей, имѣютъ руки достаточно развязанныя. Имъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, не придется даже задаваться вопросами: «идти или не идти на выручку своихъ»? Подобный вопросъ можетъ считаться предрѣшеннымъ; останется только взвѣсить условія лучшаго исполненія. Этимъ и руководствовались нѣмецкіе начальники: Таннъ и другіе при Вёртѣ, Дерингъ и Гебенъ при Шпихернѣ, Врангель и другіе въ день сраженія предъ Мецомъ 14-го августа 1870 года, Фохтсъ-Рецъ, Кроацъ, Леманъ, Линкеръ и Борнековъ въ день Марсъ-ля-Тура.

Но если Таннъ, который въ день сраженія при Вёртѣ имѣлъ себѣ указанную цѣль просто маршевую, сразу рѣшился идти впередъ на выручку своимъ со всѣми своими силами, то Вердеръ въ то же время, какъ уже изложено прежде, долженствовавшій прикрывать армію отъ покушеній со стороны Гагенау, не могъ при данной обстановкѣ дѣйствовать подобно Танну. Дѣйствительно, Вердеръ, по первому извѣ-

стію о сраженіи послалъ на подмогу генералу Бозе только половину своихъ войскъ. Подобнымъ же образомъ на противоположномъ флангѣ арміи командиръ 2-го баварскаго корпуса, генералъ Хартманъ, довольно долго въ тотъ день держалъ значительныя силы на пути въ Бичъ, отъ котораго ожидалось наступленіе французскаго корпуса Фальи. Въ этомъ родѣ распорядился и командиръ саксонской конной дивизіи въ день боя при Гравелотѣ.

Саксонская отдѣльная конная дивизія провела ночь съ 17-го на 18-е августа у Парфандрупта (на сѣверной изъ двухъ шоссейныхъ дорогъ, соединявшихъ Мецъ съ Верденомъ). Когда же въ теченіе 18-го числа загорѣлось сраженіе, то командиръ дивизіи, графъ Липпе, направился къ сторонѣ боя только съ тремя полками, оставивъ одинъ у Пюисъ для наблюденія за дорогами въ Этенъ и Бріей.

Приведенные примѣры показываютъ, что даже при самыхъ рѣшительныхъ наступательныхъ операціяхъ, когда все дѣло, казалось бы, состоитъ въ томъ только, чтобы настичь и разбить противника, приходится тѣмъ не менѣе считаться съ частными задачами и съ общею обстановкой, умѣряя, иной разъ, стремленіе на выручку своимъ. Гораздо чаще встрѣчается это въ операціяхъ оборонительныхъ.

Наступающему всегда принадлежитъ починъ дѣла и если общая цѣль поставлена ясно и опредѣлительно, то исполненіе не является для частныхъ начальниковъ слишкомъ сложнымъ. Единство дѣйствій разныхъ колоннъ войскъ обезпечивается тутъ именно стремленіемъ къ одной общей цѣли; стремленіе это при должной связи войскъ между собою, въ извѣстной мѣрѣ, замѣняетъ даже связь командную, т. е. ту связь, которая должна бы быть обезпечиваема дополнительными приказаніями старшаго начальника, если бы только послѣдніе могли поспѣвать во-время.

Напротивъ того, при операціяхъ оборонительныхъ, съ неминуемымъ воздѣйствіемъ почина противника, вопросы становятся болѣе сложными и для рѣшенія трудными. Пояснимъ это дѣйствіями французовъ въ день сраженія при Бомонѣ, 30-го августа 1870 года.

Армія маршала Макъ-Магона, долженствовавшая идти на выручку Базену, къ Мецу, была настигнута превосходными силами нѣмцевъ, во время своего флангового передвиженія; уклоняясь затѣмъ отъ столкновенія съ противникомъ, французы намѣревались 30-го августа отойти за р. Мезу. Корпусъ Лебрена успѣлъ переправиться за эту рѣку у Музона еще наканунѣ. Къ этой же переправѣ приказано было двинуться и корпусу Фальи, ночевавшему у Бомона.

Корпусъ Дюкро переправлялся у Ремильи (западнѣе Музона), а за нимъ вытягивался корпусъ Дуэ.

Около полудня корпусъ Фальи, отдыхавшій еще у Бомона, безъ всякихъ мѣръ охраненія, былъ внезапно атакованъ частями 4-го прусскаго корпуса, Альвенслебена [1]; Лебренъ поддержалъ товарища огнемъ съ того берега и непосредственно переведенными черезъ Мезу войсками. Съ своей стороны авангардъ отходившаго къ Ремильи корпуса Дуэ совершенно внезапно и въ началѣ вполнѣ успѣшно атаковалъ во флангъ передовыя войска баварскаго корпуса Таппа, шедшаго лѣвѣе Альвенслебена. Однако, Макъ-Магонъ, не желая увеличивать размѣровъ загорѣвшагося сраженія, ограничилъ отправку подкрѣпленій со стороны Лебрена и приказалъ Дуэ «спѣшить къ переправѣ у Ремильи, не вдаваясь въ бой, разыгравшійся у Бомона». Въ общемъ результатѣ маршалъ избѣжалъ нежеланнаго общаго боя, а опрокинутый у Бомона корпусъ Фальи тѣмъ не менѣе, хотя и не безъ потерь, успѣлъ все-таки сравнительно благополучно укрыться за р. Мезу. Понятно, что если бы командиры французскихъ корпусовъ остались въ то время безъ общихъ приказаній со стороны своего главнокомандовавшаго, то они тѣмъ не менѣе должны бы дѣйствовать въ томъ же духѣ; задача далеко не легкая. Трудность ея состояла въ томъ именно, что приходилось имѣть въ виду не одну цѣль, а двѣ; потому что съ одной стороны предстояло выручить опрокинутаго товарища, имѣвшаго рѣку въ тылу, а съ другой—не упускать и не замедлить собственную переправу за р. Мезу, главную задачу операцій французовъ въ день 30-го августа.

Очевидно, что одновременное преслѣдованіе двухъ разныхъ, можно сказать, прямо противоположныхъ цѣлей, со стороны каждаго изъ разрозненныхъ начальниковъ, едва-ли можетъ привести къ дѣйствіямъ, достаточно согласнымъ и стройнымъ; тутъ непремѣнно требуется одно общее управленіе старшаго начальника, который и обязанъ находиться тутъ же, на мѣстѣ. Если взглянуть на дѣло у Бомона съ этой точки зрѣнія, то нельзя не признать, что маршалъ Макъ-Магонъ исполнилъ тутъ свои обязанности гораздо лучше, нежели командиры нѣмецкихъ армій у Вёрта и въ день сраженія предъ Мецомъ 14-го августа, не говоря уже о боѣ при Шпихернѣ, въ коемъ общее нѣмецкое начальство блистало только своимъ полнымъ отсутствіемъ.

---

[1] Въ прусской арміи въ то время командовали корпусами два Альвенслебена одинъ—3-мъ, а другой—4-мъ.

Сказано было, что роль частныхъ начальниковъ наступающей стороны гораздо легче, т. е. проще роли стороны обороняющейся, такъ какъ первымъ по большей части слѣдуетъ просто спѣшить туда, гдѣ бой. Однако, нельзя не признать, что на войнѣ не разъ возгараются сраженія, вообще, стратегически неосмысленныя, или же еще неподготовленныя, а слѣдовательно, слишкомъ рискованныя. Усиливать число вводимыхъ въ нихъ войскъ не значитъ ли увеличивать рискъ и жертвы безъ шансовъ на соотвѣтственныя выгоды даже въ случаѣ удачи?

Идти, или же не идти въ бой? Вотъ серьезный вопросъ, надъ коимъ придется не разъ призадуматься. Однако, онъ упрощается вслѣдствіе слѣдующихъ соображеній.

Дѣйствія начальника, спѣшащаго въ бой, состоятъ собственно изъ двухъ періодовъ: періода подхода и затѣмъ—непосредственнаго участія въ бою. Но первое не обязываетъ непремѣнно ко второму. А потому каждый частный начальникъ, не имѣющій въ виду иной важной задачи, или особыхъ уваженій, хорошо сдѣлаетъ, если подойдетъ къ полю сраженія.

Время подхода можно употребить для должной оріентировки и сношеній, а за тѣмъ уже принять окончательное рѣшеніе, въ случаѣ если не получены будутъ за это время какія либо точныя приказанія. Этимъ частный начальникъ исполнитъ все, что отъ него требуется.

Старшій же начальникъ обязанъ не допускать дѣло до нежеланныхъ столкновеній, а разъ они возможны, то не оставлять войскъ безъ общей въ сраженіи команды.

Генералъ-лейтенантъ **К. Войде.**

(Продолженіе будетъ).

АРТИЛЕРИСТЪ И ЕГО ВООРУЖЕНІЕ.

При проектѣ вооруженія солдата прежде всего должны преслѣдоваться цѣлесообразность и удобство. Типъ вооруженія солдата долженъ опредѣляться основнымъ тактическимъ свойствомъ того рода оружія, для чиновъ котораго оно предназначается, и тѣми требованіями, какія могутъ быть предъявлены этому вооруженію въ минуту опасности.

Въ нижеслѣдующемъ я постараюсь разсмотрѣть подробно неудобства вооруженія артилериста шашкою при выполненіи имъ главнѣйшей его службы—службы при орудіяхъ, и постараюсь указать, насколько велико противорѣчіе между вооруженіемъ артилериста и основнымъ тактическимъ свойствомъ артилеріи, лучше сказать, между шашкой и тѣмъ пасивнымъ мужествомъ, какое каждый изъ артилеристовъ долженъ развивать въ себѣ до самозабвенія.

Тактика новѣйшаго времени возлагаетъ на артилерію очень много серьезныхъ обязанностей, между которыми первое мѣсто занимаетъ быстрота огня и передвиженія, и притомъ при условіи полнаго хладнокровія, *неторопливая быстрота*, да проститъ читатель подобное сопоставленіе противоположныхъ понятій вотъ идеалъ дѣйствія современной батареи.

Естественно, что къ выполненію этого идеала въ батареѣ должно быть приспособлено все отъ крупнаго до мелочей, и все мѣшающее этому, все стѣсняющее артилериста въ его дѣйствіяхъ и тѣмъ замедляющее стрѣльбу, должно быть или устранено совсѣмъ, или измѣнено.

Какъ бы хорошо батарея обучена ни была, но полнаго отсутствія торопливости и нѣкоторой доли суеты не избѣжать никогда—къ этому только надлежитъ стремиться.

Какъ бы хорошо батарея обучена ни была, достигнуть полнаго однообразія движеній и дѣйствій—невозможно, а потому запаздываніе отдѣльныхъ орудій при надѣваніи на передки всегда будетъ существовать, и разъ непосредственно послѣ этого батарея будетъ двинута впередъ, нумерамъ нѣкоторыхъ орудій придется вскакивать на орудія на-ходу, нерѣдко на рыси, и вотъ тутъ-то и скажется первое неудобство, заключающееся для артиллериста въ его шашкѣ.

Здѣсь кстати упомянуть о томъ, что въ настоящее время въ артиллеріи почти повсемѣстно вывелась изъ употребленія имѣющаяся въ уставѣ предупредительная команда: «на орудія садись». Разъ командуется движеніе батареи, нумера должны садиться сами. Это упрощеніе устава произошло совершенно естественно, въ силу того, что изданіе уставовъ не слѣдуетъ непосредственно за развитіемъ тактическихъ требованій, а опаздываетъ и потому лишь узаконяетъ то, что на дѣлѣ уже давно практикуется; такъ и здѣсь. Гг. В. Ирманъ и К. Дворжицкій (см. «Военный Сборникъ» № 10-й, 1890 г. и № 5-й, 1891 г.) доказываютъ необходимость преобразованія нашей пѣшей артиллеріи въ ѣздящую. Но не произошло ли у насъ уже на дѣлѣ это преобразованіе? Мнѣ кажется, что осталось только старое названіе «пѣшая», а артиллерія наша по духу тактики настоящаго времени и не можетъ быть иной, чѣмъ она въ дѣйствительности есть теперь, т. е. ѣздящей.

Развитіе населенности и культуры и сопряженная съ этимъ изрѣзанность полей, необходимая быстрота и крайнее спокойствіе при стрѣльбѣ, плюсъ серьезная и горячая работа при подноскѣ большаго числа снарядовъ—все это заставляетъ беречь силы и спокойствіе людей и не заставлять ихъ бѣгать за орудіемъ, а отсюда, какъ слѣдствіе, и явилось само собой исключеніе ненужной команды: «на орудія садись»; безъ этой же команды случаи вскакиванія нумеровъ на орудія, даже на рыси, участились, а вмѣстѣ съ тѣмъ рельефнѣе выступило и неудобство шашки.

Въ теченіе моей краткосрочной 11-ти-лѣтней службы, на моихъ глазахъ произошло четыре несчастныхъ случая, прямая причина которыхъ—шашка попала въ колесо. Для нумеровъ, садящихся со стороны подручныхъ лошадей (№ 4-й), опасность выступаетъ еще рельефнѣе, ибо колесо какъ разъ приходится со стороны болтающейся шашки. При горячихъ ученьяхъ и быстрыхъ передвиженіяхъ немало должны думать объ этой шашкѣ и №№ 1-й и 2-й, хотя ихъ положеніе въ этомъ отношеніи все-таки лучше, нежели нумеровъ,

сидящихъ на передкѣ. Въ конной артиллеріи неудобство это тоже сказывается довольно ощутительно.

Теперь посмотримъ на артиллериста во время стрѣльбы батареи: много выпадаетъ здѣсь на его долю работы горячей, точной и срочной.

Но всмотритесь внимательнѣе хотя бы въ одно только ближайшее къ вамъ орудіе, и сочтите, сколько разъ, во время стрѣльбы, каждый изъ нумеровъ поправитъ и откинетъ назадъ свою шашку, сочтите, и вы поразитесь полученнымъ вами числомъ. Число это почти будетъ равно числу движеній, сдѣланныхъ прислугой орудія. (Безусловно всѣ дѣйствія, сопряженныя съ наклоненнымъ положеніемъ корпуса, предшествуются откидываніемъ шашки назадъ; напримѣръ, № 3-й при работѣ правиломъ, № 4-й и № 1-й при накатываніи и т. д.). Посмотрите на этихъ двухъ артиллеристовъ, спѣшно несущихъ къ батареѣ ящикъ со снарядами и зарядную суму; посмотрите, какъ стараются они избѣжать назойливыхъ движеній шашки, съ каждымъ шагомъ попадающей имъ между ногъ и тѣмъ затрудняющей и замедляющей ихъ движеніе. Всмотритесь внимательнѣе, особенно среди горячаго дѣла, и вы невольно подмѣтите много нетерпѣливыхъ движеній артиллеристовъ, направленныхъ противъ болтающейся шашки, мѣшающей имъ въ самыя важныя минуты, а прибавьте къ этому еще хотя бы одинъ несчастный случай, гдѣ причиной является шашка,—и оправданіе нелюбви къ ней готово.

Солдатъ долженъ любить свое оружіе, долженъ вѣрить въ него, долженъ умѣть пользоваться имъ. Это—аксіома. Между тѣмъ у артиллериста нѣтъ ни перваго, ни втораго и не можетъ быть третьяго. Не можетъ любить солдатъ то оружіе, которое мѣшаетъ ему и стѣсняетъ его, не можетъ вѣрить въ него по своему инстинктивному чутью въ полную безполезность своей шашки противъ наскочившаго на батарею непріятеля и не умѣетъ пользоваться ею по той простой причинѣ, что его не обучаютъ дѣйствіямъ шашкой, а однимъ лишь пріемамъ. Все это, повторяю, солдатъ прекрасно понимаетъ и тѣмъ труднѣе кажется ему это бремя.

Кромѣ всего этого, свойства шашки противорѣчатъ духу артиллеріи; шашка—оружіе активной лихости, шашка хороша въ соединеніи съ кавалерійскимъ шокомъ, когда на ея долю достается пораженіе разстроеннаго и смятаго непріятеля, шашка хороша въ рукахъ опытнаго рубаки—но та же шашка неумѣстна въ рукахъ артиллериста, призваннаго поражать непріятеля, но не сражаться съ нимъ, умѣющаго умирать на мѣстѣ около орудія и обязаннаго не бросать его, хотя бы и для самозащиты.

Разъ допустить мысль, что артиллерійскій солдатъ можетъ сражаться съ непріятелемъ инымъ оружіемъ, кромѣ орудійныхъ выстрѣловъ, это значитъ внести въ духъ артиллеріи такую ноту, которая нежелательна.

Артиллеристъ долженъ знать одно: служба его при орудіи—защита его кругомъ въ войскахъ: иной службы нѣтъ для него—нѣтъ для него и иной защиты. Вѣра въ поддержку и выручку должна быть краеугольнымъ камнемъ мужества артиллеріи. Прямой выводъ отсюда тотъ, что артиллеристу, разъ онъ находится при орудіи, не нужно никакого оружія самообороны, а тѣмъ болѣе оружія, стѣсняющаго его свободу дѣйствій.

Но на это, конечно, должно послѣдовать возраженіе въ томъ смыслѣ, что и артиллеристъ можетъ встрѣтиться съ непріятелемъ внѣ своей прямой спеціальности—около орудія,—а исполняя какое-либо порученіе, и при этомъ оказаться безоружнымъ. Но врядъ ли спасетъ его въ такомъ случаѣ и его шашка...

Я вовсе не имѣю въ виду доказывать необходимость полнаго разоруженія артиллериста, я хотѣлъ бы только указать на необходимость его перевооруженія. Оставить его безъ оружія нельзя уже потому, что оружіе способствуетъ поднятію спокойствія человѣка, отдаляя отъ него заботу о личной безопасности. Оружіе при артиллеристѣ—это необходимая дань человѣческой слабости, лучше сказать—дань нервамъ. Разъ это такъ,—вся забота должна быть сведена къ тому, чтобы оружіе это было наименѣе стѣснительно и обременительно.

Самымъ подходящимъ оружіемъ для артиллериста, по моему мнѣнію, будетъ револьверъ и вотъ почему:

1) Находясь на поясѣ и занимая небольшой объемъ, онъ не будетъ такъ назойливо мѣшать нумерамъ при дѣйствіи изъ орудій.

2) Ежегодная стрѣльба изъ револьвера даетъ право сказать, что артиллеристъ обученъ дѣйствію изъ него, тогда какъ дѣйствія шашкой имъ совсѣмъ не практикуются.

3) Револьверъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ пассивному мужеству артиллериста. До послѣдней минуты онъ можетъ быть занятъ своимъ орудіемъ и, лишь только выпустивъ послѣдній снарядъ, артиллеристъ можетъ выхватить револьверъ и тутъ же, не отходя ни шагу отъ орудія, выпустить въ непріятеля нѣсколько пуль.

Что касается службы мирнаго времени, то и тутъ револьверъ оказывается болѣе цѣлесообразнымъ, какъ, напримѣръ, при отправленіи караульной службы. Но если находятъ какую либо причину противъ вооруженія артиллериста однимъ лишь револьверомъ, то

отчего же не замѣнить шашку холоднымъ же оружіемъ, но приспособленнымъ къ артиллерійской службѣ. Приспособленіе это должно выразиться, во-первыхъ, въ томъ, что оружіе должно быть короткое и, во-вторыхъ, способъ носки непремѣнно на поясной портупеѣ, а не черезъ плечо, ибо послѣдній способъ допускаетъ свободное движеніе портупеи и потому при наклоненіи корпуса шашка передвигается впередъ и мѣшаетъ работѣ.

Не далеко искать типъ подобнаго оружія: кортикъ моряковъ или кинжалъ вполнѣ удовлетворилъ бы вышеизложеннымъ требованіямъ, какъ въ смыслѣ удобства, такъ и въ смыслѣ усыпленія инстинкта самосохраненія.

К. Л.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ПРИМѢНЕНІИ ВЕЛОСИПЕДОВЪ ВЪ КРѢПОСТНЫХЪ ЧАСТЯХЪ.

Въ теченіе трехъ лѣтъ мною совершены слѣдующія дальнія путешествія на велосипедѣ, а именно: въ 1889 году — изъ крѣпости Ковно въ Парижъ, 2,500 верстъ (Swift № 2-й); въ 1890 году—въ Западную Сибирь, г. Тобольскъ, 3,500 верстъ (изъ коихъ 1,900 верстъ сибирскаго тракта (Swift № 1-й), и, наконецъ, въ 1891 году—изъ Алжира (Сѣверная Африка) въ г. Петербургъ, 5,000 верстъ (Swift № 1-й съ дутыми резиновыми шинами).

Итакъ, въ общей сложности я проѣхалъ 11,000 верстъ по самымъ разнообразнымъ дорогамъ, даже вовсе не по дорогамъ, а по сибирскимъ степямъ и пустынѣ Алжира, при всякой погодѣ, начиная отъ холодныхъ вѣтровъ со снѣгомъ (въ сентябрѣ) на Уральскихъ горахъ и кончая тропическою жарой съ вѣтромъ Сирокко (въ началѣ апрѣля) въ преддверіи Сахары.

Эти поѣздки дали мнѣ возможность коротко познакомиться со всѣми преимуществами и недостатками новаго снаряда и вывести заключеніе о пригодности его въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ.

Въ настоящей замѣткѣ я позволю высказать свои предположенія о службѣ велосипедовъ въ крѣпостяхъ.

Предварительно скажу нѣсколько словъ объ условіяхъ устройства и употребленія велосипеда, а затѣмъ—о степени его пригодности въ современной крѣпостной службѣ. Велосипедъ для военныхъ цѣлей долженъ удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: быть легкимъ на ходу, прочнымъ, несложнымъ, возможно нетяжеловѣснымъ и доступной стоимости. До сихъ поръ первымъ четыремъ требованіямъ отвѣчаютъ велосипеды англійскихъ заводовъ: Rudge и Coventry Machinists. Впрочемъ, при своей дороговизнѣ (200 р.), и этихъ образцовъ велосипеды для военной службы требуютъ нѣкоторыхъ измѣненій.

Продолжительные опыты доказали, что самокаты могутъ двигаться

по всѣмъ твердымъ поверхностямъ, какъ-то: нивамъ, лугамъ, пастбищамъ, хотя и слегка топкимъ, но покрытымъ травой; ѣзда возможна даже и въ лѣсахъ, главнымъ образомъ—въ лиственныхъ, такъ какъ въ хвойныхъ почва въ большей части случаевъ глубоко песчаная, что̀ затрудняетъ движеніе на самокатѣ со сплошными резинами (съ дутыми это препятствіе въ нѣкоторой степени одолѣвается). Жидкая грязь, даже въ нѣсколько вершковъ, дождевыя лужи, но на твердомъ основаніи, не задерживаютъ велосипеда, конечно, уменьшая его быстроту.

Мягкая мелкая пыль глубиною до двухъ вершковъ тоже на твердой почвѣ не представляетъ большаго затрудненія для ѣзды. Густая въ особенности прилипчивая глинистая грязь останавливаетъ всякое движеніе велосипеда, набиваясь въ вилы колесъ; равнымъ образомъ и сыпучій песокъ безъ твердаго основанія невозможенъ для ѣзды. Для устраненія перваго препятствія мною предложены скребки, устроенные на концахъ предохранительныхъ кожуховъ колесъ. Противный вѣтеръ въ сильной степени замедляетъ ѣзду, хотя при нѣкоторой сноровкѣ вредное дѣйствіе его значительно ослабляется. Сноровка эта достигается только частыми и продолжительными упражненіями на велосипедѣ. Уклонъ путей слѣдованія для велосипеда можно допустить равнымъ 10°; при каменистой почвѣ — 12°, разумѣется на незначительномъ разстояніи (20—25 саж.). При уклонѣ въ 5° движеніе возможно даже на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

Дорожныя канавы и вообще подобнаго вида углубленія мѣстности, конечно, обыкновенныхъ размѣровъ, не могутъ остановить ѣзду на велосипедѣ. Для переѣзда черезъ таковыя слѣдуетъ опускаться наискось въ канаву или яму, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы общій путь, совершаемый велосипедомъ по обѣимъ отлогостямъ углубленія, равнялся приблизительно четыремъ—шести глубинамъ этой неровности, причемъ, опускаясь, всегда необходимо усилить скорость, чтобы воспользоваться этою скоростью, да еще ускореніемъ (вслѣдствіе движенія по наклону), для поднятія велосипеда на противоположный край препятствія. По снѣгу, даже въ нѣсколько вершковъ, при морозѣ не свыше 5°, возможна ѣзда съ полнымъ успѣхомъ лишь на велосипедахъ съ дутыми резинами; со сплошными—почти немыслима.

Здѣсь я вовсе не намѣренъ распространяться о правилахъ первоначальнаго обученія велосипедной ѣздѣ по той простой причинѣ, что въ настоящее время у насъ имѣется нѣсколько весьма удачныхъ и толково составленныхъ по сему предмету руководствъ (гг. Потемкина, Мартоса, замѣтки Ж. Блока и «Велосипедъ» Сакса, изд. Березовска-

го). Поэтому скажу только, что при дальнѣйшемъ обученіи ѣздѣ слѣдуетъ, прежде всего, обратить должное вниманіе на пригонку нѣкоторыхъ частей самоката.

Эти правила пригонки выражаются въ слѣдующемъ: передняя оконечность сѣдла должна чуть переходить за отвѣсную плоскость, проходящую черезъ среднюю ось, на которую надѣты шатуны. При такомъ положеніи значительно облегчается работа, ибо тогда дѣйствуетъ на подножки (педали) не одна сила ногъ, но и грузъ самого сѣдока.

Высота сѣдла опредѣляется слѣдующимъ условіемъ: выемка ступни вытянутой ноги должна упираться въ подножку. Это правило основано на опытѣ моихъ дальнихъ путешествій. Носикъ сѣдла и руль должны быть на одной высотѣ, что способствуетъ наиболѣе естественному положенію частей тѣла. Передняя часть сѣдла должна быть выше задней на одинъ дюймъ: подобная пригонка препятствуетъ наваливанію верхней части тѣла на руки при спускѣ съ горъ.

При болѣе или менѣе продолжительныхъ поѣздкахъ, т. е. когда приходится сидѣть по нѣсколько часовъ сряду въ сѣдлѣ, прежде всего ощущается боль въ верхней части нижнихъ конечностей, именно: отъ паха до колѣна. Во время моихъ путешествій эта боль подчасъ становилась невыносимой, такъ что приходилось зачастую почти каждыя десять (минутъ) верстъ соскакивать съ велосипеда и нѣкоторое время идти пѣшкомъ. Прибѣгалъ я къ разнымъ средствамъ, но всѣ они положительно оказались безполезными; только путемъ опыта убѣдился я, что этотъ, первой важности, недостатокъ находится въ прямой зависимости отъ ширины той части сѣдла, которая находится между ногъ—чѣмъ она шире, тѣмъ больше распираетъ въ шагу, что, понятно, вызываетъ быстрое утомленіе ногъ; изъ этого явствуетъ, что, чѣмъ сѣдло болѣе обсижено, тѣмъ сказанная часть его становится ўже, слѣдовательно тогда и само сѣдло дѣлается удобнѣе.

Но, имѣя въ виду, что для достиженія подобнаго удобства потребуется нѣкоторый промежутокъ времени, въ теченіе котораго приходится испытывать немалыя страданія (да кромѣ того сѣдла бываютъ всевозможныхъ образцовъ), я предложилъ бы заказывать, либо выбирать слѣдующія сѣдла: а) имѣющія у передней оконечности винтъ съ гайкой, посредствомъ которой натягивается кожа и тѣмъ сужпвается сѣдло; б) сдѣланныя изъ мягкой и не толстой кожи, и, наконецъ, в) подшитыя живцомъ изъ болѣе толстой кожи.

Для сохраненія цѣпи, этой существенной части велосипеда, не-

обходимо, чтобы она была слегка свободной; излишнее натягиваніе цѣпи ведетъ къ быстрой разработкѣ ея и затрудняетъ движеніе.

Весьма важно при обученіи велосипедной ѣздѣ обращать особенное вниманіе на развитіе въ сѣдокѣ смѣлости. Послѣднее можетъ быть достигнуто съ большимъ успѣхомъ ѣздою безъ руля, т. е. безъ помощи рукъ. Для производства названнаго упражненія слѣдуетъ, сильно разогнавъ велосипедъ, слегка отдѣлить руки отъ руля и выпрямить верхнюю часть тѣла, не прекращая притомъ усиленной работы ногъ.

При ѣздѣ отнюдь не слѣдуетъ переутомлять себя и при болѣе или менѣе сильномъ изнеможеніи—слѣзать съ велосипеда и двигаться пѣшкомъ.

Обыкновенно, въ началѣ обученія ѣздѣ у сѣдока захватываетъ дыханіе; для уравненія сего послѣдняго слѣдуетъ, какъ показалъ опытъ, дышать возможно больше носомъ.

Искусной, быстрой и смѣлой ѣзды можно достигнуть лишь послѣ двухлѣтнихъ постоянныхъ упражненій.

Теперь перейду къ возможной службѣ велосипедовъ въ крѣпостяхъ. Крѣпости современнаго вида, т. е. укрѣпленные лагери, имѣютъ для сообщенія между укрѣпленіями и батареями по нѣсколько десятковъ верстъ прекраснаго шоссе, по которому можно производить ѣзду на велосипедѣ почти круглый годъ и во всякую погоду, лишь за исключеніемъ глубокаго снѣга.

Въ мирное время въ нѣкоторыхъ безотлагательныхъ случаяхъ, въ особенности, когда телефонъ по разнымъ причинамъ не дѣйствуетъ, ощущается недостатокъ въ средствахъ сообщенія; тогда-то велосипедистъ и можетъ принести пользу, дозволяя передавать приказанія со скоростью 15-ти и болѣе верстъ въ часъ.

Съ объявленіемъ мобилизаціи, когда предстоитъ въ короткій срокъ произвести огромное количество всевозможныхъ работъ по подготовкѣ къ оборонѣ крѣпости, всѣ перевозочныя средства, равно какъ и телефоны, будутъ заняты денно и нощно; эти послѣдніе, не говоря уже о могущей случиться технической ихъ порчѣ, могутъ прекратить свое дѣйствіе вслѣдствіе метеорологическихъ причинъ, между тѣмъ какъ въ этотъ промежутокъ времени иной разъ ничтожное замедленіе въ передачѣ приказанія или донесенія можетъ имѣть серьезныя послѣдствія. Вотъ тогда велосипедисты приложатъ все свое искусство и силу и будутъ развозить съ бо́льшою быстротою, доходящею до 20-ти и болѣе верстъ въ часъ (два раза скорѣе неутомленнаго всад-

ника), всѣ приказанія словесныя и письменныя, планы, инструкціи сообщенія, доклады и даже тяжести, не больше пуда.

Велосипедомъ можно пользоваться днемъ и ночью, стало быть, мѣняя сѣдоковъ, на одномъ и томъ же велосипедѣ въ сутки не трудно совершить до 200 верстъ.

Наконецъ, во время самой осады, хотя еще этотъ новый снарядъ не обладаетъ боевымъ прошлымъ, не трудно допустить, что въ рядахъ нашихъ войскъ всегда найдутся смѣльчаки-велосипедисты, которые, запасшись зрительными и съемочными снарядами, вынесутся передъ линію укрѣпленій и, представляя собою, сравнительно со всадникомъ, незначительную цѣль, весьма успѣшно могутъ произвести свои наблюденія надъ непріятельскимъ расположеніемъ.

Нечего повторять, что въ этотъ періодъ времени вѣстовая служба велосипедистовъ будетъ нестись болѣе усиленно, чѣмъ во время мобилизаціи, въ особенности принимая въ соображеніе, что въ пасмурные дни геліографы не дѣйствуютъ, а телефоны могутъ быть разрушены непріятельскими снарядами.

Вооруженіемъ для велосипедиста можетъ служить шашка и револьверъ. Я съ успѣхомъ пригонялъ шашку, прикрѣплялъ ее особымъ способомъ къ рулю и передней вилкѣ; подобная пригонка даетъ возможность свободно обнажить шашку на полномъ ходу. Что касается револьвера, то опытный велосипедистъ не затрудняется стрѣлять изъ него и попадать въ намѣченный имъ предметъ при самой быстрой ѣздѣ.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ замѣтить, что, такъ называемые, безопасные велосипеды (о которыхъ и идетъ рѣчь) существуютъ всего только четыре года, стало быть, велосипедное дѣло еще въ зародышѣ; между тѣмъ, самокаты распространяются съ изумительною быстротою—я не говорю о Западной Европѣ, даже и Алжирѣ, гдѣ (не только въ городахъ, но и въ нѣкоторыхъ колоніяхъ) встрѣчали меня велосипедисты, но и у насъ въ Западной Сибири, въ городѣ Екатеринбургѣ, я нашелъ цѣлое общество велосипедистовъ. Подобное распространеніе самокатовъ краснорѣчиво говоритъ въ пользу несомнѣнной примѣнимости ихъ въ жизни. Какъ всякое удачное и практическое изобрѣтеніе, велосипедъ не останется безъ дальнѣйшаго совершенствованія, и можно поручиться, что въ скоромъ времени устранится главный его недостатокъ, именно: невозможность ѣзды, хотя и медленной, по песку и густой грязи. Вѣроятное устраненіе сего можетъ имѣть мѣсто лишь при уширеніи обода колесъ; но, принимая въ соображеніе, что вѣсъ велосипеда не долженъ превышать полтора пуда, въ противномъ случаѣ трудно взбираться на немъ въ

гору, сказанное уширеніе тогда только станетъ возможнымъ, когда велосипеды будутъ изготовляться изъ метала болѣе легкаго, но въ то же время по прочности не уступающаго мягкой стали, изъ которой они нынѣ дѣлаются. Имѣется и еще недостатокъ, впрочемъ, второстепенной важности, это—необходимость цѣпи, которыя приходятъ въ негодность отъ 3,000 до 4,000-верстной ѣзды. Кромѣ того, отъ дѣйствія цѣпи на одну сторону велосипеда, по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, рама скашивается, что заставляетъ заднее колесо двигаться не въ одной плоскости съ переднимъ; впрочемъ, это перекашиваніе происходитъ въ велосипедахъ не всѣхъ образцовъ, напримѣръ, на послѣднемъ велосипедѣ (Swift № 1-й съ дутыми резинами) по нынѣ я совершилъ въ общей сложности около 6,000 верстъ по мѣстностямъ, начиная отъ Алжира до Петербурга, изрѣзанными отрогами горъ Джуджурійскихъ, Пиринейскихъ, Альпійскихъ и Карпатскихъ, между тѣмъ рама нисколько не вышла изъ своего первоначальнаго положенія.

Во время моего путешествія на югѣ Франціи, въ городѣ Ниммѣ, французскій инженеръ Рустанъ показывалъ мнѣ велосипедъ своего изобрѣтенія безъ цѣпи, гдѣ таковая замѣнена двумя шестернями съ каждой стороны передняго колеса, но такъ какъ на этомъ снарядѣ приходится дѣйствовать ногами не впередъ, а назадъ, то, мнѣ кажется, эта попытка еще не вполнѣ удачна, хотя при дальнѣйшемъ развитіи этой идеи будетъ вскорѣ, по всей вѣроятности, достигнуто желаемое.

Вообще, надо думать, что устраненіе существующихъ въ велосипедѣ недостатковъ — вопросъ времени и во всякомъ случаѣ самаго близкаго. Разъ они будутъ удалены, снарядъ этотъ станетъ однимъ изъ остроумнѣйшихъ средствъ пользованія силами человѣка для быстраго передвиженія при всевозможныхъ условіяхъ, а въ военномъ отношеніи велосипедистъ не ограничится исключительно вѣстовою службою, но съ полнымъ успѣхомъ завоюетъ себѣ мѣсто въ качествѣ дѣятельнаго развѣдчика по освѣщенію мѣстности, если и не превосходя, то во всякомъ случаѣ и не уступая любому всаднику, однакоже съ тѣмъ преимуществомъ, что движеніе велосипеда совершается безъ малѣйшаго шума и самъ велосипедистъ, какъ цѣль, по размѣрамъ значительно меньше послѣдняго, вслѣдствіе чего раскрыть присутствіе подобнаго новаго развѣдчика для непріятеля становится болѣе затруднительнымъ.

Баронъ **В. Келлескраусъ.**

ЗАМѢТКА

О ЖЕЛАЕМЫХЪ ИЗМѢНЕНІЯХЪ ВЪ ПОЛОЖЕНІИ О РОТНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

Положеніе о ротномъ хозяйствѣ, объявленное въ приказѣ по военному вѣдомству 1878 г. за № 198, по общему основному характеру правилъ, въ немъ изложенныхъ, удовлетворяетъ требованію правильнаго веденія хозяйства въ ротахъ и не требуетъ кореннаго измѣненія началъ, лежащихъ въ основаніи сего Положенія. Но, имѣя въ виду нѣкоторыя требованія вновь изданныхъ законоположеній и тѣ практическіе пріемы, выработанные путемъ опыта, которые не могли быть предусмотрѣны при изданіи упомянутаго Положенія, а также для согласованія онаго съ Положеніемъ объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ, приложеннымъ къ приказу по военному вѣдомству 1887 г. за № 17, было бы желательно и полезно подвергнуть измѣненію въ частности нѣкоторыя статьи названнаго Положенія, а именно:

1) *О жалованьи нижнихъ чиновъ*; 2) *обмундированіе и снаряженіе*. Съ изданіемъ приказа по военному вѣдомству 1884 г. за № 308 жалованье нижнимъ чинамъ выдается чрезъ каждые два мѣсяца, согласно чего и слѣдуетъ измѣнить содержаніе статей 20 и 21 Положенія о ротномъ хозяйствѣ.

Въ зависимости отъ измѣненія системы довольствія войскъ мундирными и амуничными вещами (приказъ по военному вѣдомству 1890 г. № 8) слѣдуетъ измѣнить ст. 32, 33 и 34 Положенія, установивъ такой же порядокъ выдачи отъ полка въ роты мундирно-амуничныхъ вещей, какому подчиненъ полкъ по снабженію сими вещами отъ интендантства, т. е. каждая рота должна получать отъ полка ежегодно: вещи годичнаго срока полностію на весь штатный составъ роты, вещи двухлѣтняго срока на половину штатнаго состава, вещи четырехлѣтняго срока на $^1/_4$ часть штатнаго состава и т. д. въ пропорціи, опредѣленной ст. 11 и 15 Положенія о вещевомъ довольствіи изд. 1890 года.

Отчетность ротъ по вещевому довольствію ограничить одною описью ротнаго имущества по формѣ № 14-й, приложенной къ Положенію объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ изд. 1887 г. Примѣчаніе къ ст. 33 Положенія о ротномъ хозяйствѣ слѣдуетъ вовсе отмѣнить, какъ утратившее значеніе съ изданіемъ приказовъ по военному вѣдомству 1880 года № 67 и 1881 года № 113.

3) *По провіантскому и приварочному довольствію.* Практика указала возможность приготовлять пищу въ одномъ котлѣ на двѣ и даже на три роты; такой способъ варки пищи вполнѣ желателенъ, такъ какъ, помимо сбереженія топлива и кухонной посуды, онъ даетъ возможность приготовлять пищу болѣе лучшаго качества, нежели при варкѣ по-ротно.

Способъ этотъ, между прочимъ, предусмотрѣнъ ст. 79 Положенія о ротномъ хозяйствѣ, которою роты и руководствуются, но съ частнымъ отступленіемъ отъ пункта 3-го этой статьи, которое заключается въ слѣдующемъ: очередная довольствующая рота, наканунѣ перваго числа мѣсяца, получаетъ отъ всѣхъ ротъ, довольствующихся въ общемъ котлѣ, атестаты о приварочномъ довольствіи, а въ нѣкоторыхъ полкахъ и провіантскомъ довольствіи, и затѣмъ по истеченіи мѣсяца отсчитывается предъ полкомъ въ приварочныхъ деньгахъ, провіантѣ и дровахъ непосредственно за всѣ роты по своимъ отчетнымъ листамъ; роты же недовольствующія исключаютъ своихъ людей съ довольствія по отчетнымъ листамъ и никакого отчета по продовольствію въ полкъ не представляютъ, за исключеніемъ отчетности о расходахъ изъ артельныхъ суммъ на ротное хозяйство. Если при совокупномъ довольствіи нѣсколькихъ ротъ остается экономія отъ приготовленія пищи, припека хлѣба и отъ дровъ, то таковая распредѣляется по-ровну между всѣми ротами, довольствующимися изъ одного котла.

Такой порядокъ, какъ указала практика, весьма удобенъ, а потому желательно, чтобы онъ былъ введенъ въ Положеніе о ротномъ хозяйствѣ взамѣнъ пункта 3 ст. 79.

4) *О приварочныхъ деньгахъ.* Статьею 58 существующаго Положенія о ротномъ хозяйствѣ опредѣлено выдавать въ роты приварочныя деньги въ видѣ аванса; деньги эти, согласно ст. 130 Положенія записываются на приходъ въ артельныя суммы и, не составляя въ дѣйствительности этихъ суммъ, значатся подъ рубрикою зачетныхъ приварочныхъ денегъ. На практикѣ это оказывается неудобнымъ и несогласнымъ съ отчетностію полка объ авансахъ, отпускаемыхъ ему интендантствомъ на приварочное довольствіе. Порядокъ этотъ желательно было бы измѣнить въ слѣдующемъ смыслѣ: приварочныя деньги выдавать въ роты заимообразно въ примѣрномъ количествѣ не свыше мѣсячной потребности, объявляя разсчеты на эту выдачу въ приказѣ по полку; по полученіи сихъ денегъ роты, не записывая ихъ на приходъ въ артельныя суммы, вносятъ въ свой отчетный листъ, выдаваемый отъ полка, по которому онѣ и отсчитываются по истеченіи мѣсяца предъ полкомъ, а затѣмъ полкъ, повѣривъ отчетные листы

ротъ, сноситъ причитающуюся за отчетный мѣсяцъ сумму по своимъ отчетнымъ листамъ, выдаваемымъ отъ интендантства и выписываетъ въ расходъ по денежному журналу. Если бы отъ утвержденнаго приварочнаго оклада осталась экономія, то таковая показывается ротою по отчетному листу и вмѣстѣ съ нимъ представляется въ полкъ для причисленія къ артельной суммѣ и, по объявленіи о семъ въ приказѣ, записывается на приходъ въ артельныя суммы по ротной книгѣ; деньги, могущія остаться не израсходованными, переносятся въ отчетный листъ на слѣдующій мѣсяцъ.

5) *Артельныя суммы.* Что же касается расходовъ на хозяйственныя надобности ротъ, то выдачу на этотъ предметъ денегъ полагалось бы удобнымъ подчинить порядку, указанному въ ст. 37 и 38 Положенія объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ, съ тою только разницею, что счеты въ израсходованіи этихъ денегъ должны представляться въ полкъ за весь отчетный мѣсяцъ.

По повѣркѣ расходовъ, показанныхъ въ сихъ счетахъ, таковыя объявляются въ приказѣ по полку, согласно котораго и выписываются ротами въ расходъ по ротнымъ книгамъ.

6) *Ротныя денежныя книги.* Веденіе ротныхъ денежныхъ книгъ желательно бы было подвергнуть слѣдующему измѣненію: а) для учета собственно артельныхъ суммъ и образныхъ установить особую книгу по формѣ № 3-й, приложенной къ существующему Положенію о ротномъ хозяйствѣ, такъ какъ эти суммы не состоятъ въ дѣйствительности въ ротахъ, а хранятся въ полковомъ денежномъ ящикѣ и всѣ деньги, подлежащія поступленію въ таковыя, представляются въ полкъ и только по объявленіи въ приказѣ о причисленіи ихъ къ артельнымъ суммамъ записываются на приходъ по ротной книгѣ (ст. 82 существующаго Положенія). И потому фактически на рукахъ у ротнаго командира изъ числа артельныхъ суммъ имѣется только авансъ, выдаваемый отъ полка на текущіе расходы по ротному хозяйству, въ которомъ онъ ежемѣсячно отсчитывается предъ полкомъ въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 5 сей записки, слѣдовательно, веденіе въ ротѣ отчетности о состояніи артельныхъ суммъ имѣетъ только значеніе документальнаго учета таковыхъ, въ отношеніи же контроля наличнаго состоянія ихъ оно не имѣетъ значенія, такъ какъ фактическую повѣрку этихъ суммъ можно произвести только въ полковомъ хозяйственномъ управленіи, и б) для всѣхъ прочихъ суммъ, фактически поступающихъ въ роты (такъ называемыхъ раздаточныхъ), установить особую общую приходорасходную книгу по формѣ денежнаго журнала, опредѣленнаго ст. 26 Положенія объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, указан-

ными въ прилагаемой при семъ формѣ (приложеніе № 1-й). Засимъ всѣ четыре отдѣла ротной книги, установленной существующимъ Положеніемъ о ротномъ хозяйствѣ (форма № 3-й, приложеніе къ ст. 128), полагалось бы полезнымъ отмѣнить.

7) *Ротная кладовая вѣдомость.* Въ виду соображеній, приведенныхъ въ статьяхъ 4, 5 и 6 сей замѣтки, ротная кладовая вѣдомость (форма № 9-й приложеніе къ существующему Положенію о ротномъ хозяйствѣ) представляется совершенно излишнею, тѣмъ болѣе, что эта вѣдомость ведется въ полковомъ хозяйственномъ управленіи (форма № 7-й приложеніе къ Положенію объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ). Ротный же командиръ имѣетъ свѣдѣніе о состояніи ротныхъ суммъ изъ книги, которая по учету этихъ суммъ ведется въ ротѣ; по этому вѣдомость эту полагалъ бы отмѣнить.

8) *Нормы расходовъ изъ артельныхъ суммъ.* Въ отношеніи нормы расходовъ изъ артельныхъ суммъ на ротныя хозяйственныя надобности полагалось бы полезнымъ установить, въ общемъ, тотъ же порядокъ, какой опредѣленъ статьями 56, 57 и 58 Положенія объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ, для расходовъ на полковыя хозяйственныя надобности, съ нѣкоторыми измѣненіями въ частности, а именно: вмѣсто журнала хозяйственныхъ оборотовъ можетъ служить книга о ротныхъ суммахъ, указанная въ ст. 6 сей замѣтки; расходъ по этой книгѣ можетъ быть подраздѣленъ на отдѣлы по формѣ № 3-й приложенія къ существующему Положенію о ротномъ хозяйствѣ (отдѣлъ артельной суммы), причемъ сгруппировать указанные въ статьѣ 83 предметы расходовъ такъ, чтобы число самыхъ отдѣловъ было возможно меньше.

Смѣты расходовъ составляются ротнымъ командиромъ и, по повѣркѣ завѣдующимъ хозяйствомъ, утверждаются командиромъ полка; этою смѣтою и долженъ руководствоваться ротный командиръ по веденію ротнаго хозяйства, причемъ не возбраняется ему, въ случаѣ надобности, дѣлать передержку по однимъ отдѣламъ на счетъ остатковъ отъ другихъ отдѣловъ, но съ тѣмъ, чтобы въ годовомъ выводѣ общій итогъ расходовъ не превышалъ утвержденный по смѣтѣ, всѣ же чрезвычайные сверхсмѣтные расходы производятся съ особаго разрѣшенія командира полка, какъ, напримѣръ: добавокъ къ приварочному окладу въ случаяхъ недостаточности таковаго и т. п.

Подобный порядокъ устранитъ тѣ недоразумѣнія и пререканія между полковымъ хозяйственнымъ управленіемъ и ротами, какія возникаютъ иногда нынѣ по вопросамъ о непринятіи полкомъ какого либо расхода, произведеннаго ротнымъ командиромъ на ротныя нужды

и, кромѣ того, предоставить ротному командиру по веденію хозяй-
ства въ ротѣ бо́льшую самостоятельность, которая ему, какъ непо-
средственному хозяину въ ротѣ и отвѣтчику за благоустройство ея,
необходима.

9) *Солдатская записная книжка.* Солдатская записная книжка,
установленная существующимъ Положеніемъ (форма № 8-й), очень
полезна, но по своему объему слишкомъ велика и нѣкоторые отдѣлы
ея (въ особенности для армейскаго пѣхотнаго солдата) совершенно
лишни, почему желательно ввести въ ней слѣдующія измѣненія: от-
дѣлъ о прохожденіи службы оставить безъ измѣненія. отдѣлъ о ве-
щевомъ довольствіи, какъ-то: годовыхъ и мундирныхъ вещахъ, сна-
ряженіи и вооруженіи вовсе отмѣнить. такъ какъ, за утерею права
собственности солдата на мундирную одежду, запись ея въ книжку
не имѣетъ значенія? Что же касается вооруженія и снаряженія, то
этимъ вещамъ ведется въ каждомъ взводѣ, командиромъ его, вещевая
вѣдомость (приложеніе 2-е къ Уставу о внутренней службѣ). Время
выдачи амуничныхъ денегъ должно служить доказательствомъ вы-
дачи и годовыхъ вещей. Жалованье, амуничныя деньги и письма сое-
динить въ одинъ общій отдѣлъ и притомъ не подраздѣлять его на
года, такъ какъ это затрудняетъ розыскиваніе времени выдачи сол-
дату какихъ либо денегъ. Желаемая форма сего отдѣла при семъ при-
лагается (приложеніе № 2-й).

Отдѣлъ собственныхъ денегъ оставить безъ измѣненія. Едино-
временныя денежныя пособія, награды, деньги, жалуемыя за смотры,
дѣтское пособіе и порціонныя деньги вписывать въ запасный листокъ,
форму котораго желательно измѣнить по прилагаемой при семъ формѣ
(приложеніе № 3-й). Въ этотъ же запасный листокъ слѣдовало бы
вносить и заработныя деньги.

Остальные отдѣлы записной книжки полагалось бы полезнымъ
отмѣнить, отчего самый отдѣлъ этой книжки уменьшится, веденіе ея
упростится, а дѣланіе справокъ и повѣрка по ней необходимыхъ свѣ-
дѣній облегчится.

10) *Журналъ исходящихъ бумагъ.* Для сокращенія переписки по-
лагалось бы полезнымъ журналъ исходящихъ бумагъ отмѣнить, крат-
кое же содержаніе бумагъ вписывать въ разсыльную книгу, которую
имѣть одну общую для простой и денежной кореспонденціи.

11) *Книжка каптенармуса.* Эту книжку желательно измѣнить
по прилагаемой формѣ (приложеніе № 4-й).

12) *Книжка ротнаго артельщика и листъ о припасахъ.*
Въ этой книжкѣ слѣдовало бы добавить приходъ и расходъ продук-

товъ, какъ ведется въ книжкѣ каптенармуса приходъ и расходъ хлѣба, а листъ о припасахъ отмѣнить, такъ какъ количество продуктовъ, положенныхъ въ котелъ, можно видѣть изъ раскладки, записываемой на доскѣ.

13) *Статьи существующаго Положенія, кои подлежатъ отмѣненію или измѣненію.* Ст. 6. Исключить изъ числа обязанностей каптенармуса веденіе отчетности по расходованію приварочныхъ денегъ, такъ какъ таковыя расходуются артельщикомъ.

Ст. 9. Назначеніе времени смѣны артельщиковъ могло бы быть предоставлено командиру полка.

Ст. 21. Присутствіе командировъ ротъ въ хозяйственной части полка при повѣркѣ списковъ на жалованье и вещей на практикѣ оказывается излишнимъ и непроизводительно отнимаетъ у нихъ время. Ошибки въ спискахъ могутъ быть указаны при выдачѣ денегъ или вещей.

Ст. 32. Необходимо установить, чтобы и мундирная одежда втораго срока хранилась въ цейхгаузахъ.

Ст. 38. Въ этой статьѣ, вѣроятно, вкралась опечатка: въ выраженіи «полковой каптенармусъ принимаетъ и свидѣтельствуетъ» слово каптенармусъ, какъ надо полагать, слѣдуетъ замѣнить словомъ «казначеи-квартермистръ».

Ст. 49. Нѣтъ надобности посылать оружіе въ мастерскую при запискѣ, такъ какъ для этого имѣется книга для починки оружія (Положеніе объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ форма № 11-й).

Ст. 52. Полагалось бы возможнымъ разрѣшить ротамъ хранить у себя въ ротныхъ цейхгаузахъ остающіеся послѣ стрѣльбы патроны, если ихъ не болѣе одного ящика, а не отвозить и сдавать обратно въ пороховой погребъ, что иногда бываетъ крайне затруднительно, вслѣдствіе дальности разстоянія.

Ст. 90. Пункты 3 и 4 этой статьи, согласно разъясненію главнаго штаба, должны быть отмѣнены.

Ст. 126 отмѣнить, какъ несогласную съ ст. 29, редакцію которой оставить безъ измѣненія.

Ст. 136. Веденіе ротной табели отмѣнить: вмѣсто ея ведется опись установленная Положеніемъ объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ ст. 52.

Ст. 138 слѣдуетъ согласовать съ ст. 49, 50, 51 и 52 Положенія объ управленіи хозяйствомъ въ отдѣльныхъ частяхъ.

Д.

№№ статей по порядку.	Мѣсяцъ и число.	ПРИХОДЪ.	Сумма. Р.	К.	№№ соотвѣтствующихъ расходныхъ статей.
		Транспортъ.			
1		Къ 1-му января 1891 года оставалось не розданными:			
		Жалованье за сентябрь и октябрь 1890 г.			
		Рядовому Ивану Силкину	—	45	Ст. 3.
		» Михаилу Клишину	—	15	Ст. 3.
		Заработіе:			
		Рядовому Ильѣ Нестерову	1	80	Ст. 1.
		Ему же денежное письмо	3	—	Ст. 1.
		Поступило:			
2	Января. 3	Денежн. письма (прик. № 2).			
		Унтеръ-офицеру Ивану Глотову	2	—	Ст. 1.
		Рядовымъ: Ильѣ Юдину	3	—	Ст. 1.
		» Яну Нурко	1	—	Ст. 2.
3	8	Жалованье за ноябрь и декабрь 1890 г. (прик. № 7)	62	15	Ст. 5—61 р. 55 к.
		Осталось не розданными.			
		Рядовому Дмитрію Панову 45 коп.	—	—	Ст. 7—15 коп.
		» Ивану Попову 45 коп.	—	—	
4	14	Наградные фельдфебелю Волкову (приказъ № 12)	5	—	Ст. 6.
		и т. д.			
		Итого въ теченіе января:			
		Поступило	79	15	
		Выдано	78	70	
		Затѣмъ къ 1-му февраля состоитъ	—	45	
		Командиръ роты			
		Командиръ баталіона			
		(Послѣ каждой приходной статьи должна быть подпись командира роты).			

Приложеніе № 1.

№№ статей по порядку.	Мѣсяцъ и число.	РАСХОДЪ.	Сумма. Р.	К.	№№ соотвѣтствующихъ расходныхъ статей.
		Транспортъ.			
1	Января. 4	Выданы денежныя письма	5	—	Ст. 2.
2	5	Представлено въ полкъ при разносной книгѣ ст. № 1 денежное письмо на рядоваго Яна Нурко	1	—	Ст. 2.
3	7	Выдано жалованье за сентябрь и октябрь 1890 года	—	90	Ст. 1.
4	8	Представлено въ полкъ (ст. 2. разносной книги) денежное письмо и заработія деньги на умершаго рядоваго Илью Нестерова	4	80	Ст. 1.
5	10	Выдано по списку на наличное число жалованье за ноябрь и декабрь 1890 г.	61	55	Ст. 3.
6	15	Выданы наградныя фельдфеб. Волкову.	5	—	Ст. 4.
7	26	Выдано въ жалованье рядовому Панову.	—	45	Ст. 3.
		Итого въ теченіе января выдано	78	70	
		Командиръ роты			
		(Каждая статья расхода свидѣтельствуется подписью ротнаго командира).			

Приложеніе № 2.

Жалованье, амуничныя деньги и письма съ деньгами.								
Время выдачи.			Жалованье.		Амуничныя деньги.		Письма съ деньгами.	
Годъ.	Число.	Мѣсяцъ.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1890		Марта.	—	—	1	25	—	—
	6	Марта (за январь и февраль). .	—	45	—	—	—	—
	20	Марта.	—	—	—	—	5	—
		и т. д. цѣлый годъ.						
1891	2	Марта (за январь и февраль). .	—	67½	—	—	—	—
		и т. д. цѣлый годъ.						

Приложеніе № 3.

Запасный листокъ.					
Время выдачи.			Наименованіе денегъ.	Сумма.	
Годъ.	Число.	Мѣсяцъ.		Руб.	К.
1890	10	Января.	За спасеніе погибавшихъ.	5	—
	15	Августа.	За смотръ въ присутствіи Государя Императора	1	
			и т. д. всѣ деньги, выдаваемыя въ теченіе года.		
1891	1	Февраля.	Приварочныя за январь	1	10
			и т. д.		
	10	Ноября.	Заработныя деньги	1	8

Приложеніе № 4.

ФОРМА. КНИЖКА КАПТЕНАРМУСА.

Мѣсяцъ и число.	ПРИХОДЪ.	Четверти.	Четверики.	Гарнцы.
Января. 1	Получено отъ полка	7	5	3
15	Получено	5	—	—
	Итого въ приходѣ . .	12	5	3
	Въ теченіе января израсходовано муки.	8	6	5
	Къ 1-му февраля остается муки . .	3	6	6

Мѣсяцъ и число.	РАСХОДЪ.	Четверти.	Четверики.	Гарнцы.	Выпечено хлѣба. Пуды.	Выпечено хлѣба. Фунт.
Января. 2	Перепечено въ хлѣбъ . .	3	—	—	30	15
3	Перепечено въ хлѣбъ . .	2	1	—	25	16
4	Перепечено въ хлѣбъ . . и т. д.	2	5	—	27	3
—	Выдано на квасъ. . . .	—	1	—	—	—
—	Выдано на сыровецъ . . и т. д.	—	[illegible]	5	—	—
	Итого	8	6	5	82	31

Мѣсяцъ и число.	ПРИХОДЪ ХЛѢБА.	Количество.	
		Пуды.	Фунты.
Января. 2	Испечено хлѣба.	30	15
3	Испечено хлѣба.	25	16
4	Испечено хлѣба.	27	3
	Итого въ приходѣ . .	82	34
	Выдано людямъ.	78	15
	Къ 1-му февраля въ остаткѣ . .	4	19

Мѣсяцъ и число.	ПРИХОДЪ.	Дровъ трехъ-полѣнной мѣры.		
		Саженъ.	Аршинъ.	Вершк.
Января. 1	Получено отъ полковаго квартермистра по асигновкѣ за № 65 на пищевареніе	1	2	—
	Итого въ приходѣ. . .	1	2	—
	Къ 1-му февраля осталось въ экономіи	—	1	—

Мѣсяцъ и число.	РАСХОДЪ ХЛѢБА.	Количество.	
		Пуды.	Фунты.
Января. 1	Выдано въ 1-й взводъ	10	5
	» во 2-й взводъ	8	10
	и т. д.		
	Итого въ расходѣ.	78	15

Мѣсяцъ и число.	РАСХОДЪ.	Дровъ трехъ-полѣнной мѣры.		
		Саженъ.	Аршинъ.	Вершк.
Въ январѣ.	Израсходовано на пищевареніе.	1	1	—
	Итого.	1	1	—

ЕЩЕ КЪ ВОПРОСУ

ОБЪ ОБУЧЕНІИ ОХОТНИЧЬИХЪ КОМАНДЪ ВЪ ПѢХОТѢ.

Успѣшная подготовка охотничьихъ командъ въ пѣхотѣ все еще до нѣкоторой степени замедляется проявленіемъ разнообразія взглядовъ войсковыхъ начальниковъ на дѣло и средства подготовки охотничьихъ командъ. Разнообразіе это не проистекаетъ отъ различія условій, въ которыхъ находятся команды по своему квартирному расположенію, но чаще происходитъ отъ того, что для означенныхъ командъ въ пѣхотѣ не имѣется оффиціально утвержденной инструкціи, подобно установленной для кавалеріи приказомъ по военному вѣдомству 1891 г. № 242; отсюда является неравномѣрность въ хотѣ занятій, часто предоставляемыхъ усмотрѣнію младшихъ офицеровъ [1].

Такъ какъ и въ пѣхотѣ единство направленія занятій въ охотничьихъ командахъ можетъ принесть пользу дѣлу, то приводимъ ниже одно изъ возможныхъ рѣшеній настоящаго вопроса, примѣнительно къ основаніямъ, принятымъ въ Инструкціи, приложенной къ приказу по военному вѣдомству 1891 г. № 242.

I.

Общія положенія.

1) Дабы имѣть въ каждомъ полку опредѣленное число офицеровъ и нижнихъ чиновъ, заблаговременно подготовленныхъ соотвѣтствующими упражненіями къ успѣшному исполненію въ военное время порученій, соединенныхъ съ особою опасностію и требующихъ личной находчивости и выносливости, устанавливаются особыя занятія (полевыя и казарменныя) съ охотниками. Для удобства подготовки разрѣшается собирать охотниковъ въ зимнее время въ особую команду.

2) Къ боевой охотничьей службѣ должны быть подготовлены въ

[1] Въ развитіе приказа по военному вѣдомству 1886 г. № 260, даны нынѣ циркуляромъ главнаго штаба отъ 7-го ноября 1891 г. № 202, особыя указанія относительно численности охотничьихъ командъ, ихъ организаціи, караульной службы и занятій (см. Воен. Сбор. 1891 г. № 12). Ред.

каждомъ полку пять оберъ-офицеровъ, пять унтеръ-офицеровъ и 64 рядовыхъ. Изъ числа офицеровъ одинъ исполняетъ обязанность начальника полковой охотничьей команды, съ правами командира роты, а остальные четверо завѣдываютъ взводами охотниковъ, каждый изъ людей своего баталіона.

Означенные рядовые носятъ названіе *охотниковъ* и когда не выдѣлены изъ ротъ, то занимаютъ въ строю мѣста въ общемъ разсчетѣ своей роты.

3) Назначеніе людей въ охотники, вмѣсто выбывшихъ въ запасъ, или оказавшихся неспособными, или по другимъ причинамъ, дѣлается немедленно, причемъ въ охотники должны быть избираемы нижніе чины изъ числа отбывшихъ не менѣе одного лагернаго сбора.

Въ охотничью команду избираются люди изъ энергичныхъ, сильныхъ, ловкихъ, искусныхъ въ стрѣльбѣ, съ хорошимъ зрѣніемъ и слухомъ, вообще изъ наиболѣе способныхъ къ достиженію указанной выше цѣли.

О нижнихъ чинахъ, назначенныхъ въ охотники, объявляется въ приказѣ по полку.

Примѣчаніе 1. Незнаніе грамоты не составляетъ препятствія для выбора людей въ команду, если человѣкъ отвѣчаетъ остальнымъ требуемымъ качествамъ.

Примѣчаніе 2. При выборѣ охотниковъ имѣть въ виду уравнительное распредѣленіе ихъ по ротамъ и срокамъ службы.

4) Офицеры и нижніе чины охотничьихъ командъ не освобождаются отъ общихъ учебныхъ занятій, установленныхъ въ полку, и по сему производство спеціальныхъ занятій назначается въ дни, для сего опредѣленные, распоряженіемъ командира полка, согласованномъ съ требованіями сей Инструкціи.

Спеціальныя занятія съ охотниками ведутся въ теченіе всего періода времени съ 1-го октября по 1-е іюля, т. е. до начала общихъ сборовъ, и раздѣляются на *подготовленныя*—съ 1-го октября по 1-е мая и *полевыя* — съ 1-го мая по 1-е іюля.

5) Главнымъ предметомъ занятій охотниковъ служатъ: развѣдываніе и охранительная служба при разнообразныхъ условіяхъ; совершеніе усиленныхъ переходовъ съ упражненіями въ изученіи мѣстности и развѣдываніи какъ днемъ, такъ и ночью; усвоеніе партизанскихъ пріемовъ и пользованіе подручнымъ матеріаломъ для устройства переправъ черезъ небольшія рѣки.

Примѣчаніе 1. Для надлежащаго физическаго развитія людей и полнаго усовершенствованія въ умѣніи владѣть оружіемъ, занятія

гимнастикою, фехтованіемъ штыкомъ и стрѣльбою должны продолжаться во все время службы охотниковъ; но такъ какъ они поступаютъ въ команду съ законченнымъ въ ротахъ строевымъ образованіемъ, то упомянутыя здѣсь занятія разнообразятся въ примѣненіи, главнымъ образомъ, къ цѣлямъ боевой охотничьей службы.

Примѣчаніе 2. Въ общемъ составѣ команды часть охотниковъ должна быть ознакомлена съ употребленіемъ самокатовъ и сигнализированіемъ.

Примѣчаніе 3. Всѣ занятія словесныя, не относящіяся непосредственно къ дѣлу охотниковъ, должны быть исключены изъ программы ихъ занятій.

6) Ниже указывается продолжительность времени, а равно и число упражненій для каждаго изъ поименованныхъ отдѣловъ занятій, но, въ виду разнообразія условій, въ которыхъ находятся различные полки, это распредѣленіе времени должно служить лишь примѣрнымъ указаніемъ той послѣдовательности, въ какой слѣдуетъ вести занятія, и того, какъ должно распредѣлять время соотвѣтственно опредѣляемой этою Инструкціею относительной важности различныхъ отдѣловъ обученія охотниковъ.

7) Имѣя въ виду все вышесказанное, въ каждомъ полку должны быть составлены *программы* въ той степени подробности, чтобы, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, всѣ указанные отдѣлы были пройдены на подготовительныхъ занятіяхъ до 1-го мая; а въ полѣ—производя эти занятія обязательно какъ въ зимній періодъ, такъ и весною до 1-го іюля.

8) Въ означенныхъ программахъ должно быть опредѣлено:

а) Число еженедѣльныхъ подготовительныхъ (въ казармахъ и въ ближайшемъ полевомъ раіонѣ) занятій съ охотниками.

б) Число полевыхъ занятій спеціально для изученія передовой службы, съ указаніемъ распредѣленія этого числа по мѣсяцамъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, безъ ущерба, однако, для прохожденія охотниками прочихъ отдѣловъ солдатскаго образованія.

в) Наиболѣе благопріятное время для производства какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ полевыхъ занятій съ охотниками.

г) Мѣсто, гдѣ и когда предположено произвесть охоту.

д) Порядокъ и мѣсто предполагаемаго обученія плаванію и переправамъ черезъ рѣки.

9) Программы эти ежегодно осенью, передъ началомъ зимнихъ занятій, представляются на утвержденіе начальника дивизіи.

10) Веденіе занятій съ охотниками должно быть поручено опыт-

ному и знающему офицеру подъ ближайшимъ руководствомъ командира полка, на отвѣтственности коего всецѣло и лежитъ успѣхъ этихъ занятій.

11) Контроль и *наблюденіе* за занятіями охотниковъ возлагается на командировъ бригадъ. Ближайшее завѣдываніе занятіями охотниковъ, когда они выдѣляются для участія въ общей охотѣ, дальней рекогносцировкѣ и т. п., можетъ быть возложенъ на одного изъ штабъ-офицеровъ полка по назначенію командира полка.

Примѣчаніе. Сношеніе о допускѣ командъ для охотъ, а равно всѣ другія необходимыя сношенія съ мѣстными властями производятся командиромъ полка.

12) Для отчетности по занятіямъ съ охотниками въ каждой командѣ начальникъ ея ведетъ:

Журналъ команды, въ коемъ означается: а) списочный составъ команды; б) опись имущества; в) количество убитаго звѣря и птицы; г) вѣдомость прихода и расхода денегъ и д) когда и какія именно занятія производились, и кто изъ людей, и почему не былъ на оныхъ. Чертежныя и письменныя работы охотниковъ составляютъ особое приложеніе къ журналу команды.

Означенная книга, за скрѣпою командира полка, подлежитъ представленію на инспекторскихъ смотрахъ.

13) Ежегодно командиры полковъ, а равно командиры бригадъ, передъ началомъ лѣтнихъ занятій, обязаны произвести охотничьимъ командамъ полковъ своей бригады повѣрочныя испытанія въ полѣ и о результатѣ донести начальнику дивизіи.

Тѣ отдѣлы занятій, какъ, напр., устройство переправъ и др., практическое изученіе которыхъ возможно только въ періодъ лѣтнихъ занятій, должны быть повѣрены впослѣдствіи, немедленно послѣ ихъ прохожденія.

14) Для поощренія наиболѣе достойныхъ охотниковъ и развитія между ними полезнаго соревнованія, нижнимъ чинамъ производятся состязанія на призы и денежныя награды по опредѣленію начальника дивизіи.

Испытанія въ знаніи охотниками своего дѣла должны производиться въ полкахъ по окончаніи лѣтнихъ сборовъ коммисіями по назначенію командира полка.

15) Дабы занятія (подготовительныя и полевыя) по усвоенію охотниками тѣхъ служебныхъ требованій, для выполненія коихъ они назначены, могли идти успѣшно, обязательно имѣть въ каждой командѣ опредѣленныя вспомогательныя средства и принадлежности, частью

служащія пособіемъ къ наглядному обученію всему тому, что трудно преподать нижнимъ чинамъ изустными объясненіями, частью необходимыхъ для практическихъ упражненій охотниковъ и вообще для придмѣненія къ дѣлу свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ охотниками на подготовительныхъ занятіяхъ, а равно для производства охотъ и устройства переправъ изъ подручнаго матеріала.

16) Всѣ расходы на пріобрѣтеніе или устройство необходимыхъ для обученія охотниковъ пособій, согласно приказа по воен. вѣд. 1886 г. № 260, производятся изъ полковыхъ суммъ, въ размѣрахъ, опредѣленныхъ начальникомъ дивизіи.

Изъ тѣхъ же суммъ должны выдаваться оберъ-офицерамъ походныя за участіе въ продолжительныхъ (свыше сутокъ) дальнихъ передвиженіяхъ въ составѣ команды. Нижніе чины, во время дальнихъ передвиженій, должны получать усиленное довольствіе въ размѣрахъ, опредѣленныхъ начальникомъ дивизіи, на счетъ полковыхъ хозяйственныхъ суммъ.

17) Всѣ передвиженія охотничьихъ командъ къ пунктамъ охоты должны быть совершаемы походнымъ порядкомъ. Пользованіе для этой цѣли предѣльными билетами, въ 50 верстномъ раіонѣ отъ штаба полка, воспрещается, такъ какъ усиленные переходы командъ охотниковъ входятъ въ программу ихъ занятій.

18) Взиманіе подводъ за установленныя контрмарки для перевозки имущества охотниковъ разрѣшается въ исключительныхъ случаяхъ, по представленіямъ командировъ полковъ. Въ прочихъ случаяхъ офицерскій багажъ и все необходимое въ походѣ должно быть на себѣ и на подводѣ, изъ числа повозокъ полковаго обоза, запряженной наличными подъемными лошадьми.

Горячую пищу люди готовятъ себѣ въ котелкахъ. Начальнику команды разрѣшается слѣдовать верхомъ.

II.

Подготовительныя занятія.

19) Подготовительныя занятія ведутся въ теченіе всего зимняго періода, т. е. съ 1-го октября по 1-е мая, и служатъ: а) для передачи охотникамъ въ доступной формѣ и въ соотвѣтственномъ размѣрѣ, *преимущественно показомъ*, необходимыхъ пріемовъ и сноровокъ при отправленіи ихъ спеціальной передовой службы, и б) для доставленія

имъ первоначальной практики *на дѣйствительной мѣстности* въ окрестностяхъ расположенія полка, въ примѣненіи къ дѣлу усвоенныхъ ими познаній.

Примѣчаніе. Для успѣшной подготовки охотниковъ подготовительныя занятія отнюдь не должны быть обращены въ занятія исключительно казарменныя, но обязательно все, что возможно, исполнить показомъ на дѣйствительной мѣстности въ полѣ.

20) При занятіяхъ охотниковъ *въ первый годъ* нахожденія ихъ въ этой командѣ, подготовительными занятіями пользуются для всѣхъ вышеуказанныхъ цѣлей; *на второй же и послѣдующіе годы* своего обученія охотники, во время подготовительныхъ занятій, почти исключительно только изучаютъ въ полѣ 50-ти верстный окрестный раіонъ, съ нанесеніемъ онаго на карты и составленіемъ описанія участка (см. приложенія къ этому §. Такою практикою изученія мѣстныхъ условій на дѣлѣ имѣется въ виду обезпечить подготовку въ охотничьихъ командахъ надежныхъ охранителей, ловкихъ развѣдчиковъ и проводниковъ, когда въ томъ окажется надобность.

Примѣчаніе. Особенно важно заставить охотниковъ полюбить свое дѣло, а потому постоянное методическое повтореніе изъ года въ годъ однихъ и тѣхъ же свѣдѣній не только не содѣйствовало бы достиженію такой цѣли, но могло бы скорѣе убить въ охотникахъ всякій интересъ къ ихъ спеціальнымъ занятіямъ.

21) Прежде всего охотники должны быть ознакомлены въ необходимой подробности съ общимъ духомъ служебной дѣятельности охотничьихъ командъ въ военное время, а также съ обязательными для нихъ руководящими свѣдѣніями изъ устава полевой службы, съ составленіемъ и доставкою донесеній и съ охранительной службой на мѣстѣ и въ движеніи.

Имѣя въ виду, что охотникамъ, при выполненіи возложенныхъ на нихъ порученій, приходится удаляться отъ своего отряда часто на значительныя разстоянія и при томъ еще въ странѣ незнакомой, необходимо также ознакомить охотниковъ: а) со способами опознаванія (оріентированія) на незнакомой мѣстности, устраняя туманныя и непонятныя для солдата подробности и знакомя съ картой практически, на сколько все необходимо для опознанія относительнаго положенія населенныхъ мѣстъ и естественныхъ рубежей данной мѣстности, вообще на сколько все это необходимо для оріентированія въ полѣ. (Въ приложеніи приведенъ перечень свѣдѣній, знаніе коихъ необходимо для охотника).

22) Полезно также, чтобы въ составѣ охотничьихъ командъ были

такіе, кои могли бы намѣтить схематически направленіе той дороги, по которой имъ придется идти, а также относительное положеніе тѣхъ предметовъ, по которымъ удобнѣе всего опознаваться на мѣстности, но не слѣдуетъ дѣлать изъ этого особый предметъ обученія черченію.

23) Затѣмъ, кромѣ умѣнья воспользоваться картою, охотники должны вполнѣ усвоить себѣ подробныя правила производства развѣдокъ мѣстности и противника въ бою, на походѣ и на бивакѣ.

Для доставленія при этихъ развѣдкахъ толковыхъ свѣдѣній, они должны понимать боевое значеніе того, что̀ видятъ и слышатъ, а потому при полевыхъ упражненіяхъ должно быть обращаемо вниманіе охотниковъ на военное значеніе различныхъ мѣстныхъ предметовъ; всѣ эти свѣдѣнія должны быть ограничены тѣми предѣлами существенно нужнаго, въ которыхъ они непосредственно могутъ пригодиться охотнику изъ нижнихъ чиновъ для успѣшной развѣдки.

Указанія на живомъ дѣлѣ на то, какъ каждый охотникъ можетъ воспользоваться въ дѣйствительности пріобрѣтенными имъ познаніями, должно служить связующимъ звеномъ между различными отдѣлами програмы разныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ охотникамъ.

24) Означенныя подготовительныя (казарменныя и полевыя) занятія съ охотниками слѣдуетъ производить въ теченіе всего зимняго періода до *двухъ разъ въ недѣлю*, увеличивая это число по мѣрѣ надобности и въ зависимости отъ распредѣленія службы и занятій въ полку.

Продолжительность каждаго подготовительнаго занятія съ охотниками должна быть около двухъ часовъ и болѣе, въ зависимости отъ поставленной ближайшей цѣли (задачи) даннаго занятія.

III.

Спеціальныя полевыя (зимнія и лѣтнія) занятія.

25) Какъ бы основательно не велись казарменныя занятія съ охотниками, подготовку ихъ къ исполненію предстоящихъ имъ въ военное время назначеній нельзя признать достаточною, если только попутно съ казарменнымъ подготовительнымъ обученіемъ не будутъ производиться соотвѣтствующія упражненія въ полѣ.

26) Спеціальныя полевыя занятія съ охотниками ведутся: зимнія— съ 1-го октября по 1-е мая, а лѣтнія—съ 1-го мая по 1-е іюля и слагаются изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

а) Занятія непосредственно по изученію развѣдывательной, охранительной и вообще передовой службы днемъ и ночью.

б) Совершеніе усиленныхъ переходовъ въ связи съ упражненіями въ изученіи мѣстности и въ развѣдываніи, какъ днемъ, такъ и ночью, а иногда и съ производствомъ охоты.

в) Упражненія въ переправѣ пѣхоты и артиллеріи съ обозомъ черезъ небольшія рѣки.

Въ приложеніи показано примѣрное распредѣленіе полевыхъ занятій съ охотниками въ періодъ съ 1-го октября по 1-е іюля по 6-е августа.

27) Занятія по усвоенію практикой передовой службы имѣютъ своею цѣлью:

1) Пробудить въ людяхъ вниманіе ко всему окружающему, развивъ въ нихъ способность запоминать мѣстность и описывать ее сначала вообще, а затѣмъ, исключительно въ военномъ отношеніи.

2) Практиковать всѣхъ охотниковъ въ глазомѣрномъ опредѣленіи разстояній, дабы такимъ образомъ подготовить ихъ къ вѣрному опредѣленію длины непріятельскихъ колоннъ, размѣровъ бивака или позицій противника, или вообще рекогносцируемыхъ мѣстныхъ предметовъ.

3) Показать простѣйшіе способы опознаванія по солнцу, по звѣздамъ и по мѣстнымъ предметамъ.

4) Выработать у охотниковъ умѣнье искусно пользоваться мѣстностью для скрытнаго движенія въ указанномъ направленіи, безъ потери въ то же время возможности самимъ наблюдать незамѣтно за всѣмъ происходящимъ вокругъ себя и особенно по сторонамъ пути слѣдованія, что́ имѣетъ особенное значеніе для охотничьихъ патрулей, высылаемыхъ для охраненія походнаго движенія отряда.

5) Развить у людей способность правильно составлять и передавать несложныя донесенія и приказанія и доставлять ихъ.

6) Доставить охотникамъ практику въ выполненіи обязанностей разныхъ патрулей — сторожевыхъ, развѣдочныхъ и для связи при различныхъ условіяхъ, а также ознакомить этихъ людей на дѣлѣ съ обязанностями старшихъ на отдѣльныхъ постахъ, сторожевыхъ заставахъ и въ секретахъ.

7) Показать охотникамъ въ полѣ пріемы производства развѣдокъ мѣстныхъ предметовъ и противника—въ походѣ, на отдыхѣ и въ бою, на сколько послѣднее возможно до наступленія маневровъ или общихъ сборовъ.

28) Такъ какъ сторожевая служба представляетъ только частный

случай службы гарнизонной и вполнѣ сходна съ ней по основаніямъ, а стало быть, уже практически знакома охотникамъ, то главное вниманіе и усилія должно сосредоточить на упражненіяхъ *въ развѣдывательной* службѣ, всецѣло зависящей отъ личныхъ свойствъ и развитія охотниковъ, отъ ихъ наблюдательности, находчивости, неутомимости и проч.

Въ виду всего этого, полевое обученіе развѣдывательной службѣ должно производиться въ теченіе какъ лѣтнихъ, такъ и зимнихъ занятій.

29) Общее число полевыхъ занятій съ охотниками въ теченіе зимняго періода занятій—съ 1-го октября по 1-е мая, должно быть отъ 20—30. Распредѣленіе этого числа полевыхъ занятій въ ближнемъ и дальнемъ окрестномъ раіонѣ по недѣлямъ измѣняется въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и возлагается на ближайшую обязанность и отвѣтственность командира полка.

Наибольшее время удѣлять пріученію охотничьей команды къ переходамъ и усвоенію въ ней пріемовъ малой войны и изученію мѣстныхъ предметовъ, имѣющихъ вліяніе на движеніе и дѣйствія войскъ, достигая при этомъ того, чтобы командамъ была извѣстна окружающая мѣстность (приблизительно въ 50-ти-верстномъ раіонѣ) и чтобы ею были извѣданы средства этого раіона, пригодныя для военныхъ цѣлей.

Упражненія въ ночныхъ дѣйствіяхъ въ полѣ съ охотниками слѣдуетъ производить съ наступленіемъ темноты и оканчивать ихъ съ разсвѣтомъ.

30) Съ началомъ періода лѣтнихъ занятій, т. е. съ 1-го мая, охотники проходятъ курсъ стрѣльбы и участвуютъ во всѣхъ занятіяхъ ротъ и баталіоновъ, но дабы доставить подходящую практику какъ младшимъ строевымъ начальникамъ въ пользованіи охотниками на дѣлѣ, а самимъ охотникамъ—въ исполненіи свойственныхъ имъ обязанностей, командиры ротъ—въ періодъ ротныхъ, баталіонные—баталіонныхъ занятій возлагаютъ на охотниковъ обучаемыхъ ими частей всѣ обязанности, по своему усмотрѣнію, присущія охотникамъ, какъ глазамъ части; для утвержденія же ихъ въ сознательномъ отношеніи къ сторожевой и охранительной службѣ проводятъ охотниковъ черезъ всѣ наряды по этой службѣ на мѣстѣ и въ движеніи, не дѣлая при этомъ ничего только примѣрно, а соблюдая все дѣйствительно требуемое сторожевою службою; это дастъ возможность выяснить на дѣлѣ способности охотниковъ и кто изъ нихъ на что болѣе пригоденъ.

31) По окончаніи курса стрѣльбы въ ротахъ, охотники должны выполнить особыя дополнительныя полевыя упражненія: а) въ тонкой стрѣльбѣ на вскидку по выскакивающимъ и подвижнымъ цѣлямъ, а также ночную стрѣльбу; б) въ исполненіи въ составѣ цѣлой команды отдѣльныхъ предпріятій, которыя приходится исполнять охотничьимъ командамъ во время военныхъ дѣйствій, и в) устройство подручными средствами переправы строевыхъ частей пѣхоты и артиллеріи съ обозомъ.

32) Воспитательное значеніе охоты заключается въ томъ, что она способна развить качества, желательныя для охотниковъ: быструю оріентировку въ данной обстановкѣ, умѣлое пользованіе мѣстными закрытіями, ловкость рукъ и глаза въ обращеніи съ ружьемъ; кромѣ того, охотою воспитывается у охотниковъ выносливость, неутомимость и неустрашимость, а также развивается зрѣніе и слухъ. Командамъ должно быть указано, въ какихъ казенныхъ лѣсахъ допускается производить охоту. Всего удобнѣе посвятить полевой охотѣ время вольныхъ работъ и зимой на звѣря.

При занятіяхъ охотою имѣть въ виду ея полезное воспитательное значеніе, но также и то, что для подготовки охотниковъ, не меньшую пользу приносятъ и прочія полевыя упражненія въ особенности вся совокупность пріемовъ въ подготовкѣ охотниковъ для ихъ спеціальной службы, а потому занятія охотою отнюдь не должны сокращать установленнаго числа полевыхъ упражненій.

33) Совершеніе усиленныхъ переходовъ, въ связи съ упражненіями въ изученіи мѣстности и въ развѣдываніи, какъ днемъ, такъ и ночью, а иногда съ производствомъ охоты, имѣетъ цѣлью дать охотникамъ возможность примѣнить къ дѣлу усвоенныя ими на подготовительныхъ занятіяхъ пріемы и снаровки, наиболѣе обезпечивающіе успѣхъ передовой службы и усиленныхъ маршей.

Такими переходами необходимо пользоваться для доставленія охотникамъ упражненій на разнообразной и незнакомой имъ мѣстности, при условіяхъ, наиболѣе подходящихъ къ обстановкѣ военнаго времени. Для подобныхъ упражненій командиры полковъ выбираютъ всегда различныя направленія, ради доставленія охотникамъ практики въ полевой службѣ на мѣстности, для нихъ совершенно незнакомой.

34) Для лучшей поучительности дальнихъ передвиженій, какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ, такія упражненія производятся преимущественно одновременно всею командой и подъ руководствомъ опытныхъ офицеровъ по назначенію командира полка. Составленіе мар-

прутовъ и вообще всѣ исполнительныя распоряженія по такимъ упражненіямъ возлагаются на обязанность командировъ полковъ.

35) Обученіе устройству переправъ подручными средствами, а также изъ разныхъ принадлежностей войсковаго снаряженія производятся съ 1-го мая и продолжаются: переправа пѣхоты и обозовъ по 1-е іюля, а артиллеріи по 6-е августа, составляя необходимое дополненіе къ вышеозначеннымъ полевымъ упражненіямъ. На услуги понтонныхъ баталіоновъ слѣдуетъ разсчитывать лишь при переправахъ черезъ большія, широкія рѣки, а менѣе значительныя водныя вмѣстилища, войска, при содѣйствіи своихъ охотничьихъ и саперныхъ командъ, должны умѣть преодолѣвать своими средствами. Въ силу сего, охотники должны знать не только сноровки, способствующія переправѣ вплавь одиночныхъ людей съ ихъ боевымъ снаряженіемъ, но должны умѣть вязать лодки, плоты и понтоны изъ подручныхъ средствъ и разныхъ предметовъ войсковаго снаряженія, дабы, въ случаѣ надобности, съумѣть справиться съ задерживающею переправой и одолѣть ее не только сами, но переправивъ строевыя части пѣхоты *съ ея артиллеріей и обозомъ*, такъ какъ положеніе переправившейся пѣхоты одной, безъ содѣйствія артиллеріи, не можетъ быть признано достаточно устойчивымъ.

При устройствѣ подобныхъ переправъ охотники должны умѣть также установить связь между обоими берегами сигналированіемъ.

36) Обычай командировать охотниковъ для исполненія разныхъ порученій, напримѣръ, при рекогносцировкахъ, производимыхъ офицерами; для тушенія лѣсныхъ и другихъ пожаровъ; въ качествѣ прикрытія при дальнихъ учебныхъ проѣздкахъ обоза; для оказанія помощи при разливахъ рѣкъ и проч. приноситъ извѣстную пользу тѣмъ, что расширяетъ развитіе охотниковъ; но эти командировки должны быть допускаемы лишь тогда, если симъ не нарушается прохожденіе полеваго обученія и участіе на маневрахъ, дабы не лишить охотниковъ практики въ исполненіи главнаго своего назначенія — въ производствѣ развѣдокъ противника и мѣстности.

37) При всѣхъ полевыхъ упражненіяхъ слѣдуетъ пользоваться каждымъ подходящимъ случаемъ, чтобы обращать вниманіе охотниковъ на встрѣчающіеся по пути мѣстные предметы, объясняя вліяніе оныхъ на движеніе и дѣйствіе войскъ и развивая въ нихъ умѣнье оцѣнивать боевыя положенія съ объясненіемъ, какъ и чѣмъ можно воспользоваться въ свою боевую пользу. Необходимо также знакомить охотниковъ съ тѣмъ, какъ двигаются, дѣйствуютъ и отдыхаютъ войска другихъ родовъ оружія.

38) При всѣхъ упражненіяхъ охотниковъ постоянно слѣдить, чтобы не только не были ослаблены строевыя и дисциплинарныя требованія, но, напротивъ, чтобы какъ подготовительныя, такъ равно и спеціальныя полевыя занятія охотниковъ служили имъ поддержкою и приводили къ сугубому утвержденію въ нихъ охотниковъ.

39) На всѣхъ полевыхъ занятіяхъ обучающій долженъ быть верхомъ, а всѣмъ офицерамъ имѣть свистки, для привлеченія вниманія, когда, по ходу занятія, это окажется необходимымъ.

40) При обученіи охотниковъ и отправленіи ими службы, весьма существенное значеніе имѣетъ личный примѣръ старшихъ и особенно начальствующихъ въ командѣ офицеровъ; неуклонное отправленіе ими своихъ обязанностей и ревностное исполненіе долга службы естественно установитъ то, что они, кромѣ дисциплинарной власти, будутъ тою мощною внутреннею и нравственною силою, которая сольетъ охотниковъ въ тѣсно сплоченную команду, бодрую и сильную духомъ и надежно подготовленную для удалаго, точнаго и разумнаго исполненія тѣхъ важныхъ обязанностей, какія предстоятъ охотникамъ во время войны.

Перечень свѣдѣній, знаніе коихъ необходимо охотникамъ.

Въ періодъ подготовительныхъ занятій охотникамъ должна быть сообщена сущность дѣла по нижеслѣдующимъ отдѣламъ:

I. *Назначеніе охотниковъ.* Зачѣмъ нужно развѣдывать о непріятелѣ и о мѣстности? Для чего назначаются чины команды въ военное время? Какія требуются отъ нихъ нравственныя и физическія качества, а равно полевая и строевая подготовка?

II. *Краткія свѣдѣнія по топографіи.* Практическіе пріемы опознаванія (оріентированія) на мѣстности—по компасу, по солнцу, по звѣздамъ и по мѣстнымъ предметамъ: опознаваніе (оріентированіе) на мѣстности при помощи карты или схематической карточки.

III. *Сущность развѣдывательной службы, изучаемой на дѣлѣ.* Дѣленіе патрулей на сторожевые, летучіе (развѣдочные) и для связи (Уставъ полевой службы § 301). Отличительныя черты ихъ (§ 302). Общія обязанности старшаго всякаго патруля передъ выступленіемъ (§ 304). *Сторожевые патрули* (§ 320). Патрули для охраненія походныхъ движеній (§§ 82—92) и во время отдыха (§ 167). Осмотръ мѣстныхъ предметовъ (§ 315). Патрули для охраненія фланговъ во время боя (§ 302). *Летучіе (развѣдочные) патрули:* слѣ-

дованіе и отдыхъ (§§ 305—310), встрѣчи съ непріятелемъ (§ 311), жителями (§ 312). *Патрули для связи* (§ 321). Донесенія (§§ 324—330). Военныя примѣты (приложеніе IV къ Уставу полевой службы).

IV. *Развѣдка путей и различныхъ мѣстныхъ предметовъ, изучаемыя на дѣлѣ.* Свѣдѣнія, собираемыя при рекогносцировкахъ: селеній, высотъ, лѣса, моста, плотины, гати, брода, озера или пруда, оврага, рѣки или ручья, дороги. Пріемы выполненія этихъ развѣдокъ.

V. *Развѣдка противника на позиціи, изучаемая на дѣлѣ.* Какую позицію труднѣе взять? Общее понятіе о расположеніи войскъ на позиціи, о занятіи различныхъ мѣстныхъ предметовъ и объ усиленіи окопами. Пріемы развѣдки позиціи противника.

VI. *Развѣдка противника въ движеніи.* Порядокъ походнаго движенія; охраненіе на походѣ. Пріемы развѣдки и наблюденія за противникомъ въ движеніи.

VII. *Сторожевая служба, изучаемая на дѣлѣ.* Охраненіе цѣпью постовъ. Пароль, отзывъ и пропускъ (§§ 172—176). Охраненіе отдѣльными заставами. Секреты (§§ 266—272). Мѣры, принимаемыя отдѣльною заставой для своего охраненія и въ случаѣ нападенія противника.

VIII. *Снаровки при ночныхъ дѣйствіяхъ:* сторожевыя мѣры, связь, движеніе и бой ночью. Нечаянныя нападенія.

Примѣрное распредѣленіе полевыхъ занятій съ охотниками въ періодъ съ 1-го октября по 6-е августа (къ § 26).

	Съ 1-го октября по 1-е мая.	Съ 1-го мая по 1-е іюля.	Съ 25-го іюля по 6-е августа.
I. Занятія непосредственно по изученію передовой службы:			
а) Занятія развѣдывательною службой въ ближнемъ раіонѣ расквартированія .	20([1])	—	—
б) Занятія сторожевою службой . .	—	2([2])	—
в) Упражненія въ выполненіи боевыхъ задачъ, возлагаемыхъ на охотниковъ въ составѣ отдѣльной команды	—	—	4([3])
II. Охота на птицу и звѣря. . . .	10([4])	—	—
III. Совершеніе значительныхъ переходовъ, въ связи съ упражненіями въ изученіи мѣстности и въ развѣдываніи какъ днемъ, такъ и ночью	12([5])	—	—

IV. Упражненія въ плаваніи и устройствѣ переправъ подручными средствами и изъ предметовъ войсковаго снаряженія для переправы: а) пѣхоты и обозовъ . .	—	10(6)	—
б) артиллеріи	—	—	4(6)

V. Дополнительныя упражненія въ свободное время (7).

Примѣчанія: 1) Сюда относятся упражненія въ изученіи отдѣльныхъ мѣстныхъ предметовъ, развѣдка противника на позиціи и въ движеніи при разнообразныхъ условіяхъ; напримѣръ: развѣдка мѣстности, по которой предстоитъ двигаться какъ въ походномъ, такъ и въ боевомъ порядкѣ; изученіе мѣстности, которую предстоитъ занять; изученіе подступовъ къ укрѣпленію или позиціи; осмотръ закрытій, удобныхъ для засадъ и нечаянныхъ нападеній; одиночныя ночныя порученія; провожаніе командъ по заранѣе изслѣдованной дорогѣ, поддержаніе связи и проч. Въ общемъ числѣ три упражненія (въ составѣ всей команды) ночныхъ (одно—глубокою осенью, другое—зимой, третье—при разливѣ, или раннею весной), начинающіяся съ вечера и оканчивающіяся къ разсвѣту. Всѣ упражненія эти соединяются съ передвиженіемъ по мѣстности и путямъ, мало доступнымъ для войскъ, и доставкою донесеній при обстановкѣ, сопряженной съ опасностью и требующей при исполненіи особой сметки, пронырливости, выносливости и осторожности.

2) На этихъ занятіяхъ охотники, какъ не связанные какою-либо опредѣленною формой сторожеваго порядка, упражняются: въ примѣненіи къ данной обстановкѣ особыхъ формъ охраненія на мѣстѣ и въ движеніи (Уставъ полевой службы §§ 288—296); въ службѣ въ секретахъ и доставкѣ донесеній.

3) Сюда относятся упражненія въ захватѣ моста, запасовъ, или станціи, укрѣпленія и проч., а также выполненіе боевыхъ задачъ при условіи двигаться врознь, съ тѣмъ, чтобы собраться въ назначенное мѣсто; содѣйствіе кавалеріи при ея набѣгахъ, ночныя дѣйствія и т. п.

4) Охота преимущественно въ періодъ вольныхъ работъ, а зимой, когда и гдѣ возможно,—на медвѣдя. Если охота происходитъ съ участіемъ въ ней приглашенныхъ частныхъ лицъ, то принимать мѣры, чтобы не утрачивалась при этомъ главная цѣль военной охоты, а именно, военно-воспитательная ея цѣль. Упражнять въ прохожденіи лѣсныхъ и пересѣченныхъ участковъ мѣстности цѣпью, не теряя связи.

5) Марши эти распредѣляются уравнительно по временамъ года

и производятся въ 50-ти-верстномъ раіонѣ, съ изученіемъ, попутно незнакомой и разнообразной мѣстности и средствъ, пригодныхъ для военныхъ цѣлей. Слѣдуетъ также усвоивать походныя снаровки, быстро принимать сторожевыя мѣры, выискивая и время для отдыха; охотники должны быть пріучены проявлять себя умѣло и находчиво при всѣхъ обстановкахъ походной службы.

6) Упражненія въ переправѣ артилеріи производятся по прибытіи ея къ пѣхотѣ для совмѣстныхъ полевыхъ занятій. Въ общемъ числѣ этихъ упражненій не менѣе двухъ должно быть посвящено выполненію на практикѣ переправы отряда изъ нѣсколькихъ ротъ пѣхоты съ артилеріею и ея обозомъ черезъ рѣки не менѣе 50 саженъ шириной.

7) Въ свободное время охотники упражняются въ стрѣльбѣ, атлетическихъ гимнастическихъ упражненіяхъ, фехтованіи штыкомъ, при обстановкѣ, соотвѣтствующей цѣлямъ боевой охотничьей службы: а) *стрѣльба* производится по выскакивающимъ и подвижнымъ цѣлямъ, а также ночная; б) *гимнастика*—ползаніе, переноска, подсаживаніе, одолѣніе препятствій, штурмъ зданія или насыпи, взбираніе на стѣны по канатамъ, бѣгъ на самокатахъ и т. п.; г) *фехтованіе*—бой по чучеламъ за окопами, вольный взаимный бой. Офицерамъ рубка шашками хвороста и караваевъ свѣжаго хлѣба. Кромѣ того, полезно ознакомить охотниковъ практически съ подачею помощи въ несчастныхъ случаяхъ.

Приложеніе къ § 20.

По смыслу приказа по военному вѣдомству 1886 г., № 260-й, охотники соотвѣтствующими упражненіями должны быть подготовлены къ исполненію въ военное время отдѣльныхъ порученій, соединенныхъ съ особою опасностью и требующихъ личной находчивости.

Цѣль эта достигается образованіемъ въ полкахъ смышленныхъ, ловкихъ и смѣлыхъ развѣдчиковъ, причемъ охота есть только одно изъ средствъ для достиженія этой цѣли; главная же забота начальствующихъ лицъ—пріучить людей легко переносить усиленные переходы, усвоить партизанскіе пріемы и заставить ихъ полюбить свое дѣло.

Для доставленія такой практики слѣдуетъ назначить участки каждому полку въ раіонѣ расположенія командъ, по радіусу 50

верстъ въ окружности, съ тѣмъ, чтобы охотники изучили эти участки, нанесли ихъ на карты и составили описаніе участка. Описанію подлежатъ:

1) Оцѣнка позицій и мѣстныхъ предметовъ, пригодныхъ для обороны.

2) Опредѣленіе вліянія разлива рѣкъ на оборону избранныхъ позицій и на свободу сообщеній, и

3) Замѣтить величину захвата мѣстности разливомъ.

Затѣмъ команды должны собрать статистическія свѣдѣнія:

а) Какія находятся въ участкѣ рѣки, луга и болота.

б) Сколько существуетъ въ участкѣ мостовъ, паромовъ, плотовъ и лодокъ.

в) Измѣрять глубину и ширину рѣкъ на имѣющихся переправахъ, и извѣдать свойство дна, береговъ и существующіе броды.

г) Узнать, сколько существуетъ плотинъ, ведущихъ къ переправамъ и сколько ихъ пролегаетъ по болотамъ, съ приблизительнымъ опредѣленіемъ ихъ профилей.

д) Проходимость лѣсовъ и твердость грунта по пролегающимъ дорогамъ, и

е) Составить отчетную карту каждой данной мѣстности, приложивъ къ ней объяснительную легенду.

Приложеніе къ § 30.

Въ періодъ ротныхъ и баталіонныхъ занятій на охотниковъ возлагаются, по усмотрѣнію командировъ ротъ и баталіоновъ, всѣ обязанности, присущія охотникамъ, какъ глазамъ части. О всѣхъ исполненныхъ порученіяхъ въ теченіе дня каждый охотникъ вечеромъ докладываетъ офицеру, завѣдывающему охотниками въ своемъ баталіонѣ; послѣдній всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ изслѣдованію и описанію мѣстныхъ предметовъ (овраговъ, дорогъ, рѣчекъ, плотинъ, лѣсовъ, деревьевъ и проч.), заноситъ въ журналъ, а что можно и на трехверстную карту, прилагая къ ней объяснительныя примѣчанія, когда достовѣрность свѣдѣнія, сообщеннаго охотникомъ, провѣрена лично офицеромъ.

Формы журнала не устанавливается; требуется только отмѣтить: когда, что и кто сообщилъ и кѣмъ провѣрены фактически доставленныя свѣдѣнія.

Въ этотъ же періодъ времени упражнять охотниковъ въ наблюденіи издали за происходящимъ у противника, съ представленіемъ

донесеній о видѣнномъ. У охотниковъ долженъ быть развитъ не только навыкъ и знаніе, какъ наблюдать, но они должны также понимать значеніе наблюдаемаго. Для доставленія практическихъ упражненій въ развѣдкѣ войскъ противника высылать очередные патрули за 3—4 версты отъ лагеря или учебнаго поля, въ предположеніи, что имъ удалось прокрасться черезъ сторожевые посты и угнѣздиться въ положеніи, удобномъ для наблюденія за непріятелемъ; съ этого разстоянія, т. е. 3—4 верстъ, обозрѣвать въ бинокль происходящее на учебномъ полѣ, составлять донесенія о всемъ замѣчаемомъ; эти донесенія, по возвращеніи въ лагерь, сдавать офицеру, завѣдывающему охотниками въ баталіонѣ.

Начальнику полковой охотничьей команды еженедѣльно дѣлать сводъ доставленныхъ охотниками свѣдѣній и, по занесеніи въ журналъ занятій команды, докладывать командиру полка.

На полковыхъ ученьяхъ, маневрахъ и во время подвижныхъ сборовъ охотники должны дѣйствовать въ составѣ особыхъ командъ.

МОСКОВСКАЯ ПУШКАРСКАЯ ШКОЛА.

(Изъ исторіи перваго военнаго училища Россіи времени Петра Великаго).

Вопросъ объ учрежденіи школъ и училищъ — не новъ въ Россіи и для отдаленнѣйшихъ дней ея исторіи. Еще въ 1025 году Ярославъ, по сообщенію лѣтописца, завелъ въ Новгородѣ училище и «собра отъ старость и отъ пресвитеровъ дѣтей 300, повелѣ учить книгамъ» ([1]); въ 1589 году основана школа въ Кіевѣ, послужившая основаніемъ знаменитой въ свое время Кіевской академіи; въ царствованіе Алексѣя Михайловича мы встрѣчаемся съ Заиконоспасской духовной академіей, впослѣдствіи славяно-греко-латинской и многими другими. Но, при ближайшемъ изслѣдованіи, мы видимъ, однако, что цѣлью ихъ учрежденія служили исключительно требованія духовнаго просвѣщенія, воспитывавшаго ученыхъ и краснорѣчивыхъ для своего времени проповѣдниковъ-богослововъ; для просвѣщенія же всей массы русскаго общества и народа не имѣлось никакихъ обще-образовательныхъ средствъ, и мракъ невѣжества непроницаемою пеленою окутывалъ умственное развитіе нашихъ предковъ всѣхъ классовъ и состояній.

Такъ было до конца XVII вѣка, когда на Россійскій престолъ вступилъ Петръ Великій. Имъ первымъ были поняты истинныя задачи просвѣщенія и широкое значеніе его въ народной культурѣ, гдѣ въ свѣточахъ знаній и науки нуждается не одна богословская дѣятельность, но и дѣятельность гражданская. Эту мысль Петръ не замедлилъ высказать, бесѣдуя въ октябрѣ 1698 года съ патріархомъ Адріаномъ. Указывая на неудовлетворительное состояніе уже существовавшихъ духовныхъ училищъ, онъ упомянулъ, между прочимъ, о необходимости учрежденія и такой школы, изъ которой бы во всякія потребы люди благоразумно учася происходили, въ церковную службу, и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе

([1]) Лебедевъ. «Историческій взглядъ на учрежденіе училищъ и т. д.», стр. 7.

и докторское врачевское искусство» (1). Пользу же такого образованія Петръ видѣлъ на возвращавшихся «изъ-за морей» своихъ питомцахъ: и армія, и гражданское управленіе пріобрѣли въ нихъ полезныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей, немало облегчавшихъ Петру его преобразовательную работу.

Первымъ заговорилъ въ духѣ Царя думный дьякъ Андрей Андреевичъ Виніусъ (2). Въ томъ же 1698 году, по его предложенію, положенъ былъ первый опытъ основанія училища свѣтскихъ наукъ, учрежденіемъ въ артиллеріи при Пушкарскомъ Приказѣ особой школы «цыфири и землемѣрія», а также и словесныхъ наукъ: грамоты и письма. Къ сожалѣнію, сохранилось очень мало извѣстій о подробностяхъ внутренняго устройства этого перваго общеобразовательнаго училища (3), но несомнѣнно, что таковое съ перваго же дня учрежденія было уложено въ рамки общей всѣмъ школамъ системы. Пушкарской школѣ, съ набранными въ нее для науки первоначально только девятью учениками, было отведено на Пушечномъ Дворѣ особое помѣщеніе и для преподаванія приставленъ былъ особый «мастеръ» Ивашка Зерцаловъ; ученикамъ положено было опредѣленное содержаніе и Зерцалову оставалось только доносить въ Приказъ время отъ времени, что ученики «то-де ученіе принимаютъ внятно» (4). Около того же времени была основана другая школа въ Иноземскомъ Приказѣ въ вѣдѣніи извѣстнаго Адама Вейде, но объ этой школѣ сохранилось свѣдѣній не болѣе, чѣмъ о Пушкарской. Отмѣтимъ, между прочимъ, то любопытное указаніе, что учениковъ школы Иноземскаго Приказа, по окончаніи ими курса, предполагалось выпускать на службу прямо «начальными» чинами, чиномъ прапорщика, обстоятельство, какъ извѣстно, долго не практиковавшееся впослѣдствіи. Едва-ли, впрочемъ, школа существовала болѣе одного года; вслѣдъ за 1699 годомъ, мы не встрѣчаемъ уже о ней никакихъ извѣстій. Съ 1699 года рѣшительно обрываются всѣ свѣдѣнія о Пушкарской школѣ, но если припомнить, что Пушечный Дворъ и его строенія, въ томъ числѣ, конечно, и школа, выгорѣли въ страшномъ московскомъ пожарѣ 26-го и 27-го іюля того же года, то являет-

(1) Устряловъ. «Исторія Петра Великаго», т. III, стр. 511.

(2) Извѣстный впослѣдствіи «надзиратель артиллеріи».

(3) Все, что намъ удалось найти, хранится въ богатомъ архивѣ морскаго министерства въ серіи «Дѣлъ Приказа Воинскаго морскаго флота», въ «Записной книгѣ» документовъ и переписки по дѣламъ Пушкарскаго Приказа въ Москвѣ.

(4) Архивъ морскаго министерства. Дѣла Приказа Воинскаго морскаго флота св. 5, лл. 169, 174, 233, 237, 284.

ся возможное предположеніе, что курсы «цыфири и землемѣрія», за лишеніемъ своего помѣщенія, были временно закрыты. Это предположеніе становится еще болѣе вѣроятнымъ, если сопоставить обстоятельство устройства новаго Пушечнаго Двора съ непосредственно послѣдовавшимъ вслѣдъ затѣмъ распоряженіемъ о постройкѣ на немъ новой школы ([1]). Открытая именнымъ царскимъ указомъ 10-го января 1701 года, Пушкарская школа съ этого времени снова продолжаетъ начатый ею слѣдъ въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, количество которыхъ на этотъ разъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы представить вполнѣ истинную картину дальнѣйшаго развитія первой военной, вмѣстѣ съ тѣмъ и первой свѣтской школы въ Россіи.

Дорого было начало. Въ томъ же 1701 году 14-го января положено было основаніе извѣстной Сухаревской школѣ математико-навигаторскихъ наукъ ([2]); въ 1712 году учреждена въ Москвѣ инженерная школа, породившая собою образованіе такой же въ 1719 году въ Петербургѣ; здѣсь же за два года раньше уже дѣйствуетъ школа артиллерійская, соединившаяся затѣмъ съ инженерной; въ 1715 году мы видимъ въ Петербургѣ морскую академію; съ 1714 года существуютъ по провинціямъ цыфирныя школы; съ 1721 года обзаводятся школами 56 гарнизоновъ и проч. Въ царствованіе же Петра Великаго учреждены нѣсколько частныхъ училищъ и пансіоновъ.

Такое быстрое развитіе, въ теченіе всего лишь 20-ти съ небольшимъ лѣтъ, сѣти вполнѣ новыхъ для Россіи свѣтскихъ училищъ, невольно порождаетъ интересъ къ возможно широкому и полному освѣщенію ихъ исторіи; но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ этотъ весьма любопытный вопросъ въ области исторіи просвѣщенія Россіи остается мало, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совсѣмъ неизслѣдованнымъ.

10-го января 1701 года именнымъ великаго государя указомъ «велѣно на новомъ Пушечномъ Дворѣ построить деревянныя школы и въ тѣхъ школахъ учить пушкарскихъ и иныхъ постороннихъ чиновъ людей дѣтей ихъ словесной и письменной грамотѣ и цыфирю и иной инженерной наукамъ. И будучи имъ въ тѣхъ школахъ учиться вышеписаннымъ наукамъ съ прилежаніемъ, а выучась

([1]) Архивъ старыхъ дѣлъ С.-Петербургскаго артиллерійскаго историческаго музея. Дѣла шт. г. ф., св. 3, л. 967.

([2]) Этимъ обстоятельствомъ, между прочимъ, рѣшительно опровергается издавна установившееся мнѣніе, что Сухаревская школа была первою по времени свѣтскою школою въ Россіи.

безъ указу съ Москвы не съѣхать, такъ же въ иной чинъ, кромѣ артилеріи, не отлучаться. И кормить и поить ихъ въ вышеписанныхъ же школахъ, а на кормъ положено имъ по 2 деньги человѣку на день и изъ тѣхъ денегъ—изъ половины, покупая хлѣбъ и харчь, въ постные дни рыбу, а въ скоромные—мясо и варить кашу или щти; а по другой деньгѣ—на обуви и на кафтанишки и на рубашенки. И учащимъ и переимчивымъ будетъ государево особливое жалованье и дача, смотря по ученію» ([1]). Таково интересное содержаніе царскаго указа, возстановлявшаго существованіе перваго въ Россіи военнаго училища. Тотчасъ же, по полученіи его, распоряженіемъ артилерійской администраціи, были прибиты на людныхъ мѣстахъ и «по воротамъ» листы съ объявленіемъ государева приказа всенародно, о вызовѣ къ смотру въ Приказъ Артилеріи всѣхъ недорослей, подъ опасеніемъ «потерянія чести и живота»; а вслѣдъ затѣмъ приказные дьяки и подъячіе приступили къ составленію списковъ являвшихся. Дѣти дворянскіе, подъяческіе, пушкарскіе, посадскіе, солдатскіе, слугъ монастырскихъ, конюшеннаго чина, иноземческіе, вольныхъ людей—чередовались въ непрерывномъ перечнѣ фамилій, съ отмѣтками противъ послѣднихъ покинутыхъ недорослями прежнихъ занятій, между которыми встрѣчались нерѣдко весьма оригинальныя. Напримѣръ: шитье женскихъ шляпъ, торговля грешневиками и лукомъ, изготовленіе оловянныхъ цѣпочекъ, извозный промыселъ и т. п. ([2]); а противъ нѣкоторыхъ, преимущественно изъ простаго званія, и просто прописывалось, что «до школы-де кормилися они Христовымъ имянемъ». Въ числѣ записанныхъ въ школу явился даже японецъ Денбей, или «татаринъ японскаго государства», какъ тогда называли его, зачисленный въ науку прихотью Виніуса ([3]).

Но, насколько различенъ оказывался сословный цензъ, настолько же разнообразнымъ былъ и цензъ возрастный. Семи, восьмилѣтнія дѣти ставились въ общій разсчетъ съ 20-ти и даже 25-ти-лѣтними парнями; ожидали только открытія школьнаго курса, чтобы посадить ихъ рядомъ за одинъ и тотъ же букварь.

1-го августа начался пріемъ въ школу, причемъ набранныхъ для науки недорослей оказалось до 300 человѣкъ. Лишнимъ было бы говорить, что на первыхъ порахъ школа явилась мало подготовленною къ пріему учениковъ; если уже имѣлось свободное помѣщеніе для школьныхъ занятій, предоставленное къ тому обширнымъ строеніемъ

([1]) Дѣла шт. г. ф., св. 3, л. 967.
([2]) Дѣла сборныя, св. 3261. л. 527—531.
([3]) Дѣла шт. г. ф., св. 15, л. 217. 1116.

Пушечнаго Двора, то возникалъ болѣе важный вопросъ объ организаціи необходимыхъ къ правильному веденію ихъ средствъ: въ установленіи курсовой програмы, въ назначеніи опытныхъ преподавателей и въ устройствѣ въ каждомъ дѣлѣ ближайшей администраціи. Здѣсь-то и сказалась неподготовка. Несмотря на предписаніе указа обучать новоприверстанныхъ школьниковъ даже инженерной наукѣ, школа съ первыхъ дней успѣла привлечь къ преподаванію лишь учителей словесной и письменной грамотъ, какъ самыхъ несложныхъ; для обученія учениковъ цыфири пришлось назначить ихъ же собрата, ученика; годъ спустя, открытый курсъ инженерныхъ наукъ, за неимѣніемъ другой возможности, былъ порученъ одному изъ служившихъ въ Москвѣ иноземцевъ. Подобное неустройство школьной организаціи естественно продуктировало и отсутствіе какой либо педагогической програмы. Что же касается вопроса объ управленіи школою, то здѣсь еще менѣе можно было искать порядка. Распоряженія Виніуса по школьнымъ дѣламъ, заваленнаго массою хлопотъ по многосложной обязанности «надзирателя артиллеріи», самымъ безпорядочнымъ образомъ перемѣшивались съ распоряженіями лицъ, подчасъ лишь случайно приходившихъ въ столкновеніе со школою. Прибавимъ также, что на содержаніе и хозяйство школы не было еще положено никакихъ опредѣленныхъ средствъ и всѣ расходы, какъ по раздачѣ «корма», такъ и учебные, приходилось покрывать лишь какими нибудь случайными суммами приказа, вродѣ «экономической суммы отъ колокольнаго пріема», «бурмистровыхъ остатковъ» и т. п., не говоря уже о томъ, насколько неакуратно уплачивались всѣ школьные счеты.

Все вышеуказанное, безъ сомнѣнія, должно было отразиться на внутренней жизни школы. Питомцы ея, собранные лишь съ однимъ мало опредѣленнымъ приказомъ учиться, оставались вполнѣ неустроенными даже въ главнѣйшихъ своихъ отношеніяхъ къ школѣ. Въ школу ученики должны были приходить только для занятій, остальное же время каждый проводилъ, кто какъ хотѣлъ, живя совершенно самостоятельно по частнымъ квартирамъ широкой Москвы. Случалось, что и въ школу ученики не заглядывали долгое время, перенося по требованію учителя свои занятія въ его квартиру; еще хуже, подчасъ вовсе не являлись по нѣсколько недѣль къ наукѣ. Контроля надъ школою почти не существовало. Были, напримѣръ, такіе случаи, что школьникъ самовольно бросалъ науку, записывался въ ту или другую службу, переходилъ въ другую

школу ([1]) и объ этомъ узнавали только черезъ нѣсколько лѣтъ. Учениками распоряжались, кто какъ хотѣлъ. Понадобились Виніусу токари и наяльщики, онъ приказываетъ для того выбрать нѣсколько человѣкъ изъ школьниковъ; случился въ Москвѣ полковникъ Яганъ Гонне и по его распоряженію 13 учениковъ уходятъ въ армію писарями, барабанщиками, пушкарями и т. п. Поссорился, напримѣръ, смотритель Пушечнаго Двора Кудрявцевъ съ школьнымъ учителемъ и школа три недѣли сидитъ безъ занятій, такъ какъ Кудрявцевъ не выдаетъ ученикамъ бумаги, чернилъ и другихъ, хранящихся у него, учебныхъ припасовъ, и даже школу, «гдѣ худыя мѣста есть, починивать не велитъ» ([2]). Полуученики, полумастеровые-школьники то сидѣли за учительскою указкою надъ букваремъ, то шли партіею въ 6—10 человѣкъ на три—четыре недѣли въ какой нибудь Никольскій простѣнокъ красить станки пушечные и мортирные, или же надписывать пороховыя бочки; пятерыхъ мы встрѣчаемъ даже въ обходѣ съ Рождественскимъ славленіемъ у царевича Алексѣя Петровича ([3]).

Въ 1703 г. Виніусъ впалъ въ немилость царя и былъ отставленъ отъ дѣлъ. Стало еще хуже. Генералъ-фельдцейхмейстеръ царевичъ Александръ Арчиловичъ уже третій годъ пребывалъ въ плѣну у шведовъ; исправлявшій его обязанности генералъ-маіоръ Я. В. Брюсъ находился въ походѣ и былъ занятъ боевыми операціями; въ Москвѣ въ Приказѣ Артилеріи дѣлами распоряжались, временно приставленный для того Брюсомъ, князь Ф. Ю. Ромодановскій и дьяки. То имъ, то князю Федору Юрьевичу Брюсу не оставлялъ время отъ времени посылать приказы къ вершенію тѣхъ или другихъ дѣлъ, но, находясь вдали отъ нихъ, онъ не могъ не упускать многаго, а тѣмъ болѣе въ отношеніи слабо интересовавшей его школы ([4]). Между тѣмъ, здѣсь происходило не мало любопытнаго.

Въ 1704 г. въ школу цыфирной науки былъ опредѣленъ учителемъ ученикъ Сухаревской школы Спиридонъ Печюринъ. Неизвѣстно, принесло ли какую нибудь пользу ученикамъ это назначеніе, но, спустя немного времени, Печюринъ запьянствовалъ и сталъ небрежно относиться къ своей преподавательской дѣятельности. Это обстоя-

([1]) Въ существовавшую въ то время Сухаревскую математико-навигаторскихъ наукъ. Дѣла шт., г. ф., св. 5, л. 162. см. ученикъ Никита Марковъ.

([2]) Ibid, св. 6, л. 492.

([3]) Награжденныхъ за это отъ пославшаго ихъ Приказа Артилеріи—двумя рублями. Ibid, св. 1, л. 8.

([4]) «Надлежало бы тебѣ, писалъ Брюсъ дьяку Павлову по одному изъ школьныхъ дѣлъ, самому надъ школою присматривать, *чтобы мнѣ такихъ бездѣльныхъ докукъ не было*». Дѣла шт. г. ф., св. 6, л. 493.

тельство не замедлило дойти до свѣдѣнія Приказа и дьякъ послѣдняго, Никита Павловъ, поспѣшилъ принять соотвѣтствующія мѣры, однако, какъ оказалось, безъ всякой пользы. Печюринъ пьянствовалъ и манкировалъ занятіями въ школѣ по прежнему. Потерявъ терпѣніе, Павловъ рѣшился, наконецъ, донести Брюсу, и въ маѣ 1706 г. писалъ ему, что «оный-де Печюринъ учинился во пьянствѣ и за то ему было поученье—бить батоги, но по се число онъ, Спиридонъ, отъ пьянства не лишился и въ школу приходитъ изрѣдка и въ ученьи тѣхъ учениковъ есть не малая остановка, и о томъ, какъ воля милости твоей» ([1]). Едва ли Павлову приходило на мысль употребить тѣ средства, которыя предпринялъ въ данномъ случаѣ Брюсъ: интересуясь, главнымъ образомъ, правильностью хода ученическихъ занятій, а затѣмъ уже нравственностью ихъ руководителя, Брюсъ, недолго думая, приказалъ Печюрина, арестовавъ при школѣ, сковать и въ такомъ видѣ держать за обученіемъ учениковъ непрестанно. Три недѣли длилось подобное любопытное преподавательство скованнаго учителя, пока, наконецъ, Брюсъ, прослышавъ со стороны о какихъ-то новыхъ неистовствахъ Печюрина, не приказалъ совершенно выгнать изъ школы этого «бездѣльника, котораго бъ не довелось и на дворъ пускать» ([2]).

Кажется, только послѣ такого вопіющаго эпизода, Брюсъ живѣе заинтересовался, подчиненною его управленію, школою; по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ спустя, онъ потребовалъ отъ приказа точныхъ о ней свѣдѣній: «котораго году и по какому указу школьные учителя и ученики въ артилерію взяты и что имъ расходу изъ котораго Приказу велѣно имать», вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалъ выслать къ нему немедленно подробные ученическіе списки. Снова школьниковъ и ихъ учителей собрали въ Приказъ и здѣсь, «пересмотря всѣхъ на лицо», дьяки приступили къ составленію, по учителевымъ и по ихъ, учениковымъ, словеснымъ сказкамъ, требуемой росписи, помѣчая въ ней: кто въ какой наукѣ и сколь лѣтны, а также и убыль состава ихъ ([3]). Школъ, или правильнѣе курсовъ, было показано въ росписи—три: школа «верхняя», она же инженерная, и двѣ школы «нижнихъ»—«цыфирная» и «словесная» съ классами «писцовъ», «псалтырщиковъ» и «часословщиковъ»; учителей значилось—четверо, учениковъ же наличное число къ 1706 году оказалось, изъ 300 набранныхъ отъ дня открытія школы, всего лишь 129 человѣкъ, остальные

([1]) Дѣла шт. г. ф. св. 6, л. 383.
([2]) Дѣла шт. г. ф. св. 6, л. 516.
([3]) Ibid., св. 5, лл. 162—176.

записаны въ убыли. Въ рубрикахъ послѣдней отмѣчены самыя разнообразнѣйшія требованія по зачисленію учениковъ на службы; здѣсь были и пушкари, и гобоисты, и барабанщики, токари, паяльщики, писаря, солдаты, а пять человѣкъ явились даже взятыми для науки въ Аптекарскій Приказъ; одинъ ученикъ, Иванъ Алексѣевъ, показанъ посланнымъ для обученія въ Берлинъ. Всего отбывшихъ изъ школы было 110 человѣкъ, 11 учениковъ были записаны умершими; не хватало, такимъ образомъ, до полной цифры 300 еще 50 человѣкъ, т. е. цѣлой шестой части всего состава, оказавшейся помѣченною тутъ же подъ рубрикою: «бѣжали и безвѣстно пропали» [1].

Какъ не былъ Брюсъ занятъ вопросами походнаго времени, но подобное состояніе школьныхъ дѣлъ невольно оторвало его на время отъ первыхъ и онъ началъ хлопотать о поднятіи благосостоянія школъ; но мы говоримъ—на время, такъ какъ наступилъ 1707 г., этотъ необыкновенно любопытный годъ вообще въ исторіи русской администраціи, когда артилерія и центральный органъ управленія ею, Приказъ—очутились разомъ въ рукахъ трехъ, вполнѣ самостоятельно хозяйничавшихъ ими, лицъ. Князь М. П. Гагаринъ и бомбардиръ—поручикъ Преображенскаго полка В. Д. Корчминъ, временно назначенные государемъ къ распоряженію артилерійскими дѣлами въ Москвѣ лишь настолько, насколько то имѣло отношеніе къ возложенной на нихъ перестройкѣ ея оборонительныхъ укрѣпленій, поняли свои полномочія слишкомъ широко. Отобравъ отъ правившаго дѣла въ Приказѣ князя Рамодановскаго всякое право на какія либо распоряженія въ немъ, они успѣли и самого законнаго хозяина артилеріи, Брюса, благо онъ находился вдали отъ Москвы, ставить подчасъ въ положеніе едва ли не просителя. Дьяки Приказа были совершенно сбиты съ толку, неудомѣвая, кого и въ какой степени слушать изъ-за хозяйничавшихъ въ немъ распорядителей, въ жалобахъ же Брюсу на Гагарина и Корчмина они не находили удовлетворенія; тотъ былъ смущенъ происходившимъ троевластіемъ не менѣе ихъ. Къ сожалѣнію, болѣе подробное изложеніе этого характернаго эпизода могло бы насъ далеко отвлечь отъ прямой задачи, почему обратимся непосредственно къ вопросу о значеніи возникшей неурядицы для школьной жизни.

[1] Побѣги учениковъ въ то время являлись какъ бы неизбѣжнымъ зломъ, съ которымъ при полномъ неустройствѣ школьныхъ дѣлъ, въ особенности по части финансовой, Приказу трудно было бороться. Уже въ 1706 г., напримѣръ, на содержаніе учениковъ въ Приказѣ не освобождалось никакихъ суммъ и дьякъ Павловъ въ октябрѣ рѣшительно заявлялъ Брюсу, что школьникамъ не на что закупать даже съѣстныхъ припасовъ, «а если ихъ не кормить, государь, пишетъ онъ, то они разбредутся всѣ врознь». Дѣла шт. г. ф. св. 4, л. 695.

Пока князь Гагаринъ воевалъ съ упорно боровшимся противъ него Рамодановскимъ, Корчминъ, очертя голову, хозяйничалъ и распоряжался, не оставивъ своимъ самоуправствомъ и школъ. Ничего не слушая, Корчминъ согналъ ихъ съ Пушечнаго Двора къ Суздальскому подворью, отобралъ отъ преподаванія учителей Грана и Шпарейтера, назначивъ ихъ къ разнымъ порученіямъ и, какъ бы оправдываясь, что ученикамъ приходилось, благодаря этому, сидѣть безъ науки, сталъ и ихъ забирать изъ школъ ко всевозможнымъ дѣламъ: «къ себѣ на дворъ», какъ доносилъ о томъ дьякъ Павловъ Брюсу (1). Вскорѣ и князь Гагаринъ вмѣшался въ школьныя дѣла, избравъ жертвою своихъ распоряженій, между прочимъ, уже знакомаго намъ, японца Денбея. Сочтя, вѣроятно, что для такого исключительнаго ученика совершенно достаточно однаго знанія читать и писать по русски, Гагаринъ запретилъ ему ходить для дальнѣйшаго обученія въ школу, а вслѣдъ затѣмъ, окрестивъ Денбея въ «Гаврилу», зачислилъ его въ штатъ своей домашней прислуги (2).

Подобная неурядица естественно должна была породить злоупотребленія и со стороны подчиненныхъ лицъ, однимъ изъ которыхъ не замедлилъ явиться ученикъ «цыфирной» школы Алексѣй Луцкій. Находясь возлѣ Корчмина, въ числѣ школьниковъ, «взятыхъ на дворъ», Луцкій задумалъ воспользоваться близостью съ столь смѣло распоряжавшимся въ его мірѣ человѣкомъ и, выслуживъ къ себѣ милость Корчмина, успѣлъ попасть въ таковую же и у князя Гагарина. Разсчетъ на первыхъ порахъ оказался вѣрнымъ. Внѣ всякихъ правилъ, нарушивъ самыя основныя положенія, не спросивъ даже разрѣшенія Брюса, Гагаринъ и Корчминъ пожаловали Луцкаго въ прапорщики Московскаго гарнизона. Приказу осталось только донести Брюсу и то два года спустя, когда Луцкій уже успѣлъ дослужиться до капитанскаго чина, что оный «артилерійскихъ наукъ ученикъ по приказу князя Матвѣя Петровича Гагарина опредѣленъ въ гарнизонъ въ капитаны, который отъ насъ взявъ по учиненному окладу 10 рублевъ и отсталъ (3).

Брюсъ ничего не отвѣтилъ на донесеніе, и проступокъ Луцкаго такъ бы и остался безнаказаннымъ, если бы о немъ не вспомнили черезъ 11 лѣтъ. Въ 1717 году Луцкаго потребовали въ числѣ прочихъ на смотръ въ военную канцелярію, гдѣ затребованная отъ него сказка о службѣ не замедлила разоблачить истину и строгій гене-

(1) Дѣла шт. г. ф. св. 8, лл. 743, 778, 794.
(2) Ibid, св. 15, лл. 317, 1146.
(3) Дѣла шт. г. ф. св. 12, л. 734.

раль-пленипотенціаръ Яковъ Федоровичъ Долгорукій распорядился любопытнымъ и едва ли кѣмъ ожидаемымъ судомъ надъ Луцкимъ, «приказавъ» ему изъ капитановъ по прежнему быть въ цыфирныхъ ученикахъ ([1]). Однако, отъ точнаго выполненія этого безпримѣрнаго рѣшенія, Луцкаго спасли его годы; ему, послѣ почти 11-ти-лѣтней службы въ офицерскихъ чинахъ, было уже 33 года, садиться за школьную скамью было бы поздно и мы видимъ Луцкаго снова на службѣ, но въ артилеріи, и въ самомъ низшемъ званіи, канонира.

Къ счастью, Корчмину не долго удалось самовольствовать въ артилеріи; уже въ концѣ того же 1707 года находимъ его извинительное посланіе къ Брюсу, съ обѣщаніями принять прощеніе какъ отъ папы изъ Рима. Остался распорядителемъ въ Москвѣ, такимъ образомъ, одинъ князь Гагаринъ и дѣла пошли лучше. Гагаринъ явился для школъ даже полезнѣе своего предшественника князя Рамодановскаго, успѣвъ, по крайней мѣрѣ, поднять ихъ финансовое благосостояніе. Изъ Сибирскаго Приказа, вѣдомаго также имъ, была вскорѣ отпущена не малая для того времени сумма въ 500 слишкомъ рублей на хозяйство школъ, получившаго въ нихъ значительную поддержку: крайне ограниченнаго приказнаго отпуска, какъ мы видѣли, не всегда хватало даже на раздачу «корма» ученикамъ, а между тѣмъ указомъ о заведеніи школъ предписывалось шить имъ и обмундированіе, правда—не хитрое, но все же требовавшее денежныхъ затратъ. Только въ тѣ далекія отъ насъ дни возможно было за сумму менѣе полутора рублей, полагавшихся каждому школьнику, справить такой многочисленный гардеробъ:

Шуба овчинная . . .	21 алтынъ	4 деньги	
Кафтанъ сѣрый . . .	11 »	4 »	
Штаны сермяжные . .	3 алтына	2 »	
Шапка	1 алтынъ	4 »	
Черыки съ чулками .	5 »	— »	
Пять паръ лаптей . .	— »	10 »	

и все это на сумму въ 1 руб. 11 алтынъ и 4 деньги ([2]). Школьный кашеваръ и хлѣбникъ Степанъ Епифановъ также получилъ возможность акуратно выполнять другое предписаніе указа: «покупая хлѣбъ и харчъ, въ постные дни рыбу, а въ скоромные мясо, варить кашу или щти». Ученики были обуты, одѣты и накормлены; школа сѣла

([1]) Ibid., св. 27, л. 73. Подробная исторія «Разжалованнаго капитана» напечатана нами въ «Русской Старинѣ», № 10-й, 1891 г.

([2]) Деньга=½ копѣйки, алтынъ=3 копѣйки.

за науку и если послѣдняя по прежнему оставалась безъ особенныхъ успѣховъ, то ученики являлись въ этомъ менѣе всего виноватыми: вся вина ложилась на самихъ руководителей, ихъ занятій и, главнымъ образомъ, на ближайшую администрацію, неумѣвшую согласовать своихъ распоряженій по управленію школами. Не скупясь на закупку для школъ всевозможныхъ учебныхъ припасовъ, начиная съ бумаги, чернилъ, купоросу, крылъ гусиныхъ, глиняныхъ «ставочковъ» и кончая различныхъ названій книгами, администрація, какъ бы способствуя тѣмъ успѣху школьныхъ занятій, въ то же время явно парализировала ихъ развитіе. Частыя разсылки учениковъ въ разныя командировки, до чего особенно охочи были дьяки приказа, то въ провожатыхъ за рекрутами или припасами, то съ письмами въ походъ—не могли не вредить правильности обученія, отрывая иногда ученика отъ школы на годъ, а случалось и на болѣе продолжительное время. Брюсъ сильно протестовалъ противъ подобныхъ разсылокъ учениковъ, рѣшительно напоминая всѣмъ, что «оные школьники тому незаобычайные люди и оставлены учиться, а не за припасами ѣздить» (1), но нерѣдко и самъ грѣшилъ въ собственныхъ распоряженіяхъ по школѣ. Еще въ 1706 году, почему-то ему вздумалось возложить на учителя словесной науки прелюбопытную обязанность преподавателя нѣсколькимъ ученикамъ, выбраннымъ изъ школы въ гобоисты, науки «нотнаго пѣнія». Напрасно учитель отговаривался и заявлялъ, что «онъ нотнаго пѣнія знаетъ пѣть только русское, да кіевское, а партеснаго (2) пѣнія онъ не знаетъ» (3), приказъ Брюса отмѣненъ не былъ, принося, конечно, не малый ущербъ прямымъ занятіямъ этого учителя съ учениками словесной школы.

Но все это блѣднѣетъ въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, какимъ отражалось на внутренней жизни школъ обстоятельство, отдававшее учениковъ того или другаго курса во всецѣлое распоряженіе ихъ учителя. Приказъ, а тѣмъ болѣе Брюсъ, пребывавшій по прежнему далеко отъ Москвы, какъ бы забывали въ своихъ распоряженіяхъ по школѣ объ этомъ существенно важномъ вопросѣ, ошибочно полагая, что достаточно новоопредѣляемаго ученика отослать при указѣ къ одному изъ выбранныхъ ими учителей, чтобы считать дальнѣйшія заботы о немъ поконченными. Ученикъ отданъ учителю, слѣдовательно—посаженъ за науку и устроенъ; таковою была ихъ логика, но

---

(1) Дѣла шт. г. ф., св. 23, л. 94.

(2) Многоголоснаго; см. у Даля.

(3) Дѣла шт. г. ф., св. 6, лл. 415, 499.

насколько она оказывалась пагубною для дѣла, это вскорѣ же показалъ случай. Уже знакомая намъ «верхняя школа» съ 1704 года перешла въ завѣдываніе учителя-иноземца Питера Грана, человѣка суроваго и, какъ оказалось, крайне недобросовѣстнаго въ отношеніи отданныхъ ему въ науку учениковъ. Неизвѣстно, какъ распоряжался онъ ими первое время, но въ декабрѣ 1708 года ученики не выдержали, явились въ полномъ составѣ въ Приказъ Артиллеріи и съ «слезною жалобою» донесли, что «оный-де инженеръ, тому нынѣ другой годъ, наукѣ училъ малое число и за дѣтьми его ѣздили въ деньщикахъ и всякую домовную работу работали и огороды копали, отчего они себѣ ученія мало приняли». Завязалась рутинная переписка ([1]); Приказъ донесъ о жалобѣ учениковъ Брюсу; тотъ велѣлъ допросить Грана и, конечно, иноземецъ нашелся отвѣтить, что ученики «въ томъ били челомъ напрасно и тѣмъ-де его поклепали», а между тѣмъ (о чемъ снова ученики донесли Приказу) купилъ ремней и, навязавъ изъ нихъ кнутъ, жестоко билъ имъ жаловавшихся. Ученики, не находя ни въ комъ защиты, разбѣжались и перестали ходить въ школу, непрестанно вмѣстѣ съ тѣмъ «докучая» Приказу испросить по ихъ жалобамъ рѣшенія отъ Брюса. Но прошелъ мѣсяцъ, проходитъ полгода, ученики не занимаются, а рѣшенія—нѣтъ; самъ Гранъ уже струсилъ и, желая выгородить себя, поспѣшилъ подать въ Приказъ «извѣтъ» о причинахъ подобнаго незаконнаго прекращенія курса въ его школѣ. Приказу приходилось въ четвертый разъ напоминать Брюсу и, наконецъ, только въ исходѣ 1709 года, т. е. почти годъ спустя послѣ оставленія учениками школы, послѣдовала резолюція Брюса, готовая, впрочемъ, еще болѣе усложнить дѣло. Строго распекая всѣхъ, начиная съ дьяковъ Приказа и до учениковъ, за то, что извѣщаютъ они на Грана, будто бы, напрасно, а ученики — для того, «чтобъ не учиться и гулять», Брюсъ предписывалъ немедленно сыскать и отправить учениковъ въ школу, не оставивъ даже пригрозить имъ, что всѣхъ, въ случаѣ неповиновенія, зачислить въ армію пушкарями; «вамъ же, писалъ Брюсъ дьякамъ, надобно было смотрѣть и ихъ за то бить». Не трудно предположить, насколько такой судъ мало помогалъ дѣлу, и только сама судьба упростила его разрѣшеніе, передавъ неудовлетворенныхъ учениковъ въ другія руки: въ началѣ слѣдующаго года Гранъ умеръ и учителемъ «верхней» школы былъ назначенъ сержантъ Иванъ Рыбниковъ.

([1]) Дѣла шт. г. ф., св. 10, л. 953; св. 11, л. 1037; св. 12, лл. 697, 707, 710, 815, 816, 862, 866.

Но удивительно, что, лишая такимъ образомъ учениковъ права хлопотать самимъ о себѣ, артилерійская администрація въ то же время допускала, напримѣръ, участіе мнѣнія учениковъ при выборѣ и назначеніи учителей. Еще въ 1706 году, въ дѣлѣ объ «изгнаніи» изъ школы за пьянство знакомаго намъ Спиридона Печюрина и замѣнѣ его «инженеровымъ сыномъ» [1], мы встрѣчаемъ ходатайство о назначеніи послѣдняго и со стороны самихъ школьниковъ. Только опросивъ ихъ мнѣніе, дьякъ Павловъ могъ доносить Брюсу, что ученики говорятъ, что «оный инженеровъ сынъ къ наукѣ имъ лучше Спиридона и по русски говорить умѣетъ» [2].

Любопытно, что подобная атестація—умѣнье школьнаго учителя говорить съ учениками по русски—имѣла въ тѣ дни громадное значеніе. Если всегда можно было найти съ такою способностью преподавателя какихъ нибудь «складовъ», часослова или письменной науки, предметовъ легко доступныхъ эрудиціи учителя, знакомаго хотя бы только съ одною грамотою, то въ поискахъ преподавателей такихъ, мало еще знакомыхъ русскимъ того времени, сложныхъ наукъ, какъ: артилерія, фортификація, тригонометрія и вообще математика, приходилось не разъ поступаться указаннымъ обстоятельствомъ. Конечно, и среди русскихъ людей могли бы встрѣтиться лица, свѣдущія въ этихъ наукахъ, такъ, напримѣръ, молодежь, отправляемая Петромъ изъ года въ годъ «за моря», но въ большинствѣ случаевъ это была родовитая знать, которая предпочитала для себя болѣе выгоднымъ пристраиваться, по возвращеніи, къ службѣ болѣе видной, нежели учительство въ Пушкарской школѣ. На курсъ преподаванія ариѳметики, со всѣми ея «тройными и пятерными возвратительными правилами», еще являлись желающіе изъ русскихъ, однако нельзя не подивиться той оригинальности, что желаніе это изъявляли такія, напримѣръ, лица, какъ «пѣвчій компаты благовѣрной царицы Прасковіи Ѳеодоровны», Игнатій Побѣгаловъ, или «подьячій Ближней Канцеляріи», Петръ Мартовъ. Но и имъ не приходилось брезговать, и Побѣгаловъ, бросивъ свое пѣніе, а Мартовъ — подъяческій стулъ, преисправно обрѣтались при обученіи школьниковъ ариѳметической наукѣ; правда, Мартовъ, не забывъ старыхъ привычекъ, больше кляузничалъ и строчилъ доносы. Такимъ образомъ, кандидатами въ учителя «инженерныхъ» наукъ, какъ тогда вообще назывались всѣ науки высшаго курса, оставались исключительно иностранцы.

---

[1] Вѣроятно, сынъ Питера Грапа.
[2] Дѣла арт. г. ф., св. 6, л. 416.

Извѣстный князь Аникита Репнинъ писалъ однажды Брюсу, что-де «немногихъ видимъ изъ иноземцевъ такихъ, отъ которыхъ учиться, больше у насъ смотрятъ; токмо такъ мы не умѣемъ грошей собирать» (¹), но едва-ли это не напраслина; иностранцы были безусловно образованнѣе русскихъ своего времени, что уже видно потому, насколько дальновидный Преобразователь спѣшилъ снабжать ихъ инструкторскими обязанностями, поручая имъ самыя сложныя отрасли дѣятельности. Тѣмъ же явились иностранцы и для школъ, но явились съ большою бѣдою, именно—отсутствіемъ знанія русской рѣчи. Правда, нашли выходъ изъ столь затруднительнаго положенія, какъ объясненія учителя съ учениками на двухъ совершенно непонятныхъ другъ другу языкахъ, учителямъ дали переводчика (²); но что это было за преподаваніе, когда учитель, приказывая своему толмачу перевести ученикамъ то или другое сложное правило, не ручался, что толмачъ перевелъ его ученикамъ въ точности, не перепутавъ, а главное не исказивъ смысла. Повѣрка знаній учениковъ шла тѣмъ же путемъ и благо было школѣ, если толмачемъ оказывался человѣкъ добросовѣстный и хотя сколько нибудь знакомый съ переводимою имъ наукою. Еще въ болѣе худшихъ условіяхъ находились школьники, отдаваемые въ науку какихъ-либо «художествъ», какъ, напримѣръ, науку инструментальнаго дѣла. Англичанинъ Яганъ Бредли, мастеръ и преподаватель послѣдняго, подавая челобитье о помѣщеніи своей школы въ «Нѣмецкой слободѣ» (³), такъ, между прочимъ, мотивировалъ причины своего ходатайства: «по русски-де онъ говорить не умѣетъ, а переводчика по англійскому взять негдѣ, а въ слободѣ, приходя къ нему по знакомству, иноземцы обѣщались ему переводить» (⁴). Но можно-ли было ручаться за то, насколько часто будутъ стучаться иноземцы въ двери гостепріимнаго англичанина; сколько же дней въ такомъ случаѣ ученикамъ пришлось бы сидѣть безъ науки.

Какъ бы то ни было—наука двигалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ подходилъ къ концу и 1709 годъ, когда Брюсъ почувствовалъ себя, наконецъ, свободнѣе, чтобы внимательно заглянуть въ дѣла, отданной его управленію, артилеріи; тутъ онъ вспомнилъ и о школахъ. Первымъ дѣломъ Брюса по отношенію къ нимъ было заявленіе своего

(¹) Дѣла шт. г. ф., св. 8, л. 238.

(²) Что мы видимъ, напримѣръ, въ дѣлѣ о назначеніи толмача къ учителю артилерійской школы, шведу Шелонковскому. Ibid. св. 15, лл. 310, 1143, 1145.

(³) Въ Москвѣ.

(⁴) Дѣла шт. г. ф., св. 15, л. 310.

рѣшительнаго требованія, чтобы всѣ распоряженія по школьнымъ вопросамъ проистекали исключительно только отъ него одного, о чемъ онъ и писалъ въ іюлѣ къ дьякамъ Приказа Артилеріи. Отправляя къ нимъ недоросля Щепотева для зачисленія въ школу, Брюсъ строго наказывалъ: «онаго недоросля ни въ которые Приказы, ни къ какимъ дѣламъ безъ письма моего не отпускать» [1]; тоже подтверждалъ онъ вскорѣ при новой высылкѣ двухъ стольничьихъ дѣтей: Бобрищева-Пушкина и Зыбина. Наконецъ, въ декабрѣ, пріѣзжаетъ самъ въ Москву и наряду съ другими дѣлами осматриваетъ школы. Къ сожалѣнію, архивъ не даетъ прямыхъ указаній на то, чѣмъ выразилось это личное знакомство Брюса со школами, если не считать факта пожалованія личнымъ его приказомъ двухъ лучшихъ учениковъ въ бомбардиры; однако, нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что, непосредственно за пріѣздомъ Брюса въ Москву, школьная жизнь замѣтно оживилась. Никогда раньше денежныя вѣдомости Приказа не были такъ обильны расходами по содержанію школъ, какъ въ слѣдующемъ 1710 году. Цѣлыми партіями закупались учебные припасы, а вмѣстѣ съ ними и припасы къ ремонту школьныхъ «избъ»; акуратно значились выдачи учителямъ и ученикамъ кормовыхъ денегъ, не забытъ былъ и кашеваръ, исправно получившій свое годовое 6-ти-рублевое жалованье. Но самою важною мѣрой изъ предпринятыхъ въ этомъ году, явилось желаніе дать существованію школъ вполнѣ прочныя и опредѣленныя основанія, дать школамъ штаты, что и было достигнуто послѣ двухлѣтней разработки этого существенно важнаго вопроса. По конфирмированной табели 1710—1712 годовъ [2], составъ учениковъ московской артилерійской школы былъ положенъ численностью въ 82 человѣка, распредѣленныхъ по курсамъ: словесной и письменной наукъ, ариометики, геометріи, тригонометріи, артилеріи и черченія; относительно же преподавателей строго опредѣленнаго состава положено не было, кромѣ обязательныхъ трехъ учителей; на томъ или другомъ курсѣ встрѣчались еще добавочные.

По пути многихъ дальнѣйшихъ преобразованій Брюсъ приступилъ, между прочимъ, къ постепенному выполненію одного изъ самыхъ горячихъ его желаній въ отношеніи артилерійскихъ школъ, именно, привлеченія въ нихъ недорослей изъ родовитыхъ дворянскихъ семей. До тѣхъ поръ къ опредѣленію въ артилерійскія школы

(1) Ibid. св. 12, л. 821.

(2) Дѣла сборныя, св. 175, л. 90.

поступали дѣти преимущественно низшаго служилаго сословія; если же и попадались наряду съ ними дѣти дворянскія, то въ значительномъ меньшинствѣ и притомъ бѣдныхъ классовъ; вся же родовитая знать получала образованіе частью за границею, частью въ школахъ морскаго вѣдомства. Вотъ оттуда-то Брюсъ и задумалъ перетащить въ свои школы хотя нѣсколько учениковъ; предписавъ на первыхъ порахъ, вновь назначенному къ управленію Приказомъ Артилеріи, оберъ-комисару Зыбину: «какъ ни на есть добиваться, чтобъ изъ дворянскихъ дѣтей для науки въ нашу школу записывались» ([1]), Брюсъ вслѣдъ затѣмъ повелъ дѣятельныя хлопоты у Государя и адмирала Апраксина о переводѣ въ артилерійскую школу учениковъ изъ математико-навигаторской. Старанія Брюса увѣнчались успѣхомъ; уже въ мартѣ 1711 года были переведены въ артилерійскую школу шесть учениковъ, отправляя которыхъ къ Зыбину, Брюсъ старательно наказывалъ: «тѣхъ школьниковъ велѣть учить хорошенько и присматривать вамъ за ними самимъ» ([2]); среди переведенныхъ оказался даже одинъ князь—Степанъ Засѣкинъ. Въ 1714 году была прислана изъ адмиралтейства новая партія въ 20 человѣкъ, и съ этихъ поръ Брюсъ, хотя и принялъ къ себѣ въ школу ученикомъ подъячаго Луку Вострая-Сабля (sic), который «напередъ сего сидѣлъ въ Ратушѣ, а нынѣ нигдѣ не сидитъ», какъ значилось въ его челобитьи ([3]), но въ будущихъ кандидатахъ артилерійской школы онъ разсчитывалъ имѣть, главнымъ образомъ, учениковъ морской школы и простеръ свои искательства въ этомъ отношеніи даже къ возникшей въ то время морской академіи. Въ январѣ 1716 года переводъ изъ послѣдней 20-ти учениковъ прошелъ благополучно, никто не протестовалъ и Брюсъ, отбирая черезъ дьяковъ отъ недорослей изустныя и письменныя сказки, могъ свободно помѣчать въ вѣдомости: «что за кѣмъ изъ нихъ помѣстій и дворовъ»; всѣ оказывались хорошей фамиліи, дѣтьми владѣльцевъ крупныхъ помѣстій. Уже къ 25-му февраля имъ было предписано явиться, для опредѣленія въ артилерійскую школу, въ Москву, съ тѣмъ, что «буде кто изъ нихъ на вышеписанное число въ Москвѣ въ Приказъ Артилеріи не явится и за то учинить имъ смертну казнь и помѣстье и вотчины ихъ взять на великаго государя безповоротно» ([4]). Недоросли стали на смотръ въ Приказѣ исправно; оберъ-комисаръ Зыбинъ принялся росписывать

([1]) Дѣла шт. г. ф., св. 17, л. 421.
([2]) Дѣла шт. г. ф., св. 17, л. 418.
([3]) Ibid., св. 21, л. 150.
([4]) Дѣла сборныя, св. 3261, л. 7 (см. дѣла школьныя).

ихъ по наукамъ, а въ апрѣлѣ уже шла новая партія учениковъ академіи, все шляхтичи и царедворцы: князья Волконскіе, князь Мещерскій, Римскій-Корсаковъ, Еропкинъ, братья Колычевы и друг. Однако, на этотъ разъ, Брюса едва не постигла полная неудача, отчасти по его же винѣ, такъ какъ при выборѣ изъ академіи учениковъ онъ не испросилъ предварительно согласія адмирала Апраксина. Тотъ, оскорбившись подобнымъ самовольнымъ вмѣшательствомъ Брюса, потребовалъ учениковъ изъ артилерійской школы обратно, предписавъ замѣнить ихъ недорослями «подлаго шляхетства». «Прошу *униженно*, спѣшилъ извиниться и сгладить свою неосторожность Брюсъ, дабы вмѣсто оныхъ изволили приказать прислать изъ нарочитаго шляхетства, а изъ подлаго чина мнѣ принять невозможно, *того ради, что въ подлыхъ рѣдко амбиція бываетъ*». Удовлетворенный Апраксинъ болѣе не настаивалъ: «Почтенное ваше письмо, отвѣчалъ онъ Брюсу, принялъ и по оному служить вамъ готовъ... ежели изволите, прикажу отдать изъ нарочитаго шляхетства изъ петербургскихъ школъ, токмо не изъ такихъ фамилій, какъ отданы были прежніе».

Мы нарочно привели эту переписку [1], чтобы показать, насколько дѣйствительно настойчивымъ было стремленіе Брюса поднять значеніе своихъ школъ въ средствахъ образованія арміи. Не въ однихъ пушкаряхъ, бомбардирахъ и сержантахъ, какими чинами выходили до сихъ поръ въ службу питомцы артилерійской школы, нуждалось войско, ему нужны были также дѣятели и въ офицерскихъ чинахъ; этого-то и добивался энергичный генералъ-фельдцейхмейстеръ, привлекая къ прохожденію курсовъ, управляемой имъ, школы сословіе, болѣе способное подъ офицерскій мундиръ артилериста и инженера.

Но не мало заботъ причинили Брюсу излюбленные имъ «нарочитые» недоросли. Школьный порядокъ, установившійся обычаемъ многихъ лѣтъ по отношенію, хорошо укладывавшейся подъ всякія требованія, невзыскательной среды пушкарскихъ дѣтей и безпомѣстныхъ дворянъ, оказывался уже не подходящимъ для школьниковъ, окруженныхъ толпою слугъ, цѣлыми конюшнями собственныхъ лошадей, и при всемъ томъ обладавшихъ, такъ интересовавшею Брюса, «амбиціей». Здѣсь нужны были иные педагогическіе пріемы, иная администрація; прежней справляться съ ними оказывалось труднымъ; школамъ пришлось дать другое управленіе, чѣмъ учительская расправа надъ учениками, и къ завѣдыванію ими Брю-

[1] Дѣла шт. г. ф., св. 70, лл. 31, 33 (1717 г.).

сомъ, въ томъ же 1717 году, былъ приставленъ опытный руководитель, капитанъ Андрей Брунцъ (1). Эта мѣра оказывалась кстати, такъ какъ баричи-недоросли возбуждали жалобы даже своею частною жизнью. Вотъ что, напримѣръ, читаемъ мы въ одномъ изъ донесеній Брюсу того же Брунца, поданномъ имъ незадолго до своего назначенія въ школу: «Поставлено изъ Приказу Артилеріи, пишетъ онъ, въ Пушкарскую слободу на квартиры изъ дворянскихъ дѣтей школьниковъ 21 человѣкъ, и стоять они съ женами и слугами и держать у себя лошадей по четыре, отъ которыхъ не токмо тѣснота есть, но и разореніе чинится; отчего многіе хозяева въ иныя слободы вышли» (2).

Любопытное замѣчаніе Брунца о женахъ школьниковъ было въ тѣ времена явленіемъ слишкомъ обыкновеннымъ и не однихъ дворянскихъ недорослей, по возвращеніи изъ школы, встрѣчала семья, была она и у прочихъ учениковъ: случалось даже, что въ школьныя вѣдомости попадали одновременно и ученикъ-отецъ и ученикъ-сынъ, вмѣстѣ тянувшихъ за учителемъ на распѣвъ обычное «шебанъ», выкрикиваемое по окончаніи урока (3). «Всемилостивѣйшій Государь, — бьютъ челомъ, напримѣръ, школьники, — просимъ Вашего Величества, вели, Государь, намъ, рабомъ твоимъ, для отправленія въ Санктъ-Петербургъ, матерямъ нашимъ и *женамъ и дѣтямъ*, чтобъ оставить хотя на первый часъ, чѣмъ пропитатися, одеждою и обувью намъ искупиться и харчомъ подняться, выдать твое, великаго Государя, жалованье и кормовыя деньги» (4). Или, принявъ высланныхъ Зыбинымъ двухъ учениковъ, для отправленія къ наукѣ пушечнаго литья въ Гданскъ, Брюсъ сѣтуетъ ему, что одинъ изъ присланныхъ школьниковъ оказался женатымъ, «чего вамъ дѣлать не надлежитъ и возможно было прислать холостого» (5). Словомъ, женатые ученики составляли явленіе, вполнѣ признанное школьными традиціями, да и нельзя было его не признавать пока. Мы уже видѣли, что въ школу забирались ученики часто подъ 20 и болѣе лѣтъ; многіе изъ нихъ уже успѣвали обзавестись семьею до поступленія въ науку, остальныхъ же побуждала къ тому многолѣтняя волокита послѣдней. Опре-

(1) Дѣла шт. г. ф., св. 27, лл. 151, 189, 190.

(2) Ibid., св. 25, л. 124.

(3) Дѣла сборныя, св. 3264, лл. 351—360. См. вѣдомость школьныхъ учениковъ; «инженерный ученикъ» Петръ Васильевъ, «инженерной науки ученическій сынъ» Данила Васильевъ.

(4) Дѣла арсен., св. 6, л. 554.

(5) Дѣла шт. г. ф., св. 27, л. 291.

дѣленности срока курсоваго обученія въ тѣ далекіе отъ насъ дни не существовало, каждый проходилъ ту или другую науку какъ и насколько позволяли то его способности, успѣшность занятій была единственнымъ мѣриломъ продолжительности пребыванія учениковъ въ школѣ. Послѣднее оказывалось иногда настолько затянувшимся, что бывали случаи, когда ученикъ, сходя со школьной скамьи, ею же и заканчивалъ свою общественную дѣятельность въ званіи «отставнаго школьнаго ученика». Необыкновенно курьезна въ этомъ отношеніи исторія съ ученикомъ Яковомъ Назаровымъ. Вступивъ въ школу еще въ 1703 году, онъ успѣлъ выбраться до окончанія всей школьной премудрости только къ 1722 году, т. е. по прошествіи почти двадцати лѣтъ, когда уже пришелъ въ полную негодность къ опредѣленію на службу. Растерялъ-ли онъ свои силы подъ гнетомъ, такъ трудно постигнутой имъ, науки, или то сдѣлали его 40 лѣтъ, какими предсталъ онъ на смотръ по выходѣ изъ школы, но комисія, принимавшая учениковъ въ службу, увидѣвъ его, могла только заявить, что оный Яковъ Назаровъ «въ службѣ быть не годенъ, понеже глухъ и глазами худо видитъ» (¹). Впрочемъ, Назаровъ успѣлъ, хотя и за 20-ти-лѣтнее пребываніе въ школѣ, пройти весь цыклъ наукъ, положенныхъ програмою, а бывали и тому примѣры, что ученикъ просиживалъ почти по стольку же лѣтъ и ничего не знали кромѣ азбуки. Ученикъ Данила Васильевъ, напримѣръ, постигъ всю нехитрость послѣдней только на девятый годъ своего пребыванія въ школѣ, заслуживъ при этомъ, пожалуй, вполнѣ законно, хроническую атестацію: «къ наукѣ весьма тупъ» (²).

Однако, не одни способности учениковъ вліяли на успѣшный ходъ школьныхъ занятій, не малую роль въ этомъ отношеніи игралъ самый методъ преподаванія. Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь же подробно разъяснить этотъ весьма интересный вопросъ, имѣвшій столь важное значеніе для школьной жизни того времени; укажемъ лишь, что пріемъ преподаванія ученикамъ научныхъ свѣдѣній былъ даже въ самыхъ простыхъ случаяхъ крайне сложнымъ, заставляя ученика задалбливать, вмѣстѣ съ объясненіями того или другаго положенія, цѣлую громаду совершенно безполезнаго хлама, въ формѣ стиховъ, витіеватыхъ разсужденій и тому подобнаго» (³). Свѣтскія школы перваго времени не могли въ этомъ отношеніи отдѣлать-

(¹) Дѣла сборныя, св. 174, л. 1.

(²) Дѣла полковыя, св. 3303. «Репорты о артилерійскихъ ученикахъ».

(³) Для заучиванія этого баласта полагалось даже спеціальное время, отводимое необходимости «твердить».

ся отъ вліянія школъ духовныхъ, славившихся еще долго спустя своимъ схоластическимъ методомъ преподаванія. Благодаря указанному обстоятельству, не будемъ удивляться слѣдующему случаю съ ученикомъ словесной школы Петромъ Свистовымъ. Заучивъ въ шесть лѣтъ азбуку, Свистовъ перешелъ къ изученію часослова, но, за «твержениемъ» послѣдняго наизусть, успѣлъ совершенно забыть первую, и вотъ, по истеченіи трехъ лѣтъ, читаемъ, что онъ «за его во ученіи непонятностью, снова началъ учить азбуку»; надъ нею Свистову пришлось просидѣть еще четыре года. Такимъ образомъ, на изученіе одной азбуки ушло въ общей сложности 10 лѣтъ, не считая уже трехъ, потерянныхъ за часословомъ (1).

Возвращаясь къ вопросу о бракахъ учениковъ, мы должны, однако, отмѣтить, что это обстоятельство сильно не нравилось Брюсу; жена для школьника, а тѣмъ болѣе дѣти, въ его глазахъ представлялось явленіемъ ненормальнымъ, невольно отвлекавшимъ женатыхъ учениковъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей къ школѣ. По мнѣнію Брюса, должно было, чтобы ученикъ «ни о чемъ иномъ попеченіе имѣлъ, но болѣе прилежалъ бы къ ученію своему», и генералъ-фельдцейхмейстеръ поспѣшилъ положить предѣлъ развитію браковъ между школьниками. Въ октябрѣ 1717 года состоялось его частное распоряженіе: «школьниковъ артилерійскихъ до женидьбы безъ вѣдома моего никого не допускать» (2), а въ 1723 году было опубликовано, что «по 77 артикулу школьникамъ во всѣхъ наукахъ, какъ артилерійскихъ, такъ и инженерныхъ, безъ указу Главной Артилеріи отнюдь не жениться, подъ штрафомъ бытія трехъ лѣтъ въ каторжной работѣ» (3).

Но, отнимая у учениковъ право на вступленіе въ бракъ, до окончанія ими школьнаго курса, приходилось естественно озаботиться о лучшемъ урегулированіи послѣдняго, чтобы указанною волокитою не отнимать у нихъ лучшихъ лѣтъ жизни. Попытка включить съ этою цѣлью въ какія-либо опредѣленныя рамки продолжительность прохожденія той или другой науки составила бы тщетныя хлопоты: оставалось только возможнымъ предпринять что-либо по отношенію возраста учениковъ, ограничивъ, напримѣръ, пріемъ въ школу предѣломъ не выше извѣстнаго количества лѣтъ. Это и было достигнуто распоряженіемъ Брюса объ опредѣленіи въ школу недорослей только до 15-ти-лѣтняго возраста; выше этихъ лѣтъ предписывалось зачислять прямо въ службу.

---

(1) Дѣла полковыя, св. 3303. «Репорты о артилерійскихъ ученикахъ».
(2) Дѣла шт. г. ф., св. 27, л. 291.
(3) Дѣла генер. повытья, св. 649, л. 496.

Пока Брюсъ хлопоталъ объ этомъ существенно важномъ вопросѣ, снабжая то Приказъ Артилеріи, то Брунца инструкціей за инструкціею, прежнія какъ бы забывались. Прекратившіяся было съ запрещеніемъ фельдцейхмейстера разсылки учениковъ по командировкамъ, спустя нѣсколько лѣтъ, возобновились снова. Такъ, въ декабрѣ 1716 года, мы встрѣчаемъ челобитье школьнаго ученика Ярышкина, гдѣ, ходатайствуя о выдачѣ жалованья, онъ пишетъ, что посылаютъ-де его изъ Приказа Артилеріи въ Смоленскъ «для разбивки пушекъ и привозу ихъ къ Москвѣ»; другой школьникъ Василій Селецкой въ томъ же году ѣдетъ «въ провожатыхъ за рекруты» въ походную армію; мѣсяцъ спустя командируютъ еще ученика въ Сѣвскъ съ табуномъ лошадей, о чемъ, наконецъ, узнаетъ Брюсъ. «Дивуюсь я, гнѣвается снова на Приказъ фельдцейхмейстеръ, для чего вы оныхъ школьниковъ съ Москвы посылаете... и вамъ впредь ихъ безъ письма моего никуда не посылать» (1). Оберъ-комисаръ Зыбинъ поспѣшилъ съ оправданіями, донося, что «новопокупныя табунныя лошади посланы въ Сѣвскъ съ школьниками того ради, что въ Москвѣ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ никого нѣтъ, кромѣ одного капитана, да поручика» (2); Брюсъ тѣмъ не менѣе не отмѣнилъ своего распоряженія, запретивъ даже отпускать учениковъ по ихъ личнымъ надобностямъ.

Вопросъ объ отпускахъ школьниковъ до сихъ поръ былъ очень простъ; являлась школьнику надобность «отбыть на срокъ для своихъ необходимыхъ нуждъ отъ школы», его по челобитью увольняли, отобравъ, впрочемъ, «добрыя поруки по немъ въ статье на урочное число» и реверсъ съ угрозою потерянія живота и даже смертной казни, въ случаѣ неявки. Случалось, что отпущенный иногда просрочивалъ свою явку, но и это обстоятельство улаживалось возможно проще; ученика разыскивали черезъ мѣстныхъ воеводъ, выписывали въ Москву въ школу и здѣсь, вмѣсто всякихъ отнятій живота и пр., наказавъ «по школьному обычаю», т. е. побивъ виновнаго при собраніи всѣхъ его товарищей «батогами» или «длинными лозами», по прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, сажали на школьную скамью, а въ случаѣ будущихъ нуждъ не отказывали новому челобитью объ отпускѣ. Увольнялись въ отпускъ иногда разомъ по нѣсколько человѣкъ; въ ученическихъ же спискахъ, подаваемыхъ отъ школы Брюсу, противъ фамилій отпущенныхъ, прописывалась лишь

(1) Дѣла шт. г. ф., св. 25, л. 136.
(2) Ibid., св. 27, л. 12.

короткая отмѣтка: «въ деревнѣ». По случилось, что въ одномъ изъ такихъ списковъ, поданномъ въ іюнѣ 1717 года, помянутая помѣтка, какъ нарочно, пришлась противъ фамилій, такъ много интересовавшихъ Брюса, дворянскихъ дѣтей; эта случайность и прекратила собою право учениковъ на отпуски. Немедленно же послѣдовало распоряженіе: «школьниковъ артилерійскихъ съ Москвы въ деревни отнюдь не отпускать, а ради запасовъ оные въ деревни свои могутъ людей своихъ посылать и писать» (1), и напрасно уже Брунцъ, пересылая Брюсу челобитья артилерійскихъ школьниковъ объ отпускѣ, доносилъ, что «указываютъ-де они противъ другихъ школъ, а именно: на инженерную, на математическую и на латынскую школы и ожидаютъ они отъ вашего превосходительства повелительнаго указу» (2): разрѣшенія не послѣдовало, вмѣстѣ же съ отпусками дворянскихъ дѣтей, были запрещены отпуски и всѣмъ прочимъ ученикамъ.

Послѣднее распоряженіе Брюса едва ли не было и послѣднею заботою его въ интересахъ благоустройства московской артилерійской школы. Съ одной стороны, отвлекаемый возложенною на него миссіею веденія переговоровъ съ Швеціею по заключеніи мира, съ другой, занимаясь устройствомъ вновь учреждаемой подъ его президентствомъ, Бергъ-Коллегіи, но, главнымъ образомъ, отдавшись всецѣло мысли организовать на болѣе широкихъ началахъ другую артилерійскую школу въ Петербургѣ, гдѣ постоянно находился онъ самъ, Брюсъ сильно охладѣлъ къ судьбѣ московскихъ учениковъ. Уже не было въ его отвѣтахъ на донесенія Приказа по школьнымъ вопросамъ того вниманія и привычной дьякамъ настойчивости. Стоило, напримѣръ, Зыбину прежде, въ 1714 году, донести Брюсу, что школьные ученики просятъ о жалованьи и «ежели имъ того жалованья не выдать, то мню, что всѣ разбредутся», какъ Брюсъ приказывалъ, немедля же, его выдать; несмотря даже и на то, что по Государеву повелѣнію было запрещено въ этомъ году давать кому-либо жалованье, кромѣ служилыхъ чиновъ (3). Теперь же, напрасно Приказъ Артилеріи подърядъ три раза доносилъ, что «ученики нынѣ намъ о жалованьи бьютъ челомъ слезно, непрестанно и неотступно и приносятъ всѣ жалобу, что весьма одолжали, а наче школьники словесной школы, понеже есть самые бѣдные, а иные многіе есть больные

(1) Дѣла шт. г. ф. св. 27, л. 32.
(2) Ibid., л. 190.
(3) Дѣла шт. г. ф. св. 21, лл. 20, 28.

и приходять иные и просятъ слезно, что пить и есть имъ нечего» ([1]); до Брюса, быть можетъ, ни одно изъ этихъ доношеній и не доходило, такъ какъ переписка съ Москвою велась уже отъ его имени черезъ Петербургскую Артилерійскую Канцелярію. Хорошо еще, если находились такіе школьники, какъ Никифоръ Павловъ, который не постѣснился самъ «прибрѣсти» въ Петербургъ для подачи челобитья о жалованьи, рѣшительно предупреждая въ немъ, «дабы ему въ наукѣ голодомъ и холодомъ не умереть» ([2]). Прежде, когда Брюса интересовала школа, онъ писалъ маіору Преображенскаго полка Андрею Ушакову ([3]): «Увѣдомленъ я отъ артилеріи капитана Брунца, что выбраны къ вашему благородію на Потѣшный Дворъ артилерійскихъ школьниковъ девять человѣкъ, за которыми помѣстья и вотчинъ нѣтъ и отцы ихъ служивали въ солдатѣхъ и въ подьячихъ и до школы кормилися они Христовымъ имянемъ, и я вашего благородія прошу, чтобы изволили меня увѣдомить, по какому указу оныхъ изволите брать и въ какой образъ. И надлежало бы вашему благородію о томъ дать мнѣ знать и аще за ними какіе интересы его царскаго величества касаются, то бы я могъ приказать вамъ ихъ отдать» ([4]). Теперь же, не спрашивая даже Брюса, списавшись только съ Артилерійской Канцеляріею, Приказъ командируетъ съ продолжительнымъ порученіемъ одного школьнаго ученика изъ тѣхъ же дворянскихъ дѣтей, Алексѣя Кисарова.

Впрочемъ, вскорѣ самъ Брюсъ открыто заявилъ о своемъ охлажденіи къ московской школѣ, отобравъ ея управителя Брунца и его двухъ преемниковъ, въ теченіе лишь одного года, капитановъ Кохона и Витвера въ Петербургъ. Такимъ образомъ, московская артилерійская школа снова оказалась безъ ближайшаго руководителя, и снова ученики ея были отданы въ безконтрольное распоряженіе учителей и стѣсненнаго въ своихъ полномочіяхъ Приказа. Значеніе ея упало, уступивъ таковое школѣ петербургской, куда вскорѣ же были переведены Брюсомъ и всѣ дворянскія дѣти; учениками въ Москвѣ остались исключительно дѣти пушкарскихъ, низшихъ чиновъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, повело и къ измѣненію програмы школьнаго курса. Послѣдній для московской школы ограничивался только «словесными» науками и небольшимъ объемомъ математики; спеціальное и

([1]) Ibid. св. 31, л. 127; св. 70, лл. 301, 314 (1719 г.).
([2]) Дѣла арсенал. св. 11, л. 185.
([3]) Извѣстному впослѣдствіи начальнику розыскной тайной канцеляріи.
([4]) Дѣла шт. г. ф. св. 27, л. 250.

высшее артилерійское образованіе Брюсъ разсчитывалъ давать ученикамъ въ Петербургѣ, гдѣ уже въ 1720 году дѣйствуетъ правильно организованная школа съ соединенными курсами артилерійскихъ и инженерныхъ наукъ. Это—Петербургская Артилерійская и Инженерная школа, отданная подъ дирекцію генералъ-маіора Де-Кулона.

Здѣсь мы и закончимъ настоящую статью, такъ какъ московская школа въ своей дальнѣйшей жизни потеряла свою самобытность.

Димитрій Струковъ.

ПО ВОПРОСУ О СТРѢЛЬБѢ СЪ КОНЯ [1].

I.

Боевая стрѣльба съ коня.

Вопросъ о стрѣльбѣ съ коня не новъ. Онъ возбуждался въ нашихъ военныхъ сферахъ неоднократно, о немъ часто вели сужденія люди, заинтересованные успѣхами конницы, въ немъ принимала участіе военная литература, но затѣмъ, когда на очередь выдвигались вопросы бо́льшей важности, вопросъ о стрѣльбѣ конницы съ коня сходилъ съ очереди, а потомъ мало-по-малу совсѣмъ забывался.

Высочайше утвержденный 16-го апрѣля сего года образецъ новой пачечной магазинной винтовки уменьшеннаго калибра и патрона къ ней, съ одной стороны, и оконченное перевооруженіе въ западныхъ государствахъ съ другой, не могутъ не оказать вліянія на тактику войскъ вообще и на тактику кавалеріи въ частности. По мнѣнію многихъ кавалеристовъ, вопросъ о стрѣльбѣ съ коня нельзя оставить въ настоящее время безъ разрѣшенія, въ виду того, что полевая служба кавалеріи въ будущихъ войнахъ, при повторительной винтовкѣ съ большимъ количествомъ патроновъ, неминуемо разовьетъ самостоятельныя дѣйствія кавалеріи впереди арміи. Обязанность эта, всегда лежавшая, въ большей долѣ, на *казачьихъ* частяхъ, несомнѣнно еще болѣе разовьется и пріобрѣтетъ значеніе въ будущемъ.

По нашимъ строевымъ уставамъ, стрѣльба съ коня существуетъ только для одиночныхъ наѣздниковъ и для сторожевыхъ на аванпостахъ; стрѣльба же съ коня изъ развернутаго строя передней шеренги, а также и изъ лавы залпами, пріобрѣтающая при скорострѣльномъ оружіи особую важность, не введена въ курсъ обученія конницы. Тѣмъ не менѣе, этотъ пріемъ, какъ кавказскій обычай, практикуется иногда

---

[1] Перенося на страницы «Военнаго Сборника» статьи по вопросу о стрѣльбѣ кавалеріи съ коня, мы имѣетъ въ виду дать читателямъ матеріалъ для болѣе подробнаго ознакомленія съ разносторонними мнѣніями по этому дѣлу. *Ред.*

у кавказскихъ казаковъ, а также и у кавказскихъ драгунъ. Такъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, во время ученій, у драгунъ, по старой памяти, не обходится безъ того, чтобы какой либо лихой эскадронъ не продѣлалъ пріема залповой стрѣльбы съ коня и вслѣдъ затѣмъ стремительной атаки.

Чтобы оправдать основаніе, почему кавказскіе драгуны продолжаютъ удерживать обычай стрѣльбы съ коня во всѣхъ положеніяхъ, постараемся въ сжатой формѣ разсказать кое-что изъ казачьяго боеваго опыта продолжительной кавказской войны.

Боевыя качества кавказскихъ линейныхъ казаковъ въ 20-хъ и особенно 40-хъ и 60-хъ годахъ достигли своего полнаго развитія. Горцы, упорно отстаивавшіе свою независимость, свое бытовое существованіе, практическими упражненіями въ ежедневной борьбѣ достигли также въ этотъ періодъ изумительной ловкости и боевой опытности. Если наши войска стройностію и порядкомъ сокрушали непреодолимыя препятствія, то и горцы въ свою очередь изумляли насъ своею находчивостію и особенно своими лихими налетами, всегда сопровождавшимися завѣтнымъ выстрѣломъ изъ однозарядной винтовки. Такія взаимныя упражненія между казаками и горцами, практическая стрѣльба съ коня и моментальное спѣшиваніе для обороны изъ подъ закрытія сбатованными лошадьми сдѣлали попеременно винтовку и шашку въ рукахъ казака и горца легкою забавою, не требующею напряженій и не причиняющую никакихъ замѣшательствъ, встрѣчаемыхъ у людей, мало занимающихся практическими на конѣ пріемами съ оружіемъ. Между горцами и казаками бывали жестокія схватки въ рукопашную и, не смотря на то, что тогда оружіе заряжалось съ дула, лихому налету предшествовалъ всегда послѣдній ружейный выстрѣлъ въ противника, иногда даже въ упоръ: затѣмъ, очутившаяся за плечами винтовка моментально замѣнялась въ рукахъ острой шашкой, которая довершала остальное. На случай обороны или преслѣдованія оставался завѣтный патронъ тоже въ однозарядномъ кремневомъ пистолетѣ, который выпускался въ крайнемъ случаѣ либо для обороны, либо достигалъ уходящаго непріятеля, отбивающаго ударъ шашки. Въ такихъ сшибкахъ не всегда были одни изрубленные шашками: при повѣркѣ убитыхъ и раненыхъ много насчитывалось съ обѣихъ сторонъ павшихъ отъ пуль.

Этимъ мы не исключаемъ возможности въ иныхъ случаяхъ опрокинуть непріятеля неожиданнымъ налетомъ и съ одними шашками. Конечно, нельзя не преклоняться предъ существующимъ еще традиціоннымъ мнѣніемъ лихихъ кавалеристовъ: истреблять противника

быстрымъ налетомъ, хотя бы съ потерею половины части, идущей въ бой: но на такія жертвы можно рѣшаться въ крайности, напримѣръ, въ томъ случаѣ, если бы предвидѣлось, что эти жертвы могутъ въ такой мѣрѣ парализовать противника, что онъ надолго не въ состояніи будетъ вступать съ нами въ бой. Но и столь рѣшительныя мѣры не всегда бываютъ удачны. Подъ Вёртомъ, когда маршалъ Макъ-Магонъ пустилъ въ атаку всю свою кавалерію сабельниковъ, думая сломить пруссаковъ лихимъ налетомъ, французская конница до того была истреблена огнемъ противника изъ игольчатыхъ тогда ружей, что затѣмъ уже во всю кампанію не принимала въ ней виднаго участія. Мы знали потомъ по извѣстіямъ съ театра войны, что нѣмецкіе уланы шествовали впереди арміи, какъ на маневрахъ; читали, что ихъ небольшіе разъѣзды показались у Вердюна, далеко впереди арміи, и затѣмъ узнали и то, что четыре улана заняли г. Нанси.

Съ другой стороны говорятъ: все же лихой наѣздникъ съ саблею лучше плохаго конника, хотя бы стрѣлка съ винтовкою. Но такихъ сравненій дѣлать нельзя. Пріятно видѣть во фронтѣ лихаго наѣздника съ саблею, еще пріятнѣе имѣть весь фронтъ изъ такихъ лихихъ сабельниковъ состоящій; но, спрашивается, отъ чего же этимъ ловкимъ сабельникамъ не быть при томъ и хорошими съ коня стрѣлками. Существуетъ мнѣніе, что стрѣлкомъ долженъ быть только пѣхотинецъ и что нельзя сдѣлать изъ хорошаго наѣздника-сабельника хорошаго пѣхотинца, и обратно. Такое мнѣніе невѣрно: наши драгуны хорошіе стрѣлки-пѣхотинцы, и въ то же время лихіе конники-стрѣлки.

Что касается нашихъ линейныхъ казаковъ, получающихъ зачатки боеваго дѣла дома, то, за малыми исключеніями, лучшіе стрѣлки въ пѣшемъ строю—лучшіе и наѣздники на конѣ. Офицеры знаютъ ихъ еще малолѣтками въ станицѣ и при разсчетѣ сотни или эскадрона такъ уже и принято, что хорошій стрѣлокъ никогда не попадетъ въ коноводы: онъ всегда либо пѣшій стрѣлокъ, либо конный наѣздникъ. Слѣдовательно, если бы въ подражаніе этому искони кавказскому казачьему обычаю, существующему также у кавказскихъ драгунъ, мы стали бы лучшихъ конниковъ обучать мѣткой стрѣльбѣ съ коня прежде въ одиночку, а потомъ залпами изъ фронта, развѣ они стали бы отъ этого обученія хуже владѣть саблею? Смѣло скажемъ нѣтъ. Это доставитъ имъ возможность достигать еще большаго совершенства владѣнія холоднымъ оружіемъ; такой кавалеристъ, при внезапной встрѣчѣ съ непріятелямъ не засуетится, не растеряется, онъ тотчасъ сообразитъ, какимъ оружіемъ лучше угостить назойливаго

противника, и неспособенъ испугаться никакого врага. Вотъ изъ такихъ-то прежде всего въ одиночку обученныхъ людей и желательно составлять строевыя конныя части; вотъ съ такими-то людьми съ увѣренностью можно идти на самые отважные подвиги.

Безчисленныя встрѣчи съ нашими горцами, ловкими конниками и единственными преемниками когда-то столь грозныхъ и опустошительныхъ для всей Европы азіатскихъ полчищъ, наводятъ насъ на слѣдующія размышленія. Представимъ себѣ въ будущемъ, при скорострѣльномъ оружіи, встрѣчу при равныхъ условіяхъ двухъ полковъ конницы. Изъ нихъ одинъ лихой полкъ, владѣющій хорошо на конѣ саблями и даже пиками, а другой безъ пикъ, но хорошо обученный стрѣльбѣ съ коня. Первое, чѣмъ должна начаться, по нашему мнѣнію, борьба, между ними—это убійственный односторонній огонь залпами изъ фронта и мѣткій огонь изъ цѣпи одиночныхъ наѣздниковъ, по возможности тѣсно охватывающихъ фланги. Какъ бы проворно полкъ пиконосцевъ-сабельниковъ ни выходилъ изъ дефиле, или какъ бы ни стремился приблизиться къ стрѣляющему полку другими путями [1], большая движущаяся масса конницы сабельниковъ или пиконосцевъ представляетъ такую огромную мишень, которая не можетъ не терять отъ учащеннаго огня стрѣлковъ-конниковъ, увѣренно осыпающихъ противника мѣткимъ свинцовымъ дождемъ. Конники-стрѣлки не побоятся смѣлаго приближенія мѣтко обстрѣливаемаго ими противника, ясно сознавая, что противникъ не успѣетъ дойти до нихъ цѣликомъ и что многіе будутъ перестрѣляны ранѣе столкновенія, а съ остальными расправа будетъ уже легче.

Допустимъ другой случай (при этомъ мы беремъ казачій полкъ при встрѣчѣ съ полкомъ западной кавалеріи), что нашъ полкъ не успѣлъ достаточно ослабить противника огнемъ; но вѣдь тогда ему нѣтъ и надобности принимать атаки, не вѣрно разсчитанной. Онъ всегда (?) успѣетъ отойти на столько, что съ успѣхомъ можетъ продолжать начатое имъ дѣло обстрѣливанія. Что станетъ дѣлать пиконосный полкъ? Противникъ атаки не принимаетъ, а догнать себя не дастъ (?) и продолжаетъ стрѣлять; между тѣмъ, ряды пиконосцевъ-сабельниковъ рѣдѣютъ, въ особенности, если предпріимчивый противникъ-стрѣлокъ, воспользовавшись пересѣченною мѣстностью, разсыплетъ по флангамъ густыя цѣпи и разовьетъ одиночный огонь въ подспорье стрѣльбѣ изъ фронта. Положеніе пиконоснаго полка мо-

---

[1] Вся Европа воздѣлана, изрыта и изрѣзана всевозможными преграждeніями, поэтому нельзя разсчитывать на гладкое поле, а скорѣй надо считаться съ большими препятствіями.

жеть сдѣлаться критическимъ; въ лучшемъ случаѣ полкъ сабельниковъ спѣшивается и въ свою очередь осыпаетъ противника огнемъ; но тогда онъ бездѣйствуетъ, не выполнивъ своей задачи, ибо стрѣлковый полкъ не пропускаетъ его впередъ и слѣдовательно лишаетъ возможности достигнуть предположенной цѣли; между тѣмъ, время потеряно, и обстоятельства легко могутъ измѣниться въ пользу стрѣлковъ-конниковъ: сабельники же съ несомнѣнно большею потерею принуждены будутъ отступить.

Такіе результаты встрѣчи двухъ противоположно обученныхъ полковъ не суть теоретическія гаданія; по крайней мѣрѣ, для насъ они составляютъ вопросъ практически давно разрѣшенный и не оставляющій сомнѣнія въ его подтвержденіи при первомъ случаѣ. Допустимъ, что атака конниками-стрѣлками принята даже при недостаточно хорошо обстрѣленномъ непріятелѣ-сабельникѣ, но что же изъ этого? Гдѣ же указаніе, что съ шашками въ рукахъ стрѣлки-наѣздники будутъ слабѣе; напротивъ, повторяемъ здѣсь, что лучшій стрѣлокъ есть и лучшій наѣздникъ—и онъ всегда успѣетъ встрѣтить атаку атакою съ шашкою въ рукѣ и съ закинутою за плечо винтовкою. дѣйствовавшею губительно до послѣдняго момента. У сабельниковъ несомнѣнно будетъ недочетъ во фронтѣ еще ранѣе встрѣчи, а между тѣмъ нетронутые огнемъ стрѣлки-конники съ большею увѣренностью ринутся на встрѣчу и вотъ въ этотъ-то именно моментъ они и покажутъ, что и ихъ шашки не хуже сабель противника.

Согласимся даже съ возможностію, что полкъ сабельниковъ успѣшно атаковалъ полкъ стрѣлковъ-конниковъ и начинаетъ схватку. Преслѣдованіе всегда сопряжено со строемъ разсыпнымъ и вотъ тутъ-то и произойдетъ единоборство. Сильные лишь въ сомкнутомъ строѣ пиконосцы, рѣшившіеся на единоборство, неминуемо передаютъ добровольно всѣ выгоды боя опять на сторону стрѣлковъ-наѣздниковъ и въ этомъ случаѣ, вслѣдъ за пріостановкою атаки пиконосцевъ, пораженіе ихъ вновь стрѣлками наѣздниками очевидно.

Если бы, не ограничиваясь примѣрами кавказской войны, нужно было указать на европейскую кавалерію, то и тамъ лучшая венгерская кавалерія, при встрѣчѣ въ 1849 году съ нашими линейными казаками, подвергалась той же участи. Лихой налетъ, залпъ и рубка не разъ изумляли венгерцевъ. У насъ на Кавказѣ еще до сихъ поръ живы старики, участники этой кампаніи, которые разсказываютъ, что венгры даже жаловались тогда на варварскіе удары отточенными шашками отъ плеча до пояса. Но если въ рукахъ наѣздника-стрѣлка винтовка и при однозарядномъ выстрѣлѣ была ему подмогою передъ

самою схваткою холоднымъ оружіемъ, то что же можно сказать о скорострѣльной, особенно повторительной, винтовкѣ въ рукахъ такого лихаго конника-стрѣлка.

Вотъ рядъ положеній, въ которыя мы вѣримъ, убѣжденные въ правотѣ нашихъ воззрѣній опытомъ минувшаго, даже съ оружіемъ однозарядным. Но наши убѣжденія окрѣпнутъ еще болѣе, если мы будемъ имѣть въ нашихъ рукахъ людей, вполнѣ обученныхъ правильной стрѣльбѣ съ коня при оружіи скорострѣльномъ. Такіе конники-стрѣлки всегда будутъ имѣть перевѣсъ надъ пиконосцами-сабельниками, будучи и сами сабельниками и въ то же время увѣренными стрѣлками, въ одиночку ли, въ сомкнутомъ ли строѣ, или даже и пѣшими. Такая часть, предоставленная самой себѣ, не побоится удаляться на всякое разумное разстояніе отъ своей арміи, для того, чтобы не давать покоя противнику ни днемъ, ни ночью, и такая лихая конница стрѣлковъ всегда будетъ грозою для противника, утомляя его ежеминутнымъ ожиданіемъ губительнаго налета.

Положимъ, что отважные конники-стрѣлки рискуютъ и сами попасть въ западню; но для такой части, имѣющей хорошую боевую спайку, все же гораздо легче отбиваться отъ врага, даже и пѣшими, особенно за закрытіемъ своими лошадьми. Изъ массы примѣровъ извѣстно, что когда конная единица вѣритъ въ себя, то и спѣшенная всегда успѣваетъ отбиваться отъ превосходнаго численностію непріятеля. Вѣдь удержалась же одна сотня гребенцовъ въ Акбулатъ-юртѣ въ 1846 году съ Сусловымъ отъ скопища въ 1,500 человѣкъ въ продолженіи 4-хъ часовъ; правда, что отъ сотни мало осталось въ живыхъ и боролись почти одни раненые, но побѣда все же осталась за храбрыми, увѣренными въ самихъ себѣ защитниками: къ нимъ на пальбу успѣло подойти подкрѣпленіе и выручило лихую сотню. Въ 1863 году, во время возстанія въ Польшѣ, развѣ дешево продали себя линейные казаки, сколько помнимъ, въ числѣ около 25-ти человѣкъ съ ротмистромъ Граббе, защищаясь сперва въ сараѣ, а затѣмъ на католическомъ кладбищѣ, куда принуждены были перейти изъ зажженнаго повстанцами сарая; тутъ они были взяты въ плѣнъ тогда, когда ихъ оставалось уже трое или четверо—всѣ раненые. Урядникъ Евтушенко въ 1863 году, на правомъ флангѣ, съ командою въ 75 человѣкъ, когда всѣ офицеры были перебиты, развѣ не просидѣлъ въ горной пещерѣ безъ воды и пищи пять дней, храбро отбиваясь отъ окружавшаго скопища горцевъ? Въ Баязетѣ также дѣло не обошлось безъ участія казаковъ, гдѣ они, на ряду съ другими войсками, самостоятельно отстояли порученный ихъ исключи-

тельной защитѣ фасъ. Но вѣдь эти пѣшіе бойцы—тѣ же самые смѣлые коники-стрѣлки, которые не разъ своею удалью на конѣ дивили врага и радовали свое начальство.

Но умрутъ старые бойцы, умретъ съ ними и старое преданіе владѣть на конѣ съ одинаковымъ совершенствомъ и шашкою, и винтовкою. Жаль будетъ, когда не сохранится, въ назиданіе потомству, этотъ полезный въ бою пріемъ, столько разъ пролагавшій путь къ славнымъ побѣдамъ нашимъ кавказскимъ конникамъ, безразлично и казакамъ, и драгунамъ.

Въ заключеніе остается сказать, что теперь, когда наша регулярная кавалерія владѣетъ скорострѣльными ружьями дальнихъ дистанцій, и затѣмъ вскорѣ получитъ винтовки повторительной системы, усвоеніе практическихъ пріемовъ мѣткой стрѣльбы съ коня какъ нельзя болѣе своевременно. Оно внушитъ нашей конницѣ еще большую вѣру въ себя, въ свои боевыя качества, при всякомъ положеніи, даже въ то время, когда она предоставлена самой себѣ. При содѣйствіи же ей еще лихихъ конниковъ-горцевъ Кавказа и Закаспійскихъ текинцевъ, наши набѣги превзойдутъ всякія соображенія противника и могутъ сдѣлаться для него губительными еще далеко впереди нашей арміи.

Задачу громить всюду врага и быть непроницаемой для него завѣсою, скрывающею наши движенія, способна разрѣшать только та конница, которая, какъ наша, при стойкости пѣшкомъ и при лихости на конѣ, будетъ обладать достоинствомъ мѣтко обстрѣливать противника во всѣхъ положеніяхъ.

Будущее столкновеніе на войнѣ намъ представляется теперь уже не тѣмъ, какъ оно было въ минувшемъ. Теперь арміи сойдутся съ сознаніемъ народной гордости «быть или не быть тому или другому народу на своемъ мѣстѣ». И все, что выйдетъ въ поле въ защиту родины, будучи самостоятельно вооруженнымъ, не станетъ терять дорогое время ни на ожиданіе поддержекъ, ни на отдаленное руководство начальства—и во многомъ станетъ стремиться дѣйствовать по своей инициативѣ, по своей сообразительности, что для противника гораздо опаснѣе.

При томъ боевомъ духѣ, который передается въ казачествѣ отъ отца ветерана къ сыну, казаки, снабженные блестящимъ вооруженіемъ, составятъ несокрушимую боевую подвижную силу, со которой не совладать врагу...

Извѣстно, что при хорошемъ оружіи и при рѣшительномъ, умѣломъ руководствѣ, казакъ въ бою дерзокъ, и это достоинство теперь

легко развить въ немъ еще болѣе, когда онъ убѣдится, что при повторительномъ оружіи по своей увертливости онъ неуязвимъ. Въ этомъ положеніи и частные налеты казака даже въ ночномъ бою сдѣлаются убійственными для кавалеріи противника.

Итакъ, обученіе стрѣльбѣ съ коня изъ лавы и передней шеренги, при повторительномъ оружіи, считаемъ вполнѣ полезнымъ, если не для всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, для насъ, линейныхъ *казаковъ*, не снабженныхъ пикою.

И. Сафоновъ.

II.

Къ вопросу о стрѣльбѣ съ коня.

Въ виду полемики, возникшей на страницахъ «Русскаго Инвалида» по вопросу о стрѣльбѣ съ коня, считаю нелишнимъ привести здѣсь страничку изъ вышедшей въ 1889 году книги «Воспоминанія о Русско-Турецкой войнѣ 1877—1878 гг. и о Скобелевѣ» — ординарца его П. Дукмасова. Страничка эта можетъ служить иллюстраціей къ разбираемому вопросу и притомъ иллюстраціею, взятою прямо изъ жизни.

Въ дѣлѣ подъ Ески-Загрою, въ 20-хъ числахъ іюля мѣсяца 1877 года хорунжій Дукмасовъ получилъ приказаніе двинуться со взводомъ Донскаго казачьяго № 26-го полка на правый флангъ нашего расположенія, противъ котораго показались черкесы.

Я немедленно двинулся къ мѣсту назначенія, пишетъ г. Дукмасовъ, съ трудомъ пробираясь чрезъ виноградники и поперечныя углубленныя дороги; по пути намъ то и дѣло встрѣчались толпы бѣгущихъ болгаръ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, испуганно кричавшихъ: «турци, турци»! При поворотѣ одной углубленной дороги я вдругъ замѣтилъ довольно близко къ сторонѣ непріятеля густое облако пыли, быстро приближавшееся къ намъ.

Присмотрѣвшись внимательно, я увидѣлъ около полусотни черкесовъ, рысью подвигавшихся къ Филипопольскому шоссе.

«*Такъ какъ мѣстность не позволяла намъ дѣйствовать въ конномъ строю*, т. е. броситься въ атаку, а спѣшиться между тѣмъ не было времени, то я и рѣшилъ встрѣтить врага огнемъ съ коня. Повернувъ взводъ во фронтъ и подпустивъ черкесовъ шаговъ на пол-

тораста, я скомандовалъ уже «взводъ...», какъ вдругъ услышалъ торопливое замѣчаніе нѣкоторыхъ казаковъ: «ваше благородіе, да это наши казаки-кавказцы!.. Дѣйствительно, костюмъ у скакавшихъ всадниковъ былъ настолько похожъ на форму кавказскихъ казаковъ, что я самъ вначалѣ заколебался, и только отсутствіе погонъ убѣдило меня, что мы имѣли предъ собой подданныхъ не Русскаго Царя, а турецкаго султана. Они были уже совсѣмъ близко, и я ясно различалъ эти смуглыя, воинственныя физіономіи, блестящіе черные глаза и дикое выраженіе лицъ...

Стрѣлять!..крикнулъ я энергично, это непріятель... Взводъ—пли!

«Раздался дружный залпъ, и два черкеса слетѣли съ коней, а остальные, огорошенные неожиданными выстрѣлами, бросились въ сторону и наскочили на залпы нашей сотни.

Отбросивъ такимъ образомъ со своимъ миніатюрнымъ взводикомъ втрое сильнѣйшаго врага, я продолжалъ движеніе къ правому флангу и скоро доѣхалъ до Филиппопольскаго шоссе; здѣсь, возлѣ самаго города, я выбралъ небольшую площадку, впереди которой, шагахъ въ ста всего, начинались виноградники. Мы находились, такимъ образомъ, между нашей сотней и ротой болгарскаго ополченія, занимавшей часть мѣстности вправо отъ Филиппопольскаго шоссе до самыхъ горъ.

Не успѣлъ я осмотрѣться и сообразить, какимъ образомъ мнѣ удобнѣе дѣйствовать при нападеніи противника, какъ неожиданно въ виноградникахъ показалась конная цѣпь черкесовъ, а по дорогѣ двигался цѣлый непріятельскій эскадронъ, во главѣ котораго рѣзко выдѣлялся красивый синій значокъ. Минута была критическая, и, будь врагъ поэнергичнѣе, посмѣлѣе, мы были бы смяты, уничтожены. *Броситься нашей горсти въ атаку было бы безуміемъ и я рѣшился снова дѣйствовать огнемъ.* «Цѣлься лучше, братцы!» обратился я къ казакамъ. «Взводъ—пли!..» Нѣсколько всадниковъ слетѣли съ коней, остальные въ нерѣшительности остановились. Казаки поспѣшно зарядили берданки. «Взводъ—пли!..» закричалъ я снова, рѣшивъ послѣ втораго залпа броситься съ мѣста маршъ-маршемъ въ пики... Но въ эту тяжелую для насъ минуту, черкесы вдругъ поворотили коней и понеслись обратно... Я пустилъ имъ въ догонку еще третій залпъ, а затѣмъ бросился съ казаками въ разсыпную (лавой) преслѣдовать бѣглецовъ... Но пересѣченная мѣстность виноградника и канавы не позволяли намъ развернуть вполнѣ быстроту нашихъ коней, и черкесы, привычные къ такимъ мѣстамъ, скоро далеко ускакали.

Собравъ людей, я возвратился на прежнее мѣсто, на площадку. Результатомъ нашихъ первыхъ двухъ залповъ оказалось шесть убитыхъ и два раненыхъ черкеса».

Вотъ два критическихъ момента въ боевой жизни кавалерійской части. Изъ обоихъ часть вышла съ честью, благодаря находчивости своего командира, благодаря его умѣнью пользоваться качествами своего оружія и его умѣнью выбрать не то средство, которое указываетъ уставъ, тактика, а то, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ всей обстановкѣ данной минуты.

Мѣстность—въ первомъ случаѣ, и крайняя малочисленность нашего отряда—во второмъ, не позволили встрѣтить атаку черкесовъ атакой же и огонь съ коня достигъ тѣхъ же результатовъ, какихъ достигла бы атака въ конномъ строю части, превосходящей своею численностью взводъ хорунжаго Дукмасова.

Могутъ возразить, что это единичные факты; но вѣдь изъ такихъ малыхъ единичныхъ фактовъ слагается вся боевая обстановка, бой, война... Притомъ же эти факты разнообразятся, дробятся до безконечности...

На находчивость въ критическіе моменты каждаго твердо полагаться нельзя, а потому уставы, тактика даютъ руководящія основанія и указываютъ нѣкоторые пріемы. Военная исторія относитъ къ числу послѣднихъ и огонь съ коня, какъ одно изъ средствъ одержать верхъ надъ врагомъ. И смѣю думать, что результаты будутъ различны, прибѣгнетъ ли къ этому средству часть, подготовленная къ нему, обученная, или же незнакомая съ нимъ. А прибѣгать къ этому (нерекомендованному) средству будутъ всегда, и это показываетъ намъ вся исторія разбираемаго вопроса. Такова уже человѣческая натура: что удалось одному, то повторитъ и другой, и третій, въ надеждѣ на тотъ же успѣхъ. Такъ не лучше ли прибѣгнуть къ огню съ коня умѣло, со сноровкой, спокойно, не суетясь, на привычныхъ къ тому лошадяхъ, какъ это сдѣлаетъ обученная кавалерійская часть. Могутъ возразить, что и необученный взводъ хорунжаго Дукмасова сдѣлалъ свое дѣло. Но мнѣ кажется, что дѣло не только въ томъ, чтобы отбить врага, но чтобы и нанести ему возможно бо́льшій вредъ. Если необученный взводъ ссадилъ десятокъ черкесовъ, то обученный ссадилъ бы еще болѣе. Мы видимъ эту разницу даже въ результатахъ перваго и втораго моментовъ.

Кавалерійская часть, обученная стрѣльбѣ съ коня, будетъ имѣть лишь лишнее преимущество предъ конницею, необученною этому. При правильномъ же веденіи воспитанія и обученія кавалериста,

огонь съ коня никакъ не можетъ послужить къ упадку кавалерійскаго духа, къ уменьшенію стремленія найти врага шашкой, а не пулей, встрѣтить его ударъ—ударомъ. Вѣдь тотъ, положимъ, фактъ, что конница наша будетъ обучена стрѣльбѣ изъ коннаго строя, не обязываетъ же начальника ея пользоваться огнемъ съ коня тамъ, гдѣ онъ это находитъ неумѣстнымъ? Опоненты г. Сухотина видятъ деморализацію въ необходимости «убрать офицеровъ предъ коннымъ строемъ для какой-то стрѣльбы». Почему же не убрать, почему же имъ, наконецъ, не пристроиться на время стрѣльбы къ флангамъ эскадрона? Вѣдь уходятъ же въ пѣхотѣ за фронтъ при стрѣльбѣ тѣ самые офицеры, что потомъ поведутъ ту же роту въ штыки? Въ чемъ же разница?

Бояться упадка духа отваги, энергіи, рѣшимости въ конницѣ, обученной стрѣльбѣ съ коня, еще разъ повторяю, нечего, и этому порукой служитъ вся настоящая полемика. Вся опозиція противъ предложенія г. Сухотина показываетъ, что если конница наша и введетъ обученіе стрѣльбѣ съ коня, то приметъ этотъ огонь, какъ средство нанести пораженіе врагу лишь тогда, когда этого невозможно сдѣлать шашкой.

Такъ было и раньше съ вопросомъ о спѣшиваніи кавалеріи и вооруженіи ея штыкомъ. Такъ же много писали и говорили о грозившемъ будто бы упадкѣ кавалерійскаго духа, но вѣдь, слава Богу, ни откуда не слышно объ увлеченіи кавалерійскихъ начальниковъ спѣшиваніемъ, боемъ въ пѣшемъ строю. И это потому, что шашка по прежнему остается главнымъ оружіемъ кавалериста, ударъ въ конномъ строю—главнымъ средствомъ пораженія врага. Къ винтовкѣ, къ спѣшиванію кавалерійскіе начальники прибѣгаютъ лишь тамъ, гдѣ это необходимо.

Случаи употребленія огня изъ коннаго строя будутъ исключительно при дѣйствіи противъ конницы же: 1) на мѣстности, затруднительной для дѣйствія въ конномъ строю (не прибѣгать къ спѣшиванію, въ данномъ случаѣ, полезно въ томъ отношеніи, что, оставаясь на коняхъ, увеличится число винтовокъ, увеличится продолжительность огня и уничтожится опасеніе за коноводовъ); 2) при крайней малочисленности отряда, и 3) противъ противника, уклоняющагося отъ открытаго боя.

Стрѣльба съ коня неумѣстна тамъ, гдѣ можно и должно развить наибольшую силу удара напоромъ коней.

А.

III.

Изъ бесѣдъ о конницѣ. — Боевая стрѣльба съ коня.

(Отвѣтъ на статью г. N. въ № 255-й «Русскаго Инвалида»)

Г. N. намъ отвѣчаетъ (№ 255-й «Русскаго Инвалида») упрекомъ въ томъ, въ чемъ мы обвинили современное ученіе о конницѣ, полное смѣшенія понятій и, между прочимъ, смѣшенія понятія о свойствѣ конницы съ понятіемъ объ эксплоатаціи свойства ея въ разныхъ обстановкахъ войны и боя. Надо много предвзятости, чтобы усмотрѣть въ рядѣ нашихъ бесѣдъ сказанное смѣшеніе понятій: не мы ли старались доказать и выяснить, что стрѣльба съ коня не противорѣчитъ основному и *единственному*, а не одному изъ нѣсколькихъ, какъ завѣряетъ г. N. на стр. 3, основному свойству конницы, т. е. движенію. Указаніями на джигитовку, на актъ преслѣдованія, когда основное свойство эксплоатируется во всю, на такъ называемую легкую конницу всѣхъ типовъ, у которой основное свойство эксплоатировалось въ наивысшихъ предѣлахъ на естественно возникшія конницы.... мы полагаемъ достаточно разъяснили капитальное положеніе, что основное свойство конницы и стрѣльба съ коня взаимно не исключаются.

Въ заключительной бесѣдѣ мы выяснили вопросъ о томъ, въ какихъ обстановкахъ войны и боя стрѣльба съ коня цѣлесообразна и законна, что намъ дало право на выводъ о необходимости обученія боевой стрѣльбѣ съ коня всей конницы,—объ обязанности програмы обученія конницы обратить серьезное вниманіе на этотъ отдѣлъ.

Казалось бы нашему опоненту слѣдовало доказать неправоту послѣднихъ соображеній и заключеній, но г. N. продолжаетъ опровергать главнымъ образомъ эксплоатацію стрѣльбы съ коня во время атаки. Но мы сами разъяснили, что актъ атаки (правильно понимаемой) и стрѣльба взаимно исключаются въ силу природы этого акта, но мы же указывали, что производство атаки только одинъ изъ слу-

чаевъ, и притомъ сравнительно рѣдкихъ, изъ цѣлой серіи разнообразныхъ случаевъ эксплоатаціи основнаго свойства конницы въ обстановкахъ войны и боя, въ коихъ, повторяемъ, конница найдетъ возможность очень часто и очень умѣстно примѣнить къ дѣлу стрѣльбу съ коня. Если бы мы имѣли въ виду *конницу, исключительно предназначающуюся для шока*, каковою въ прежнія времена была такъ называемая тяжелая конница, въ родѣ кирасиръ Фридриха, то были бы понятны возраженія противъ введенія въ такой конницѣ стрѣльбы съ коня (не потому, что это было бы вредно для духа этой конницы, а потому, что это было бы излишне и безцѣльно); но мы говорили о драгунской конницѣ современнаго типа, обязанной быть готовой разрѣшать всѣ задачи, представляющіяся войной и боемъ. И вотъ такой конницѣ не придти на помощь техникѣ, благо современное оружіе даетъ возможность преобороть затрудненіе по заряжанію, по производству выстрѣла и, наконецъ, довести до нѣкоторой удовлетворительной степени дѣйствительность самой стрѣльбы, было бы величайшимъ промахомъ, не меньшимъ того, какъ когда-то, благодаря разнымъ теченіямъ, тормозилось дѣло перевооруженія армій, и не меньшимъ того, какъ если бы въ настоящее время, въ виду возможныхъ случаевъ злоупотребленія скорострѣльнымъ и дальнострѣльнымъ оружіемъ, пѣхоту оставляли бы съ ружьемъ Крынка.

Оппонентъ нашъ продолжаетъ утверждать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ примѣнить стрѣльбу съ коня, лучше прибѣгать къ спѣшанному огню, и все потому, что онъ вѣритъ въ бо́льшую дѣйствительность стрѣльбы стрѣлковъ стоящихъ, по сравненію съ стрѣльбою стрѣлковъ, сидящихъ на конѣ (вертящееся сидѣніе!)

Немало было сказано нами въ разъясненіе вопроса о томъ, что боевая стрѣльба съ коня много выгоднѣе спѣшенной стрѣльбы, но, неизвѣстно почему, это не убѣдило г. N... Очевидно, оппонентъ, завѣряя о бо́льшей дѣйствительности спѣшенныхъ драгунъ, имѣетъ въ виду мирное время и собственно учебную дѣйствительность; но пусть онъ приметъ въ соображеніе военное время и стрѣльбу въ обстановкѣ дѣйствія драгунъ, и тогда очень легко придти къ заключенію, что *боевая дѣйствительность стрѣльбы съ коня имѣетъ много шансовъ стать выше стрѣльбы спѣшенныхъ*: въ первомъ случаѣ драгуны начнутъ гораздо раньше стрѣльбу и прервутъ ее гораздо позже,—въ этомъ случаѣ только и мыслима стрѣльба на близкихъ дистанціяхъ и въ упоръ: спѣшенные никогда не допустятъ противника до дистанціи въ сотню шаговъ, а тѣмъ менѣе до

стрѣльбы въ упоръ (конечно, если въ основѣ задачи драгунъ не лежитъ долгъ лечь костьми до единаго); всѣ эти условія вмѣстѣ даютъ возможность коннымъ стрѣлкамъ въ одну единицу времени выпустить гораздо больше пуль, чѣмъ то могутъ сдѣлать спѣшенные. Но этого мало: боевая дѣйствительность стрѣльбы съ коня можетъ стать выше стрѣльбы спѣшенныхъ еще и потому, что сами стрѣлки будутъ несравненно спокойнѣе, хладнокровнѣе, а слѣдовательно и производство стрѣльбы будетъ находиться въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, болѣе доброкачественна, чѣмъ у спѣшенныхъ...

Конечно, мы предлагаемъ методическое обученіе стрѣльбѣ и методическую эксплоатацію ея; но это потому, что убѣждены въ томъ, что если оставить это дѣло на произволъ судьбы, то можно рисковать, что въ военное время ея примѣненіе, подъ давленіемъ всеповелѣвающей обстановки, будетъ имѣть мѣсто, но только не тогда и не тамъ, когда и гдѣ слѣдуетъ. Мы настаиваемъ на обученіи и на эксплоатаціи залповой стрѣльбы потому, что въ такой стрѣльбѣ мы усматриваемъ способъ дисциплинировать примѣненіе этого средства пораженія противника... Не далеко то время, когда и пѣхота должна придти къ тому, что одиночный огонь, огонь въ разсыпномъ строѣ, долженъ будетъ стать рѣдко-исключительною формою примѣненія стрѣльбы; залповый огонь группъ — отъ десятка человѣкъ до ротъ,—вотъ главная и преимущественная форма огня при современномъ оружіи и при условіи веденія боя массъ; тѣмъ болѣе это вѣрно въ отношеніи конницы, стрѣляющей съ коня.

Не можемъ воздержаться отъ категорическаго протеста противъ приписываемой намъ г. N. рекомендаціи производства атаки съ послѣдовательными подъѣздами и пріостановками для стрѣльбы. Ничего подобнаго мы не говорили, а разъясняли вопросъ въ томъ смыслѣ, что возможны обстановки боя (внѣ наличности условія внезапности, условія необходимости моментальной выручки товарищей и друг.), въ коихъ въ періодъ наступленія пододвиженія къ противнику, до наступленія момента атаки, производство стрѣльбы съ коня можетъ быть умѣстнымъ. Разъ же послѣдовалъ кличъ «шашки вонъ», когда, по мнѣнію начальника, назрѣлъ моментъ атаки,—никакихъ кадрильныхъ подходовъ-подъѣздовъ не должно быть.

Не убѣдился г. N. и доводами нашими, что ходячая фраза — стрѣльба съ коня, яко бы подрываетъ моральный духъ конницы—не болѣе какъ предразсудокъ. Правда, г. N. и не привелъ ни одного доказательства въ пользу того, что стрѣльба подрываетъ духъ конницы, и только повторяетъ эту фразу. Полагаемъ, что онъ никогда

и не докажетъ этого фактами, а если и можетъ доказать это, такъ только ссылками на мнѣнія авторитетовъ. Но что такое мнѣнія авторитетовъ? И для г. N. авторитеты только авторитеты, которыми они и могутъ оставаться, а надобно мыслить своими мозгами—«думать собственной головой». Вотъ почему въ своей работѣ мы избѣгали опираться *на мнѣнія* авторитетовъ, но за то мы обосновались *на дѣлахъ авторитетовъ*, и притомъ на такихъ, которыхъ не свергнешь съ пьедестала ни софизмомъ, въ родѣ того, что «условія никогда въ совокупности не повторяются», ни заподозриваніемъ въ сомнительности происхожденія правъ на авторитетъ, ни въ рутинерствѣ и т. д. Противъ фактовъ, въ родѣ того, что естественно возникшія конницы, идеальныя по высотѣ истаго кавалерійскаго духа, стрѣляли съ коня, что Фридриховская конница, идеальная изъ регулярныхъ кавалерій, и въ особенности его отборная гусарская и драгунская конница обучалась стрѣльбѣ съ коня, что Петръ Великій, воспретившій стрѣльбу съ коня во время атаки, считалъ нужнымъ обучать стрѣльбѣ съ коня для другихъ случаевъ войны и боя,—противъ такихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ, что высокій моральный духъ и стрѣльба съ коня могутъ уживаться рядомъ въ одной конницѣ, если все прочее воспитаніе и вся организація конницы покоится на раціональныхъ началахъ, можно бороться только одними фактами, которые бы доказывали противоположное. Но таковыхъ фактовъ оппоненты стрѣльбы съ коня не найдутъ и не приведутъ. И такъ: факты—за стрѣльбу съ коня, техника оружія—за стрѣльбу съ коня, существо дѣла — вѣроятная работа конницы въ будущей войнѣ—за стрѣльбу съ коня! Что же противъ стрѣльбы? Привычные взгляды ученія, создавшагося, благодаря неправильному освѣщенію фактовъ прошлаго, благодаря обычной ошибкѣ человѣческаго ума относить причины явленій одной природы къ явленіямъ другой природы, благодаря водворившимся въ обиходѣ мнѣніямъ нѣкоторыхъ изъ до сего времени признававшихся авторитетовъ. Можетъ-ли быть послѣ этого вопросъ для практики—кого же слушать? Чѣмъ скорѣе и чѣмъ методичнѣе отвѣтитъ програма обученія боевой стрѣльбѣ съ коня и практикованія ея на запросъ жизни, живаго дѣла, тѣмъ подготовка конницы только выиграетъ,—тѣмъ болѣе обогатится наша конница средствомъ для занятія подобающаго мѣста въ семьѣ боевыхъ родовъ оружія.

Когда же примѣнять къ дѣлу это средство изъ ряда другихъ имѣющихся въ распоряженіи конницы — укажетъ здравый смыслъ

начальниковъ, обученіемъ, воспитаніемъ, всею организаціею правильно подготовляемыхъ и методически веденныхъ. Замалчиваніемъ, пренебреженіемъ, ложнымъ освѣщеніемъ вопроса только подготовляется злоупотребленіе боевой стрѣльбы съ коня въ военное время, разъ конница снабжена берданкой, и тѣмъ болѣе магазинкой (¹).

Н. Сухотинъ.

IV.

О массовой стрѣльбѣ съ коня.

Вопросъ о залповой стрѣльбѣ кавалеріи съ коня, поднятый нынѣ г. Сухотинымъ—вопросъ не новый и порѣшенный еще въ прошломъ столѣтіи, именно Фридрихомъ II. Вотъ что читаемъ въ сочиненіи г. Н. Сухотина—«Фридрихъ II»: признавъ «только съ саблею наголо вскокъ (?) въ непріятельскую массу» единственнымъ способомъ атаки, король нѣсколько разъ наставляетъ: ни подъ какимъ видомъ не употреблять въ дѣло огнестрѣльнаго оружія, и только когда 1-я и 2-я линіи непріятеля опрокинуты, то «для вящаго разстройства врага» кавалеристы могли начать пальбу въ догонку по убѣгающему непріятелю» (²).

Такимъ образомъ, Фридрихъ II отмѣнилъ огонь изъ строя кавалеріи до атаки. Ранѣе его кавалерія Карла XII не стрѣляла предъ атакою. А всѣмъ хорошо извѣстно, что кавалерія этихъ двухъ полководцевъ-королей стяжала себѣ небывалую славу.

Въ томъ же сочиненіи (³), при описаніи первой стычки между прусскою и австрійскою кавалеріями подъ Прагою, говорится слѣдующее: «Пройдя сначала на рысяхъ, потомъ галопомъ, прусская кон-

(¹) На наше замѣчаніе, что заявленіе г. N. о взглядѣ Густава-Адольфа расходится съ тѣмъ, что говорится объ этомъ въ переводномъ трудѣ г. Пузыревскаго («Исторія пѣхоты», Рюстова), нынѣ оппонентъ, заявивъ, что, по его мнѣнію, никакого противорѣчія нѣтъ, говоритъ, что будто-бы Густавъ-Адольфъ примѣнялъ «стрѣльбу на всемъ скаку изъ пистолетовъ съ немедленнымъ ударомъ въ шашки (?)». У того же переводчика сочиненія Рюстова, на стр. 47 (II часть, «Воен библ».) читатели найдутъ, что атака велась по другому: «люди передней шеренги или двухъ переднихъ шеренгъ должны были сдѣлать по выстрѣлу по приближеніи къ непріятелю на разстояніе пистолетнаго выстрѣла», затѣмъ тотчасъ обнажали сабли и бросались на противника. Конечно, такой способъ атаки болѣе понятенъ, чѣмъ залповая стрѣльба на скаку (?) изъ пистолетовъ и притомъ въ сомкнутомъ строѣ.

(²) Стр. 27 и 28

(³) Стр. 124.

ница съ разстоянія 80—100 шаговъ ринулась карьеромъ; австрійцы даютъ по ней безвредный залпъ изъ карабиновъ и мигомъ смяты» ([1]).

Послѣ Фридриха II, рядомъ боевыхъ опытовъ, кавалерія всѣхъ армій пришла къ единодушному рѣшенію: не прибѣгать къ стрѣльбѣ съ коня, и исключеніе допускалось для фланкеровъ (нашихъ развѣдчиковъ) ([2]). Въ наше время техника быстрыми шагами доходитъ до малокалибернаго (4—6 лин.) ружья и скорозаряжаемаго; кавалерія противныхъ сторонъ встрѣчается на поляхъ сраженій въ 1866 и 1870—1871 гг. Ни послѣ одной кампаніи не раздалось голоса за введеніе залповаго огня съ коня, какъ средства усиливающаго боевую дѣятельность кавалеріи. Настаетъ, наконецъ, и кампанія 1877—1878 гг.: послѣ этой войны появились въ нашей военной литературѣ отдѣльныя мнѣнія за обученіе кавалеріи стрѣльбѣ съ коня, но, конечно, о д и н о ч н о й. Черезъ четыре года, послѣ окончанія войны, г. Сухотинъ въ рядѣ статей своихъ ([3]) вложилъ не мало труда, чтобы, исходя изъ основнаго своего положенія—безсилія кавалеріи на поляхъ современныхъ сраженій, разобрать многія капитальныя стороны кавалеріи, какъ рода оружія, но о стрѣльбѣ съ коня, какъ о средствѣ, усиливающемъ боевыя качества этого рода оружія, авторъ не проронилъ ни слова. Что же заставило г. Сухотина нынѣ вывести на свѣтъ Божій это средство для боя, давно порѣшенное лучшими организаторами кавалеріи? «Техническія свойства, говоритъ авторъ, самого оружія неизмѣримо улучшились по сравненію съ оружіемъ того времени и въ особенности (?) въ отношеніи дальности. Эксплуатація стрѣльбы съ коня въ *отношеніи дальности* находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ стрѣльба пѣшаго человѣка».

Позволительно, однако, спросить: развѣ техническія свойства ружья только *теперь* улучшились? Нѣтъ, прошло почти 20 лѣтъ, какъ пѣхота вооружена превосходнымъ ружьемъ; уменьшеніе калибра до 7—8 милим. и введеніе малодымнаго пороха, хотя это еще фак-

([1]) На этомъ примѣрѣ стоитъ остановиться: какъ ни плохо было ручное огнестрѣльное оружіе временъ Фридриха II, но смѣло можно сказать, что результатъ попаданія изъ стараго оружія на 80—100 шаговъ по такой цѣли, какую представляетъ кавалерійскій строй, былъ выше, чѣмъ при стрѣльбѣ изъ нынѣшняго оружія на тѣ дальнія дистанціи, съ которыхъ г. Сухотинъ совѣтуетъ кавалеріи начать огонь.

([2]) Интересно, что только по отношенію къ стрѣльбѣ изъ сомкнутаго строя и замѣчается во всѣхъ кавалеріяхъ единодушіе. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, касающихся организаціи, вооруженія, обученія и т. д., кавалерія каждой арміи отличается своими особенностями.

([3]) «Бесѣды о конницѣ». «Военный Сборникъ», 1882 г.

торы будущаго, не улучшать на столько ружья, насколько улучшили его: *переходъ къ нарѣзамъ, уменьшеніе калибра* (съ 6-ти линій до 4-хъ) и, наконецъ, *ускореніе заряжанія*. Такимъ образомъ, за последніе годы техника не сдѣлала такого рѣзкаго шага впередъ, чтобы заставить искать новыхъ боевыхъ средствъ для кавалеріи.

Едва ли не единственный выводъ отсюда: *усовершенствованія техники не даютъ нынѣ (въ 1891 году) никакого основанія для мотивировки стрѣльбы съ коня*, а потому предложеніе г. Сухотина должно быть причислено къ разряду *не обоснованныхъ*...

Тутъ же авторъ заключаетъ, что «если только опыты массовой стрѣльбы съ коня дадутъ неопровержимыя данныя въ пользу такой стрѣльбы, то не разсчетъ отказываться отъ нея». Къ сожалѣнію, авторъ не выяснилъ въ точной формѣ: какіе опыты нужны для того, чтобы убѣдить въ пользѣ стрѣльбы съ коня. А это весьма важно и вотъ почему. Изъ послѣдующихъ разсужденій г. Сухотина можно, кажется, заключить, что авторъ находитъ полезнымъ стрѣлять кавалеріи по кавалеріи же; и такъ какъ послѣдняя двигается, то и нужно было бы поставить вопросъ объ опытахъ стрѣльбы съ коня по *цѣлямъ подвижнымъ*. Дѣло тогда бы значительно упростилось и главное рѣшеніе получилось бы безъ всякихъ опытовъ. Дѣйствительно: нынѣ повсемѣстно пѣхота обучается стрѣльбѣ насколько возможно хорошо; въ нѣкоторыхъ арміяхъ, къ числу обязательныхъ упражненій, относится стрѣльба по быстро выскакивающимъ цѣлямъ (съ отмѣренныхъ дистанцій); между тѣмъ, во всѣхъ арміяхъ особенно напирается на то, чтобы привить пѣхотѣ при мирныхъ упражненіяхъ крѣпкимъ правиломъ: *при отраженіи кавалерійскихъ атакъ стрѣлять только на ближнія дистанціи*. Неужели такія правила вездѣ существуютъ только въ силу того, что во всѣхъ арміяхъ мало «отзывчивости на запросъ живаго дѣла, мало довѣрія къ своему солдату и т. д».?? Нѣтъ, этотъ вопросъ рѣшается гораздо проще: *на основаніи свойствъ ружейнаго огня, стрѣльба пѣхоты по быстро двигающейся цѣли—есть пустая трата патроновъ, ведущая только къ деморализаціи стрѣляющихъ*. Всѣмъ извѣстно, что на большихъ, напримѣръ, дистанціяхъ, при крутости траекторіи ружейныхъ пуль даже лучшихъ современныхъ образцовъ, цѣли достаточно продвинуться нѣсколько десятковъ шаговъ, чтобы выйти изъ сферы лучшей половины выстрѣловъ ([1]), а утроивъ это разстояніе

([1]) При тщательно нацѣленномъ огнѣ и точномъ знаніи дистанцій, т. е. при такихъ условіяхъ, которыя возможны только въ мирное время.

(что для двигающейся рысью кавалеріи—задача легко разрѣшимая), цѣль выйдетъ совершенно изъ сферы разсѣянія пуль. Вотъ гдѣ причина тому, что ружейный огонь недѣйствителенъ противъ двигающихся цѣлей, а вовсе не въ отсутствіи тѣхъ почтенныхъ чувствъ, на которыя указываетъ г. Сухотинъ.

Все это не болѣе какъ элементарныя истины. Принявъ ихъ въ разсчетъ, логически сдѣлать одинъ выводъ: *если пѣхота поражать огнемъ подвижныя цѣли не можетъ, то и кавалерія (и на конь—пѣшъ болье), хотя бы обученная стрѣлять съ коня не хуже пѣхоты* (¹)—*тоже поражать подвижныя цѣли не въ состояніи.*

Тогда естественно отпадаетъ нужда въ какихъ бы то ни было опытахъ стрѣльбы и въ подыскиваніи тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда, при помощи всякихъ *обусловливающихъ исключеній*, можно, при извѣстномъ напряженіи фантазіи, нарисовать себѣ картинки, гдѣ массовая стрѣльба конницы съ коня могла бы пригодиться.

Прежде чѣмъ разсмотрѣть перечисленные въ послѣдней статьѣ г. Сухотина случаи умѣстнаго употребленія огня (²), нужно нѣсколько остановиться на его пріемѣ историческихъ доказательствъ. Карлъ XII, Петръ Великій и впослѣдствіи дѣятели эпохи Семилѣтней войны изъяли изъ обихода конницы употребленіе огнестрѣльнаго оружія при производствѣ атакъ», такъ начинаетъ г. Сухотинъ свои изслѣдованія: «*Одиночная и залповая стрѣльба съ коня*». Черезъ нѣсколько строкъ мы въ этой же статьѣ читаемъ: «если создатели регулярной конницы (³) и по преимуществу конницы шока, когда-то (200 (?) лѣтъ тому назадъ) возражали противъ стрѣльбы съ коня при атакахъ, то это скорѣе въ силу совершенной безплодности такого огня въ то время и притомъ примѣнимаго только на такой дистанціи, каковую противникъ можетъ преодолѣть нѣсколькими прыжками коней».

Другими словами: по мнѣнію автора, Карлъ XII, Петръ Великій и Фридрихъ II запретили стрѣлять передъ атакою, и такъ какъ они сдѣлали это въ силу безплодности тогдашняго огня, то поступили *цѣлесообразно*.

(¹) Что, очевидно, невозможно.

(²) Мы съ умысломъ не останавливаемся на томъ вопросѣ, который авторомъ считается какъ бы уже доказаннымъ: насколько огонь (*средство обороны*) противорѣчитъ основнымъ свойствамъ кавалеріи (рода оружія нападающаго)? На нашъ взглядъ, тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній, какъ это доказываютъ: правильное пониманіе основныхъ свойствъ кавалеріи и исторія кавалеріи за послѣднія полтора столѣтія.

(³) Оставляемъ на отвѣтственности автора то, что онъ Карла XII и дѣятелей Семилѣтней войны причислилъ къ создателямъ регулярной конницы.

Но въ № 242-мъ «Русскаго Инвалида» авторъ говоритъ: «не въ противорѣчіи съ логикою дѣла и съ исторической идеею развитія конницы проходитъ жизнь конницъ Густава-Адольфа, Петра Великаго, Фридриха, только при поверхностномъ взглядѣ на дѣло являющихся какъ бы живымъ отрицаніемъ всякой мысли о стрѣльбѣ съ коня...»

«Протесты противъ стрѣльбы съ коня завершились въ лучшихъ конницахъ Карла, Петра Великаго и Фридриха II исключеніемъ стрѣльбы при производствѣ атаки...

Весь вопросъ, поднятый Сухотинымъ, сводится собственно къ тому: *можно ли стрѣлять кавалеріи изъ сомкнутаго строя массовымъ огнемъ, залпами, передъ атакою?* Здѣсь центръ тяжести; о стрѣльбѣ же *одиночной, въ разсыпномъ строѣ*, авторъ собственно въ первой статьѣ не говорилъ и оппоненты принципіально этимъ также не занимались.

Поверхностность взгляда авторомъ не доказана, ибо изъ приведенныхъ цитатъ легко усмотрѣть, что онъ совершенно раздѣляетъ мнѣніе, что въ конницахъ Карла XII, Петра и Фридриха было запрещено стрѣлять передъ атакою.

Но авторъ вслѣдъ за симъ начинаетъ говорить о томъ, что *огонь одиночный и обученіе стрѣльбѣ съ коня практиковались* въ этихъ конницахъ: «на совершенное исключеніе боевой стрѣльбы, какъ средства пораженія и какъ отдѣла обученія конницы, ни Петръ Великій, ни Фридрихъ не пошли». Противъ кого и чего споритъ авторъ? По крайней мѣрѣ, объ одиночной стрѣльбѣ и рѣчи не было: огонь при преслѣдованіи, стрѣльба фланкеровъ, другими словами, огонь *одиночный* и не какъ средство подготовленія атаки, остался въ кавалеріи и до нашихъ временъ.

Дальнѣйшія историческія изслѣдованія заслуживаютъ особеннаго вниманія. Изъ сочиненія г. Маркова авторъ приводитъ выдержку ([1]): «палашъ обнажался тогда, когда выстрѣлъ выпущенъ и другаго средства не остается, какъ вступить въ рукопашную».

Г. Сухотинъ далѣе объясняетъ, что Меншиковъ могъ дать такой приказъ только съ вѣдома Петра. Но тогда всѣ разсужденія автора, приписывавшія Петру изъятіе «изъ обихода конницы употребленіе огнестрѣльнаго оружія при производствѣ атаки», совершенно противорѣчатъ только что сказанному. Если авторъ придаетъ такое значеніе приказу Меншикова, то онъ не имѣлъ основанія заключать, что Петръ Великій изъялъ изъ обихода стрѣльбу передъ атакою.

([1]) Изъ приказа Меншикова 1720 года.

Относясь иронически къ «генералитетскому разсужденію» 1736 года: «А чтобы драгунамъ, сидя на лошадяхъ, пальбу чинить противъ непріятеля, когда онъ еще наступательно дѣйствуетъ... за благо не признается», авторъ уже прямо выводитъ, «что до сего года чиненіе пальбы съ коня было дѣломъ обычнымъ у нашихъ драгунъ, еще жившихъ уставомъ временъ Петра Великаго».

Выводъ изъ этихъ сужденій кажется здѣсь одинъ: кавалерія Петра Великаго, въ противорѣчіи къ сказанному ранѣе самимъ авторомъ, стрѣляла передъ атакою и генералитетское разсужденіе упредило на нѣсколько лѣтъ Фридриха II, а потому заслуживаетъ ироніи столько же, какъ и мѣропріятія самого Фридриха II.

Одно изъ двухъ: или Фридрихъ II былъ правъ, когда «по безплодности стрѣльбы» запретилъ своей конницѣ стрѣлять передъ атакою, и тогда былъ правъ и Минихъ, а приказъ Меншикова 1720 г. былъ нецѣлесообразенъ и именно потому, что кавалерія Карла XII не знала огня передъ атакою; или же Фридрихъ и Минихъ сдѣлали ошибку, а русская конница временъ Петра, стрѣлявшая передъ атакою, поступало цѣлесообразно.

Во всякомъ же случаѣ приведенное сужденіе г. Сухотина относительно приказа Меншикова ставитъ его въ необъяснимое противорѣчіе съ прежде имъ высказаннымъ; чтеніе этой статьи производитъ также впечатлѣніе, какъ будто авторъ въ ней полемизируетъ съ самимъ собою.

Не вдаваясь въ подробности разбора статьи, помѣщенной въ № 243-мъ «Русскаго Инвалида», въ которой г. Сухотинъ, какъ онъ самъ объясняетъ, обсуждаетъ «вопросъ съ научной стороны», мы позволимъ себѣ остановиться на слѣдующемъ положеніи автора. Надо замѣтить, что онъ неоднократно упрекаетъ придерживающихся общепринятыхъ положеній тактики въ простомъ *смѣшеніи понятій* и рекомендуетъ «взять на себя трудъ разобраться въ значеніи словъ и фразъ, завоевавшихъ видъ аксіомъ». Рядомъ разсужденій авторъ приходитъ къ выводу, что въ кавалерійской атакѣ *переходъ къ контръ-атакѣ именно въ тотъ моментъ* (когда наступающая непріятельская кавалерія подойдетъ на дистанцію 300—500 шаговъ) *и будетъ осуществленіемъ идеи иниціативы и почина атаки*». Признаемся, мы именно въ этихъ словахъ видимъ смѣшеніе понятій: до сихъ поръ всѣ думали, что та сторона, которая по своей волѣ ищетъ атаки, первая наступаетъ и идетъ въ атаку—проявляетъ *починъ*, а другая, дѣлая одно изъ двухъ: или отступаетъ, или принимаетъ атаку, т. е. *производитъ контръ-атаку*—держится вы-

жидательнаго образа дѣйствій и уступаетъ иниціативу противнику. Вѣдь, если держаться взгляда г. Сухотина, то выходитъ, что *сторона, первая начавшая атаку, не имѣетъ почина въ атакѣ*, и что Фридрихъ II не понималъ, что такое *починъ въ атакѣ* и виновенъ въ смѣшеніи понятій.

Но, конечно, Фридрихъ II въ этомъ обвиненъ быть не можетъ, что, впрочемъ, слѣдуетъ весьма ясно и изъ словъ самого г. Сухотина, сказанныхъ, правда, въ другомъ мѣстѣ ([1]): «Для производства атаки королемъ указывались слѣдующія основанія: прежде всего *починъ въ атакѣ*, подъ опасеніемъ позорнаго наказанія. Офицерамъ было поставлено безусловнымъ требованіемъ, «*чтобы они всегда атаковали противника первыми и никогда бы не допускали непріятеля атаковать себя*».

На основаніи сказаннаго, мы не можемъ раздѣлять перваго пункта сводки, сдѣланной г. Сухотинымъ въ заключеніи его статьи:

«Логика и исторія въ полномъ согласіи свидѣтельствуютъ, что боевая стрѣльба съ коня нисколько не противорѣчитъ основному свойству конницы». Совершенно напротивъ, мы убѣждены, что *логика* и знаніе дѣла подсказали Карлу XII и Фридриху II запретить боевую стрѣльбу изъ сомкнутаго строя передъ атакою; а исторія свидѣтельствуетъ, что лучшія регулярныя кавалеріи—именно этихъ королей, отбросившія огонь передъ атакою, какъ негодное средство, достигли небывалыхъ боевыхъ успѣховъ.

Такое противорѣчіе въ словахъ автора можетъ быть объяснено тѣмъ совершенно новымъ значеніемъ, которымъ онъ нынѣ характеризуетъ *иниціативу* (починъ въ атакѣ); оказывается, что подъ это слово онъ подводитъ, между прочимъ: *стройность, сомкнутость, свѣжесть силъ коня*... Къ сожалѣнію, тѣ австрійскіе эскадроны, которые подъ Прагою подпустили къ себѣ прусаковъ на 80—100 шаговъ, всѣми этими сторонами превосходили непріятеля... По новому опредѣленію г. Сухотина, на ихъ сторонѣ была иниціатива, хотя они и были «мигомъ смяты», а прусаки *почина въ атакѣ* не проявили...

Переходимъ теперь къ послѣдней статьѣ г. Сухотина, въ которой авторъ пытается рѣшить вопросъ: «*когда, гдѣ, въ какихъ условіяхъ обстановки войны и боя конница можетъ воспользоваться искусствомъ стрѣлять*» ([2]).

([1]) См. соч. «Фридрихъ II», стр. 27.

([2]) Отмѣтимъ, что авторъ умалчиваетъ о томъ, *какъ стрѣлять*? Напоминаемъ, что весь споръ шелъ только о стрѣльбѣ *массовой, залповой изъ сомкнутаго строя*.

Если читатель припомнитъ, то этотъ вопросъ былъ уже авторомъ рѣшенъ еще въ первой его статьѣ, въ которой онъ говоритъ: «Въ особенности примѣненіе залповой стрѣльбы съ коня будетъ умѣстно: а) для слабѣйшаго; б) противъ уклоняющагося отъ открытаго боя; в) въ пересѣченной и болотистой, отчасти въ лѣсистой мѣстности, и г) въ мѣстности, изобилующей высокими живыми изгородями и заборами».

Въ своей послѣдней статьѣ авторъ придалъ этому совершенно другую редакцію: «конница можетъ съ пользою обратиться къ стрѣльбѣ съ коня: 1) *когда выжидательный* (а не рѣшительный) *образъ дѣйствій является долгомъ и обязанностью конницы;* 2) *когда слѣдовало бы обратиться къ спѣшенному порядку и есть малѣйшая вѣроятность опасаться за коноводовъ и за процедуру посадки спѣшенныхъ драгунъ на коня,* и 3) *когда не стоитъ и не слѣдуетъ терять время на спѣшиваніе...*

Начнемъ съ перваго пункта. Выжидательный способъ дѣйствій кавалеріи предписывается, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, сравнительной слабостью силъ. Въ такихъ условіяхъ кавалеріи естественно прибѣгать къ испытаннымъ уже боевымъ средствамъ: искусное маневрированіе (въ удобныя минуты даже частныя атаки), заманиваніе въ пересѣченныя мѣста, гдѣ при удобномъ случаѣ можно и спѣшиться, и, наконецъ, въ критическія минуты—или уходить, или же обречь себя на гибель, хотя бы до атаки, во чтобы ни стало, а для казаковъ—и спѣшиваніе съ батованіемъ коней. Другихъ средствъ нѣтъ и никогда не будетъ, ибо, повторяемъ, *ружейный огонь не можетъ быть дѣйствительнымъ средствомъ пораженія съ коня по подвижной цѣли.*

Слѣдовательно, кавалерія, которая вздумала бы, по совѣту автора, подпустить къ себѣ на 300—500 шаговъ атакующаго, выпуская на вѣтеръ залпы, конечно, была бы имъ настигнута, и притомъ имѣя въ рукахъ винтовки—результатъ понятный.

Второй пунктъ такъ обусловилъ спѣшиваніе, что, строго говоря, къ послѣднему кавалерія не должна почти вовсе прибѣгать. Дѣйствительно, мы себѣ только съ трудомъ можемъ представить какой нибудь одиночный случай, при которомъ не было бы «*малѣйшей вѣроятности* опасаться за коноводовъ». Но этотъ пунктъ въ корнѣ невѣренъ еще и по другимъ причинамъ: если *нужно*, напримѣръ, *овладѣть какимъ нибудь мѣстнымъ предметомъ*, то хотя бы была самая серьезная опасность за коноводовъ, или за процедуру посадки на коня, порядочной кавалеріи и въ голову не придетъ заняться «работою винтовки съ коня».

Такъ какъ 3-й пунктъ составляетъ простую перифразу перваго, то мы оставляемъ его въ сторонѣ.

Обращаетъ на себя вниманіе заключеніе автора: «и все это (т. е. стрѣльба съ коня при различныхъ условіяхъ) можетъ имѣть примѣненіе, безразлично, на какой мѣстности будутъ разрѣшаться задачи конницею»; но вслѣдъ за симъ г. Сухотинъ *живо представляетъ себѣ открытыя степи Юга*, на которыхъ нужно слабѣйшей сторонѣ «отхлынуть (?) верстъ на 20 отъ противника и въ тоже время всячески задерживать его». Смѣемъ увѣрить, что такая задача на непересѣченной мѣстности для кавалеріи никогда и не была неразрѣшима, развѣ противникъ будетъ уже совсѣмъ плохой, въ родѣ конной толпы хивинцевъ или бухарцевъ. Съ другой стороны, «степи Юга (нашего), хотя вообще открытыя, но имѣютъ балки и овраги, иногда и очень серьезныхъ размѣровъ; пользуясь ими, кавалерія можетъ прибѣгать къ спѣшиванію и тѣмъ дѣйствительно задерживать наступающаго. Впрочемъ, присутствіе балокъ и овраговъ въ нашихъ степяхъ констатируется самимъ авторомъ и онъ рисуетъ, какъ, напримѣръ, «аріергардъ, занявъ свой гребень балки, обдавалъ бы пулями противника, пока онъ зигзагами спускался въ балку».

По мнѣнію автора, тотъ же эпизодъ даетъ ему случай подыскать умѣстность стрѣльбы съ коня для наступающаго и болѣе сильнаго: «наступающій подходитъ къ балкѣ, а на томъ берегу стоятъ эскадроны, готовые ринуться въ атаку на эскадроны, переходящіе по скату балки»; авторъ спрашиваетъ: «не цѣлесообразно ли будетъ нѣсколькимъ эскадронамъ наступающаго пріостановиться на берегу балки и открыть огонь съ коня?» Мы можемъ только отвѣтить: стрѣлять съ коня въ такомъ случаѣ совсѣмъ нецѣлесообразно, а для открытія огня нужно спѣшить эти нѣсколько эскадроновъ. Смѣемъ думать, что одного спѣшиванія было бы достаточно для достиженія цѣли въ томъ случаѣ, который описанъ авторомъ. На самомъ же дѣлѣ, умѣлый противникъ самъ бы встрѣтилъ наступающаго огнемъ спѣшенныхъ стрѣлковъ, и тогда послѣднему пришлось бы: или прибѣгнуть къ обходу, или къ спѣшиванію, т. е. во всякомъ случаѣ не выполнить совѣта автора.

Примѣръ третьяго эпизода не можетъ совсѣмъ остановить нашего вниманія, такъ какъ тамъ приводится случай перестрѣлки *конныхъ людей со спѣшенными*—случай, о которомъ можно говорить только игнорируя элементарныя свойства ружейнаго огня.

Оставимъ въ сторонѣ и прочіе эпизоды. Всѣ они въ общемъ представляютъ только силошную попытку отыскать случаи, оправдывающіе стрѣльбу съ коня—попытку въ основаніи неудачную, такъ какъ

для такихъ (подобранныхъ) случаевъ вся кавалерія теперь имѣетъ достаточное средство для борьбы со врагомъ—*это огонь въ сомкнутомъ порядкѣ.*

Сводя вкратцѣ сущность нашихъ возраженій, мы думаемъ, что даже, оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько стрѣльба изъ сомкнутаго строя кавалеріи передъ атакою совмѣстна съ психическими началами представителя холоднаго оружія, г. Сухотину нужно доказать: 1) что Карлъ XII и Фридрихъ II ([1]) поступили неправильно, запретивъ огонь передъ атакою; 2) что Фридрихъ II (а за нимъ рѣшительно всѣ) неправильно понималъ, что такое иниціатива; 3) что нынѣшній ружейный огонь на тѣ дальнія дистанціи, съ которыхъ онъ рекомендуетъ кавалеріи открывать огонь, дѣйствительнѣе, чѣмъ огонь изъ ружей временъ Фридриха II на дистанціи 80—100 шаговъ, и 4) что существующее ученіе о недѣйствительности ружейнаго огня противъ атакующей конницы, даже въ рукахъ пѣхоты, есть результатъ не знанія свойствъ ружейнаго огня, а—малой отзывчивости къ живому дѣлу, недостаточнаго патріотизма и т. д.

Взявъ въ разсчетъ свидѣтельства исторіи и логику дѣла, не слѣдовало бы кавалеріи гоняться за такими средствами, которыя, говоря инстинкту самосохраненія, могутъ надломить въ ней вѣру *въ атаку холоднымъ оружіемъ* и въ *спасительность почина,* и притомъ такого, какъ понималъ Фридрихъ II, а не своеобразно объясненнаго г. Сухотинымъ.

П. Г. Л.

V.

Въ заключеніе о стрѣльбѣ съ коня.

Въ заключеніе полемики о поднятомъ вопросѣ позволимъ себѣ указать на характеръ ссылокъ и цитатъ, приводимыхъ г. Сухотинымъ въ подборѣ доказательствъ за стрѣльбу съ коня.

Такъ, напр., ссылаясь на г. Маркова, авторъ говоритъ («Русскій Инвалидъ» № 242), что кн. Меншиковъ издалъ приказъ или уставъ для конницы, въ коемъ перечень цѣлаго ряда командъ относится до

([1]) О Петрѣ Великомъ мы не говоримъ, такъ какъ по автору выходитъ, что онъ и отмѣнилъ стрѣльбу съ коня передъ атакою (статья 1-я) и училъ (черезъ Меншикова) конницу стрѣлять передъ атакою (№ 242-й «Русскій Инвалидъ»).

веденія огнестрѣльнаго боя съ коня, причемъ «палашъ обнажается тогда, когда выстрѣлъ выпущенъ и другаго средства не остается, какъ вступить въ рукопашную». Выводъ, стало быть, можно сдѣлать такой, что дѣйствовали холоднымъ оружіемъ только потому, что нельзя было тогда уже болѣе стрѣлять.

Дѣйствительно, у г. Маркова есть приведенная фраза на стр. 188, но разборъ ея начинается на 190 страницѣ; тамъ ставится вопросъ: какъ же согласовать требованіе Петра «атаковать со всевозможной силой» и существованіе въ уставѣ стрѣльбы съ коня? На этотъ вопросъ г. Марковъ отвѣчаетъ: «Вѣроятно, не для наступательныхъ дѣйствій. Намъ извѣстно уже, что въ сраженіи при Клишовѣ саксонская кавалерія обскакала правый флангъ шведовъ и, вмѣсто того, чтобы продолжать атаку, остановилась для залпа и за это была разбита на голову шведами, которые воспользовались этою остановкою и ударили на нихъ. Остается предположить, что стрѣльба употреблялась при оборонительныхъ дѣйствіяхъ противъ сильнѣйшаго, но нерѣшительнаго противника, постепенно отступая и наводя его, какъ требовалось, на свою пѣхоту....» и т. д.

На страницѣ же 191 говорится вполнѣ точно и опредѣленно: «Хотя наша кавалерія уступала иностраннымъ въ боевомъ устройствѣ, но въ дѣйствіи она часто вознаграждала этотъ недостатокъ, благодаря повелѣнію Царя, который, вопреки общепринятаго тогда правила, запретилъ ей употреблять стрѣльбу передъ атакой».

Такъ гласитъ одинъ, симпатичный автору предложенія, источникъ.

Обратимся теперь къ другому. У г. Масловскаго читаемъ (вып. I, стр. 70): «Въ инструкціи Брюссу 1706 г. Петромъ I прямо указано: конницѣ отнюдь изъ ружей не стрѣлять прежде того, пока, съ помощью Бога, непріятеля въ конфузію не приведутъ, но съ едиными шпагами наступать на непріятеля (Голиковъ изд. 2, ч. II, 252).»

Описывая образъ дѣйствій кавалеріи Петра, г. Масловскій (стр. 174) говоритъ: «конница рѣзко видоизмѣняетъ старинный способъ дѣйствія: вмѣсто стрѣльбы съ коня и безпорядочнаго сбѣгиванія, главнымъ способомъ дѣйствія становится ударъ холоднымъ оружіемъ (дѣло на р. Сестрѣ, Шереметьевскіе набѣги, Полтава)».

Наконецъ, на стр. 236, характеризуя дѣйствія русской кавалеріи временъ Елизаветы, онъ говоритъ: «Цѣль дѣйствія конницы въ бою, по взглядамъ нашихъ тактиковъ того времени, можно опредѣлить слѣдующимъ указаніемъ устава: «всякое дѣйствіе и сила кавалеріи, которое съ авантажемъ и съ побѣдою непріятельскою чинимо бываетъ, состоитъ въ храбрости людей, въ добромъ употребленіи палашей, въ

крѣпкомъ смыканіи и въ жестокомъ ударѣ черезъ сильную скачку». Огонь съ коня былъ принятъ только изъ пистолетовъ «въ самонужнѣйшихъ обстоятельствахъ, когда имѣемъ дѣло съ легкимъ непріятелемъ» и только одною шеренгою. Такимъ образомъ, наши кавалеристы временъ Елизаветы, говоритъ г. Масловскій, не только возстановили требованія Петра I, но пошли дальше.

Изъ приведенныхъ выписокъ видно, что теперь предлагается идти назадъ, на «конфузію», ибо Петръ Великій и его послѣдователи не допускали стрѣльбы съ коня передъ атакою, но разрѣшали ее послѣ столкновенія, въ періодъ преслѣдованія и въ бою одиночномъ. Такимъ образомъ, цитируемое авторомъ «бесѣдъ» мнѣніе генералитета 1736 г. является не отступленіемъ отъ взглядовъ Петра, а лишь повтореніемъ ихъ—только въ плохой редакціи.

Значитъ, стрѣльба съ коня передъ атакою была изъята у насъ не благодаря Миниху и нѣмцамъ, а благодаря Великому Петру, и уже если вспоминать о Минихѣ и нѣмцахъ, то въ такой формѣ, что даже Минихъ и нѣмцы не рѣшились нарушить завѣтовъ Петра, и когда имъ было предложено «кѣмъ-то» ввести стрѣльбу съ коня передъ атакой, то они такое предложеніе «за благо не признали».

Обратимся къ другимъ источникамъ, изъ которыхъ авторъ «Бесѣдъ» пытается извлечь нѣчто въ пользу своего предложенія.

Къ взгляду М. И. Драгомирова, что «пока всадникъ на конѣ, онъ можетъ дѣйствовать только холоднымъ оружіемъ....» и т. д., необходимо привести авторитетный взглядъ его на то, что съ введеніемъ метательнаго оружія въ полевую войну всегда оставалось и останется истиною, что желаніе поражать непріятеля издали есть въ тоже время нежеланіе сходиться съ нимъ на дистанцію меча, пики, штыка. Недаромъ М. И. Драгомировъ замѣчаетъ послѣ того, что становится понятнымъ, почему появленіе въ полевой войнѣ метательнаго оружія совпадаетъ съ нравственнымъ упадкомъ древнихъ армій. Замѣчаніе это нельзя не имѣть въ виду при попыткѣ навязать конницѣ «работу, сдѣлавшимъ громадные шаги», огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Въ Бозѣ почивающій генералъ-инспекторъ кавалеріи въ высокой степени раздѣлялъ взглядъ этотъ и строго проводилъ его въ воспитаніе нашей конницы, преслѣдуя излишнее усердіе въ стрѣльбѣ даже спѣшенными частями. Принципъ: «попаданіе издали—нежеланіе сходиться на штыкъ» сознаетъ, очевидно, и авторъ предложенія, устраняя его неудобства, однако, исключительно только словами: «мощный духъ, долгъ, раціональное натаскиваніе» и т. п.

Не на фланкеровъ Суворовскихъ слѣдовало бы обратить внима-

ніе, а на его взгляды по существу; и пѣхотѣ говоритъ онъ: «ступан, ступай, атакуй въ штыки. Ура! Здѣсь безъ пальбы». «Штыкомъ можетъ одинъ человѣкъ заколоть троихъ, гдѣ четырехъ, а сотня пуль летитъ на воздухъ». Въ этихъ немногихъ словахъ о холодномъ оружіи глубокій смыслъ и для конницы.

Взявъ «Прикладную тактику» Г. А. Леера, и тамъ найдемъ совершенно опредѣленный взглядъ на это дѣло: «Огонь, въ ряду прочихъ условій, требуетъ, главнымъ образомъ внутренняго и внѣшняго спокойнаго состоянія отъ стрѣляющаго. Послѣднее—неподвижность вполнѣ противорѣчитъ основнымъ свойствамъ кавалеріи. Вотъ почему огонь съ коня *не имѣетъ смысла*, и хотя кавалерія долгое время и употребляла его въ бою, но лучшіе тактики (Тюрень, Карлъ XII, Петръ Великій и Фридрихъ) всегда возставали противъ него».

Не мѣшаетъ указать еще на одно обстоятельство, по поводу расформированія въ 1833 году нашихъ конно-егерскихъ полковъ. Это единственный родъ нашей конницы, который отличался до того отрицательно, что послѣ польской войны былъ упраздненъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это и единственный родъ конницы, стрѣлявшей съ коня въ 1831 г. и не подъ однимъ только Сточекомъ. Интересующимся результатами такого нежелательнаго для конницы образа дѣйствій рекомендуемъ ознакомиться съ дѣломъ генерала Щуцкаго 7-го (19-го) мая у Ободнаго, гдѣ Еловицкіе и Запольскій, даже съ волонтерами, разбили нашихъ конно-егерей и взяли два конныхъ орудія, потому что егеря, вмѣсто того чтобы броситься на инсургентовъ, открыли огонь съ коней, рѣшая, быть можетъ, одну изъ задачъ по «эксплоатаціи боевой стрѣльбы съ коня, полезной и выгодной во многихъ обстановкахъ боя».

Наконецъ, характеренъ отзывъ одного изъ боевыхъ, способныхъ и самостоятельныхъ по убѣжденіемъ кавказцевъ, на которыхъ дѣлаются частыя ссылки:

«Не вѣрьте тому, чтобы кавказскіе драгуны, придя на европейскій театръ, стали стрѣлять съ коня изъ строя. Это несправедливый наговоръ, не вытекающій изъ боеваго опыта нашихъ полковъ. Таково здѣсь общее убѣжденіе людей боевыхъ...»

В. Сухомлиновъ.

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ОБЗОРЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ ВЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛАХЪ.

(Очерки изъ Отечественной войны 1812 года.—Персидская кампанія 1827 года по запискамъ Н. Н. Муравьева).

(Статья первая).

Въ концѣ 1811 и въ особенности въ началѣ 1812 года, среди русскаго общества стали носиться слухи о политическихъ несогласіяхъ, возникшихъ между Россіею и Франціею. Всѣ предвидѣли борьбу упорную и продолжительную, а потому и принимали мѣры къ обезпеченію семействъ и сохраненію имущества. Въ особенности это было замѣтно среди русскаго населенія, жившаго на границѣ; поляки же ожидали разрыва съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ.

Несмотря на все это, переходъ непріятеля черезъ нашу границу засталъ многихъ врасплохъ, и съ отступленіемъ войскъ потянулись за ними и семейства русскихъ чиновниковъ, испытывавшихъ множество лишеній. «Почтовыя лошади на всѣхъ станціяхъ, пишетъ А. М. Фадѣевъ [1], находившихся на пути ретирады, забирались арміею; вольныхъ же ни за какія деньги невозможно было нанять. Я рѣшился, до мѣстечка Жировичи, въ 10-ти верстахъ отъ Слонима (гдѣ уніатскій монастырь и знаменитый образъ Божіей Матери), идти пѣшкомъ. Къ счастію еще, что и русская, и непріятельская арміи, слѣдуя по извѣстному направленію, двигались огненною лавою по

[1] «Воспоминанія Андрея Михайловича Фадѣева», «Русскій Архивъ», 1891 г., № 2-й.

большому тракту, не прикасаясь къ побочнымъ мѣстностямъ далѣе какъ за версту или за двѣ, такъ что жители часто ничего не знали о происходившемъ у нихъ вблизи, въ моментъ событія».

Между тѣмъ армія Наполеона подвигалась впередъ и 7-го (19-го) іюля французская гвардія вступила въ Ошмяны. Здѣсь она остановилась бивакомъ, куда мѣстные евреи принесли вина, ликеру, портеру и продавали все это за дорогую цѣну. Христіанское населеніе покидало свои дома и уходило въ сосѣдніе лѣса, только одни евреи не двинулись съ мѣста. «Занятіе города (Сморгони), пишетъ очевидецъ и участникъ [1], не только не разоряло ихъ, какъ прочихъ жителей, но даже дѣлалось рудникомъ наживы, такъ евреи умѣли вымогать деньги, особенно у неопытныхъ солдатъ, которыхъ надували истинно по жидовски».

Чтобы избѣжать утомительныхъ переходовъ во время жары, союзныя войска выступали до свѣту и двигались по сноснымъ дорогамъ, встрѣчая, однако же, затрудненія при спускахъ и подъемахъ. Повсюду встрѣчали только одних евреевъ, предлагавшихъ свои услуги и доставлявшихъ продовольствіе для непріятеля. По мѣрѣ приближенія къ русскимъ деревнямъ, затрудненія въ походѣ усиливались: деревья по большимъ дорогамъ были срублены, дома покинуты и, нерѣдко, по вступленіи союзниковъ въ такую деревню вспыхивалъ пожаръ. «Конечно, замѣчаетъ де-ла-Флизъ, намъ пріятнѣе было бы воспользоваться гостепріимствомъ обывателей, какъ было въ Германіи, гдѣ, не взирая на войну, съ нами обходились не по непріятельски. На другой день (16-го іюля) намъ предстояло въѣхать въ Витебскъ и мы надѣялись встрѣтить тутъ пріемъ, который принесъ бы нѣкоторое облегченіе нашему измученному войску».

Надежды не осуществились. Войска, не доходя до Витебска, расположились бивакомъ, лошади были привязаны къ коновязямъ и приказано готовить пищу. Четыре большія колонны образовали каре, въ срединѣ котораго были разбиты три палатки для Наполеона и его свиты. Около палатки императора стоялъ караулъ изъ 20-ти человѣкъ при офицерѣ; въ нее поминутно входили генералы и ординарцы, разсылаемые потомъ во всѣ стороны. Наполеонъ нѣсколько разъ выходилъ изъ палатки и, опирая на плечо офицера или солдата свою зрительную трубу, разсматривалъ Витебскъ и его окрестности. Значительное скопленіе войскъ въ этомъ пунктѣ наводило всѣхъ

[1] Де-ла-Флизъ: «Походъ великой арміи въ Россію въ 1812 году». «Русская Старина», 1891 г., № 9-й.

участниковъ похода на близость боеваго столкновенія. За Витебскомъ виднѣлась обширная возвышенная равнина, на которой виднѣлись русскія войска.

— Завтра они будутъ наши, говорилъ самоувѣренно Наполеонъ.

Въ тотъ же день передъ полками былъ прочитанъ приказъ слѣдующаго содержанія: «Солдаты! Насталъ, наконецъ, желанный день. Завтра дадимъ сраженіе, котораго давно ждали. Надобно кончить этотъ походъ однимъ громовымъ ударомъ! Вспомните, солдаты, ваши побѣды при Аустерлицѣ и Фридландѣ. Завтра непріятель узнаетъ что мы не выродились».

Солдаты встрѣтили приказъ съ восторгомъ и многіе были убѣждены, что проводятъ послѣднюю ночь. Далеко до разсвѣта приказано было надѣть парадную форму, но лишь взошло солнце, какъ наступило полное разочарованіе—русская армія исчезла. Наполеонъ былъ взбѣшенъ извѣстіемъ объ отступленіи русскихъ, и излилъ весь свой гнѣвъ на князя Понятовскаго. «Когда вошелъ въ палатку князь Понятовскій, пишетъ тотъ же участникъ, имѣвшій порученіе перейти съ кавалеріею Двину, по ту сторону Витебска, чтобы не допустить непріятеля уйти, то караульный офицеръ могъ слышать, что говорилось внутри. Князь пришелъ доложить, что не было никакой возможности перебраться за Двину, такъ какъ нигдѣ не нашелъ брода, а вода, напротивъ, прибыла послѣ бывшей грозы, и что во всякомъ случаѣ онъ не могъ найти фуража для лошадей. Тутъ, между императоромъ и Понятовскимъ произошла сцена, въ которой первый сильно выговаривалъ князю неисполненіе его приказаній. Но Понятовскій тоже не молчалъ.

— Вы извиняетесь недостаткомъ фуража, князь, сказалъ Наполеонъ, а я вамъ скажу, что въ Египтѣ я не разъ дѣлалъ походы безъ фуража.

— Не знаю, ваше величество, смѣло отвѣчалъ Понятовскій, чѣмъ вы кормили тамъ лошадей; знаю только, что мои лошади не могутъ обойтись безъ сѣна. Тамъ, гдѣ мнѣ случалось пускать лошадей на подножный кормъ, тамъ я хотя долженъ былъ отставать, но этимъ спасалъ кавалерію. Иначе я поставленъ былъ бы въ то положеніе, въ какомъ вы очутились подъ Сенъ-Жанъ-д'Аркомъ, гдѣ, за недостаткомъ лошадей, вы не могли подвезти артилерію и принуждены были снять осаду крѣпости.

Произошелъ горячій споръ, послѣ котораго пришлось все-таки покориться обстоятельствамъ и двинуться къ Витебску. Наполеонъ ожидалъ торжественной встрѣчи, но, къ удивленію всѣхъ, въ городѣ

не было ни души; дома и окна заколочены и все населеніе оставило городъ, а ведущій въ Вильно мостъ былъ подожженъ. Даже евреи, и тѣ не предлагали такъ назойливо своихъ услугъ, и на всѣ вопросы о русской арміи отвѣчали уклончиво. «Совершенно новый и странный видъ представлялъ городъ, заключавшій въ себѣ прежде до 15,000 жителей и вдругъ опустѣвшій. Горсточка оставшихся обывателей пряталась, запершись».

Во все время пребыванія своего въ Витебскѣ Наполеонъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, производилъ ежедневно, и несмотря на дурную погоду, парады, сообщалъ войскамъ о разныхъ стычкахъ и называлъ ихъ крупными побѣдами. Занятіе Динабурга провозглашено, какъ занятіе крѣпости, которую русскіе укрѣпляли четыре года и считали ее неприступною. Вообще Наполеонъ принималъ всѣ мѣры, чтобы поднять духъ утомленныхъ войскъ и требовалъ отъ офицеровъ энергіи въ соблюденіи службы.

— Господа, говорилъ онъ на одномъ изъ парадовъ въ Витебскѣ, служба у васъ идетъ плохо; у васъ слишкомъ много отсталыхъ. Офицеры останавливаются на походѣ и проводятъ время у помѣщиковъ. Бивaки ихъ утомляютъ, тогда какъ храбрость не беретъ въ разсчетъ дурную погоду; и въ грязи сохраняется честь. Солдаты нарушаютъ дисциплину; подъ предлогомъ исканія припасовъ, не возвращаются къ своимъ корпусамъ и бродятъ въ безпорядкѣ. Надобно прекратить этотъ безпорядокъ, и строго наказывать тѣхъ, которые осмѣлятся уйти, не спросясь. Въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, полки наши не досчитались бы своихъ людей; наличный составъ войска такой, какимъ онъ могъ бы оказаться послѣ сраженія, тогда какъ мы еще не видали непріятеля. Если корпуса маршаловъ Удино и Макдональда одержали побѣду, то потому, что полки ихъ были въ полномъ составѣ, когда они пришли на берега Двины и Дрисы.

Вскорѣ послѣ оставленія Витебска Наполеонъ узналъ, что госпитальная часть его арміи находится въ плохомъ состояніи; что войска ропщутъ на непроходимость дорогъ, недостатокъ продовольствія, на отсутствіе палатокъ и защиты ночью отъ холодныхъ дождей. Путь отъ Витебска былъ еще труднѣе: мосты и деревни повсюду горѣли и изъ кучи пепла торчали голыя стѣны и трубы кирпичныхъ домовъ. Орша была въ пламени; вѣтеръ гналъ дымъ въ лицо наступающимъ и они принуждены были свернуть въ сторону и расположиться бивакомъ въ части города, отдаленной отъ пожара. Городъ горѣлъ всю ночь; утромъ солнце взошло сквозь дымъ совершенно красное. «И

насъ дымъ душилъ, пишетъ участникъ похода ([1]), и такъ пропиталось платье, что можно было подумать, что мы все время провели въ дыму». Пройдя Красное, французская гвардія подошла къ Смоленску почти при концѣ сраженія и генералъ де-ла Флизъ, сообщая по слухамъ подробности боя, представляетъ намъ извращенные факты этого дѣла; точно также неточны и подробности о сраженіи подъ Полоцкомъ арміи Удино и Сенъ-Спра съ графомъ Витгенштейномъ.

Дальнѣйшее движеніе дѣйствовало убійственно на великую армію. «Становилось очевиднымъ, говоритъ современникъ, что по мѣрѣ того, какъ будемъ подвигаться, мы встрѣтимъ одни пылающіе города; русскіе придерживаются той системы, чтобы заставить насъ идти по пустынямъ, гдѣ намъ не найти ни жилья, ни пищи, ни даже воды, потому что жители засоряли колодцы нечистотами и падалью. Прежде нежели жечь жилые дома, они жгли запасные магазины, гумна и стоги сѣна; словомъ, не жалѣли ничего». Весь дальнѣйшій походъ происходилъ среди заревовъ пожара. Дорогобужъ, Вязьма и окрестныя села горѣли; мосты на дорогахъ и рѣкахъ были сожжены, или разрушены, и возстановленіе ихъ представляло немаловажныя затрудненія. Непріятель подвигался медленно и къ концу августа великая армія сосредоточилась вблизи Бородина. Большой оврагъ отдѣлялъ ее отъ русскихъ войскъ и Наполеонъ нѣсколько разъ подымался на возвышеніе, слѣзалъ съ лошади и въ зрительную трубу слѣдилъ за расположеніемъ и передвиженіемъ нашихъ войскъ.

Наканунѣ боя войскамъ прочитали слѣдующій приказъ: «Солдаты, близко сраженіе, котораго вы такъ желали. Побѣда отъ васъ зависитъ. Она дастъ вамъ полное довольство, хорошія зимнія квартиры, а потомъ вы возвратитесь на родину. Отличитесь и тутъ, какъ отличались подъ Аустерлицемъ, Фридландомъ и Смоленскомъ».

Эта прокламація, по словамъ Флиза, не произвела уже обычнаго восторга; «люди слишкомъ много выстрадали нравственно, начиная отъ Смоленска. Походъ, сопровождаемый нескончаемыми пожарами, производилъ тяжелое впечатлѣніе даже на бывалыхъ служакъ, потому что они еще не видывали со стороны непріятеля такого образа веденія войны».

Въ 7 часовъ утра 26-го августа началось Бородинское сраженіе. Во все это время Наполеонъ не садился на лошадь, наблюдалъ за боемъ, ходилъ взадъ и впередъ по одному направленію; онъ былъ одѣтъ въ сѣрую шинель и говорилъ мало. Позади его стояла гвар-

([1]) Де-ла-Флизъ. «Русская Старина», 1891 г., № 9-й, стр. 170.

дія и нѣсколько резервныхъ корпусовъ. Построенные въ боевой порядокъ, они ожидали приказаній. Полковые музыканты играли военные марши, «напоминавшіе побѣдныя поля первыхъ походовъ революціи: Allons, enfants de la patrie, когда дрались за свободу. Тутъ же эти звуки не одушевляли воиновъ, а нѣкоторые старшіе офицеры посмѣивались, сравнивая обѣ эпохи.

Бой, какъ извѣстно, окончился тѣмъ, что русскіе удержали свои позиціи, но Наполеонъ призналъ необходимымъ сообщить въ Парижъ о сраженіи подъ Бородинымъ, какъ объ одержанной имъ побѣдѣ. «Бѣдственное отступленіе арміи подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, говорилось въ одной французской газетѣ, заставило русскихъ желать рѣшительнаго сраженія съ непріятелемъ. Кутузовъ, старый воинъ, побившій турокъ, повидимому, достойный главнокомандующій: онъ способенъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Онъ далъ торжественную клятву прикрыть Москву и уничтожить французскую армію; впрочемъ, начальникъ и этой арміи (Наполеонъ) жаждетъ встрѣчи, которая обнаружитъ передъ Европой заслуги обѣихъ сторонъ. Русскіе защищены окопами, которые, согласно съ офиціальнымъ донесеніемъ (?) Кутузова, будто бы неприступны; кромѣ того, духъ ихъ окрыляютъ предсказанія ихъ священниковъ и видъ чудотворной иконы Пресвятой Дѣвы, которую проносятъ по войскамъ. Кутузовъ пророчитъ побѣду... Богъ сразитъ врага мечемъ архистратига Михаила, и прежде нежели наступитъ новое утро, на поляхъ отечества кровью супостата и его легіоновъ будутъ начертаны вѣра и вѣрность русскихъ воиновъ. Въ военныхъ лѣтописяхъ едва ли встрѣчается сраженіе, равное ему по упорству и кровопролитію» ([1]).

Послѣ Бородинскаго сраженія непріятель сталъ подходить къ Москвѣ и мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что происходило въ это время въ первопрестольной столицѣ.

20-го іюня 1812 года Москва узнала, что французы переправились черезъ Нѣманъ и вступили въ наши предѣлы. На другой день въ городѣ замѣтно было оживленное движеніе: ѣздили другъ къ другу, чтобы сообщить полученныя извѣстія; останавливались на улицахъ, чтобы перемолвиться; разсказывали о праздникѣ въ Закретѣ, гдѣ стало извѣстно Государю о приближеніи французовъ, объ ихъ вступленіи въ Вильну, откуда наши едва успѣли выдти ([2]). По

([1]) «Русская Старина» 1891 г., № 10-й, стр. 42 и 43.

([2]) «Воспоминанія А. Г. Хомутовой о Москвѣ въ 1812 году». «Русскій Архивъ» 1891 г., № 11-й, стр. 312.

вечерамъ, слѣдуя модному обычаю, много народа собиралось на бульварѣ; тревожныя толпы въ мрачномъ настроеніи проходили по немъ, прислушиваясь къ рѣчамъ говоруновъ, которые разсказывали то, что успѣли узнать, провѣдать, а иной разъ и выдумать... Въ обществѣ господствовала робкая, но глухая тревога; всѣ разговоры вращались около войны: одерживались побѣды, терпѣлись пораженія, заключались договоры. Но всего болѣе распространено было мнѣніе, что Наполеонъ, послѣ двухъ-трехъ побѣдъ, принудитъ насъ къ миру, отнявъ у насъ нѣсколько областей и возстановивъ Польшу—и это находили вполнѣ справедливымъ, великолѣпнымъ и нисколько не обиднымъ!

Извѣстія одно за другимъ прибывали въ Москву: то узнавала она о дѣлахъ подъ Новогрудкомъ и Миромъ, окончившихся въ пользу русскаго оружія, то о томъ, что лагерь у Дриссы, на который полагали всѣ большія надежды, оставленъ нами и Наполеонъ быстро приближается, то, наконецъ, что Государь, извѣстивъ Россію манифестомъ о грозящей отечеству опасности, ѣдетъ самъ въ первопрестольную свою столицу. Это послѣднее извѣстіе подняло на ноги почти всю Москву: мчались экипажи и народъ толпами бѣжалъ на встрѣчу царю или въ Кремль. Прошло время, назначенное для пріѣзда, прошелъ день и наступила ночь, а Государя все не было. Стали тревожиться, волноваться, и вдругъ кто-то шопотомъ произнесъ: «Государь погибъ». Въ толпѣ пробѣжалъ трепетъ и она какъ бы смолкла. На Спасской башнѣ пробило 10 часовъ, какъ народъ вдругъ заволновался, чему причиною было прибытіе курьера съ извѣстіемъ, что Государь пріѣдетъ завтра.

На другой день, 12-го іюля, пишетъ Хомутова, небо покрылось грозными тучами, подобно тому, какъ тяжелая судьба расстилалась надъ нашими головами. Кремль опять наполнился людьми, площадь почернѣла отъ народной толпы, мы снова собрались въ малой галереѣ. Государь появился такой печальный и такой прекрасный. Сколько заботы выражалось во взорѣ его голубыхъ глазъ! Онъ обратился къ собравшимся съ ласковымъ привѣтомъ, точно съ просьбой. Крики «ура!» проводили его въ соборъ. Звонили во всѣ колокола; но въ этомъ благовѣстѣ, въ этихъ крикахъ было что-то мрачное».

Мрачна и уныла была Москва, но 14-го іюля яркое солнце освѣтило златоглавый соборъ, гдѣ Государь усердно и горячо молился. Толпа народа была такъ велика и жара такъ сильна, что многимъ дѣлалось дурно. На слѣдующій день было назначено собраніе дворянства и купечества. Государь проѣхалъ въ собраніе въ коляскѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, «которому брови,

насупленныя болѣе обыкновеннаго, придавали грозный видъ. Государь былъ блѣденъ и задумчивъ», но затѣмъ по возвращеніи изъ собранія «былъ свѣтелъ и раскланивался, какъ бы выражая признательность».

Съ отъѣздомъ Императора Александра въ Москвѣ хотя и не прекращались ни гулянья, ни вечера, но уныніе съ каждымъ днемъ усиливалось. Бульвары опустѣли, въ театры перестали ѣздить, собранія въ домахъ были рѣдки и печальны: говорили о предстоящей опасности и необходимости отъѣзда; извѣстій изъ арміи почти не было, въ публикѣ ходили глухіе слухи и стали поговаривать объ измѣнѣ. Люди предусмотрительные собирались въ путь. Пришло извѣстіе о занятіи непріятелемъ Смоленска и отступленіи нашихъ армій къ Дорогобужу. Сколько горя и страха причинило это извѣстіе москвичамъ!

Живо помню, говоритъ Хомутова ([1]), тѣхъ взволнованныхъ людей, что появлялись и мелькали въ нашей желтой гостиной: одни раскраснѣвшіеся, съ видомъ отчаянія, другіе блѣдные, трепещущіе... Едва кто нибудь заводилъ рѣчь объ отъѣздѣ, какъ начинали обсуждать, слѣдуетъ ли уѣзжать и куда; боялись всего и подозрѣвали всѣхъ; обвиняли дипломатовъ, генераловъ и, кажется, самаго Государя въ томъ, что они предали Россію или потеряли голову. Москва взволновалась отъ ужаса; думали только о бѣгствѣ и о томъ, чтобы увезти свое добро или зарыть его въ землю, либо замуровать въ стѣну. Дома загромоздились сундуками, улицы наполнялись обозами, тяжелыми каретами и легкими бричками съ цѣлыми семьями и всѣмъ скарбомъ. Церкви стояли цѣлый день отворенными; только въ нихъ знакомые встрѣчались другъ съ другомъ, пожимали другъ другу руки, плакали и прощались даже съ тѣми, кого едва знали. Общая опасность, общее бѣдствіе легли камнемъ на всѣхъ москвичей».

Многіе собирались въ Кремлѣ, другіе прощались съ московскими святынями. Графъ Растопчинъ производилъ арестъ французовъ для отсылки ихъ во внутреннія губерніи. Москва отживала послѣдніе дни и лишь назначеніе Кутузова главнокомандующимъ нѣсколько оживляло отъѣзжавшихъ. Городъ пустѣлъ; оставшееся населеніе участвовало въ крестномъ ходѣ, въ которомъ по всему городу носили икону Иверской Божіей Матери, въ сопровожденіи плачущаго народа и всѣхъ властей.

Непріятель приближался и 2-го сентября вступилъ въ городъ. 3-го числа въ Донскомъ монастырѣ была служба; ворота кругомъ

([1]) «Воспоминанія А. Г. Хомутовой о Москвѣ въ 1812 году», «Русскій Архивъ» 1891 г., № 11-й.

были заперты. Ломившіеся въ нихъ французы требовали хлѣба и вина; хлѣбъ имъ подавали въ подворотню и сверху ограды. Въ 8 часовъ вечера того же дня, непріятель зажегъ у воротъ калитку. Всѣ монашествующіе и бывшій въ монастырѣ народъ бросились въ соборъ и заперлись; на монастырскій дворъ вступило болѣе 200 французовъ и къ разсвѣту монастырь былъ наполненъ войсками и повозками. Стали ломать соборную дверь; намѣстникъ надѣлъ епитрахиль и взялъ въ руки крестъ, думая, что всѣ будутъ лишены жизни. Увидя монаховъ, французы сначала пріостановились, потомъ разсыпались по собору, хватали свѣчи, срывали лампады, раздѣвали монаховъ и требовали отъ нихъ денегъ. Отказъ вызывалъ побои и истязанія. «Намѣстника больно били, ризничему голову проломили, всѣхъ грозили обнаженными саблями изрубить, если не выдадутъ денегъ и сокровищъ. Іеромонаха Иринея изранили по рукамъ и ногамъ саблями и штыками... На другой день найдено уже все разломаннымъ: и церкви, и ризница, и келіи. Въ церквахъ многіе образа раскиданы, иные расколоты. Изъ ризницы, кои не увезены, ризы парчевыя таскали и выжигали среди монастыря. Одежды съ престоловъ сорваны; ризница обращена въ кофейню... Непріятели жили во всѣхъ церквахъ; въ теплой церкви стояли лошади, а въ алтарѣ коровы, къ престолу привязанныя. На престолѣ обѣдали».

Монаховъ заставляли носить воду, топить печи, рыть картофель и приносить разные запасы изъ города. Въ разодранныхъ рубищахъ, изнуренные голодомъ монахи провели нѣсколько мучительныхъ дней. Рѣшаясь покинуть монастырь, они вылѣзали изъ окна верхняго этажа башни и партіями человѣкъ по пяти бѣжали въ Троицко-Сергіевскую лавру.

Около 20-го сентября Наполеонъ посѣтилъ монастырь, осмотрѣлъ войска, подъѣхалъ на своей бѣлой лошади къ крыльцу собора, смотрѣлъ на него нѣсколько минутъ и затѣмъ удалился [1]. Онъ былъ мраченъ и крайне озабоченъ: ожидаемые имъ переговоры о мирѣ не начинались, посланный имъ генералъ Лористонъ не былъ принятъ Императоромъ Александромъ, войска таяли и наступала глубокая осень, а за нею и зима. Будущее не предвѣщало ничего хорошаго, впереди ожидались одни лишенія и неудачи.

«О Наполеонѣ говорили, пишетъ де-ла-Флизъ, бывшій въ рядахъ

[1] «Описаніе, что происходило во время нашествія непріятеля въ Донскомъ монастырѣ 1812 года». «Русскій Архивъ». 1891 г., № 10-й.

его арміи, что онъ очень занятъ, что онъ постоянно работаетъ. Но дѣло въ томъ, какъ стало извѣстно, что цѣль его была издать какъ можно болѣе декретовъ изъ столицы русской Имперіи, въ доказательство французамъ, что онъ и на дальнемъ рубежѣ Европы не перестаетъ пещись о своемъ государствѣ, какъ вездѣсущее провидѣніе. Къ сожалѣнію, предметы, избранные имъ для реформъ, касались самыхъ ничтожныхъ частей внутренней администраціи Франціи. Напримѣръ, онъ составилъ правила театральнаго управленія, да различныхъ промысловъ, какъ-то: булочнаго, аптекарскаго и т. п. Этими мелочами онъ хотѣлъ выказать всеобъемлющій геній свой. Между тѣмъ все это, въ сравненіи съ прежнею дѣятельностью Наполеона, дѣлало его неузнаваемымъ».

Онъ видѣлъ, что предполагаемое торжество его по взятіи русской столицы не осуществилось, что Москва не Вѣна и не Берлинъ, гдѣ онъ диктовалъ мирныя условія, и великій полководецъ растерялся. Поступки и распоряженія были нерѣшительны и войска не узнавали своего императора. Въ рядахъ арміи появился ропотъ и что всего хуже, явились люди, которые подвергали критическому анализу дѣйствія своего вождя.

Онъ, говорили они, вступилъ въ страну, не имѣя понятія ни о нравахъ, ни о характерѣ русскихъ. Въ Египтѣ, напримѣръ, онъ оказывалъ столько почтенія магометанству, что можно было ожидать его перехода въ эту вѣру. Въ Италіи, Австріи и Испаніи, вездѣ онъ покровительствовалъ мѣстному духу религіи и казнилъ святотатцевъ. Но въ Москвѣ онъ точно не зналъ, что и русскіе привязаны къ своей вѣрѣ, онъ не обратилъ вниманія на то, какъ глубоко почитали русскіе своихъ святыхъ, какъ дороги для нихъ церкви и важенъ санъ священника. Едва ли онъ признавалъ ихъ за христіанъ. И что же вышло? Не предупредивъ войска, строгими приказаніями, имѣть должное уваженіе къ церквамъ, иконамъ и духовенству, онъ навлекъ этимъ упущеніемъ ненависть народа на французовъ. Въ глазахъ русскихъ они хуже мусульманъ, потому что обращали церкви въ конюшни. За то уже горе французу, когда онъ попадался въ руки народа, жаждавшаго мести! Такихъ жертвъ было множество. Слѣдовательно, не лучше ли бы было внушить своему войску вѣрныя понятія о русскомъ народѣ и о ихъ вѣрѣ, столь схожей съ нашею».

Къ этому необходимо прибавить, что незнаніе Наполеономъ русскаго народа привело его въ Москву, что онъ разсчитывалъ окончить кампанію до зимы и что, наконецъ, онъ не имѣлъ никакого понятія о томъ, что такое русская зима.

Лишь только наступили холода, какъ онъ долженъ былъ сознать, что оставаться въ Москвѣ ему невозможно и, спустя мѣсяцъ, Наполеонъ принужденъ былъ покинуть первопрестольную столицу Россіи. Мечты, надежды и очарованія рушились и впереди была голая дѣйствительность со всѣми ея ужасами и лишеніями. Небо было покрыто тучами и шелъ мелкій дождь, затруднявшій движеніе; люди роптали и досадовали на обратное движеніе. Великая армія представляла теперь печальное зрѣлище: «не слыхать было въ ихъ рядахъ побѣдныхъ пѣсенъ прежнихъ походовъ; шутки и смѣхъ, потрясавшій бывало цѣлую колонну, не нарушали общаго молчанія». По дорогѣ валялись груды труповъ своихъ и непріятельскихъ, напоминавшіе о кровопролитныхъ бояхъ Бородина и Смоленска. Если положеніе солдатъ было тяжкое, то еще мучительнѣе было положеніе не военныхъ, какъ, напримѣръ, труппы французскихъ актеровъ, жившихъ въ Москвѣ и бѣжавшихъ оттуда вмѣстѣ съ отступающею арміею Наполеона. «Между ними, говоритъ участникъ, былъ 70-тилѣтній старецъ, прожившій 30 лѣтъ въ Москвѣ въ качествѣ наставника; съ нимъ шла и жена его, не столь еще старая, и ухаживала за нимъ, какъ за ребенкомъ; старалась усадить его въ проѣзжавшія кареты, вымаливала для него хлѣба. Наконецъ, старика посадили въ телѣгу, а она поплелась за нимъ пѣшкомъ. Даже платья на нихъ не было. Вѣроятно, эта чета не далеко уѣхала...»

Съ каждымъ шагомъ отступленія бѣдствія усиливались. Пѣхота едва плелась; телѣги и лошади вязли въ грязи, сколько отъ трудности вытаскиванія, столько же и отъ истощенія силъ. Кареты и повозки, наполненныя ранеными, бросались на произволъ, несмотря на просьбы и крики несчастныхъ. Первое время по выходѣ изъ Москвы еще исполнялся приказъ Наполеона, чтобы каждый, у кого была карета, бралъ съ собою одного раненаго, чтобы въ каждой маркитантской телѣжкѣ былъ также одинъ раненый; но это продолжалось недолго и бѣдныхъ раненыхъ стали выбрасывать на дорогу. Наступили морозы; лошади скользили и падали, истомленныя продолжительнымъ походомъ и голодомъ люди принуждены были останавливаться на дорогѣ; между ними были мужчины и женщины. Артиллерія съ трудомъ подвигалась по кочкамъ и рытвинамъ. Кавалерійскіе корпуса слѣдовали одинъ за другимъ, но въ самомъ жалкомъ положеніи, какъ люди, такъ и лошади. Мундиры на солдатахъ были изорваны, въ лохмотьяхъ; отъ обуви почти не осталось и слѣда; всѣ побросали оружіе, замѣнивъ его палками. Раненые плелись, какъ умѣли, кто на костыляхъ, кто съ перевязанной рукой, или головой; сдѣлавъ нѣ-

сколько шаговъ, они останавливались и садились на край дороги. Тамъ и сямъ валялись на землѣ сброшенныя кирасы, которыхъ солдаты уже не въ силахъ были носить на себѣ. Неудивительно, что многіе предались полному отчаянію и осуждали Наполеона.

— Императоръ не тотъ, говорилъ де-ла-Флизу его дядя, что былъ въ Италіи и Австріи. Не разсудивъ, привелъ насъ въ этотъ ужасный край. Онъ не понялъ, что непріятель, отказавшись подъ Витебскомъ отъ сраженія и отступая съ зажженнымъ факеломъ въ рукахъ, хотѣлъ насъ утомить долгими переходами. Онъ не предвидѣлъ того, что многимъ было понятно, что, направляясь въ Москву, мы и тамъ найдемъ все въ огнѣ, а не обѣщанныя удобныя квартиры и избытокъ. Но я не ожидалъ отъ Наполеона этой ужасной и неисправимой ошибки, держать насъ въ Москвѣ на пылающихъ развалинахъ цѣлыя шесть недѣль; потомъ предпринять позднее уже отступленіе не на Калугу и Кіевъ, а по той же опустошенной дорогѣ, мимо погорѣлыхъ селъ и городовъ. Какъ война въ Испаніи, такъ и настоящая война возбуждена подкупами англичанъ, чего Наполеонъ въ ослѣпленіи своемъ не видѣлъ. Здѣсь онъ не соглашался выждать время, необходимое для организаціи Польши и легкомысленно (изъ Польскаго края) удалился. Началъ походъ въ Москву слишкомъ поздно по времени года; пренебрегъ промедленіемъ, которое требовалось для охраны тыла арміи, особенно въ случаѣ отступленія, изъ опасенія отложить завоеваніе столицы до другаго похода. Наполеонъ воображалъ, что покончитъ съ этою войною также скоро, какъ и съ Прусскою и не понималъ, что русскіе, отступивъ за Москву, тѣмъ далеко не будутъ обезсилены, а напротивъ, когда Наполеонъ кончитъ походъ, они начнутъ свой, и надежды Наполеона мирными переговорами загладить неосторожное движеніе въ центръ Россіи не сбудутся.

На этомъ пока останавливаются интересныя записки де-ла-Флиза и мы обратимся къ разсказу Н. Н. Муравьева о Персидской кампаніи 1827 года.

Съ отъѣздомъ А. П. Ермолова уѣхали и главнѣйшіе его сподвижники. Вступивъ въ командованіе войсками и краемъ, Паскевичъ могъ теперь распоряжаться совершенно самостоятельно. Изъ прежняго начальства остался только одинъ Муравьевъ, завѣдывавшій штабомъ, и избранный Паскевичемъ дежурный штабъ-офицеръ, по словамъ Муравьева, «человѣкъ чернильный, очень глупый, знающій плохо писать и подлыхъ правилъ» [1]. Паскевичъ трудился много, но не зналъ,

[1] Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго. «Русскій Арх.» 1889 г., № 9-й, стр. 83. Для полноты разсказа мы должны были вернуться къ «Русскому Архиву», изд. 1889 г.

какъ приняться за дѣло, «не умѣлъ ни распорядиться, ни привлечь къ себѣ людей». Приготовленія къ кампаніи подвигались медленно, въ особенности по продовольственной части. Паскевичъ, пишетъ Муравьевъ, «посылалъ адъютантовъ своихъ смотрѣть за движеніемъ отправляемыхъ къ границамъ транспортовъ хлѣба, полагая, что медленность ихъ происходила отъ упущеній начальниковъ или отъ желанія вредить общему дѣлу, и никакъ не принимая въ разсчетъ горы, лежащія по пути ихъ транспортовъ, и шедшіе тогда проливные дожди, болѣзнь и падежъ скота. Онъ двигалъ войска эшелонами впередъ и сердился, что транспорты не успѣвали по маршрутамъ за оными. Онъ все перепуталъ и былъ такъ гнѣвенъ, что до него никто почти доступа не имѣлъ; но одно изъ самыхъ смѣшныхъ распоряженій его было учрежденіе вечернихъ комитетовъ, собиравшихся у него ежедневно въ седьмомъ часу пополудни».

Въ составъ этого комитета входили лица, принадлежавшія къ составу штаба и гражданскаго управленія краемъ. Засѣданія продолжались иногда далеко за полночь. Паскевичъ предлагалъ разные вопросы, но обсужденія ихъ не допускалъ, сердился и самъ ничего не рѣшалъ. Интендантъ подавалъ безконечно длинныя записки, въ которыхъ послѣднее слово кончалось обыкновенно вопросительнымъ знакомъ, требовавшимъ разрѣшенія главнокомандующаго, но и онъ его не давалъ.

Между тѣмъ авангардъ подъ начальствомъ генерала Бенкендорфа ([1]), съ большими затрудненіями перешелъ черезъ горы Безобдалъ. Дождливая погода и дурное состояніе дорогъ весною затрудняли его движеніе. Продовольственные транспорты не поспѣвали и Бенкендорфъ, несмотря на приказаніе заняться собираніемъ хлѣба въ Эриванской области, не заботился объ этомъ. Двинутыя вслѣдъ затѣмъ главныя силы принуждены были довольствоваться изъ подвижныхъ магазиновъ, назначенныхъ собственно для продовольствія войскъ по переходѣ черезъ границу.

«Для прокормленія войскъ Бенкендорфа, говоритъ Муравьевъ, посылали къ нему черезъ горы транспорты съ хлѣбомъ; онъ, равно безпечный о будущемъ и о всемъ до него касающемся, съѣдалъ и хлѣбъ, и быковъ, доставлявшихъ ему оный, и не переставалъ требовать новыхъ средствъ, истребляя совершенно безъ остатка отправленные къ нему транспорты».

Дойдя до границы, Бенкендорфъ имѣлъ удачное дѣло съ персія-

([1]) Родной братъ бывшаго начальника III отдѣленія и шефа жандармовъ.

нами, повліявшее на ослабленіе ихъ духа. Паскевичъ торопился къ главнымъ силамъ, собиравшимся у Шулаверъ и 12-го мая выѣхалъ изъ Тифлиса. Доѣхавъ до Коби, онъ нашелъ мостъ снесенный разливомъ рѣки Храма и принужденъ былъ остановиться до его возстановленія. 13-го мая онъ прибылъ въ Шулаверы, гдѣ были собраны войска. Главнокомандующій былъ въ дурномъ расположеніи духа, бранилъ всѣхъ и все. «Часто повторявшееся состояніе изступленія, въ которое приходилъ Паскевичъ безъ всякой причины, возродило въ немъ, наконецъ, желчную болѣзнь, съ коею онъ черезъ нѣсколько дней своего пребыванія въ Шулаверахъ и выѣхалъ въ Джелалъ-Оглу. Тамъ болѣзнь еще болѣе усилилась, дошла до бреда и Паскевичъ принужденъ былъ остановиться на нѣкоторое время. Начальства онъ никому не сдавалъ, самъ распоряжался всѣмъ, часто измѣнялъ приказанія и ничего не рѣшалъ.

«Начальники полковъ и генералы, пишетъ Муравьевъ, видя начатое уже движеніе, по неопытности своей полагали, можетъ быть, за горою встрѣтить непріятеля, боялись опоздать къ бою и просились у Паскевича все впередъ. Нѣсколько разъ онъ давалъ имъ позволеніе, вопреки общаго распоряженія, перейти горы; но я, узнавая о семъ, отговаривалъ его: ибо черезъ сіе кромѣ того, что заняли бы единственную дорогу, по коей двигались транспорты черезъ гору, главное неудобство было бы то, что войска за транспортами должны бы были стоять на южной сторонѣ горы, тогда какъ, пребывая въ Гергерахъ и Джелалъ-Оглу, они продовольствовались изъ мѣстныхъ магазейновъ».

Тѣмъ не менѣе полки трогались понемногу и самъ Паскевичъ торопился уѣхать въ передовой отрядъ, такъ какъ Бенкендорфъ увѣрялъ, что если ему дадутъ нѣсколько батарейныхъ орудій и саперовъ, то онъ возьметъ Эривань. Передъ отъѣздомъ Паскевичъ раздѣлилъ свои войска на двѣ дивизіи, начальниками которыхъ были назначены: первой—генералъ-маіоръ князь Вадбольскій и второй—генералъ-лейтенантъ князь Эристовъ. Командующимъ войсками въ Карабагѣ былъ назначенъ только-что прибывшій изъ Россіи съ войсками генералъ-маіоръ Панкратьевъ. Соединеніе главныхъ силъ съ отрядомъ Панкратьева было назначено подъ Нахичеванью. «Планъ совершенно ошибочный, пишетъ Муравьевъ, ибо къ чему служило намъ пройти низменными и смертоносными равнинами Шарура вдоль границы нашей, тогда какъ мы могли показаться въ Нахичевани или даже около самаго Тавриза, двигаясь въ своихъ границахъ и избѣжавъ губительный климатъ, въ коемъ войска наши заразились смертью

въ лѣтніе мѣсяцы? Не лучше ли было начать вторженіе наше изъ Карабага, гдѣ мы не лишились бы и конницы нашей, и къ чему служило намъ пройти мимо Эривани?»

По этому плану кампаніи продовольствіе должно было доставляться изъ Астрахани по Каспійскому морю, Курѣ до Зардаба, а отсюда сухимъ путемъ черезъ сел. Аджибетъ къ Ахъ-Оглану въ Карабагѣ. Перевозка эта погубила множество людей и истощила перевозочныя средства мѣстныхъ жителей.

Всѣ эти неустройства крайне сердили Паскевича, и Муравьевъ, описавъ въ подробности всю обстановку главнокомандующаго и его характеръ, переходитъ къ описанію дѣйствій нашихъ въ Эриванскомъ ханствѣ. По прибытіи въ Эчміадзинъ, Паскевичъ былъ встрѣченъ Бенкендорфомъ, блокировавшимъ Эривань, куда вскорѣ и отправился главнокомандующій со своимъ штабомъ. Тамъ, по заранѣе посланному имъ приказанію, были уже открыты траншейныя работы, «но безъ всякой цѣли и предположенія, ибо онъ еще совершенно не рѣшился ни на осаду, ни на мѣсто, съ котораго должно было оную начать».

Только по осмотрѣ работъ и по возвращеніи въ Эчміадзинъ стали разсуждать о томъ, должно ли начинать осаду или оставить ее до прибытія осадной артилеріи. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ окончательно, Паскевичъ вторично ѣздилъ къ Эривани, произвелъ новую рекогносцировку и намѣтилъ пунктъ для осады. «По возвращеніи въ Эчміадзинъ, говоритъ Н. Н. Муравьевъ, былъ собранъ военный совѣтъ, на коемъ присутствовали генералы и я. Насъ всѣхъ посадили и начали совѣщаться на счетъ осады крѣпости, съ которой стороны ее предпринять. Кажется рѣшено уже было главнымъ силамъ идти къ Нахичевани, а Красовскаго оставить съ полками 20-й дивизіи подъ Эриванью; хотѣли только указать ему сторону, съ которой начать осаду и потому инженеръ генералъ Трузсонъ, который долженъ былъ оставаться, подалъ свое мнѣніе и избралъ для сего самое неприступное мѣсто со стороны рѣки. Его за то Паскевичъ и разбранилъ, но, между тѣмъ, ничего самъ не рѣшилъ и совѣтъ сей почти ничѣмъ не кончился».

Пока производились рекогносцировки и совѣщанія, войска прибывали къ Эчміадзину со своими обозами, находившимися въ самомъ жалкомъ состояніи: арбы ломались, быки дохли отъ безкормицы, а люди наполняли госпиталь, не имѣвшій никакихъ средствъ для содержанія больныхъ. Убійственный климатъ развилъ болѣзни среди офицеровъ и всѣ были утомлены отъ невыносимаго зноя. При такомъ

состояніи арміи Паскевичъ получилъ извѣстіе, что Гассанъ-ханъ, пройдя покатостями Алагёза, подходитъ съ конницею къ Башъ-Абарани, гдѣ намѣренъ напасть на наши транспорты. Извѣстіе это оказалось впослѣдствіи ложнымъ, но крайне встревожило Паскевича, который «по неопытности своей, вообразилъ себѣ, что непріятельскій корпусъ атакуетъ его съ тыла, не зная, что въ здѣшнихъ войнахъ операціонная линія бываетъ въ лагерѣ и что никогда нѣтъ вѣрныхъ сообщеній съ основаніемъ дѣйствій, по причинѣ конныхъ партій, всегда обскакивающихъ тылъ и фланги. Онъ хотѣлъ и тылъ защитить, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать блистательное дѣло. Во весь походъ онъ не переставалъ бредить о засадахъ и приманкахъ, въ которыя онъ надѣялся завлечь персидскую конницу и смять ее въ преслѣдованіи, черезъ что по пустякамъ мучилъ часто войска».

Изъ Эчміадзина рѣшено было идти къ Нахичевани, а корпусу Красовскаго смѣнить Бенкендорфа при блокадѣ крѣпости Эривани. Войска тронулись, оставивъ на мѣстѣ множество больныхъ. День былъ необыкновенно жаркій, люди утомлялись и пыль, набившись въ глаза, ротъ, носъ и уши, измѣнила совершенно лицо каждаго. Проведя двое сутокъ на Гарничаѣ, войска продолжали движеніе и при приближеніи къ с. Садаракъ, были получены свѣдѣнія, что непріятель показался впереди, что въ самомъ селеніи происходитъ движеніе и шумъ, и что толпа народа вышла изъ селенія и потянулась въ горы. Паскевичъ тотчасъ же послалъ за шедшею сзади кавалеріею, но непріятеля не оказалось, и то были мирные жители, покидавшіе селеніе. Войска двинулись далѣе и, сдѣлавъ нѣсколько утомительныхъ переходовъ подъ зноемъ палящаго солнца, подошли къ Нахичевани. Главнокомандующій намѣренъ былъ самъ въѣхать въ городъ и ожидалъ торжественной встрѣчи со стороны населенія, но ожиданія были напрасны и пришлось вступить въ Нахичевань безъ всякой встрѣчи.

«Я предлагалъ Паскевичу, говоритъ Муравьевъ, учредить немедленно комендантство или полицію въ городѣ, назначивъ для сего чиновника; но онъ не понималъ мѣръ, клонящихся къ порядку, и былъ такъ обрадованъ завоеваніемъ сихъ развалинъ и хорошему для него помѣщенію, что совершенно оставилъ войска на произволъ и дня два или три не выходилъ изъ ханскаго дворца, гдѣ онъ проводилъ время съ Бенкендорфомъ, сидя на коврѣ, и въ самыхъ короткихъ, противъ обыкновенія своего, сношеніяхъ со всѣми къ нему приходящими, смѣялся, шутилъ, потчивалъ донскимъ виномъ.

«Въ сіе время мы не имѣли ни разъѣздовъ настоящихъ, ни карауловъ, и онъ едва взглянулъ на Аббасъ-Абадскую крѣпость, ко-

торая изъ оконъ его была видна и находилась отъ него въ 8-ми верстахъ. Никакихъ мѣръ не было взято для осмотра оной, никто къ ней не подъѣзжалъ, и Бенкендорфъ, который, оставивъ свой авангардъ, поселился также во дворцѣ ханскомъ, удостоилъ только взглянуть изъ оконъ въ зрительную трубу на крѣпость, сказавъ: Ah! voilà donc Abbas-Abad, c'est cela Abbas-Abad? N'est-ce pas? Паскевичъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы войска были всѣ расположены у него подъ окнами. Корпусъ и сталъ на равнинѣ безъ соблюденія боеваго порядка, хотя мы и были въ виду непріятеля».

Среди отдыха въ Нахичевани и приготовленія къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ были произведены рекогносцировки Аббасъ-Абада и даже послано предложеніе сдать крѣпость, но персіяне отвѣчали, что они будутъ защищаться. Тогда Паскевичъ сталъ принимать мѣры къ осадѣ крѣпости. Между тѣмъ въ войскахъ усиливались болѣзни, госпитали не въ состояніи были помѣстить поступающихъ и смертность увеличилась. Продовольствіе было въ дурномъ состояніи и войска заготовляли его жатвою полей. Солдаты посылались жать и молоть, что, среди жары, крайне утомляло ихъ; скотъ сталъ также болѣть и войска лишались ежедневно до 80-ти быковъ.

При такихъ условіяхъ Паскевичъ рѣшился приступить къ осадѣ крѣпости и въ первыхъ числахъ іюля лагерь нашъ былъ переведенъ къ Аббасъ-Абаду, отъ котораго войска остановились верстахъ въ трехъ, правымъ флангомъ къ Араксу. Осада велась медленно и невполнѣ удачно; первая паралель была заложена далеко и стрѣльбою изъ батарейныхъ орудій сбили тоненькую стѣнку, толщиною не болѣе какъ полъ-аршина, которою обведенъ былъ верхъ бруствера, и назвали сіе брешью.

«Въ сію первую ночь работъ, пишетъ Муравьевъ, Паскевичъ самъ поѣхалъ смотрѣть оныя и, видя, что люди работаютъ очень лѣниво, разсердился и схватилъ за воротъ маіора Бельфорта, который тутъ начальствовалъ. Онъ перетащилъ его черезъ ровъ и наговорилъ ему множество непріятностей; но послѣ того однакоже, узнавъ, что онъ былъ маіоръ, извинился передъ нимъ. Тутъ онъ, пробѣгая мимо рабочихъ, наткнулся ночью на штыкъ и крѣпко укололся, но не жаловался и не показывалъ никогда вида, что у него нога болитъ».

Осадныя работы велись самымъ неудовлетворительнымъ образомъ: траншеи едва закрывали человѣка, ровъ былъ ширипою аршина въ полтора, батареи были построены такъ, что впередилежащій бугоръ препятствовалъ стрѣлять по крѣпости. Въ такомъ положеніи Муравьевъ предложилъ главнокомандующему назначить распоряди-

телями работъ: для лѣваго берега рѣки—полковника Бурцова, а для праваго—полковника Бородина. Дѣло приняло совершенно другой видъ и въ работахъ оказался настолько большой успѣхъ, что персіяне стали ожидать скораго штурма.

Вечеромъ, 4-го іюля, было получено извѣстіе, что Аббасъ-Мирза съ большими силами собирался подъ Джаванъ-Булакомъ и намѣренъ атаковать насъ, чтобы освободить крѣпость отъ осады. Паскевичъ, собравъ поспѣшно войска, переправился на правый берегъ Аракса, а въ траншеяхъ остались Бурцовъ и князь Вадбольскій съ небольшою частью войскъ.

«Паскевичъ при выступленіи своемъ изъ лагеря былъ такъ уже смущенъ, что не зналъ, что ему и предпринять съ осадою: то онъ хотѣлъ ее бросить, то хотѣлъ удержать, и все сіе смущеніе произошло отъ нѣсколькихъ тысячъ персидскихъ всадниковъ, показавшихся за Араксомъ верстахъ въ десяти. Наконецъ, онъ уѣхалъ, ничего не приказавъ. Кто вздумалъ, тотъ присоединился изъ траншеи къ полку; кто остаться хотѣлъ, тотъ остался».

Отойдя верстъ пятнадцать, замѣтили непріятеля, стоявшаго на противолежащихъ высотахъ съ 10,000 — 12,000 конницы. Паскевичъ, по обыкновенію своему, приказалъ остановиться. «День былъ чрезвычайно жаркій, говоритъ Муравьевъ, воды съ нами не было и люди крайне утомились. Не знаю, съ какою цѣлью Паскевичъ выдержалъ насъ въ семъ положеніи нѣсколько часовъ; онъ всегда дѣлалъ это предъ непріятелемъ. Иные объясняютъ сіе какъ обдуманный поступокъ, имѣющій какія-то непонятныя для меня цѣли; я же приписываю сіе просто къ нерѣшимости его, которую онъ всегда и во всѣхъ случаяхъ показывалъ».

Персіяне выдвинули впередъ четыре орудія и открыли огонь. Орудія эти стояли одиноко и легко могли быть захвачены уланскою бригадою, во главѣ которой стояли генералы Бенкендорфъ, Розенъ и Сакенъ, но они не двинулись съ мѣста. Полковникъ Раевскій съ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ атаковалъ непріятеля, который, спѣшившись, сталъ отстрѣливаться; драгуны тоже спѣшились и завели перестрѣлку. Тогда для поддержанія драгунъ былъ двинутъ влѣво князь Эристовъ съ колонною. Онъ двинулся прямо съ барабаннымъ боемъ, хотя приходилось идти версты три до непріятеля. Конечно, персіяне не приняли боя и стали отступать; наша конница преслѣдовала ихъ верстъ 10 и захватила нѣсколько плѣнныхъ и знаменъ.

«Полагаютъ, пишетъ Н. Н. Муравьевъ, что если бы въ тотъ день

преслѣдовали персіянъ далѣе, то война и кончилась бы тѣмъ; ибо извѣстно, что шахъ, стоявшій съ многочисленнымъ войскомъ близъ Чорса (что верстахъ въ 20-ти позади Аббасъ-Мирзы), видя бѣгство своего сына, поднялся съ лагеря въ ужасномъ безпорядкѣ и бѣжалъ со всѣмъ своимъ войскомъ; но, узнавъ, что за нимъ не гонятся, возвратился опять въ Чорсу.

«Къ вечеру войска получили приказаніе возвратиться. Правда, что они были слишкомъ изнурены. Побѣгъ шаха не былъ извѣстенъ. Не знали также, что дѣлалось или что могло случиться при осадномъ лагерѣ и потому нельзя винить Паскевича въ томъ, что онъ далѣе не гнался за персіянами. Мы шли обратно ночью, прошли около 20-ти верстъ безъ воды и безъ дороги, и пришли, наконецъ, къ вагенбургу, гдѣ оставшійся комендантъ главной квартиры, маіоръ Медоксъ, сбилъ все въ одну непроходимую кучу. Палатки, повозки, арбы, лошади, все было смѣшано, и, точно, никакая конница не проскочила бы черезъ сей хаосъ, который едва распутали на другой день, дабы стать лагеремъ порядочно».

Послѣ удачнаго сраженія 5-го іюля подъ Джаванъ-Булакомъ гарнизонъ Аббасъ-Абада окончательно отказывался защищать крѣпость. Начались тайные переговоры съ начальниками гарнизона и, наконецъ, Аббасъ-Абадъ сдался, «Богъ знаетъ, какъ и зачѣмъ, прибавляетъ Муравьевъ, ибо она (крѣпость) могла еще долго держаться и мы истощили бы передъ нею послѣднія силы войскъ нашихъ. Удачу сію никоимъ образомъ нельзя приписать искусству вождя нашего».

Познакомивъ съ особенностями характера Паскевича, характера, извѣстнаго читателямъ «Военнаго Сборника» (1), Н. Н. Муравьевъ переходитъ къ дальнѣйшему описанію военныхъ дѣйствій.

Въ половинѣ іюля пріѣхалъ въ Аббасъ-Абадъ генералъ-лейтенантъ Сухтеленъ для занятія должности начальника штаба. «Сухтеленъ, повидимому, былъ человѣкъ весьма добрый, обходительный, но никогда не служилъ и не разумѣлъ дѣла». Онъ полагалъ, что на его обязанности будутъ лежать только вопросы по передвиженію войскъ и стратегическія соображенія, но не ожидалъ занятій по внутреннему устройству ихъ, по госпитальной части, продовольствію, транспортамъ и вообще по хозяйству войскъ. Онъ желалъ возложить все это на попеченіе Муравьева, но когда тотъ отказался, то принужденъ былъ волей не-волей окунуться въ бездну мелочныхъ распоряженій.

(1) См. «Военный Сборникъ» 1888 г., №№ 1-й—8-й.

Муравьевъ съ точностью исполнялъ всѣ порученія Сухтелена и достигъ того, что сложилъ съ себя всякую отвѣтственность.

«Я тогда только отдохнулъ, говоритъ онъ, отъ безпрерывныхъ трудовъ своихъ, ибо не находился болѣе въ прямыхъ сношеніяхъ съ Паскевичемъ, который скоро началъ дѣлать Сухтелену самыя оскорбительныя огорченія, оставляя меня уже въ сторонѣ... Паскевичъ всякій вечеръ собиралъ всѣхъ къ себѣ говорить о дѣлахъ. Тутъ проводили, какъ въ Тифлисѣ передъ выступленіемъ его, часть ночи въ совершенномъ бездѣйствіи, перенося только его оскорбленія».

Всѣ эти разговоры вели лишь къ запутанности плана дальнѣйшихъ дѣйствій. Для укрытія отъ губительной жары одни совѣтовали укрыться въ одномъ мѣстѣ, другіе—въ другомъ и, наконецъ, Сухтеленъ совѣтовалъ, до начала осенней кампаніи, отступить въ Карабабу, что и было принято Паскевичемъ, «хотя и съ неудовольствіемъ». Между тѣмъ, въ лагерь прибылъ посланный Аббасъ-Мирзою для переговоровъ, Мирза-Сале. Главнокомандующій, желая скрыть какъ отъ него, такъ и отъ персіянъ, свое отступленіе, употребилъ такой маневръ. Отправляя Грибоѣдова въ Чорсу, для выясненія персидскихъ предложеній, Паскевичъ приказалъ Бенкендорфу съ кавалеріею проводить Грибоѣдова на нѣкоторое разстояніе за р. Араксъ, а самъ съ пѣхотою отступилъ отъ Аббасъ-Абада къ Нахичевани, какъ будто первый отрядъ могъ скрыть движеніе втораго.

«Изобрѣтеніе сіе было приведено въ исполненіе, пишетъ Н. Н. Муравьевъ, и, разумѣется, безъ малѣйшаго успѣха, ибо, кромѣ того, что отступленіе наше было уже напередъ извѣстно персіянамъ, они имѣли свѣдѣніе и отъ лазутчиковъ. Подобное движеніе можетъ скрыться сими средствами на полѣ сраженія, въ дыму, и то не болѣе одного часа; но скрыть оное на цѣлыхъ переходахъ, въ открытыхъ мѣстахъ, и скрывать оное нѣсколько дней, есть мысль, которая могла придти только въ голову Паскевича».

Карабаба было небольшое селеніе, расположенное въ ущельи, имѣющемъ около трехъ верстъ ширины. По прибытіи туда войскъ, Сухтеленъ настоялъ, чтобы сдѣлать укрѣпленный лагерь, какъ будто можно было ожидать, чтобы персіяне насъ атаковали. Мѣсто для лагеря было выбрано неудобное, какъ по нездоровому климату, такъ и по затруднительной доставкѣ продовольствія. Для прохода транспортовъ пришлось разработывать сначала одну, а потомъ другую дорогу. Болѣзненность и смертность развивались въ войскахъ быстро. Больныхъ отправляли человѣкъ по 300 и 500 въ Гюрюсы, верстъ 80 отъ

Карабабы, за горами. Воображали, что тамъ былъ госпиталь, а на самомъ дѣлѣ это былъ только указанный пунктъ для своза больныхъ. Отправленіе больныхъ «превышало все, что можно себѣ вообразить: несчастныхъ клали на арбы, безъ всякихъ средствъ и помощи. Отъ неясности отдаваемыхъ приказаній случалось, что они по цѣлымъ суткамъ ждали конвоя или самаго отправленія, а иногда и двое сутокъ, ибо никто не имѣлъ ни до кого доступа съ испрошеніемъ разрѣшенія насчетъ предметовъ, до службы касающихся».

Въ трудный переѣздъ черезъ горы умирало до 80-ти человѣкъ, которыхъ и зарывали на дорогѣ; остальныхъ сваливали въ Гюрюсахъ, гдѣ не было заготовлено въ достаточномъ количествѣ ни пищи, ни платья, ни аптеки, ни медицинскихъ чиновъ. Смертность и безпорядки по госпитальной и продовольственной частямъ смутили Паскевича и онъ не зналъ, за что приняться и на что рѣшиться. Непомѣрныя требованія подводъ и провіанта привели въ истощеніе жителей Карабабы и сосѣднихъ провинцій. Довольствоваться средствами края было невозможно: кромѣ множества людей и строевыхъ лошадей, мы потеряли большую половину транспортнаго скота, казенныхъ погонщиковъ и почти всѣхъ вьючныхъ верблюдовъ.

По свидѣтельству Муравьева, четверть хлѣба съ доставкою въ Карабабу обходилась по 20 руб. серебромъ. Паскевичъ подозрѣвалъ всѣхъ «въ недѣятельности и плутовствѣ, тогда какъ плутовство происходило передъ глазами его въ главной квартирѣ отъ комисіонеровъ, наживавшихся непомѣрно въ безпорядкахъ, имъ допускаемыхъ, или, вѣрнѣе сказать, даже производимыхъ». Чтобы сколько нибудь подвинуть впередъ вопросъ о продовольствіи, Паскевичъ отправился самъ въ Гюрюсы. Тамъ онъ не нашелъ госпиталя, а нашелъ брошенныя развалившіяся казармы 42-го егерскаго баталіона, въ которыя и свозились всѣ больные. Хотя главнокомандующій и принялъ мѣры къ обезпеченію госпиталя всѣмъ необходимымъ, но онъ могъ придти въ нѣкоторое устройство не ранѣе половины августа. Въ Гюрюсахъ Паскевичъ призвалъ къ себѣ магальнаго бека и, разбранивъ его за недѣятельность, началъ самъ торговать хлѣбъ и скотъ, причемъ бывшіе при немъ переводчики порядочно нажились. При такомъ порядкѣ вещей могъ-ли быть успѣхъ?

«Сердясь за медленность, пишетъ Муравьевъ, Паскевичъ не переставалъ писать предписанія Абхазову (управлявшему Карабагомъ) и требовалъ то 5,000, то 6,000, то 500 четвертей хлѣба въ самое короткое время, какъ будто бы о затрудненіяхъ и не было извѣстно. Предписанія сіи одни другимъ противорѣчили, и Абхазовъ рѣшился

уже болѣе не обращать вниманія, а продолжалъ безъ развлеченія занятія свои о продовольствіи войскъ по прежнимъ распоряженіямъ».

Пробывъ три дня въ Гюрюсахъ, Паскевичъ отправился обратно въ Карабабу и занялся обученіемъ войскъ штурмовать крѣпости, при помощи лѣстницъ, привезенныхъ изъ Тифлиса. Поставивъ въ Карабабскій за̂мокъ гарнизонъ, онъ приказалъ ему отстрѣливаться, а прочія войска, раздѣленныя на колонны, открыли сильный огонь изъ всѣхъ орудій. Черезъ полчаса они двинулись на штурмъ съ барабаннымъ боемъ. Видъ былъ превосходный и смѣльчаки быстро взобрались на стѣны, гдѣ находился и самъ главнокомандующій. Подготовляя такимъ образомъ войска, Паскевичъ намѣренъ былъ съ наступленіемъ сентября идти прямо къ Тавризу, но измѣнившаяся обстановка не позволила ему привести въ исполненіе свое намѣреніе.

Давно уже носился слухъ, что Аббасъ-Мирза, съ большею частью своихъ войскъ, намѣренъ былъ двинуться къ Эривани. Вскорѣ получено было извѣстіе, что остававшійся съ осаднымъ корпусомъ у Эривани генералъ Красовскій имѣлъ горячее дѣло съ персіянами. Паскевичъ долгое время былъ въ нерѣшительности: ему не хотѣлось отказаться отъ движенія къ Тавризу и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опасался, чтобы персіяне не вторглись въ Грузію со стороны Памбакъ. Дѣйствительно, если бы персидскій принцъ былъ нѣсколько предпріимчивѣе, онъ могъ бы со своею конницею въ нѣсколько дней добраться до Тифлиса, не встрѣтивъ нигдѣ препятствія, ибо послѣ сраженія 17-го августа, подъ Ушаганомъ, Красовскій остановился у Эчміадзина, а Аббасъ-Мирза былъ на дорогѣ въ Грузію.

«Онъ долженъ бы былъ, говоритъ Н. Н. Муравьевъ въ своихъ запискахъ, напасть на транспорты и осадную артилерію, растянувшіеся въ переходѣ черезъ горы на большое пространство, и если бы находившійся въ прикрытіи сихъ обозовъ Кабардинскій пѣхотный полкъ (вновь пришедшій съ линіи) и въ состояніи былъ его удержать, то, минуя большую дорогу, персидская конница все-таки могла бы безпрепятственно пройти до Тифлиса и, разоривъ всѣ селенія, истребить всѣ шедшія къ намъ тяжести и продовольствіе, лишить насъ и средствъ къ дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ, а между тѣмъ, разгромить и самый Тифлисъ. Конница сія быстро могла бы промчаться черезъ Елисаветполь и, присоединивъ къ себѣ всѣ татарскія племена, нами недовольныя и ожидающія только возмутителей, чтобы подняться, пройти черезъ Карабагъ и, переправясь у насъ въ тылу, черезъ Араксъ, возвратиться въ Персію съ большою добычею и безъ

всякаго вреда. Но Аббасъ-Мирза не былъ рожденъ для подобнаго подвига, и подвигъ сей не состоялся, хотя объ ономъ и была рѣчь въ совѣтѣ его.

Движеніе Аббасъ-Мирзы отъ Хоя къ Эривани есть одно изъ лучшихъ соображеній, какое могъ сдѣлать начальникъ, на его мѣстѣ находящійся. Будь у него не персидскія войска, онъ истребилъ бы отрядъ Красовскаго, отбилъ бы осадную артилерію, которая тянулась на большомъ пространствѣ по горамъ, захватилъ бы все продовольствіе наше, освободилъ бы Эривань и разгромилъ бы всю Грузію и самый Тифлисъ. Тогда Паскевичъ, остававшійся со своимъ большимъ войскомъ въ непріятельскихъ границахъ, имѣя въ тылу возмущенный край и непріятельскую армію, самъ безъ средствъ продовольствія и даже вѣрнаго сообщенія съ Грузіею (ибо дорога черезъ Салварти была очень неудобна) едва ли въ состояніи былъ бы возвратиться и мы могли потерять совершенно Грузію».

Всѣ эти соображенія заставляли главнокомандующаго двинуться немедленно къ Эривани и въ Карабабѣ былъ оставленъ ничтожный отрядъ генералъ-лейтенанта Эристова, начальникомъ штаба которому былъ назначенъ полковникъ Н. Н. Муравьевъ. Послѣднему поручено было распечатывать всѣ бумаги, которыя были адресованы на имя главнокомандующаго даже изъ Петербурга, и дѣлать исполненіе по тѣмъ, которыя зависѣли отъ начальника корпуснаго штаба.

Вечеромъ, 27-го августа, войска выступили изъ Карабабы и Муравьевъ, довольный тѣмъ, что разстался, наконецъ, съ Паскевичемъ, сталъ помышлять о занятіи Тавриза. Прежде всего Муравьевъ осмотрѣлъ лагерь и принялъ мѣры къ тому, чтобы стянуть войска и занять выгодную позицію, въ случаѣ нападенія непріятеля. Оставленныя въ Карабабѣ войска были малочисленны и состояли изъ двухъ баталіоновъ Тифлисскаго полка, въ которыхъ числилось всего 800 человѣкъ; при отрядѣ состояло до 800 человѣкъ больныхъ и 5,000 четвертей провіанта, требовавшихъ охраненія. Вскорѣ получено было извѣстіе, что персидская конница, переправившись черезъ Араксъ противъ Шаруля, грабитъ селенія между Нахичеваномъ и Эриванью, и занимается сборомъ продовольствія въ богатыхъ хлѣбомъ деревняхъ Шарульскихъ. Карапапахцы, передавшіеся прежде къ намъ, опять перешли на сторону персіянъ. Носились слухи, что Аббасъ-Мирза, получивъ свѣдѣнія о малочисленности войскъ въ Карабабѣ, намѣренъ былъ атаковать ихъ всѣми своими силами.

Послѣ этихъ извѣстій нельзя было ожидать непріятеля въ Карабабѣ, а необходимо было идти впередъ и смѣлымъ нападеніемъ за-

ставить персіянъ отступить. 11-го сентября карабабскій отрядъ выступилъ и, пройдя семь верстъ, остановился на выгодной позиціи, при скрещиваніи двухъ дорогъ, одной—изъ Нахичевани, а другой—изъ Хоя, откуда можно было ожидать Аббасъ-Мирзу. Здѣсь было получено предписаніе главнокомандующаго отъ 8-го сентября, въ которомъ указывались карабабскому отряду цѣли дѣйствій.

«Если бы непріятель съ нынѣшними его силами, писалъ Паскевичъ, не имѣя много пѣхоты, сталъ бы передъ вами дѣлать движенія, то, собравъ всѣ силы ваши и оставивъ только около двухъ ротъ для гарнизона Аббасъ-Абадскаго, если онъ противъ васъ пойдетъ, атакуйте его рѣшительно. Ежели же онъ расположился въ какомъ нибудь крытомъ ущельѣ, или другой какой выгодной позиціи, которую атаковать было бы ненадежно, или если бы онъ силы свои значительно увеличилъ присоединеніемъ къ себѣ другихъ отрядовъ, то довольствуйтесь наблюдать за нимъ, занимая, по усмотрѣнію вашему, позицію на Араксѣ, или при Нахичевани, дабы отвлечь его вниманіе отъ Эривани.

«Угрожайте тавризской дорогѣ переходомъ черезъ Араксъ и во всякомъ случаѣ старайтесь не допускать его сюда направиться, дабы онъ не могъ замедлить здѣсь (у Эривани) осадныхъ работъ; въ случаѣ если бы онъ пошелъ къ Эривани, то послѣдуйте за нимъ до самаго Шаруля, стараясь меня заблаговременно о томъ увѣдомить».

Очевидно, что Паскевичъ хотѣлъ покончить сначала съ Эриванью и, сообразно съ этимъ, давалъ инструкціи карабабскому отряду. Послѣдній, 12-го сентября, передвинулся ближе къ Нахичевани и, не доходя 12-ти верстъ до города, остановился у сел. Кюльтепе. Такимъ образомъ, для парализованія намѣреній Аббасъ-Мирзы наши войска были расположены слѣдующимъ образомъ: центръ позиціи составлялъ Нахичевань, гдѣ стоялъ отрядъ Сакена, обращенный лицомъ къ Хою и Эривани; правѣе Сакена въ Кюльтепе стоялъ карабабскій отрядъ, составлявшій правый флангъ, и на такомъ же разстояніи отъ центра влѣво, на Араксѣ, былъ гарнизонъ Аббасъ-Абада, составлявшій лѣвый флангъ нашего расположенія. Въ случаѣ движенія непріятеля на Нахичевань, онъ могъ быть атакованъ во флангъ, и съ этою цѣлью Муравьевъ принялъ мѣры къ осмотру дорогъ. Между тѣмъ, къ отряду прибыла конница князя Чавчавадзе и баталіонъ пѣхоты. Тогда князь Эристовъ двинулся изъ Кюльтепе къ Нахичевани, гдѣ и соединился съ Сакеномъ. Непріятель медленно подходилъ къ этому пункту и въ половинѣ сентября передовые его посты показались у караульной башни въ семи верстахъ отъ Нахичевани.

Зная по опыту, что персіянъ нельзя будетъ настичь, если не допустить ихъ близко, рѣшено было не торопиться движеніемъ впередъ, и встрѣтить непріятеля въ боевомъ порядкѣ, состоящемъ изъ двухъ линій пѣхоты въ колоннахъ, одной линіи кавалеріи за пѣхотою и резерва пѣхоты въ четвертой линіи.

«Симъ боевымъ порядкомъ, пишетъ Муравьевъ, можно было навести на себя непріятеля, не заводя пустой перестрѣлки, удержать его стремленіе сильною артилеріею, поставленною въ интервалахъ колоннъ первой линіи и обогнуть его фланги быстрою атакою кавалеріи, коль скоро дѣйствіе артилеріи начинало бы его приводить въ разстройство. Симъ боевымъ порядкомъ, кромѣ вышеназванныхъ выгодъ, обезпечивались еще фланги и тылъ, при коихъ имѣются также орудія. Боевой порядокъ сей можно уподобить густому каре, коего передній фасъ самый сильный и въ срединѣ коего находится вся конница, или сокрыты средства къ преслѣдованію съ настиженіемъ разстроеннаго артилеріею непріятеля».

Всѣ силы наши не превышали 5,000 человѣкъ. Отправивъ по лѣвому берегу Аракса Черноморскую бригаду съ Долгорукимъ, Муравьевъ приказалъ ему отыскать бродъ черезъ Араксъ, переправиться на правый берегъ и дѣйствовать въ тылъ непріятелю. Вслѣдъ за тѣмъ отдано было приказаніе выступить и всему отряду къ караульной башнѣ. При первомъ нашемъ появленіи персіяне стали отступать и были преслѣдуемы Сакеномъ до брода Кейгачъ. При этомъ бродѣ, на обоихъ берегахъ Аракса было по бугру на каждомъ, и Аббасъ-Мирза, переправившись черезъ рѣку, занялъ бугоръ на правомъ берегу, поставилъ на него пѣхоту и сталъ окапываться. «Но такъ какъ для работъ сихъ не имѣлъ онъ ни времени, ни (какъ кажется) инструмента, то и успѣлъ онъ только нѣсколько взрыть землю штыками, не сдѣлавъ никакого укрѣпленія. Онъ самъ находился на семъ бугрѣ, на коемъ его видѣли на сѣромъ конѣ». Кавалерія его прикрывала четыре орудія, поставленныя въ кустахъ, и дѣйствіемъ которыхъ Аббасъ-Мирза думалъ остановить насъ, дабы имѣть время отправить назадъ къ Хою свои тяжести.

Послѣ канонады, продолжавшейся довольно долгое время, подошла наша пѣхота и персіяне начали тотчасъ же отступать. Переправившись черезъ рѣку, войска были остановлены, такъ какъ наступали уже сумерки и люди очень устали послѣ 25-ти-верстнаго труднаго перехода. Тѣмъ не менѣе рѣшено было дать людямъ отдыхъ и затѣмъ, ночью, пуститься въ погоню за Аббасъ-Мирзою. Отрядъ отдыхалъ около 3—4 часовъ, потомъ выступилъ въ темную

ночь, сбился съ пути и когда стало разсвѣтать, то съ прискорбіемъ увидѣли, что отошли отъ Аракса не болѣе двухъ верстъ. 15-го числа Аббасъ-Мирза былъ уже въ Шахъ-Булагѣ и ничего не могъ предпринять, какъ оказалось впослѣдствіи. Отъ сильнаго перехода, большаго числа больныхъ, недостатка продовольствія, а главное, отъ упадка духа войска его разсыпались: множество людей бѣжало по домамъ и въ распоряженіи наслѣдника персидскаго престола остался только одинъ баталіонъ, сформированный изъ бѣглыхъ нашихъ солдатъ. Хотя онъ и получилъ извѣстіе о движеніи русскихъ къ Каразіадзину, находившемуся на прямомъ пути къ Хою, но остановить это движеніе или задержать его былъ не въ силахъ.

«Мы, пишетъ Муравьевъ, подвигались цѣлый день по безводнымъ мѣстамъ, гдѣ не было замѣтно никакого произрастанія, и имѣли отъ сильнаго и труднаго перехода сего много усталыхъ. Мы потеряли также нѣкоторое число лошадей, ибо онѣ были очень изнурены бѣжаніемъ прошлаго дня, послѣ котораго простояли ночь безъ корма. Не менѣе того, отрядъ нашъ шелъ въ большомъ порядкѣ: всякая часть войскъ и всѣ начальники на своихъ мѣстахъ; усталыхъ подбирали и подсаживали на казачьихъ лошадей, такъ что отрядъ нашъ даже не растянулся».

По сторонамъ и вдали отъ отряда замѣчались отдѣльные всадники, слѣдившіе за нашимъ движеніемъ. По временамъ они вступали въ перестрѣлку, но лишь только высылались противъ нихъ казаки, какъ персіяне быстро отступали и скрывались. По этому Муравьеву не представлялось никакихъ затрудненій привести свой планъ въ исполненіе, т. е. «двигаться впередъ, угрожая Хою или Хойской дорогѣ съ тѣмъ, чтобы заставить Аббасъ-Мирзу описывать внѣшнюю линію по труднымъ дорогамъ, для предупрежденія насъ въ Хоѣ, посредствомъ чего онъ былъ отброшенъ отъ Эривани и войско его изнурялось и уничтожалось; а въ случаѣ встрѣчи съ нимъ, атаковать его и разбить».

Занявъ Каразіадзинъ, мы перерѣзали сообщенія Аббасъ-Мирзы съ тѣми его войсками, которыя въ теченіе трехъ дней онъ могъ притянуть къ себѣ изъ Дарадизскаго ущелья и тѣмъ значительно усилиться. Персидскій принцъ принужденъ былъ пройти окольными путями въ Курульское ущелье и преслѣдовать его тамъ не было никакой цѣли, а потому и рѣшено было отступить къ Аббасъ-Абаду, куда отрядъ и прибылъ 19-го сентября. На слѣдующій день отрядъ перешелъ къ Нахичевани, чтобы запастись средствами и приготовиться къ новой экспедиціи; кавалерія же была отправлена верстъ

20 впередъ, на р. Аланджу, гдѣ былъ хорошій подножный кормъ. «Тайное мое намѣреніе было взять Тавризъ, пишетъ Муравьевъ; но я гласно не говорилъ о семъ, хотя и видѣлъ всѣхъ начальниковъ готовыми къ сему предпріятію».

Нѣсколько дней отдыха и пребыванія въ лагерѣ, изобильномъ продовольствіемъ, фуражемъ и водою, оживили людей и лошадей. Всѣ были готовы къ новому походу, бодры, веселы, какъ обыкновенно бываетъ въ лагеряхъ передъ наступленіемъ. Извѣстіе о взятіи Паскевичемъ Сардаръ-Абада еще болѣе ободрило отрядъ и все предвѣщало полный успѣхъ. Приступая затѣмъ къ осадѣ Эривани, Паскевичъ требовалъ, чтобы отрядъ князя Эристова ни въ какомъ случаѣ не дозволилъ Аббазъ-Мирзѣ оказать помощь осажденнымъ. 28-го сентября отрядъ Эристова переправился черезъ Араксъ, нѣсколько ниже Джульфы, прошелъ черезъ Дарадизское ущелье, Гергеры, и вышелъ на обширную Марандскую равнину, усѣянную деревнями. 3-го октября войска вступили въ г. Марандъ и Муравьевъ тотчасъ же отправилъ въ Тавризъ нѣсколько экземпляровъ прокламаціи, которою обезпечивались лица и собственность жителей. «Казалось, говоритъ онъ, что большая часть жителей расположена была насъ принять. Я дѣйствовалъ и черезъ муждегита, писалъ къ нему, надѣясь на вліяніе, которое сія духовная особа могла имѣть въ народѣ, но не получилъ никакого удовлетворительнаго отвѣта отъ сего человѣка, нерѣшительнаго, довольно глупаго и не пользовавшагося, какъ я полагалъ сначала, особенною довѣренностію и уваженіемъ въ народѣ».

Тѣмъ не менѣе наступленіе на Тавризъ было рѣшено, несмотря на то, что на нашемъ правомъ флангѣ показался Аббасъ-Мирза со своими войсками и передовые его посты подъѣзжали на разстояніе 15—20 верстъ отъ Маранды. Вечеромъ 5-го октября, были получены вѣрныя извѣстія о движеніи Аббасъ-Мирзы на нашъ тылъ по направленію къ Дарадизу. Лежавшая въ тылу нашемъ большая дорога была уже занята передовыми персидскими всадниками. Высланные наши легкіе отряды заставили Аббасъ-Мирзу отказаться отъ своего намѣренія и затѣмъ отрядъ нашъ, оставивъ Марандскій лагерь, двинулся впередъ. Болѣе всего опасались, чтобы Паскевичъ не вернулъ назадъ, но распоряженіе объ этомъ послѣдовало тогда, когда Тавризъ былъ уже взятъ.

Сдѣлавъ переходъ въ 35 верстъ, отрядъ 10-го октября остановился въ сел. Софіанъ, въ 40 верстахъ отъ Тавриза, старая цитадель котораго была уже видна.

«12-го числа, пишетъ Муравьевъ, мы прошли около 25-ти верстъ

утомительною Тавризскою равниною и пришли къ деревнѣ Сагланъ. По всей дорогѣ жители толпами выходили къ намъ на встрѣчу и, принося въ даръ жертвы, подавали надежду, что завладѣніе Тавриза не подверженно сомнѣнію. Но въ лагерѣ у насъ мнѣнія были различны; иные заговаривали даже, чтобы болѣе не идти впередъ. Князь Эристовъ тутъ показался въ первый разъ твердымъ: онъ громко и смѣло объявилъ, что, пришедши въ Сагланъ, уже не должно болѣе было помышлять о возвращеніи, а взять, во чтобы то ни стало, Тавризъ, и какъ онъ (Эристовъ) ни былъ страненъ и смѣшонъ, но рѣшеніе сіе не подверглось ничьему осужденію».

По полученнымъ извѣстіямъ, Аббасъ-Мирза тянулся на выручку Тавриза, и потому необходимо было спѣшить дѣйствіями. Н. Н. Муравьевъ обратился къ муждегиту, но тотъ требовалъ три дня на размышленіе. Тогда рѣшено было быстро двинуться впередъ и овладѣть городомъ. 13-го октября войска остановились въ пяти верстахъ отъ Тавриза, на р. Аджи-чай. Начальникъ гарнизона Алаяръ-ханъ препятствовалъ старшинамъ города выдти къ намъ на встрѣчу, и, встрѣтивъ въ этомъ сопротивленіе, рѣзалъ уши, носы и выкалывалъ глаза. Несмотря на то, лишь только наши войска показались въ виду города, какъ сарбазы разбѣжались, и Алаяръ-ханъ принужденъ былъ скрыться въ одномъ изъ домовъ городскаго предмѣстья. Тогда жители цѣлыми толпами вышли на встрѣчу и оказывали величайшую радость при видѣ русскихъ. Войска двинулись въ городъ и остановились лагеремъ между крѣпостью и предмѣстьемъ; цитадель и крѣпость были заняты нашими войсками. Въ крѣпости найдено много орудій, боевыхъ припасовъ, продовольствія и взято нѣсколько плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и Алаяръ-ханъ. Дворецъ Аббасъ-Мирзы былъ разграбленъ самими персіянами, литейный дворъ и пороховой заводъ уничтожены нами, а на пушечномъ дворѣ было вылито нами два орудія со стемпелемъ «Тавризъ», которыя и отправлены въ Россію.

14-го октября всѣ войска были собраны на гласисѣ. При огромномъ стеченіи народа, въ присутствіи муллъ, всѣхъ сановниковъ и англійскихъ чиновниковъ былъ отслуженъ молебенъ, по случаю взятія Эривани. Объ этомъ событіи былъ объявленъ особый приказъ Паскевича отъ 1-го октября 1827 года.

«Храбрые товарищи! писалъ онъ. Вы много потрудились за царскую славу, за честь русскаго оружія. Я былъ съ вами днемъ и ночью свидѣтелемъ вашей бодрости неусыпной, мужества непоколебимаго; побѣда вездѣ васъ сопровождала. Въ четыре дня взяли вы Сардаръ-

Абадъ, въ шесть Эривань, ту знаменитую твердыню, которая слыла неприступнымъ оплотомъ Азіи. Цѣлые мѣсяцы ее прежде сего осаждали, и въ народѣ шла молва, что годы нужны для ея покоренія. Вамъ стоило провести нѣсколько ночей безъ сна, вы разгромили стѣны ея, стали на краю рва и навели ужасъ на ея защитниковъ. Эривань пала передъ вами, и нѣтъ намъ болѣе противниковъ въ цѣломъ персидскомъ государствѣ (?). Гдѣ ни появитесь, толпы непріятелей исчезнутъ передъ завоевателями Аббасъ-Абада, Сардаръ-Абада и Эривани. Города отворятъ ворота свои, жители явятся къ вамъ покорными. Вы ихъ вездѣ щадили, и они, угнатые своими утѣснителями, теперь отвсюду собираются подъ великодушную защиту нашу. Россія будетъ вамъ признательна, что поддержали ея величіе и могущество. Сердечно благодаренъ вамъ; поздравляю васъ, храбрые офицеры и солдаты кавказскаго корпуса! Мой долгъ довести Великому Государю истину о подвигахъ и трудныхъ походахъ, о славныхъ дѣлахъ вашихъ. Въ нынѣшнюю кампанію вы овладѣли двумя областями. Восемъ знаменъ, 50 пушекъ, два сардаря, 20 хановъ, 6,000 плѣнныхъ сарбазовъ и 10,000 разсѣянныхъ, бросившихъ оружіе, многочисленные запасы продовольствія и снарядовъ—вотъ добыча, вами завоеванная. Но прежде всего Богу Всевышнему благодарность, Подателю успѣховъ и побѣдъ».

Прославивъ такимъ образомъ свою побѣду подъ Эриванью, Паскевичъ очень холодно отозвался о занятіи Тавриза и приписалъ все Эривани. Онъ доносилъ, что извѣстіе о покореніи Эривани произвело самое удручающее вліяніе на персіянъ, что побѣги въ войскахъ Аббасъ-Мирзы усилились и что потому жители Тавриза рѣшились не защищаться. Все это происходило отъ того, что главнокомандующій желалъ самъ занять Тавризъ и былъ недоволенъ преждевременнымъ его занятіемъ. 12-го октября онъ писалъ Эристову, что находитъ движеніе его съ незначительнымъ отрядомъ преждевременнымъ. «Слѣдуя самъ къ Тавризу, писалъ Паскевичъ князю Эристову, съ главнымъ отрядомъ и въ сопровожденіи парковъ и транспортовъ, могущихъ единственно обезпечить основательное наступательное дѣйствіе, вашему сіятельству долженствовало довольствоваться твердымъ занятіемъ Дарадизскаго ущелья, обезпечить мое приближеніе и заготовленіемъ запасовъ облегчить маршъ моей колонны. Теперь я опасаюсь, дабы съ вами не случилось, какъ передъ симъ съ генералъ-лейтенантомъ Красовскимъ, и что я вынужденъ буду поправлять дѣла неблагопріятныя, отъ неосторожной отважности происшедшія; ибо ваше сіятельство изъ вида упускаете, что на дальнемъ разстояніи отъ

Аракса до Софіана или Тавриза, имѣя еще непріятеля по обоимъ флангамъ дороги, вы подвергаете себя не только потерять всякое сообщеніе, но и меня нападеніямъ непріятельской кавалеріи на транспорты, слѣдованія которыхъ, число войскъ со мною прибывшихъ, совершенно прикрыть не дозволаетъ. Вслѣдствіе чего, предписываю вашему сіятельству, буде вы еще далѣе не подвинулись, то, остановясь у Маранды, занять Дарадзинское ущелье надежнымъ отрядомъ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній».

Какъ это предписаніе противорѣчитъ донесенію главнокомандующаго о легкости, съ которою взятъ Тавризъ, мы полагаемъ разъяснять нѣтъ необходимости. Паскевичъ нарочно пугалъ князя Эристова предпріимчивостью непріятеля, чтобы только лишить его возможности занять Тавризъ, ранѣе прибытія главныхъ силъ.

Спустя нѣсколько дней, по занятіи города, войска были выведены за городъ въ лагерь и остановились на площадкѣ по Тегеранской дорогѣ. Наступали холода; сталъ ощущаться недостатокъ въ топливѣ и за невозможностью достать его, разрѣшено было рубить садъ, только-что разведенный Аббасъ-Мирзою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, были приняты мѣры къ учрежденію временнаго правленія въ занятомъ городѣ. Назначенный комендантомъ Тавриза полковникъ Лазаревъ получилъ приказаніе, чтобы: 1) всѣ крѣпостныя ворота были заняты войсками, а резервъ съ орудіями находился на дворѣ дворца Аббасъ-Мирзы; 2) чтобы разставленные по крѣпости часовые видѣли другъ друга; 3) чтобы были назначаемы денные и ночные пѣшіе патрули и казачьи разъѣзды; 4) полицейскіе чины и земскіе начальники были обязаны въ точности исполнять всѣ наши приказанія. Въ городѣ было учреждено ежедневное присутствіе изъ старшинъ, коменданта и полиціймейстера, для рѣшенія вопросовъ, касающихся управленія; дѣла приказано рѣшать какъ можно скорѣе и избѣгать переписки. Сверхъ того, на обязанность Лазарева возложено имѣть свѣдѣнія о состояніи умовъ и объ экономическомъ положеніи города во всѣхъ отношеніяхъ. Для управленія же всею Тавризскою областью былъ назначенъ губернаторомъ генералъ Сакенъ.

Между тѣмъ Паскевичъ съ главными силами 17-го октября вступилъ въ Софіанъ и 19-е число назначилъ для торжественнаго шествія своего въ Тавризъ. Съ этою цѣлью онъ самъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 1) чтобы при приближеніи его съ войсками отрядъ Эристова былъ выстроенъ передъ городомъ для встрѣчи въ парадной формѣ; 2) чтобы впереди этихъ войскъ, на нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи находилась почетная депутація съ городскими ключами;

3) чтобы для церемоніальнаго марша выбрано было такое мѣсто, на которомъ войска могли бы пройти по улицамъ города или, по крайней мѣрѣ, вдоль предмѣстья по направленію къ г. Хою.

«Пріемъ, пишетъ Муравьевъ, который онъ (Паскевичъ) себѣ приготовлялъ, показывалъ желаніе его носить имя побѣдоносца, и кто бы у него могъ оспорить оное, какъ у главнаго начальника, отъ коего изливаются всѣ распоряженія, доставляющія успѣхъ? Самое распоряженіе его къ торжественному вшествію соображено болѣе по картинамъ торжественныхъ вшествій союзныхъ государей въ европейскія столицы. Ему должно было быть извѣстно, что тѣснота улицъ не позволяла въ Тавризѣ полнаго церемоніальнаго марша, и не должно было упоминать объ ономъ; а если уже ему такъ хотѣлось подражать римлянамъ при торжественныхъ ихъ вшествіяхъ, то послалъ бы своего нарочнаго чиновника или начальника штаба распорядиться онымъ сообразно. Требованіе, чтобы ключи города были поднесены ему почетною депутаціею жителей было несправедливо: ключи уже предполагались у насъ, и никто, какъ Эристовъ, не долженъ былъ ему подносить оныхъ».

Получивъ всѣ распоряженія о встрѣчѣ, Муравьевъ самъ отправился въ Сагланъ, гдѣ и былъ принятъ Паскевичемъ довольно холодно. Муравьевъ успѣлъ, однакоже, доказать все неудобство почетной депутаціи и тогда рѣшено было, что ключи отъ города будутъ поднесены главнокомандующему самимъ княземъ Эристовымъ, который и сталъ впереди всѣхъ, имѣя сзади себя донскаго урядника съ подносомъ. На послѣднемъ «подъ небольшимъ какимъ-то цвѣтнымъ покрываломъ, лежали безобразные большіе ключи отъ какого-то амбара».

Около полудня подъѣхалъ Паскевичъ къ Тавризу, принялъ благосклонно ключи отъ князя Эристова, пропустилъ войска церемоніальнымъ маршемъ и затѣмъ отправился въ городъ, приказавъ слѣдовать за собою уланскому полку, съ нимъ пришедшему. При въѣздѣ главнокомандующаго въ крѣпость приказано было начать пальбу изъ всѣхъ персидскихъ орудій, стоявшихъ на валу. Лишь только лошадь его вступила на мостъ, какъ изъ ближайшаго къ мосту орудія былъ произведенъ выстрѣлъ, почти въ упоръ. Лошадь бросилась въ сторону, Паскевичъ оглянулся назадъ съ безпокойствомъ, но тотчасъ оправился и поѣхалъ въ ворота. За нимъ слѣдовали уланы въ два коня или по одиночкѣ. Проѣзжали черезъ грязныя, узкія и темныя улицы неопрятнаго базара и прибыли, наконецъ, въ лагерь. Пообѣдавъ у князя Эристова, главнокомандующій отправился на отведенную ему квартиру въ крѣпости.

«Сего знака было достаточно, говоритъ Муравьевъ, и я уже не надѣялся болѣе удержать начальниковъ въ лагерѣ: все понеслось въ городъ и заняло себѣ квартиры. Войска остались одни въ полѣ. Всякій день происходили безпорядки, драки, грабежи, жалобы со стороны жителей, виновные не отыскивались, а потому зло и не останавливалось, а жители, дотолѣ обращавшіеся съ нами съ довѣренностью, стали негодовать на насъ.

«Все перемѣшалось и не было отдано никакого приказанія, не сдѣлано никакого распоряженія для какого нибудь новаго раздѣленія войскъ, въ коемъ бы каждый начальникъ могъ видѣть свое назначеніе. Все смѣшалось, слилось и полковые адъютанты по ночамъ блуждали по извилистымъ улицамъ Тавриза, дабы отыскать какое нибудь лицо, которое соблаговолило бы отдать какое нибудь приказаніе. Войска терпѣли нужду; были безъ фуража, безъ топлива».

Между тѣмъ начались переговоры о мирѣ. Выбирали мѣсто для преній и, наконецъ, назначили Депъ-Корганъ, куда отправляли почетные караулы и все необходимое. Военныхъ дѣйствій болѣе не предвидѣлось и Муравьевъ просилъ уволить его въ Тифлисъ, на что и получилъ разрѣшеніе главнокомандующаго.

Въ Тифлисѣ Муравьевъ узналъ о заключеніи Туркменчайскаго мира, первыя извѣстія о которомъ были привезены адъютантомъ Паскевича, княземъ Суворовымъ, а болѣе подробныя—Грибоѣдовымъ. Со вступленіемъ послѣдняго въ домъ управляющаго гражданскою частію генерала Сипягина, по сигналу, ракетою данному, открылась стрѣльба изъ орудій Метехскаго за̀мка. Всѣ радовались, что персидская война кончилась благополучно и можно было готовиться къ другой — турецкой.

Н. Д.

(Продолженіе будетъ).

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ МОЛЬТКЕ,

КАКЪ ОРГАНИЗАТОРЪ И СТРАТЕГЪ.

(Le Marèchal de Moltke organisateur et stratege. Par. M. le général Lewal).

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Journal des sciences militaires появилась статья извѣстнаго французскаго военнаго писателя генерала *Леваля*, представляющая характеристику покойнаго фельдмаршала Мольтке. Принимая во вниманіе всеобщій интересъ, возбуждаемый личностью маститаго германскаго полководца и весьма извѣстное въ военной литературѣ имя генерала Леваля, полагаемъ не безъинтереснымъ предложить читателямъ извлеченіе изъ названной его статьи, тѣмъ болѣе, чтъ французскій авторъ хотя и признаетъ покойнаго фельдмаршала ожесточеннымъ врагомъ своей родины, но прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы сохранить, по возможности, полное безпристрастіе въ своихъ заключеніяхъ о его военномъ значеніи.

Смерть фельдмаршала Мольтке произвела болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе въ военныхъ кружкахъ всѣхъ государствъ; его замѣчательная личность занимала высокое мѣсто въ общественномъ мнѣніи, а маститая старость фельдмаршала не возбуждала опасеній въ скорой его кончинѣ, на столько къ нему привыкли всѣ и каждый. Многіе еще воображали, что снова увидятъ его въ качествѣ руководителя войны, осуществляющаго созданные имъ стратегическіе планы. Такова была вѣра въ этого *доктора военныхъ побѣдъ*, что его присутствіе пѣшкомъ, верхомъ или въ экипажѣ возвысило бы духъ каждаго германца.

На самомъ дѣлѣ, такое представленіе было лишь результатомъ необдуманныхъ мечтаній энтузіастовъ; уже издавна престарѣлые годы фельдмаршала отстранили его отъ дѣйствительности и, сохраняя, по-

видимому, свою должность, онъ не исполнялъ ее фактически. По этому его кончина ни въ чемъ не измѣняетъ положенія Германіи: это не сила, прекратившая свою могучую дѣятельность, а просто человѣкъ, переставшій существовать.

Таково дѣйствительное значеніе Мольтке въ послѣдніе годы его жизни, но не то было прежде; онъ оказалъ самое существенное вліяніе на способы подготовки къ войнѣ, его военные успѣхи совершенно измѣнили существовавшую систему европейскаго равновѣсія, а послѣ себя онъ оставляетъ всѣ государства Европы подъ оружіемъ и въ тревожномъ ожиданіи грядущихъ событій. Само собою разумѣется, что личность, произведшая все это, не могла принадлежать обыкновенному человѣку, и, безъ сомнѣнія, исторія отведетъ для Мольтке выдающееся мѣсто, а все-таки не помѣститъ его ни въ разрядъ первостепенныхъ лицъ, ни въ разрядъ великихъ полководцевъ.

Въ противность тому, что обыкновенно характеризуетъ людей, предназначенныхъ къ великимъ дѣяніямъ, первые шаги Мольтке на жизненномъ поприщѣ не отличались ни малѣйшимъ блескомъ, напротивъ, были безцвѣтны и безъизвѣстны. Его дѣтство представляется непрерывнымъ ходомъ мученій и производитъ грустное впечатлѣніе тѣмъ угнетеннымъ состояніемъ, въ которомъ находились и физическія и моральныя его способности. Трудъ, серьезныя занятія и молчаніе могущественно повліяли на образованіе этого сильно закаленнаго характера. Съ самыхъ малыхъ лѣтъ онъ привыкъ къ рѣшимости, сопротивленію и борьбѣ и замкнулся въ самомъ себѣ подъ вліяніемъ леденящей обстановки. Веселость, радость жизни остались ему неизвѣстны и привѣтливая улыбка никогда не появляется на его тонкихъ и сжатыхъ устахъ.

По принятому обычаю, одиннадцати лѣтъ отъ роду онъ оставилъ семейство своихъ родителей и съ этой минуты началъ вести суровую жизнь, исключительно посвященную исполненію долга. Будучи сначала помѣщенъ въ качествѣ пансіонера къ старому генералу, семейная жизнь котораго представляла непрерывный рядъ ссоръ и неудовольствій всякаго рода, а затѣмъ, поступивъ въ кадетскую школу въ Копенгагенѣ, Мольтке сразу узналъ жизнь съ такой непригляднoй стороны, что онъ — человѣкъ никогда и ни на что не жаловавшійся — выразилъ въ свое время испытанныя впечатлѣнія въ слѣдующихъ поучительныхъ словахъ: «Я былъ подверженъ обращенію весьма суровому, даже черезчуръ суровому, и единственнымъ хорошимъ результатомъ этого обращенія было то, что съ раннихъ лѣтъ я пріучился ко всевозможнымъ лишеніямъ».

Послѣ шести лѣтъ неустаннаго труда, въ 1818 г., Мольтке окончилъ кадетскую школу первымъ.

Одинъ изъ товарищей его дѣтства обрисовываетъ личность будущаго фельдмаршала слѣдующимъ образомъ: «его безпримѣрное прилежаніе и желѣзная воля не отступали ни передъ какой задачей; съ величайшею точностью онъ дѣлалъ все то, что самъ себѣ намѣтилъ и исполнялъ свои обязанности съ горячимъ усердіемъ, съ акуратностью и точностью, почти безпримѣрными».

Получивъ въ 1819 г. офицерское званіе, Мольтке подвергаетъ себя, такъ сказать, внутреннему испытанію и находитъ, что, не смотря на школьные успѣхи, знаніе его и образованіе недостаточны; онъ сознаетъ, что для того, чтобы возвыситься, нужно обладать знаніемъ и что за недостаткомъ такого происхожденія, которое само по себѣ обезпечивало бы успѣхъ въ жизни, необходимо обладать личными достоинствами, выходящими изъ ряда. И вотъ онъ рѣшается подвинуть свои познанія какъ можно дальше, а потому второй періодъ его жизни посвященъ всецѣло самоусовершенствованію; этотъ періодъ продолжался ни много, ни мало, какъ цѣлыхъ 35 лѣтъ.

Не долго оставался Мольтке въ рядахъ датской арміи, которая представляла слишкомъ ограниченное поприще для его тщательно скрываемаго честолюбія, и перешелъ младшимъ лейтенантомъ въ прусскія войска, причемъ тотчасъ же обратилъ на себя вниманіе, блестяще выдержавъ переходное испытаніе. Но служба въ пѣхотномъ полку, расположенномъ гарнизономъ въ Франкфуртѣ на Одерѣ, не давала возможности будущему фельдмаршалу удовлетворить въ должной степени обуревавшую его жажду умственной дѣятельности и вотъ, въ 1823 г., онъ откомандировывается въ Берлинскую военную академію, въ которой остается слушателемъ въ теченіи четырехъ лѣтъ. Тутъ онъ вновь всецѣло отдается, какъ прежде въ Копенгагенѣ, учебнымъ занятіямъ, воздерживается отъ малѣйшихъ удовольствій, или даже простыхъ развлеченій и не знаетъ ничего иного, кромѣ безпрерывнаго упорнаго труда по изученію военнаго дѣла и иностранныхъ языковъ.

По окончаніи академіи, въ 1827 г., Мольтке назначается начальникомъ дивизіонной школы во Франкфуртѣ и заявляетъ себя необыкновенною ясностью и точностью въ дѣлѣ преподаванія; вслѣдъ за тѣмъ онъ удостоивается перевода въ генеральный штабъ, какъ офицеръ выдающихся достоинствъ.

Въ это время, помимо военной службы, Мольтке занимается историческими трудами и выпускаетъ въ свѣтъ два сочиненія, одно, отно-

сящееся до Бельгіи и Голландіи, и другое до Польши; оба произвели впечатлѣніе и обратили вниманіе на молодаго писателя. Служебное положеніе Мольтке было весьма хорошо и отъ него одного зависѣло пользоваться имъ, но, по своему характеру, онъ не могъ удовлетвориться монотонной службой, не представлявшей средствъ къ дальнѣйшему обогащенію его познаній. Такъ какъ въ Берлинѣ уже нечему было больше учиться, то Мольтке жаждалъ отправиться въ другія страны и, едва достигнувъ капитанскаго чина, въ 1834 году, получаетъ разрѣшеніе отправиться въ Италію.

Въ 1835 г. онъ переѣзжаетъ въ Турцію, гдѣ сераскиръ и приглашаетъ его остаться, выхлопотавъ у прусскаго правительства разрѣшеніе на продленіе его отпуска до трехъ лѣтъ. Здѣсь капитанъ Мольтке принимаетъ участіе въ работахъ по реорганизаціи турецкой арміи, сопровождаетъ султана Махмуда II въ его поѣздкѣ по Болгаріи и руководитъ работами по укрѣпленію Рущука, Силистріи, Варны и Шумлы. Въ 1836 г. онъ присоединяется къ турецкой арміи въ Малой Азіи и, два года спустя, участвуетъ въ кампаніи противъ курдовъ. Годомъ позже онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ войнѣ съ вицемъ-королемъ Египта, Мехмедомъ-Али; въ качествѣ волонтера при турецкой арміи, онъ несетъ дѣйствительную службу наравнѣ съ остальными офицерама; учитъ своихъ товарищей, руководитъ ихъ рекогносцировками, съемочными работами, составленіемъ кроки и помогаетъ въ веденіи военныхъ операцій; здѣсь Мольтке, можно сказать, учится на практикѣ военному дѣлу.

Послѣ пятилѣтняго отсутствія, онъ возвращается въ Берлинъ и снова занимаетъ свое мѣсто въ генеральномъ штабѣ; тутъ онъ продолжаетъ научныя занятія и приводитъ въ порядокъ свои замѣтки и воспоминанія. Въ 1841 онъ издаетъ «Письма о Востокѣ», обратившія на себя всеобщее вниманіе какъ содержаніемъ, такъ и формой изложенія; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выпускаетъ въ свѣтъ множество картъ, лично имъ составленныхъ въ Константинополѣ, на Босфорѣ и въ Малой Азіи.

Наконецъ, въ 1842 г., Мольтке производится въ маіоры, имѣя 42 года отъ рода и 23 года офицерской службы. Въ томъ же году Мольтке вступаетъ въ бракъ, который, впрочемъ, ни малѣйшимъ образомъ не измѣнилъ его привычекъ; по прежнему, служба занимаетъ у него первенствующее мѣсто, по прежнему продолжаетъ онъ размышлять и учиться въ ожиданіи того времени, когда наступитъ и для него очередь наставлять и направлять другихъ; но прежнему точное исполненіе служебныхъ обязанностей не удовлетворяетъ его

жажды дѣятельности и въ 1845 г. онъ выпускаетъ въ свѣтъ исторію войны Россіи съ Турціей въ 1828—1829 гг. Въ томъ же году онъ назначается состоять при особѣ принца Генриха Прусскаго, съ которымъ отправляется въ Римъ, и затѣмъ издаетъ свои путевыя впечатлѣнія въ двухъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ.

Въ 1848 г. маіоръ Мольтке назначается начальникомъ штаба 4-го армейскаго корпуса въ Магдебургѣ; это назначеніе знаменуетъ крайне важную эпоху въ его жизни, ибо командиромъ 4-го корпуса былъ принцъ Вильгельмъ Прусскій, братъ царствовавшаго короля и впослѣдствіи германскій императоръ Вильгельмъ I-й. Командиръ корпуса и его начальникъ штаба поняли другъ друга, понравились одинъ другому и прониклись чувствомъ взаимнаго уваженія; въ это-то время возникли между ними отношенія, которыя продолжались всю ихъ жизнь и оказали столь поразительное вліяніе на судьбу Европы.

Въ означенную эпоху Прусія, по своему политическому положенію, не имѣла права разсчитывать на совершеніе великихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако же, изъ ничтожнаго государства при Фридрихѣ Великомъ она съумѣла сдѣлаться довольно значительнымъ королевствомъ, благодаря именно войнѣ и, конечно, только война могла увеличить и усилить ее значеніе. Съ превосходной военной системой, съ арміей, значительной числомъ и качествомъ, можно было разсчитывать на новыя пріобрѣтенія и успѣхи.

И вотъ маіоръ Мольтке находитъ въ своемъ начальникѣ твердую опору и поддержку, и видитъ средство къ осуществленію въ будущемъ плановъ относительно обновленія Пруссіи въ военномъ отношеніи. Эти двѣ личности, ставшія искренными друзьями, прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы внушить всѣмъ окружающимъ обуревающія ихъ чувства и не упускали ни одной минуты для изученія и подготовки тѣхъ грандіозныхъ идей, которыя составляли искреннѣйшее желаніе ихъ сердца и требовали для своего осуществленія только болѣе благопріятнаго времени.

Качества и характеръ Мольтке были какъ нельзя болѣе приспособлены къ подобному положенію, ибо безустанный трудъ, тщательная обработка плановъ организаціи вооруженныхъ силъ и военныхъ операцій составляли истинное его призваніе. Твердость его характера, его развитіе, умъ и обширныя знанія внушали къ нему искреннее уваженіе всѣмъ окружающимъ и пріобрѣли ему вліяніе надъ принцемъ Вильгельмомъ, который сдѣлался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ его сотрудниковъ, чуть ли не ученикомъ даже. Постоянно мечтая о войнѣ и не будучи въ состояніи возбудить ее, корпусный ко-

мандиръ и начальникъ его штаба изобрѣли средство для воспроизведенія военныхъ операцій въ той степени, въ какой это было возможно въ періодъ глубокаго мира, и вотъ въ офицерскомъ собраніи Магдебурга открываются безконечныя занятія *военною игрою*. Въ этомъ печальномъ городѣ, окруженномъ не менѣе печальными окрестностями, каждый день послѣ обѣда собирались участники игры вокругъ огромнаго стола, покрытаго картами въ крупномъ масштабѣ, и до поздней ночи ставили и обсуждали всевозможные вопросы, относящіеся до тактическаго искусства. Проходитъ семь лѣтъ въ этихъ настойчивыхъ занятіяхъ, направленныхъ къ изученію военнаго дѣла, причемъ маіоръ Мольтке по прежнему ведетъ жизнь совершеннаго отшельника. Но хотя о немъ говорятъ немного, тѣмъ не менѣе его достоинства и работы становятся извѣстны всѣмъ. Въ концѣ этого срока онъ производится въ полковники, имѣя отъ рода 55 лѣтъ. Въ эту минуту Мольтке все еще не начиналъ активной карьеры и только заканчивалъ свою дѣятельность, такъ сказать, ученика въ дѣлѣ военнаго искусства.

Личныя качества Мольтке, его выдержка и дружба къ принцу Вильгельму побудили этого послѣдняго избрать его для сопровожденія принца Фридриха (впослѣдствіи императора Фридриха III) во время путешествія за-границу. Это путешествіе въ различныя страны было драгоцѣнно для Мольтке, ибо ставило его въ весьма выгодное положеніе для ознакомленія съ государями, ихъ дворами, высшимъ обществомъ и въ особенности съ арміями и ихъ предводителями. Онъ все замѣтилъ, но не все высказывалъ и первоначально выразилъ свои впечатлѣнія въ частныхъ письмахъ, которыя впослѣдствіи были изданы въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Письма о Россіи».

Въ 1856 году онъ отправился съ принцемъ въ Лондонъ, а затѣмъ пробылъ 15 дней въ Парижѣ. Тонкій цѣнитель и наблюдатель, Мольтке имѣлъ полную возможность подмѣтить слабыя стороны Французской имперіи и обнаружить ихъ съ достаточною откровенностью. Довольно благосклонный въ оцѣнкѣ учрежденій имперіи, приводимой въ изданномъ по этому предмету сочиненіи, онъ извиняется, что изъ вѣжливости не можетъ сказать больше, а тѣмъ не менѣе критикуетъ почти все. Въ то самое время, когда весь міръ превозноситъ могущественную имперію, опирающуюся на блестящую и сильную армію, Мольтке замѣчаетъ зародыши ея паденія, которые именуетъ либерализмомъ, презрѣніе къ милитаризму, безпорядокъ, небрежность и халатность въ томъ, что касается военнаго дѣла. Какъ путемъ личнаго наблюденія, такъ и изъ тщательно составленныхъ до-

несеній агентовъ, онъ былъ хорошо освѣдомленъ о положеніи почти всѣхъ европейскихъ государствъ, въ особенности же относительно качествъ ихъ вооруженныхъ силъ, причемъ все, что онъ узналъ, послужило къ твердому его убѣжденію въ огромномъ превосходствѣ прусскихъ военныхъ учрежденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нисколько не заблуждался въ этомъ отношеніи и уже въ то время намѣтилъ средства къ устраненію слабыхъ сторонъ прусской организаціи; нерѣдкія его бесѣды по этому предмету съ принцемъ Вильгельмомъ повели даже къ тому, что оба они пытались провести свои идеи при прусскомъ дворѣ, но безъ всякаго успѣха, ибо то было время отсутствія всякихъ воинственныхъ замысловъ, а въ будущее никто не заглядывалъ. Мольтке не настаивалъ, но продолжалъ работать и ждать.

Наконецъ, настал столь долго жданный часъ. Принцъ Вильгельмъ становится регентомъ Пруссіи, а Мольтке производится въ генералъ-маіоры и назначается начальникомъ главнаго штаба.

Вмѣстѣ съ тѣмъ настала минута для осуществленія тѣхъ реорганизаціонныхъ идей, которыя основывались на отчетливомъ знаніи учрежденій Пруссіи, кроющихся въ нихъ недостатковъ и средствъ къ исправленію, и вотъ Мольтке, получившій власть и средства къ дѣйствію, овладѣваетъ старою военною организаціей временъ Шарнгорста, передѣлываетъ ее, совершенствуетъ и обращаетъ въ новое орудіе для достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Съ давняго времени война будущаго представлялась ему какъ предпріятіе, которое должно быть подчинено строгому и точному разсчету. Въ его глазахъ армія была ничѣмъ инымъ, какъ гигантскою мастерскою, въ которой работаютъ искусные рабочіе, вооруженные ружьями и пушками, взамѣнъ разнообразныхъ ремесленныхъ орудій; онъ хорошо зналъ, что современныя арміи не осуществляли этого идеала, и вполнѣ понималъ, что то государство, которое раньше другихъ приблизитъ къ нему свои вооруженныя силы, тѣмъ самымъ пріобрѣтетъ огромныя преимущества. Сдѣлать изъ войны вмѣсто искусства простое мастерство, вотъ та цѣль, которую поставилъ себѣ Мольтке и вполнѣ ея достигъ. Человѣкъ замѣчательно положительный, онъ не задается широкими и неопредѣленными планами, сложными комбинаціями, увлекающими людей съ пылкимъ воображеніемъ; онъ считается съ существующими условіями, ибо знаетъ, что слишкомъ сложный механизмъ не годится; поэтому его методъ отличается крайнею простотой и выражается имъ вполнѣ откровенно въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Главная задача стратегіи заключается въ томъ, чтобы заблаговременно подготовить боевыя средства

и правильно сообразить первоначальное развертываніе арміи. Малѣйшая ошибка въ сосредоточеніи войскъ не можетъ быть исправлена въ теченіи всей кампаніи». Затѣмъ Мольтке нисколько не сомнѣвается въ полной достижимости этой задачи и пишетъ по этому поводу: «Всѣ необходимыя распоряженія могутъ быть взвѣшены и обдуманы за долго до начала войны, а затѣмъ—если войска удовлетворительно подготовлены и хорошо организованы перевозочныя средства, то составленныя предположенія *непремѣнно* ведутъ къ достиженію цѣли».

Эти немногія строки заключаютъ всю его програму, простую по идеѣ и страшно сложную въ подробностяхъ исполненія; мобилизація, образованіе войскъ и ихъ сосредоточеніе, вотъ три вещи, опредѣляющія подготовку къ войнѣ, и отъ превосходства этой подготовки зависитъ успѣхъ войны.

Въ былое время успѣхъ войны зависѣлъ въ значительной мѣрѣ отъ искусныхъ комбинацій и плановъ, отъ блестящихъ идей и таланта полководца; затѣмъ, организація личнаго состава и матеріальной части арміи занимала весьма второстепенное мѣсто. Наполеонъ прибѣгалъ въ этомъ отношеніи къ импровизаціямъ на каждомъ шагу и если на-скоро собранныя составныя части армій не были вполнѣ удовлетворительны, то силою своего генія онъ все-таки умѣлъ ими пользоваться съ необычайнымъ искусствомъ и съ наибольшимъ успѣхомъ. Не менѣе того великій полководецъ выражалъ сожалѣніе относительно отсутствія постоянной и прочной организаціи вооруженныхъ силъ и въ своихъ коментаріяхъ намѣтилъ то, чего не могъ осуществить по недостатку досуга, а именно, онъ желалъ имѣть дѣйствующую армію въ 600,000 человѣкъ, состоящую изъ 40 легіоновъ, по 12,000 каждый, снабженныхъ всею необходимою матеріальною частью, одинаковаго устройства и съ одинаковыми округами укомплектованія.

Генералъ Мольтке достигъ осуществленія этихъ идей Наполеона; онъ желалъ создать такую армію, которая постоянно и при всевозможныхъ случайностяхъ была бы готова къ величайшему напряженію силъ, и достигъ этого путемъ образованія однообразныхъ по силѣ и устройству высшихъ войсковыхъ единицъ, неуклонно поддерживаемыхъ въ штатномъ составѣ, а равно подготовкою обширныхъ резервовъ. Такимъ образомъ достигается съ перваго же шага войны преимущество бо́льшей готовности, превосходство въ силахъ и почина военныхъ дѣйствій.

Въ значительной степени вдохновляясь идеями Наполеона,

Мольтке заимствовалъ не мало у другаго своего образца, Фридриха Великаго; такъ, онъ настаивалъ на введеніи строжайшей дисциплины, исполненіи мельчайшихъ обрядностей военной службы, точности построеній и движеній—въ дѣлѣ военнаго воспитанія и образованія войскъ,—на строгомъ разсчетѣ, величайшей предусмотрительности даже въ мелочахъ и устраненіи наибольшей, въ мѣрѣ возможности, доли случайностей—въ дѣлѣ мирной подготовки къ войнѣ. Заимствуя принципы у обоихъ образцовъ, Мольтке совершенствуетъ подробности ихъ приложенія, и въ этомъ отношеніи имъ сдѣлано чрезвычайно много.

Переходъ части войскъ съ мирнаго положенія на военное до крайности упрощенъ и сокращено потребное на то время; мирная система укомплектованія войскъ даетъ имъ возможность постоянно имѣть свой запасъ людей подъ рукой; обученіе запасныхъ въ тѣхъ же частяхъ, которыя комплектуются ими при мобилизаціи, обезпечиваетъ быстрое сколачиваніе войскъ; каждая войсковая единица имѣетъ постоянно при себѣ всю матеріальную часть, необходимую въ военное время; снабженіе войскъ лошадьми и повозками производится съ незначительною затратою времени путемъ реквизиціи; всѣ мобилизаціонныя работы заранѣе опредѣлены и разсчитаны по часамъ, что исключаетъ возможность ошибокъ, промаховъ, неизвѣстности. Всѣ эти мѣры составляютъ первую часть работъ Мольтке.

Затѣмъ перевозка отмобилизованныхъ войскъ на угрожаемую границу, то есть сосредоточеніе армій, составляетъ вторую часть работъ, и въ этомъ отношеніи Мольтке пришлось создавать почти все вновь. Конечно, рельсовые пути представляютъ могущественное средство сообщенія по сравненію съ тѣмъ, что было прежде, но лишь при томъ условіи, что обезпечена правильность и точность ихъ отправленій. Между прочимъ, Мольтке добивается выкупа всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну, ибо разъ желѣзныя дороги становятся одною изъ главнѣйшихъ данныхъ войны, то возникла необходимость подготовить ихъ именно въ цѣляхъ войны, для чего необходимо, прежде всего, устранить вліяніе частныхъ интересовъ. Эта важная мѣра, не принятая своевременно въ другихъ государствахъ, сопровождалась установленіемъ плановъ перевозокъ, направленныхъ къ тому, чтобы желѣзныя дороги давали все, что только дать могутъ въ отношеніи количества и скорости перевозокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исполняли свое дѣло съ величайшею точностью.

Вотъ главныя черты тѣхъ трехъ отдѣловъ подготовки къ войнѣ, которыя или организованы Мольтке, или усовершенствованы имъ въ

такой степени, что можно по справедливости назвать ихъ его созданіемъ, и если принять во вниманіе безчисленныя подробности, которыя понадобилось исполнить для разрѣшенія главныхъ вопросовъ, то становится по истинѣ удивительно, какъ одинъ человѣкъ могъ ихъ задумать и привести въ исполненіе отъ начала до конца.

Соображая количество исполненной работы, становится понятнымъ, сколько ума, воли и рѣшительности нужно было имѣть для того, чтобы возложить на себя эту гигантскую задачу и, особенно, если принять во вниманіе, что Мольтке не допускалъ ближайшаго сотрудничества, не имѣлъ повѣренныхъ своихъ идей и вынужденъ былъ дѣлать почти все единолично.

Произведенный въ 1859 году въ генералъ-лейтенанты, Мольтке предпринялъ изложенную гигантскую работу въ то время, когда обыкновенные люди помышляютъ уже объ отставкѣ; но Мольтке удивительно сохранялся и, не смотря на годы, оказывался во всю свою жизнь болѣе способнымъ къ перенесенію трудовъ, лишеній и умственной работы, нежели офицеры, гораздо болѣе его молодые.

Итальянская кампанія 1859 года возбудила щекотливость Прусіи, или, вѣрнѣе сказать, оживила тѣ честолюбивые планы, которые тщательно скрывались, но готовы были разразиться при первомъ удобномъ случаѣ. Отношенія къ Франціи ухудшились и уже необходимость заставляла принять мѣры къ тому, чтобы выдержать съ нею борьбу, въ случаѣ надобности.

Въ 1861 году регентъ былъ коронованъ королемъ Прусіи и эта перемѣна, увеличившая его власть, повела за собою усиленіе дѣятельности по военному вѣдомству. Преобразованная армія была на много увеличена и стала крайне опаснымъ орудіемъ. Между тѣмъ, остальныя государства держали себя совершенно спокойно, не заботясь объ исправленіи отжившей военной организаціи и объ усиленіи своихъ вооруженныхъ силъ; постоянно возрастающее усиленіе Прусіи ихъ не безпокоило и не возбуждало сомнѣній въ томъ, что въ недалекомъ будущемъ эта честолюбивая держава представитъ существенную опасность для спокойствія міра. Это глубокое равнодушіе дало возможность генералу Мольтке мало по малу приводить въ исполненіе свою завѣтную идею, не возбуждая ни въ комъ ни безпокойства, ни зависти; тѣмъ не менѣе въ эту эпоху его работы по подготовкѣ къ войнѣ отличались еще довольно скромнымъ характеромъ.

Проникнутый стремленіемъ образовать войска, превосходныя въ качественномъ отношеніи, Мольтке не желалъ ослаблять эти каче-

ства введеніемъ въ ряды войскъ слишкомъ значительнаго числа резервистовъ; поэтому онъ не разсчитывалъ даже на то, чтобы можно было утроить составъ постоянныхъ войскъ и предпочиталъ придать имъ, въ случаѣ войны, для второстепенныхъ назначеній, хорошо устроенныя ландверныя дивизіи; онъ разсчитывалъ только на развитіе въ военное время арміи въ составѣ отъ 500,000 до 600,000 строевыхъ нижнихъ чиновъ, а вооруженныхъ силъ всѣхъ категорій въ числѣ отъ 1.000,000 до 1.200,000.

Теперь, когда рѣчь идетъ о выставкѣ, въ случаѣ войны, многихъ миліоновъ, эти цифры могутъ показаться весьма скромными; но тутъ дѣло не въ цифрахъ, которыя имѣютъ лишь второстепенное значеніе, а въ системѣ подготовки къ войнѣ, и эта система, составляющая, такъ сказать, изобрѣтеніе Мольтке, останется навсегда замѣчательнымъ явленіемъ. Она оправдала себя на практикѣ, и всѣ государства ее усвоили; со временемъ, быть можетъ, она будетъ измѣнена, но навсегда составитъ предметъ восхищенія.

Чтобы можно было свободно управлять дѣйствіями вновь созданной арміи во всемъ обширномъ ея цѣломъ, чтобы сдѣлать ее послушной, гибкой и вполнѣ подчиненной единой волѣ, необходимо было образовать передаточные органы соотвѣтствующаго достоинства. Генералъ Мольтке, поставленный во главѣ генеральнаго штаба, совершенно пересоздалъ его именно въ видахъ достиженія означенной цѣли.

Необходимо принять во вниманіе, что въ дѣйствительности Мольтке былъ гораздо больше, чѣмъ начальникъ главнаго штаба. Благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ и довѣрію короля, онъ пользовался обширною властью въ военномъ вѣдомствѣ и былъ дѣйствительнымъ главнокомандующимъ вооруженныхъ силъ, хотя и не носилъ этого титула. Вполнѣ сохраняя внѣшнія формы скромной почтительности къ особѣ короля, Мольтке тѣмъ не менѣе управлялъ всѣми войсками и военными учрежденіями, примѣняя, такимъ образомъ, на практикѣ свой любимый горделивый девизъ «Sein, nicht schein», т. е. *быть, но не казаться.*

Крайне точная и строго разсчитанная система генерала Мольтке требовала столь же точнаго и строгаго примѣненія и не допускала ни малѣйшихъ отклоненій. Онъ ничего не имѣлъ противъ личнаго почина своихъ подчиненныхъ, но лишь по стольку, по скольку такой починъ служилъ къ осуществленію его идей въ желаемомъ имъ смыслѣ и направленіи. Малѣйшая ошибка въ исполненіи могла тѣмъ болѣе повредить его комбинаціямъ, чѣмъ точнѣе были эти послѣднія.

Въ этихъ видахъ онъ имѣлъ нужду въ повсемѣстныхъ непосредственныхъ своихъ представителяхъ, которые могли бы руководить исполнителями задуманнаго имъ дѣла, наблюдать за ними и направлять ихъ. Такимъ образомъ, германскій генеральный штабъ сдѣлался съ теченіемъ времени какъ бы отраженіемъ исключительной личности своего начальника, который сообщалъ ему необходимую жизнь, власть и качества; офицеры генеральнаго штаба были воспитанниками Мольтке, его довѣренными агентами, почти уполномоченными; при ихъ посредствѣ армія усвоивала его виды и намѣренія; они распространяли повсюду его умъ и говорили его именемъ. Изъ числа старшихъ начальниковъ, генераловъ, ни одинъ не осмѣливался сопротивляться интимному другу монарха, чуть не замѣстителю послѣдняго въ томъ, что касалось военнаго дѣла; каждый зналъ, что нужно было или подчиниться его требованіямъ, или быть устраненнымъ. Такимъ путемъ сильная и обширная власть генерала Мольтке давала себя знать и чувствовать вездѣ и повсюду почти непосредственно; это имѣло свои хорошія стороны, но не лишено и дурныхъ послѣдствій, ибо сосредоточивало господство надъ войсками въ рукахъ отдѣльной корпораціи. Весь строй держался личностью Мольтке, а слѣдовательно съ его устраненіемъ все должно было измѣниться, если не вовсе исчезнуть. Такъ оно и случилось въ дѣйствительности.

Подъ конецъ своей жизни, окруженный вниманіемъ, уваженіемъ и похвалами, фельдмаршалъ Мольтке все-таки долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что въ эту отрасль его организаторской дѣятельности начинаетъ внѣдряться распаденіе.

Оставляя постъ начальника генеральнаго штаба, онъ разсчитывалъ на то, что передастъ свое любимое дѣтище руководству одного изъ лучшихъ своихъ учениковъ, который будетъ продолжать его дѣло въ томъ же направленіи; между тѣмъ замѣстившій его генералъ Вальдерзее не долго продержался и былъ замѣненъ генераломъ Шлиффеномъ; теперь ходятъ слухи, что и этотъ послѣдній будетъ устраненъ и, такимъ образомъ, одно изъ основныхъ условій управленія генеральнымъ штабомъ, какъ бы несмѣняемость его начальника, уже подорвано въ корнѣ. Да и вообще личный составъ генеральнаго штаба уже не пользуется прежнимъ вліяніемъ и значеніемъ; лучшіе его представители, наиболѣе видные ученики Мольтке, или уходятъ по своей волѣ, или вынуждены удалиться изъ рядовъ арміи. Престарѣлый фельдмаршалъ былъ свидѣтелемъ этихъ явленій и, вѣроятно, не мало страдалъ.

Во всякомъ случаѣ, въ дни власти Мольтке, такъ называемый, большой генеральный штабъ составлялъ могущественное средство для сбора и изученія военныхъ свѣдѣній; личный составъ этого учрежденія безпрерывно слѣдилъ за состояніемъ вооруженныхъ силъ всѣхъ почти государствъ и за численнымъ ихъ составомъ. Для характеристики точности и прекрасныхъ результатовъ этой системы достаточно будетъ указать на слѣдующій фактъ.

Во время итальянской кампаніи 1859 года генералъ Мольтке и офицеры генеральнаго штаба самымъ тщательнымъ образомъ слѣдятъ за всѣми подробностями борьбы и въ результатѣ составляютъ ея описаніе, подъ главною редакціей Мольтке, въ которомъ три участвовавшія въ войнѣ арміи подвергаются внимательному критическому разбору, причемъ обнаруживаются какъ сильныя и слабыя стороны способа дѣйствій французской и австрійской армій, такъ и вліяніе новѣйшихъ техническихъ усовершенствованій въ военномъ дѣлѣ.

Въ эту войну Прусія заняла положеніе, мало благопріятное для Франціи: по первому извѣстію о первоначальныхъ успѣхахъ французскихъ войскъ были немедленно мобилизованы три прусскихъ корпуса; тотчасъ же послѣ сраженія при Маджентѣ были приведены на военное положеніе еще три корпуса и, наконецъ, Сольферинская побѣда французовъ вызвала мобилизацію всей прусской арміи. Быстрое заключеніе мира между воюющими сторонами сдѣлало всѣ эти воинственныя приготовленія Прусіи безцѣльными, но въ результатѣ генералъ Мольтке имѣлъ случай испытать установленную имъ систему мобилизаціи и этотъ драгоцѣнный опытъ далъ ему возможность исправить и улучшить систему въ значительной степени.

Уже тогда выяснилось, что Прусія вполнѣ готова къ войнѣ и что военная ея система заслуживаетъ полнаго довѣрія не только по результатамъ ея примѣненія, о которыхъ въ то время еще нельзя было судить, но потому, между прочимъ, что остальныя европейскія государства и не думали подражать этой системѣ, не возбуждавшей пока ихъ опасеній.

Франція не могла себѣ представить, что ей можетъ кто нибудь угрожать на другой же день послѣ ея блестящихъ побѣдъ въ Италіи; она возгордилась подъ вліяніемъ легкихъ успѣховъ своей арміи и не хотѣла видѣть произведенныхъ ошибокъ; это заблужденіе было гибельно для ея существованія, ибо отвратило отъ работы самоусовершенствованія и побудило заснуть на легко добытыхъ лаврахъ.

Между тѣмъ, Мольтке продолжалъ неустанно работать надъ улуч-

шеніемъ системы подготовки къ войнѣ, основанной на измѣнившихся условіяхъ даннаго времени, черпая въ изученіи военной исторіи правильное пониманіе военнаго дѣла и подмѣчая слабыя стороны будущихъ противниковъ.

Во-первыхъ, читая Библію, онъ убѣдился въ томъ, что Провидѣніе на сторонѣ превосходнаго числомъ, и вотъ Пруссія получаетъ армію болѣе сильную, чѣмъ вооруженныя силы вѣроятныхъ противниковъ. Во-вторыхъ, Мольтке нисколько не гонялся за рыцарскимъ образомъ дѣйствій; напротивъ, по его убѣжденію, великодушіе не болѣе, какъ глупость, а самъ онъ, прежде всего, человѣкъ практическій. Поэтому онъ полагалъ необходимымъ вести до поры до времени такую политику, которая усыпила бы подозрѣнія противника, не дала бы ему понять настоящихъ цѣлей и плановъ Пруссіи, а между тѣмъ изготовиться безъ шума и броситься на врага неожиданно въ то время, когда послѣдній не готовъ къ оборонѣ. Въ третьихъ, онъ знаетъ, что война та же игра и, что, несмотря на возможность частныхъ неудачъ, хорошій игрокъ всегда выиграетъ игру. Поэтому-то онъ столь тщательно изучаетъ военное искусство и въ особенности усвоиваетъ Наполеоновское искусство управленія большими массами войскъ. Въ концѣ концовъ онъ побилъ французовъ ихъ же оружіемъ, которымъ они разучились владѣть.

Хорошо подготовивъ свою собственную игру, Мольтке понималъ также, что весьма важно искусно заглянуть въ карты противника. И вотъ организуется цѣлая система шпіонства, при помощи которой Мольтке зналъ, что дѣлается у другихъ, а эти другіе и не подозрѣвали о томъ, что дѣлаютъ у нихъ его тайные агенты. Въ концѣ концовъ Пруссія пріобрѣла превосходство во всѣхъ отношеніяхъ и совершенно однообразные результаты кампаній 1864, 1866 и 1870—1871 годовъ служатъ явнымъ тому доказательствомъ.

Все вышеизложенное служитъ для характеристики Мольтке, какъ организатора, и нѣтъ сомнѣнія, что по этой части онъ выказалъ себя замѣчательнымъ человѣкомъ, достойнымъ стать въ первые ряды.

Но нельзя сказать того же о Мольтке, какъ стратегѣ; тутъ онъ уже не тотъ и не заслуживаетъ права на столь же высокое мѣсто.

Постороннему зрителю вполнѣ понятна организаціонная часть его работы, основанная на твердомъ методѣ и разсчетѣ; но вторая часть, гдѣ Мольтке является въ качествѣ стратега, возбуждаетъ изумленіе, ибо, казалось бы, что она не соотвѣтствуетъ способностямъ этого страннаго человѣка и вотъ это-то именно и доказываетъ, въ

какой степени современныя условія измѣнились по сравненію съ эпохой Наполеона.

Интересно замѣтить, что великіе полководцы, какъ Александръ, Аннибалъ, Конде и Наполеонъ, командовали арміями въ весьма молодомъ возрастѣ, между тѣмъ какъ Мольтке вступилъ въ роль стратега лишь въ 64 года отъ роду. До этого же времени онъ ни разу не командовалъ какою бы то ни было войсковою частью, крупной или мелкой, а все время исполнялъ обязанности офицера генеральнаго штаба, и началъ поприще военачальника въ томъ возрастѣ, въ которомъ другіе генералы выходятъ, обыкновенно, въ отставку.

Тѣмъ не менѣе онъ сразу показываетъ себя человѣкомъ, вполнѣ привычнымъ къ командованію войсками и управляетъ твердо и безъ малѣйшихъ колебаній; онъ знаетъ, куда направляется и отдаетъ всѣ приказанія какъ бы изъ собственнаго кабинета. Этотъ упорный, молчаливый и одинокій труженикъ разбивалъ, согласно заранѣе составленному разсчету, блестящихъ генераловъ, преисполненныхъ мужества, увлеченія и преданности долгу, а также прекрасныхъ солдатъ, которые, однако, пренебрегали изученіемъ войны и въ особенности подготовки къ ней. Знаніе побѣдило невѣжество. Въ чемъ же, однако, заключалась система веденія войны, примѣненная Мольтке?

Орудіе войны было хорошо подготовлено, снабжено всѣмъ необходимымъ и совершенно готово къ дѣйствію; опытъ мобилизаціи обнаружилъ хорошія его качества. Ничего подобнаго не существовало внѣ Прусіи, и въ случаѣ войны каждое государство должно было начать съ импровизацій; одна Прусія была совершенно готова быстро броситься на врага и обладала полнымъ знаніемъ того, что̀ и какъ нужно было сдѣлать.

Несмотря на всѣ эти преимущества, благоразумный Мольтке не бросился сразу въ великія предпріятія и предпочиталъ сначала набить руку на малыхъ дѣлахъ; и вотъ Прусія предпринимаетъ въ союзѣ съ Австріей Датскую войну 1864 года. Дѣйствія двухъ союзниковъ противъ одной слабой державы, конечно, обезпечивали легкій и вѣрный успѣхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ давали возможность увидѣть на дѣлѣ австрійскую армію и обнаружить всѣ ея качества и недостатки. Еще въ концѣ 1863 года Мольтке принимаетъ всѣ необходимыя подготовительныя мѣры и составляетъ планъ кампаніи, который совершенно одобряется Австріей. 3-го апрѣля 1864 года генералъ Мольтке назначается начальникомъ штаба союзной арміи, поступившей подъ начальство принца Фридриха-Карла. Разумѣется, союзники восторжествовали и Данія была раздавлена. Съ оконча-

ніемъ кампаніи Мольтке возвращается къ своему посту начальника главнаго штаба и немедленно приступаетъ къ составленію болѣе важнаго плана дѣйствій на случай войны съ Австріей. Театръ предстоявшихъ дѣйствій былъ гораздо обширнѣе и силы требовались гораздо болѣе значительныя, тѣмъ не менѣе Мольтке справляется съ задачей такъ же легко, какъ и въ войну противъ Даніи. Тамъ Пруссія была въ союзѣ съ Австріей; на этотъ разъ она заключаетъ союзъ съ Италіей и бросаетъ войска этой державы въ тылъ Австріи, въ то время, когда сама атакуетъ ее съ фронта. Такимъ образомъ, успѣхъ сразу обезпечивается. Далѣе, убѣжденный въ медленности австрійцевъ, въ недостаткѣ у нихъ подвижности и въ нерѣшительности австрійскихъ генераловъ въ виду нападенія съ двухъ сторонъ, Мольтке съ увѣренностью разсчитываетъ, что быстрое наступленіе, захватъ противника врасплохъ, дастъ ему побѣду. Въ этихъ видахъ Мольтке воспроизводитъ планъ Фридриха-Великаго въ кампаніи 1757 года и наступаетъ въ Богемію по нѣсколькимъ горнымъ дефиле. Всѣ корпуса разъединены при этомъ непроходимыми препятствіями, а пунктъ сосредоточенія войскъ находится на непріятельской территоріи; совершается, такимъ образомъ, двойная ошибка, по мнѣнію доктринеровъ, а въ дѣйствительности комбинація была вполнѣ хороша, потому что отличалась непредвидѣнностью, и совершенно безопасна, ибо малая подвижность австрійцевъ обезпечивала пруссакамъ своевременное сосредоточеніе ихъ войскъ. Такъ оно и случилось; три прусскія арміи перешли въ Богемію и вошли въ связь между собою въ ту минуту, когда австрійцы только-что сосредоточивались въ Кенигсгрецѣ. Исходъ памятенъ и австрійская армія раздавлена въ битвѣ подъ Садовой.

Блестящіе результаты войны, закрѣпленные Пражскимъ договоромъ, доставили ей огромную популярность. Австрійцы, захваченные врасплохъ, не могли принять всѣхъ необходимыхъ мѣръ противодѣйствія, да, сверхъ того, совершили много ошибокъ во время самаго хода кампаніи, что было естественнымъ послѣдствіемъ ихъ затруднительнаго во всѣхъ отношеніяхъ положенія. Но при оцѣнкѣ кампаніи на это никто не обращалъ вниманія и весь успѣхъ былъ приписанъ исключительно превосходству въ веденіи военныхъ операцій прусскими арміями. На самомъ дѣлѣ это было не совсѣмъ такъ, и генералъ Мольтке лучше всякаго другаго зналъ, что думать о минувшей кампаніи; будучи по натурѣ человѣкомъ недовѣрчивымъ, онъ опасался чрезмѣрныхъ похвалъ и всего того, что могло скрываться за ними.

«Я исполняю лишь свой долгъ, говорилъ онъ, и ненавижу преувеличенныя похвалы. Слыша ихъ, я не могу отдѣлаться отъ мысли о томъ, что было бы, если бы успѣхъ не увѣнчалъ нашихъ предпріятій. Вмѣсто неумѣстнаго превознесенія раздалась бы несправедливая критика и глупыя осужденія». По этому поводу Мольтке припоминалъ себѣ Кромвеля, который на замѣчаніе объ огромномъ числѣ зрителей, сбѣжавшихся посмотрѣть церемонію объявленія его протекторомъ англійскаго трона, замѣтилъ, что зрителей было бы несравненно больше, если бы его вели на висѣлицу.

Война 1866 года пріобрѣла Пруссіи неожиданное могущество, а ея армія внушила безграничную довѣренность къ своимъ силамъ, своему предназначенію и, въ особенности, къ великимъ качествамъ ея истиннаго предводителя, генерала Мольтке. Въ результатѣ тотчасъ же возникла мысль о войнѣ съ Франціей. Едва успѣла кончиться война съ Австріей, какъ неутомимый Мольтке проявляетъ вновь напряженную дѣятельность, увеличиваетъ и улучшаетъ побѣдоносную прусскую армію, какъ будто бы врагъ былъ уже на порогѣ Пруссіи. Онъ считалъ выгоднымъ воспользоваться увлеченіемъ, вызваннымъ лаврами Садовой, чтобы не откладывать розыгрыша послѣдней великой партіи и въ этихъ видахъ предложилъ напасть на Францію весною 1867 года. Уже редактируя исторію Итальянской войны 1859 года, онъ подмѣтилъ всѣ ошибки французовъ и видѣлъ, что французская армія хотя и одержала побѣду, но успѣла утратить истинныя Наполеоновскія традиціи. Восемь лѣтъ спустя, въ 1867 г., онъ видѣлъ, что французская армія нисколько не улучшилась, скорѣе, напротивъ: отсутствіе организованныхъ резервовъ, недостатокъ серьезнаго военнаго образованія, особенно въ высшихъ командныхъ сферахъ, неполнота матеріальной части, словомъ—никакой подготовки къ войнѣ и къ тому же полнѣйшая безпечность ко всему тому, что дѣлалось въ военномъ отношеніи въ иностранныхъ государствахъ.

Тѣмъ не менѣе, вся совокупность политическихъ обстоятельствъ въ эту эпоху не благопріятствовала безотлагательному открытію военныхъ дѣйствій и нападеніе на Францію было отложено. Однако, генералъ Мольтке былъ убѣжденъ, что скоро наступитъ ожидаемый часъ и подвергъ тщательному пересмотру всѣ подготовительныя работы, исполненныя въ 1867 году. Затѣмъ, вся зима 1868—1869 годовъ ушла у него на составленіе новаго плана войны съ Франціей и весною 1869 года совершенно готовый планъ былъ представленъ прусскому королю. Такимъ образомъ, за цѣлый годъ до объявленія

войны въ Берлинѣ все уже было готово; впослѣдствіи времени пришлось включить въ планъ нѣкоторыя ничтожныя поправки, основанныя на многочисленныхъ рекогносцировкахъ, произведенныхъ во Франціи какъ самимъ Мольтке, такъ и офицерами генеральнаго штаба, но въ основныхъ чертахъ планъ оставался безъ малѣйшихъ измѣненій.

Идея этого плана была заимствована у Клаузевица: предполагалось вторгнуться во Францію тремя паралельно двигающимися арміями, пройти между Мецомъ и Страсбургомъ, маскируя наступленіе отъ обѣихъ крѣпостей, отбросить всѣ французскія войска къ сѣверу и такимъ образомъ изолировать ихъ отъ остальной части Франціи и отрѣзать сообщенія съ Парижемъ; наконецъ, двинуться къ столицѣ Французской имперіи. Цѣлесообразность этого плана основывалась на болѣе быстрой мобилизаціи прусскихъ войскъ, на ихъ превосходствѣ въ силахъ, на увѣренности застать французовъ врасплохъ, въ минуту ихъ приготовленій къ войнѣ, и вѣроятности встрѣтить у противника крайнюю нерѣшительность въ предположеніяхъ и планахъ дѣйствій, а слѣдовательно на возможности сразу же нанести ему нѣсколько сильныхъ ударовъ, которые приведутъ его въ разстройство. Само собою разумѣется, что всѣ подробности войны не были предвидѣны и разсчитаны заблаговременно, но главнѣйшія возможныя случайности были приняты во вниманіе и способы противодѣйствія были указаны: точно также опредѣлены были необходимыя матеріальныя средства и даже на случай осады Парижа, если бы то потребовалось, были заранѣе разрѣшены вопросы продовольствія. Словомъ, все было заранѣе подготовлено съ величайшимъ знаніемъ военнаго дѣла, глубокимъ пониманіемъ всѣхъ его подробностей съ точными свѣдѣніями о состояніи французской арміи, ея предводителей и средствъ тѣхъ провинцій, которыя подверглись нашествію. Было бы слишкомъ признавать всю эту работу проявленіемъ генія, но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что подобное обращеніе войны въ простое мастерство и столь глубокая предусмотрительность сильно приближаются къ геніальности.

Когда началась кампанія, то генералъ Мольтке дѣйствовалъ навѣрняка; по его собственнымъ словамъ, ему уже ничего не оставалось дѣлать, все было предусмотрѣно и нужно было только исполнить составленныя предположенія. Событія шли одно за другимъ именно такъ, какъ онъ намѣтилъ, и даже лучше того, благодаря тому, что ошибки французовъ превзошли ожиданія.

Отдавая во всемъ этомъ должную справедливость Мольтке, нельзя, однакоже, не замѣтить, что все его твореніе заключалось въ хорошо составленномъ планѣ: что же касается проявленія вдохновенія во время самой войны, смѣлыхъ начинаній, искусныхъ предпріятій, возникшихъ подъ вліяніемъ минуты, то объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

Одинъ только разъ въ теченіе всей кампаніи Мольтке вынужденъ былъ прибѣгнуть къ импровизаціи, а именно, тогда, когда, подходя къ Витри, прусская главная квартира получила извѣстіе о странномъ движеніи Макъ-Магона, по приказанію французскаго правительства, изъ Реймса къ Мецу. Мольтке былъ захваченъ врасплохъ этимъ безразсуднымъ планомъ и, тѣмъ не менѣе, быстро измѣнилъ направленіе движенія всѣхъ корпусовъ вмѣсто Шалона на Стенэ: это рѣшеніе его по истинѣ превосходно.

Послѣ тріумфовъ, одержанныхъ во время войны съ Франціей, Мольтке, нисколько не опьяненный успѣхомъ, вновь принимается за работу съ полнымъ убѣжденіемъ, что въ будущемъ предстоитъ еще много сдѣлать. Обладая огромнымъ военнымъ талантомъ, Мольтке лишенъ былъ политическаго смысла и доказалъ это тѣмъ, что настоялъ на присоединеніи къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи: онъ не принялъ въ разсчетъ, что этимъ актомъ устанавливается на долгое время непримиримая вражда между двумя націями, постоянно подновляемая чувствами населенія насильно присоединенныхъ провинцій. Позже Мольтке призналъ эту опасность, заявивши въ парламентѣ, что чрезвычайные результаты войнъ 1864, 1866 и 1870 годовъ вынудятъ Германію въ теченіе, по крайней мѣрѣ, шестидесяти лѣтъ защищать съ оружіемъ въ рукахъ сдѣланныя завоеванія; онъ указывалъ на то, что эти завоеванія возбудили во всей Европѣ частью глухую, частью открытую ненависть, которая можетъ съ теченіемъ времени подвергнуть Германію опасности войны съ гигантскою коалиціей. И вотъ, чтобы предохранить отъ распаденія свое созданіе, Мольтке продолжалъ совершенствовать военныя учрежденія Пруссіи, организацію желѣзныхъ дорогъ и оборону границъ. Въ послѣднее время его жизни были вновь составлены планы нападенія на Францію, на Австрію, на Россію, затѣмъ планъ дѣйствій противъ Франціи или Россіи вмѣстѣ или со стороны одной Германіи, или въ предположеніи ея союза съ Австріей и Италіей; весьма вѣроятно, что въ Германіи еще долго будутъ пользоваться этими послѣдними работами покойнаго фельдмаршала.

Въ заключеніе вышеизложенной подробной характеристики

Мольтке, какъ организатора и стратега, авторъ опредѣляетъ его личность слѣдующимъ образомъ.

Будучи абсолютнымъ властолюбцемъ, Мольтке вездѣ и во всемъ признавалъ только силу, малѣйшее сопротивленіе приводило его въ ярость и вело за собой уничтоженіе противника; командиръ 1-й арміи, старый генералъ Штейнмецъ, оказалъ существенныя услуги дѣлу въ битвахъ при Борни и Резонвилѣ, но эти битвы не отвѣчали видамъ начальника штаба, Мольтке, и Штейнмецъ былъ удаленъ отъ командованія. Сила была идоломъ Мольтке, а такъ какъ армія и служитъ воплощеніемъ силы, то она стала предметомъ его поклоненія, а война, которая даетъ возможность приложенія этой силы и утвержденія ея царства, сдѣлалась цѣлью всѣхъ его заботъ, трудовъ и попеченій. Онъ прославлялъ войну какъ лучшее средство къ тому, чтобы воспрепятствовать упадку націй; въ ней онъ видѣлъ наиболѣе высокій идеалъ, которому и посвятилъ душу, тѣло и всю свою долгую жизнь. Этотъ человѣкъ былъ вполнѣ достоинъ того, чтобы на практикѣ осуществить извѣстную формулу: «сила выше права».

— — —

Таково общее содержаніе новаго труда генерала Леваля, изложеннаго съ присущимъ ему знаніемъ дѣла, талантомъ и возможнымъ для француза безпристрастіемъ. Необходимо замѣтить, что мы сочли нужнымъ опустить въ нашемъ извлеченіи постоянно встрѣчающіяся указанія на ту страстную, непреоборимую ненависть къ Франціи, которую, будто бы, всю свою жизнь питалъ фельдмаршалъ Мольтке. Можетъ быть французскому автору естественно такъ думать; мы же полагаемъ, что, прежде всего, представленіе о Мольтке, какъ о человѣкѣ крайне холодномъ и безпристрастномъ, никакъ не мирится съ предположеніемъ о страстной ненависти къ кому и чему бы то ни было. Сверхъ того, необходимо имѣть въ виду, что политикой Прусіи руководилъ вовсе не Мольтке, а Бисмаркъ; Мольтке же являлся только орудіемъ въ исполненіи великихъ политическихъ комбинацій канцлера Германіи; войнѣ съ Франціей по политическимъ соображеніямъ предшествовали войны съ Даніей и Австріей; нельзя, однакоже, думать, что Мольтке ненавидѣлъ и эти государства. Какъ поклонникъ военной силы, Мольтке вообще былъ сторонникомъ сильныхъ мѣръ и въ борьбѣ съ какимъ бы то ни было врагомъ полагалъ необходимымъ доводить дѣло до крайности. Такъ, извѣстно, что въ войну 1866 года онъ настаивалъ на вооруженномъ занятіи Вѣны и

если это не состоялось, то лишь благодаря представленiямъ Бисмарка, который въ политическомъ отношенiи былъ, конечно, дальновиднѣе своего колеги.

И безъ того уже личность Мольтке, вызывая величайшее къ нему почтенiе, даже изумленiе, отнюдь не возбуждаетъ симпатiи, а потому было бы несправедливо обременять память о немъ еще упреками въ какой-то ужасающей, нечеловѣческой ненависти къ тѣмъ государствамъ, съ которыми ему пришлось по обстоятельствамъ вести войну.

Е. У.

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Объ управленіи электротехническою частью инженернаго корпуса. — О правахъ медицинскихъ начальствующихъ лицъ. — Избранное рѣшенія главнаго военнаго суда за 1891 годъ.

ОБЪ УПРАВЛЕНІИ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЮ ЧАСТЬЮ ИНЖЕНЕРНАГО КОРПУСА

Приказъ по военному вѣдомству 20-го ноября 1891 г., № 326-й.

Военный совѣтъ, по представленію главнаго инженернаго управленія, положилъ: 1) взамѣнъ положенія и штата управленія гальваническою частью инженернаго корпуса, объявленныхъ въ приказѣ по военному вѣдомству 1884 г., № 26-й, ввести въ дѣйствіе прилагаемые при семъ новые: Положеніе и штатъ съ наименованіемъ этого учрежденія управленіемъ электротехническою частью инженернаго корпуса; 2) гальваническую учебную роту наименовать электротехническою ротою, съ присвоеніемъ ей штата гальванической роты, объявленнаго въ томъ же приказѣ, со всѣми послѣдовавшими къ нему дополненіями, а офицерскій гальваническій классъ—электротехническимъ классомъ.

Положеніе это, а равно проекты Положенія и штата [1] управленія электротехническою частью инженернаго корпуса Высочайше утверждены 31-го минувшаго октября съ тѣмъ, чтобы вышеизложенныя мѣры приведены были въ исполненіе съ 1-го января 1892 года.

Объявляю объ этомъ по военному вѣдомству для свѣдѣнія и должнаго, до кого касается, исполненія.

Подписалъ: Военный Министръ,
Генералъ-Адъютантъ *Ванновскій*.

---

[1] Штатъ разосланъ по военному вѣдомству.

Положеніе объ управленіи электротехническою частью инженернаго корпуса.

I. *Положенія общія.*

1. Управленіе электротехническою частью инженернаго корпуса учреждается съ цѣлью: а) изученія и примѣненія къ военнымъ надобностямъ открытій и изобрѣтеній по электротехникѣ вообще и въ частности по минному и телеграфному дѣлу, электрическому освѣщенію, фотографіи, взрывчатымъ составамъ, воздухоплаванію и военно-голубиной почтѣ; б) направленія въ инженерныхъ войскахъ технической дѣятельности по этимъ спеціальностямъ, и в) снабженія означенныхъ войскъ имуществомъ: миннымъ, телеграфнымъ, электротехническимъ и воздухоплавательнымъ.

2. Въ общій составъ управленія электротехническою частью инженернаго корпуса входятъ: комитетъ, офицерскій электротехническій классъ, электротехническая рота и фотографическій павильонъ.

3. Управленіе электротехническою частью инженернаго корпуса состоитъ въ непосредственномъ подчиненіи главному инженерному управленію и личный составъ его чиновъ опредѣляется штатомъ.

4. Начальникъ этого управленія именуется завѣдывающимъ электротехническою частью инженернаго корпуса.

II. *О завѣдывающемъ электротехническою частью инженернаго корпуса.*

5. Завѣдывающій электротехническою частью инженернаго корпуса избирается военнымъ министромъ и назначается на должность Высочайшимъ приказомъ.

6. Ему непосредственно подчиняются: а) управленіе электротехническою частью инженернаго корпуса, б) электротехническая рота и в) учебный воздухоплавательный паркъ.

7. Завѣдывающій электротехническою частью инженернаго корпуса исполняетъ слѣдующія обязанности: а) направляетъ учебную и техническую дѣятельность состоящихъ при ввѣренномъ ему управленіи частей и слѣдитъ за правильною постановкою въ инженерныхъ войскахъ обученія и практическихъ занятій по частямъ минной, телеграфной, воздухоплавательной, взрывчатыхъ составовъ и подрывныхъ работъ; б) входитъ съ представленіями къ главному начальнику инженеровъ о полезныхъ нововведеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ техническомъ матеріальномъ имуществѣ инженерныхъ войскъ; в) даетъ заключенія относительно програмъ практическихъ занятій инженерныхъ войскъ по изложеннымъ въ п. *а* спеціальностямъ; г) представляетъ главному начальнику инженеровъ проекты инструкцій по веденію этихъ занятій и програмы опытовъ, полезныхъ, по его мнѣнію, въ примѣненіи къ

военному дѣлу; д) представляетъ соображенія о заготовленіи новаго и исправленіи стараго имущества инженерныхъ войскъ по частямъ минной, телеграфной, воздухоплавательной и взрывчатыхъ составовъ, составленныя и разсмотрѣнныя комитетомъ, состоящимъ при ввѣренномъ ему управленіи; е) ежегодно инспектируетъ, на общемъ основаніи, ввѣренное ему управленіе и электротехническую роту и, ж) ежегодно, къ 1-му марта, представляетъ главному начальнику инженеровъ отчеты о дѣятельности ввѣреннаго ему управленія и о состояніи поименованнаго въ п. *д* матеріальнаго имущества, содержимаго въ частяхъ инженерныхъ войскъ. Обязанности завѣдывающаго электротехническою частью инженернаго корпуса по отношенію къ воздухоплавательнымъ частямъ изложены въ положеніи о воздухоплавательной части.

8. Въ отношеніи подчиненныхъ ему чиновъ управленія, электротехнической роты и учебнаго воздухоплавательнаго парка, завѣдывающій электротехническою частью пользуется правами начальника дивизіи, а по завѣдыванію въ хозяйственномъ отношеніи имуществомъ, какъ состоящимъ при ввѣренномъ ему управленіи, такъ и употребляемымъ, съ разрѣшенія главнаго начальника инженеровъ, на практическія занятія въ частяхъ инженерныхъ войскъ,—правами начальника инженеровъ округа (ст. 182 кн. II Св. Воен Пост., изд. 1869 г.).

III. *О помощникѣ завѣдывающаго электротехническою частью инженернаго корпуса.*

9. Помощникъ завѣдывающаго электротехническою частью инженернаго корпуса избирается главнымъ начальникомъ инженеровъ и, съ утвержденія военнаго министра, назначается на должность Высочайшимъ приказомъ.

10. Помощникъ завѣдываетъ офицерскимъ электротехническимъ классомъ, направляетъ по утвержденнымъ програмамъ и инструкціямъ теоретическія и практическія занятія означеннаго класса и электротехнической роты, предсѣдательствуетъ въ хозяйственномъ комитетѣ управленія и въ комисіяхъ для повѣрки: имущества, состоящаго при управленіи, и шнуровыхъ книгъ, и исполняетъ отдѣльныя порученія, возлагаемыя на него завѣдывающимъ.

11. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія завѣдывающаго электротехническою частью, помощникъ исправляетъ его должность.

12. Въ отношеніи подчиненныхъ ему чиновъ помощникъ пользуется правами полковаго командира.

IV. *О комитетѣ, состоящемъ при управленіи электротехническою частью инженернаго корпуса.*

13. Комитетъ состоитъ изъ предсѣдателя,—завѣдывающаго электротехническою частью инженернаго корпуса, и членовъ: постоянныхъ и совѣщательныхъ; въ отсутствіи завѣдывающаго, старшій изъ наличныхъ членовъ предсѣдательствуетъ въ комитетѣ.

14. Постоянными членами комитета назначаются: помощникъ завѣдывающаго, одинъ изъ числа членовъ инженернаго комитета главнаго инженернаго управленія и два положенные по штату управленія электротехническою частью, избираемые главнымъ начальникомъ инженеровъ, и, съ утвержденія военнаго министра, назначаемые на должности Высочайшимъ приказомъ, съ зачисленіемъ по инженернымъ войскамъ.

15. Совѣщательные члены комитета, въ числѣ трехъ, назначаются по избранію военнаго министра, изъ чиновъ инженерныхъ войскъ, артиллеріи и генеральнаго штаба. Содержаніе эти лица получаютъ по прямымъ своимъ должностямъ. Кромѣ того, въ комитетъ могутъ быть приглашаемы постороннія лица, извѣстныя своими спеціальными свѣдѣніями по вопросамъ, обсуждаемымъ въ комитетѣ.

16. На комитетъ возлагается: а) разсмотрѣніе могущихъ имѣть примѣненіе въ военномъ дѣлѣ изобрѣтеній и усовершенствованій по минному искусству, электротехникѣ, телеграфному дѣлу, фотографіи, взрывчатымъ составамъ, воздухоплаванію и голубиной почтѣ; б) обсужденіе всѣхъ предложеній по изложеннымъ спеціальностямъ, поступающихъ отъ частныхъ лицъ или ученыхъ обществъ или передаваемыхъ на его разсмотрѣніе изъ главнаго инженернаго управленія; в) испытаніе различныхъ приборовъ и приспособленій по технической части и разработка полезныхъ нововведеній и усовершенствованій въ матеріальномъ имуществѣ инженерныхъ войскъ; г) составленіе руководствъ и инструкцій по различнымъ спеціальностямъ обученія и практическихъ занятій инженерныхъ войскъ; д) разсмотрѣніе техническихъ отчетовъ и предположеній о практическихъ занятіяхъ означенныхъ войскъ, передаваемыхъ на его заключеніе изъ главнаго инженернаго управленія, и е) организація всѣхъ хозяйственныхъ операцій по заготовленію и снабженію матеріальнымъ имуществомъ какъ управленія электротехническою частью, такъ равно и частей инженерныхъ войскъ и крѣпостей, на суммы, асигнуемыя для того по распоряженію главнаго инженернаго управленія.

17. Все дѣлопроизводство по комитету раздѣляется на *три* отдѣла, завѣдываніе которыми возлагается на помощника завѣдывающаго электротехническою частью и двухъ постоянныхъ, положенныхъ по штату, членовъ комитета. Отдѣлы эти составляются: *первый* — по минному дѣлу и примѣненію электротехники и взрывчатыхъ составовъ къ военнымъ цѣлямъ, *второй*— по телеграфному дѣлу и *третій*—по воздухоплаванію, военно-голубиной почтѣ и фотографіи.

18. Дѣла, подлежащія обсужденію комитета, разсматриваются и разрабатываются предварительно членами, завѣдывающими спеціальными отдѣлами, и затѣмъ уже вносятся въ комитетъ.

19. Въ спеціальныхъ отдѣлахъ должны быть всегда въ готовности точныя свѣдѣнія о количествѣ и качествѣ матеріальнаго имущества, имѣющагося въ крѣпостяхъ и частяхъ инженерныхъ войскъ въ обезпеченіе ихъ боевой готовности.

20. Заключенія комитета излагаются въ формѣ журналовъ, подписываемыхъ всѣми лицами, разсматривавшими дѣло.

21. Веденіе журналовъ и завѣдываніе всѣмъ дѣлопроизводствомъ въ засѣданіяхъ комитета возлагается на правителя дѣлъ, который, въ сужденіяхъ комитета, имѣетъ право голоса и принимаетъ участіе въ производствѣ опытовъ.

22. Комитетъ, составляя учрежденіе совѣщательное, приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣлъ, къ кругу дѣйствій его относящихся, по распоряженіямъ военнаго министра, по предложеніямъ главнаго начальника инженеровъ или по непосредственному назначенію предсѣдателя комитета; независимо сего предоставляется участвующимъ въ сужденіяхъ комитета представлять на его заключеніе вопросы, возбуждаемые ими самими. Эти послѣдніе вопросы представляются предсѣдателю, отъ усмотрѣнія котораго зависитъ передать или не передать эти вопросы на обсужденіе комитета. Постановленія комитета по вопросамъ, внесеннымъ на его обсужденіе по распоряженію военнаго министра и главнаго начальника инженеровъ, а равно рѣшенія комитета по вопросамъ, выходящимъ изъ предѣловъ власти завѣдывающаго электротехническою частью, представляются на утвержденіе военнаго министра или главнаго начальника инженеровъ; о рѣшеніяхъ же комитета, утверждаемыхъ завѣдывающимъ электротехническою частью, въ предѣлахъ предоставленной ему власти, онъ доноситъ главному начальнику инженеровъ.

23. Если для рѣшенія какого нибудь вопроса будутъ необходимы опыты, то таковые производятся: при управленіи электротехническою частью инженернаго корпуса, или же, по сношенію главнаго начальника инженеровъ съ командующими войсками въ округахъ, при частяхъ инженерныхъ войскъ или въ крѣпостяхъ; въ обоихъ случаяхъ для присутствованія при опытахъ, по распоряженію главнаго начальника инженеровъ, могутъ быть командированы члены комитета или другіе офицеры изъ состава управленія электротехническою частью.

24. Для обсужденія и рѣшенія хозяйственныхъ дѣлъ, касающихся собственно управленія электротехнической роты, при управленіи электротехническою частью учреждается особый хозяйственный комитетъ—изъ предсѣдателя помощника завѣдывающаго электротехническою частью, двухъ постоянныхъ членовъ, положенныхъ по штату, правителя дѣлъ и командира электротехнической роты. Рѣшенія этого комитета утверждаются завѣдывающимъ электротехническою частью по предоставленной ему въ ст. 8-й власти.

V. *О прочихъ чинахъ управленія.*

25. Всѣ офицеры штатнаго состава управленія избираются завѣдывающимъ электротехническою частью изъ частей инженерныхъ войскъ и, по его представленію, черезъ главнаго начальника инженеровъ, назначаются на должности Высочайшимъ приказомъ, съ зачисленіемъ по инженернымъ войскамъ.

26. Для обработки вопросовъ и предположеній, поступающихъ на разсмотрѣніе комитета, по каждому изъ отдѣловъ положенъ дѣлопроизводитель,

на обязанности коего лежитъ также веденіе всего дѣлопроизводства по отдѣлу, отчетности о количествѣ и качествѣ имѣющагося въ крѣпостяхъ и частяхъ инженерныхъ войскъ имущества по этому отдѣлу и переписка по заготовленію и снабженію крѣпостей и частей означеннымъ имуществомъ.

27. Кромѣ того, по штату управленія положены: дѣлопроизводитель по личному составу—для веденія переписки по дѣламъ личнаго состава и содержанію чиновъ управленія и электротехнической роты и завѣдывающій фотографическимъ павильономъ, на котораго возлагается и завѣдываніе складомъ матеріальнаго имущества, заготовляемаго при управленіи въ потребность частей инженерныхъ войскъ и учрежденій.

28. Инженерный чиновникъ назначается для веденія шнуровыхъ книгъ и бухгалтеріи.

29. Вся переписка, исходящая изъ управленія электротехническою частью, ведется отъ имени завѣдывающаго электротехническою частью инженернаго корпуса и скрѣпляется: по частямъ: технической и хозяйственной—членомъ комитета, завѣдывающимъ подлежащимъ отдѣломъ, а по личному составу и содержанію чиновъ—дѣлопроизводителемъ по личному составу.

30. При управленіи электротехническою частью инженернаго корпуса содержатся: а) музей физическихъ, электрическихъ, телеграфныхъ, минныхъ и другихъ приборовъ и принадлежностей, какъ принятыхъ въ инженерныхъ войскахъ, такъ, хотя и вышедшихъ изъ употребленія, но имѣющихъ научный или историческій интересъ, и б) складъ запаса гальваническихъ, телеграфныхъ, минныхъ и пироксилиновыхъ принадлежностей, заготовляемыхъ при управленіи на суммы, асигнуемыя по распоряженію главнаго инженернаго управленія, и назначаемыя на освѣженіе табельнаго матеріальнаго имущества крѣпостей и инженерныхъ войскъ и пополненіе израсходованнаго или пришедшаго въ негодность при практическихъ занятіяхъ.

31. Нижніе чины, въ числѣ, опредѣленномъ штатомъ, назначаются для письменныхъ занятій, присмотра за имуществомъ: офицерскаго электротехническаго класса, фотографическаго павильона, музея, лабораторіи и склада, а также для упаковки и отправки высылаемыхъ изъ управленія предметовъ.

VI. *Объ офицерскомъ электротехническомъ классѣ.*

32. Офицерскій электротехническій классъ имѣютъ цѣлью подготовлять для частей инженерныхъ войскъ офицеровъ, спеціально знакомыхъ съ миннымъ и телеграфнымъ дѣломъ, подрывными работами и примѣненіемъ электротехники къ военнымъ надобностямъ. Классъ состоитъ изъ двухъ курсовъ: младшаго и старшаго.

33. Отъ частей инженерныхъ войскъ въ составъ младшаго курса офицерскаго электротехническаго класса, по распоряженію военнаго министра, ежегодно назначается *10* офицеровъ, которые командируются изъ частей съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы могли прибыть по назначенію къ 15-му сентября.

Примѣчаніе 1-е. Офицеры, окончившіе курсъ въ военныхъ академіяхъ, могутъ быть командируемы въ электротехническій классъ не ранѣе прослуженія ими въ частяхъ обязательнаго срока за обученіе въ академіи.

Примѣчаніе 2-е. Для уравненія въ частяхъ офицеровъ, окончившихъ курсъ электротехническаго класса, число командируемыхъ отъ каждой бригады, по усмотрѣнію военнаго министра, можетъ быть измѣняемо въ предѣлахъ общей нормы.

34. Общій срокъ пребыванія офицеровъ въ электротехническомъ классѣ продолжается *два* года.

Примѣчаніе. Увольненіе офицеровъ электротехническаго класса въ отпускъ допускается только по самымъ уважительнымъ причинамъ и притомъ на срокъ, не свыше 28-ми дней; увольняемые на большой срокъ отчисляются къ своимъ частямъ.

35. Занятія офицеровъ электротехническаго класса заключаются въ слѣдующемъ: а) въ продолженіи зимнихъ мѣсяцевъ они слушаютъ теоретическіе курсы: 1) по физикѣ, 2) по электротехникѣ и электрометріи, 3) по минному искусству, 4) телеграфному дѣлу, 5) химіи, 6) взрывчатымъ составамъ и подрывнымъ работамъ, и 7) фотографіи, сопровождаемые соотвѣтственными опытами и рѣшеніями спеціальныхъ задачъ и различныхъ практическихъ вопросовъ. Сверхъ того, они дежурятъ по управленію и ротѣ; б) въ лѣтнее время они упражняются въ практическомъ примѣненіи сообщенныхъ имъ свѣдѣній при занятіяхъ электротехнической роты, а съ 1-го іюня, по назначенію военнаго министра, командируются въ крѣпостныя минныя роты или въ другія части инженерныхъ войскъ для прохожденія съ ними практическихъ занятій.

Примѣчаніе. Програмы теоретическаго и практическаго курса и лѣтнихъ практическихъ занятій представляются на утвержденіе военнаго министра.

36. Для преподаванія и руководства практическими занятіями офицерскаго электротехническаго класса приглашаются лица, занимающіяся преподаваніемъ этихъ предметовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или же служащіе въ управленіи электротехническою частью, выказавшіе на практикѣ основательныя свѣдѣнія по соотвѣтственнымъ отраслямъ военно-технической спеціальности.

Примѣчаніе. Вознагражденіе означеннымъ лицамъ за преподаваніе опредѣлено въ штатѣ управленія по числу семи учебныхъ отдѣловъ: 1) по физикѣ, 2) по электротехникѣ и электрометріи, 3) по минному искусству, 4) по телеграфному дѣлу, 5) по химіи, 6) по взрывчатымъ составамъ и подрывнымъ работамъ, и 7) по фотографіи.

37. По окончаніи теоретическихъ занятій офицеры младшаго и старшаго курсовъ электротехническаго класса подвергаются испытаніямъ (переводнымъ и выпускнымъ) въ знаніи предметовъ пройденныхъ ими курсовъ, въ особой экзаменной комисіи, назначаемой распоряженіемъ главнаго начальника инженеровъ, по представленію завѣдывающаго электротехническою частью.

38. Оцѣнка познаній офицеровъ производится по 12-ти-бальной системѣ.

Оканчивающіе курсъ распредѣляются на три разряда: а) къ первому—относятся получившіе въ среднемъ выводѣ по всѣмъ предметамъ не менѣе 10-ти, а въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ не менѣе восьми балловъ; б) ко второму—относятся получившіе въ среднемъ выводѣ по всѣмъ предметамъ не менѣе девяти, а въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ не менѣе шести балловъ, и в) къ третьему разряду относятся офицеры, не удовлетворившіе первому и второму разрядамъ.

39. Экзаменная комисія, по окончаніи испытанія, распредѣляетъ выпускныхъ офицеровъ по разрядамъ, согласно вышеуказаннымъ условіямъ, и препровождаетъ ихъ списки завѣдывающему электротехническою частью, который представляетъ ихъ въ главное инженерное управленіе на утвержденіе военнаго министра.

40. Объ офицерахъ, причисленныхъ по экзамену къ первому и второму разрядамъ, объявляется въ приказѣ по инженерному корпусу, съ занесеніемъ объ этомъ въ послужные списки.

41. Офицеры, окончившіе курсъ по первому и второму разрядамъ, могутъ быть переводимы, по усмотрѣнію начальства, въ военно-телеграфные парки, а получившіе хорошіе отзывы—отъ командировъ минныхъ ротъ за практическія занятія съ подводными минами—и въ минныя роты.

42. По окончаніи практическихъ занятій въ частяхъ войскъ офицеры старшаго курса электротехническаго класса возвращаются къ своимъ частямъ, гдѣ они обязаны завѣдывать гальваническими командами, не меньше одного года, для передачи пріобрѣтенныхъ ими познаній. Въ продолженіи перваго года они не увольняются въ отпускъ на время свыше 28-ми дней, а въ теченіе двухъ лѣтъ не переводятся въ другой родъ службы.

43. Завѣдывающему электрическою частью объ особо отличившихся по успѣхамъ офицерахъ разрѣшается входить съ представленіями о наградахъ «внѣ правилъ», причемъ, однако, награды слѣдующими чинами не допускаются и число представляемыхъ къ наградамъ не должно превышать 25% всего числа окончившихъ курсъ въ данномъ году.

VII. *Объ электротехнической ротѣ.*

44. Электротехническая рота назначается: а) для теоретическаго и практическаго образованія нижнихъ чиновъ по гальванической, телеграфной и минной частямъ, и б) для выполненія работъ при опытахъ и изслѣдованіяхъ, производящихся при управленіи электротехническою частью.

45. Личный составъ роты опредѣляется штатомъ.

46. Командиръ и офицеры роты избираются изъ офицеровъ, прошедшихъ курсъ электротехническаго класса или же бывшихъ въ составѣ управленія электротехническою частью, и первый изъ нихъ назначается на должность, а послѣдніе переводятся въ роту Высочайшими приказами.

47. Командиръ роты, командуя оною на общемъ основаніи, руководитъ строевыми, учебными и практическими ея занятіями; въ отношеніи подчи-

ненныхъ ему чиновъ роты онъ пользуется правами командира неотдѣльнаго баталіона.

48. Одинъ изъ офицеровъ роты завѣдываетъ хозяйствомъ и письменною частью роты, двое—классами роты и обученіемъ новобранцевъ и одинъ - оружіемъ.

49. Электротехническая рота комплектуется новобранцами на основаніи общихъ постановленій для инженерныхъ войскъ, но исключительно грамотными, знающими слесарное мастерство или машинное дѣло, и притомъ поступающими на службу изъ губерній С.-Петербургской и Новгородской.

50. Нижніе чины электротехнической роты обучаются въ зимніе мѣсяцы въ классахъ по предметамъ ихъ спеціальности, по програмамъ и инструкціямъ, утверждаемымъ главнымъ начальникомъ инженеровъ, а также строю, гимнастикѣ, фехтованію и стрѣльбѣ; въ лѣтнее время они раздѣляются по спеціальностямъ на отдѣлы и назначаются на практическія занятія въ мѣста производства работъ, соотвѣтствующихъ ихъ спеціальности.

Примѣчаніе. Электротехническая рота, въ виду ея спеціальнаго назначенія, освобождается отъ несенія караульной службы и безъ особаго приказанія не выводится на общіе парады въ Высочайшемъ присутствіи.

О ПРАВАХЪ
МЕДИЦИНСКИХЪ НАЧАЛЬСТВУЮЩИХЪ ЛИЦЪ.

Приказъ по военному вѣдомству декабря 5-го 1891 года, № 336.

Высочайше утвержденнымъ, 25-го минувшаго ноября, положеніемъ Военнаго Совѣта постановлено: ст. 240, 246, 249, 325 и 326 кн. I, 229, 230, 234 и 238 кн. II, 66, 86 и 99 кн. XVI Св. В. П. 1869 г. о правахъ медицинскихъ начальствующихъ лицъ и ст. 27 положенія о дивизіонномъ врачѣ (прик. по воен. вѣд. 1871 г. № 51) измѣнить и дополнить по прилагаемому проекту.

Объявляю о семъ по военному вѣдомству для свѣдѣнія и надлежащаго руководства.

Подписалъ: Военный Министръ,
Генералъ-Адъютантъ *Ванновскій.*

Проектъ измѣненія ст. ст. 240, 246, 249, 325 и 326 кн. I, ст. 229, 230, 234 и 238 кн. II, ст. 66, 86 и 99 кн. XVI Св. Воен. Пост. 1869 г. и ст. 27 положенія о дивизіонномъ врачѣ (прик. по воен. вѣд. 1871 г. № 51).

Существующее положеніе.	*Проектируемое измѣненіе.*
Св. Воен. Пост. 1869 г.	
Кн. I.	
Ст. 240. По укомплектованію войскъ и госпиталей медицинскими, фармацевтическими и ветеринарными чинами Главное Управленіе заботится, чтобы число чиновъ соотвѣтствовало потребностямъ не только мирнаго, но и военнаго времени, и потому, сверхъ средствъ, имѣющихся въ его вѣдѣніи, оно обязано имѣть вѣрныя свѣдѣнія о внутреннихъ способахъ государства для комплектованія войскъ и госпиталей сими чинами въ случаяхъ чрезвычайныхъ.	Ст. 240. Безъ измѣненія.

Примѣчаніе. Въ главномъ военно-медицинскомъ управленіи содержатся списки врачамъ, фармацевтамъ и ветеринарамъ, признаваемымъ достойными повышенія по службѣ, а равно списки врачамъ, находившимся, на основаніи установленныхъ правилъ, въ командировкѣ за границу и въ прикомандированіи къ Императорской военно-медицинской академіи для научнаго усовершенствованія.

Ст. 246. Военно-медицинскій ученый комитетъ есть высшее въ военно-медицинскомъ управленіи совѣщательное учрежденіе, для обсужденія и окончательнаго заключенія по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, относящимся къ военно-медицинской части, въ врачебно-ученомъ, медико-полицейскомъ и судебно-медицинскомъ отношеніяхъ.

Согласно сему, на обязанность комитета возлагается: 1) научное направленіе практической дѣятельности военно-медицинскаго сословія посредствомъ разъясненія разныхъ научныхъ и практическихъ вопросовъ, относящихся до военно-медицинскаго вѣдомства, изданія сочиненій, назначенія медиковъ, фармацевтовъ и ветеринаровъ, для научныхъ занятій и усовершенствованія въ практикѣ, въ разныя мѣста и учрежденія внутри Россіи и заграницу, а также посредствомъ иныхъ способовъ, которые признаны будутъ полезными; 2) *наблюденіе за ходомъ образованія въ Императорской военно-медицинской академіи* и обсужденіе мѣръ къ усовершенствованію образованія фельдшеровъ; 3) обсужденіе и изысканіе мѣръ къ улучшенію санитарнаго быта войскъ и къ устройству военно-врачебныхъ заведеній; 4) изданіе, для руководства врачамъ и частнымъ начальникамъ войскъ, наставленій о мѣрахъ къ сохраненію здоровья во ввѣренныхъ имъ частяхъ, особенно на случай развитія эпидемическихъ болѣзней; 6) окончательное разсмотрѣніе и повѣрка судебно-медицинскихъ актовъ, по дѣламъ

Ст. 246. Военно-медицинскій ученый комитетъ есть высшее въ военно-медицинскомъ управленіи совѣщательное учрежденіе для обсужденія и окончательнаго заключенія по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ, относящимся къ военно-медицинской части, въ врачебно-ученомъ, медико-полицейскомъ и судебно-медицинскомъ отношеніяхъ.

Согласно сему, на обязанность комитета возлагается: 1) научное направленіе практической дѣятельности военно-медицинскаго сословія посредствомъ разъясненія разныхъ научныхъ и практическихъ вопросовъ, относящихся до военно-мадицинскаго вѣдомства, изданія сочиненій, назначенія медиковъ, фармацевтовъ и ветеринаровъ для научныхъ занятій и усовершенствованія въ практикѣ въ разныя мѣста и учрежденія внутри Россіи и заграницу, а также посредствомъ иныхъ способовъ, которые признаны будутъ полезными; 2) обсужденіе мѣръ къ усовершенствованію образованія фельдшеровъ; 3) обсужденіе и изысканіе мѣръ къ улучшенію санитарнаго быта войскъ и къ устройству военно-врачебныхъ заведеній; 4) изданіе для руководства врачамъ и частнымъ начальникамъ войскъ наставленій о мѣрахъ къ сохраненію здоровья во ввѣренныхъ имъ частяхъ, особенно на случай развитія эпидемическихъ болѣзней; 5) окончательное разсмотрѣніе и повѣрка судебно-медицинскихъ актовъ по дѣламъ уголовнымъ въ особенно важныхъ и сомнительныхъ случаяхъ; 6) опредѣленіе въ сомни-

уголовнымъ въ особенно важныхъ и сомнительныхъ случаяхъ; 6) опредѣленіе въ сомнительныхъ случаяхъ, по представленнымъ медицинскимъ свидѣтельствамъ, правъ воинскихъ чиновъ, какъ на пенсіи за сокращенные сроки, по болѣзнямъ, такъ и на покровительство комитета о раненыхъ; 7) разрѣшеніе вопросовъ объ отпускѣ для госпиталей и лазаретовъ врачебныхъ пособій, не положенныхъ по каталогамъ, и изслѣдованіе пробъ химико-фармацевтическихъ препаратовъ и прочихъ медикаментовъ, въ случаѣ сомнѣнія въ ихъ доброкачественности.

Ст. 249. Совѣщательные и почетные члены Комитета избираются *по предложенію предсѣдателя*, самимъ комитетомъ, по балотированію, изъ служащихъ или служившихъ въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ лицъ, извѣстныхъ своими познаніями и учеными трудами, или врачебною и административною опытностью, и какъ тѣ, такъ и другіе, утверждаются въ своихъ званіяхъ Высочайшею властью по представленію военнаго министра.

Ст. 325. Главный военно-медицинскій инспекторъ обязанъ: 1) направлять образованіе чиновъ военно-медицинскаго вѣдомства сообразно съ современными требованіями науки; 2) слѣдить за службою военно-медицинскихъ чиновъ и наблюдать, чтобы они соотвѣтствовали своему назначенію; 3) заботиться, чтобы *Императорская военно-медицинская академія* и фельдшерскія школы соотвѣтствовали цѣли ихъ учрежденія.

Ст. 326. Онъ пользуется правомъ: 1) избирать и представлять къ назначенію и перемѣщенію лицъ на должности V класса въ военныхъ округахъ (кромѣ помощниковъ окружныхъ военно-медицинскихъ инспекторовъ, которые избираются военнымъ министромъ), а также къ увольненію всѣхъ этихъ лицъ отъ службы; 2) назначать по собственному избранію, или

тельныхъ случаяхъ, по представленнымъ медицинскимъ свидѣтельствамъ, правъ воинскихъ чиновъ какъ на пенсіи за сокращенные сроки по болѣзнямъ, такъ и на покровительство комитета о раненыхъ; 7) разрѣшеніе вопросовъ объ отпускѣ для госпиталей и лазаретовъ врачебныхъ пособій, не положенныхъ по каталогамъ, и изслѣдованіе пробъ химико-фармацевтическихъ препаратовъ и прочихъ медикаментовъ въ случаѣ сомнѣнія въ ихъ доброкачественности.

Ст. 249. Совѣщательные и почетные члены комитета избираются изъ служащихъ или служившихъ въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ лицъ, извѣстныхъ своими познаніями и учеными трудами, или врачебною и административною опытностью: *первые главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ, а вторые самимъ комитетомъ, по балотированію;* какъ тѣ, такъ и другіе, утверждаются въ сихъ званіяхъ Высочайшею властью по представленію военнаго министра.

Ст. 325. Главный военно-медицинскій инспекторъ обязанъ: 1) направлять образованіе чиновъ военно-медицинскаго вѣдомства сообразно съ современными требованіями науки; 2) слѣдить за службою военно-медицинскихъ чиновъ и наблюдать, чтобы они соотвѣтствовали своему назначенію; 3) заботиться, чтобы фельдшерскія школы соотвѣтствовали цѣли ихъ учрежденія.

Ст. 326. *По завѣдыванію личнымъ составомъ чиновъ военно-медицинскаго вѣдомства* главный военно-медицинскій инспекторъ пользуется слѣдующими правами: 1) избираетъ лицъ на должности V класса и представляетъ военному министру о назначеніи ихъ на эти должности, а лицъ, уже занимающихъ оныя, представляетъ къ переводу изъ одного

по представленію окружныхъ военно-медицинскихъ инспекторовъ, лицъ на должности военно-медицинскаго вѣдомства въ военныхъ округахъ до VI класса включительно; кромѣ медицинскихъ чиновъ вѣдомства военно-учебныхъ заведеній, которые назначаются по соглашенію съ главнымъ начальникомъ сихъ заведеній; 3) увольнять на тѣхъ же основаніяхъ всѣхъ вышеозначенныхъ чиновъ отъ должностей; 4) тѣмъ же порядкомъ опредѣлять на службу по всему военно-медицинскому вѣдомству акушерокъ, перемѣщать ихъ и увольнять отъ службы; 5) перемѣщать по собственному усмотрѣнію или по представленію окружныхъ военно-медицинскихъ инспекторовъ, на соотвѣтственныя мѣста, въ раіонѣ каждаго округа, а также изъ одного округа въ другой лицъ: III (по чинопроизводству VI класса) и IV разрядовъ медицинскихъ, I и II фармацевтическихъ и I разряда ветеринарныхъ должностей; 6) перемѣщать всѣхъ вообще классныхъ медицинскихъ и фармацевтическихъ чиновъ военно-учебныхъ заведеній, по соглашенію съ главнымъ начальникомъ сихъ заведеній; 7) осматривать лично или чрезъ довѣренныхъ лицъ, лазареты, госпитали и аптечныя заведенія; 8) утверждать опредѣленія конференціи Императорской военно-медицинской академіи, на основаніи постановленій о сей академіи.

округа въ другой, перемѣщенію и увольненію, кромѣ помощниковъ окружныхъ военно-медицинскихъ инспекторовъ, которые избираются самимъ военнымъ министромъ и, по его представленію, назначаются, переводятся, перемѣщаются и увольняются Высочайшимъ приказомъ; 2) на всѣ низшія должности военно-медицинскаго вѣдомствз до VI класса включительно назначаетъ *лицъ, а занимающихъ таковыя должности переводитъ, перемѣщаетъ и увольняетъ собственной властью* по своему усмотрѣнію или по представленію окружныхъ военно-медицинскихъ инспекторовъ, излагаемому ими въ ежегодныхъ атестаціонныхъ спискахъ на подвѣдомственныхъ имъ врачей, фармацевтовъ и ветеринаровъ (кромѣ случаевъ, когда это предоставлено закономъ власти окружнаго военно-медицинскаго инспектора); 3) въ тѣхъ же предѣлахъ, т. е. до VI класса включительно, назначаетъ врачей и фармацевтовъ на соотвѣтственныя ихъ званіямъ должности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, по избранію начальниковъ подлежащихъ главныхъ управленій военнаго министерства, въ вѣдѣніи которыхъ сіи заведенія находятся, каковое избраніе совершается не иначе, какъ по предварительномъ соглашеніи съ нимъ названныхъ начальниковъ; а равно тѣмъ же порядкомъ переводитъ, перемѣщаетъ и увольняетъ сихъ чиновъ; 4) опредѣляетъ на службу, увольняетъ отъ оной, переводитъ и перемѣщаетъ повивальныхъ бабокъ, и 5) осматриваетъ лично или чрезъ довѣренныхъ лицъ военно-врачебныя заведенія, а также аптечныя и другія заведенія и учрежденія военно-медицинскаго вѣдомства, находящіяся какъ въ округахъ, такъ и въ его непосредственномъ вѣдѣніи.

Примѣчаніе 1-е. Порядокъ представленія атестаціонныхъ списковъ по военно-медицинскому вѣдомству и ве-

денія въ главномъ военно-медицинскомъ управленіи списковъ лицамъ, признаваемымъ достойными повышенія по службѣ, а равно назначенія лицъ по симъ спискамъ, устанавливается военнымъ министромъ.

Примѣчаніе 2-е. Врачи и повивальныя бабки, служащіе по гражданскому управленію Туркестанскаго края, назначаются, перемѣщаются и увольняются отъ должностей главнымъ военно-медицинскимъ управленіемъ по представленіямъ Туркестанскаго окружнаго военно-медицинскаго инспектора, предварительно одобреннымъ генералъ-губернаторомъ

Кн. II.

Ст. 229. Онъ перемѣщаетъ собственною властью врачей V и VI, фармацевтовъ III и ветеринаровъ II и III разрядовъ росписанія должностей военно-медицинскаго вѣдомства, а также лекарскихъ помощниковъ, медицинскихъ и аптечныхъ фельдшеровъ, на соотвѣтственныя мѣста въ раіонѣ округа, а по соглашенію съ подлежащими военно-медицинскими инспекторами и изъ одного округа въ другой, донося о каждомъ перемѣщеніи главному начальнику округа и главному военно-медицинскому управленію и сообщая начальникамъ дивизій и тѣхъ частей войскъ, въ которыя эти чины назначены и изъ которыхъ они переведены; о перемѣщеніи же лицъ, занимающихъ высшія медицинскія, фармацевтическія и ветеринарныя должности, онъ представляетъ на разрѣшеніе главнаго военно-медицинскаго управленія.

Примѣчаніе. Врачи военно-учебныхъ заведеній избираются и назначаются на высшія должности по соглашенію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній съ главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ, симъ послѣднимъ. Прочіе медицинскіе и фармацевтическіе чины опредѣляются въ военно-учебныя заведенія округа главнымъ военно-медицинскимъ управле-

Ст. 229. Онъ перемѣщаетъ собственною властью, *въ предѣлахъ своего округа*, одного на мѣсто другаго на соотвѣтственныя мѣста (но не вакансіи), врачей V и VI медицинскихъ, фармацевтовъ III фармацевтическаго и ветеринаровъ III ветеринарнаго разрядовъ росписанія должностей военно-медицинскаго вѣдомства, а также классныхъ фельдшеровъ, послѣднихъ же и на свободныя вакансіи старшихъ фельдшеровъ, причемъ относительно врачей, фармацевтовъ и ветеринаровъ сообразуется не только съ разрядами содержанія ихъ, должностей, но также съ положеніями объ оныхъ; о перемѣщеніи же лицъ, занимающихъ прочія медицинскія, фармацевтическія и ветеринарныя должности, о переводѣ классныхъ медицинскихъ, фармацевтическихъ и ветеринарныхъ чиновъ изъ одного округа въ другой, а равно о перемѣщеніи и переводѣ повивальныхъ бабокъ, онъ входитъ съ представленіемъ въ главное военно-медицинское управленіе. О перемѣщеніи каждаго лица, сдѣланномъ собственною властью, окружной военно-медицинскій инспекторъ доноситъ главному начальнику округа и главному военно-медицинскому управленію и сообщаетъ начальникамъ тѣхъ частей, въ которыя эти

ніемъ, по представленіямъ окружнаго военно-медицинскаго инспектора и по предварительнымъ сношеніямъ съ главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній. Представленія эти дѣлаются военно-медицинскимъ инспекторомъ, по сношенію съ подлежащими начальниками упомянутыхъ заведеній.

лица перемѣщены и изъ которыхъ они убыли.

Примѣчаніе. О перемѣщеніи классныхъ медицинскихъ и фармацевтическихъ чиновъ военно-учебныхъ заведеній окружной военно-медицинскій инспекторъ представляетъ главному военно-медицинскому управленію, по предварительномъ сношеніи съ ближайшими начальниками сихъ заведеній.

Ст. 230 (по 3-му прод.). Онъ представляетъ главному военно-медицинскому управленію кандидатовъ, изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ, для замѣщенія открывающихся въ округѣ вакансій корпусныхъ и дивизіонныхъ врачей, главныхъ врачей госпиталей, консультантовъ ихъ, старшихъ ординаторовъ и старшихъ врачей въ полкахъ и другихъ частяхъ войскъ, а также фармацевтическихъ должностей I и II и ветеринарныхъ I разряда, равно врачей для порученій, окружнаго окулиста и дѣлопроизводителей во ввѣренномъ ему управленіи.

Ст. 230. Окружной военно-медицинскій инспекторъ представляетъ въ главное военно-медицинское управленіе, по установленному порядку, атестаціонные списки на подвѣдомственныхъ ему врачей, фармацевтовъ и ветеринаровъ *и доноситъ главному военно-медицинскому управленію заблаговременно о всѣхъ особыхъ обстоятельствахъ, которыя необходимо имѣть въ виду при замѣщеніи ими различныхъ должностей.*

Ст. 234. Онъ производитъ, по представленію мѣстнаго военно-медицинскаго начальства, младшихъ медицинскихъ и аптечныхъ фельдшеровъ въ старшіе на открывающіяся въ округахъ, а также въ военно-учебныхъ заведеніяхъ вакансіи, донося о томъ ежемѣсячно для свѣдѣнія главному военно-медицинскому управленію.

Ст. 234. По завѣдыванію личнымъ составомъ нижнихъ медицинскихъ чиновъ онъ пользуется слѣдующими правами: 1) утверждаетъ въ фельдшерскомъ званіи и распредѣляетъ на службу окончившихъ успѣшно курсъ обученія воспитанниковъ военно-фельдшерскихъ школъ; 2) назначаетъ на фельдшерскія вакансіи окончившихъ курсъ обученія войсковыхъ медицинскихъ и ветеринарныхъ фельдшерскихъ учениковъ; 3) опредѣляетъ вольноопредѣляющихся изъ фельдшеровъ на службу, соотвѣтственно ихъ званію, и назначаетъ на свободныя фельдшерскія вакансіи лицъ, отбывающихъ воинскую повинность по жребію и знающихъ фельдшерское искусство; 4) фельдшеровъ, окончившихъ обязательный срокъ дѣйствительной военной службы, опредѣляетъ на сверхсрочную службу и оставляетъ на дальнѣйшемъ въ оной пребываніи, по соглашенію съ командирами тѣхъ частей, въ ко-

торыя они опредѣляются на означенную службу; 5) производитъ фельдшеровъ изъ младшихъ въ старшіе; 6) перемѣщаетъ ихъ на соотвѣтственныя вакансіи въ раіонѣ округа, а по соглашенію съ подлежащими окружными военно-медицинскими инспекторами переводитъ изъ одного округа въ другой; 7) увольняетъ фельдшеровъ отъ должностей, въ запасъ и въ отставку, и изъявляетъ согласіе на перечисленіе ихъ въ строй и въ другія вѣдомства, и 8) переименовываетъ въ кандидаты на классную должность фельдшеровъ, окончившихъ курсъ въ военно-фельдшерскихъ школахъ.

Примѣчаніе. Власть окружнаго военно-медицинскаго инспектора по завѣдыванію личнымъ составомъ фельдшеровъ распространяется на всѣ военно-учебныя заведенія, команды и военныя учрежденія и управленія, расположенныя въ раіонѣ округа, безъ различія, входятъ или не входятъ они въ составъ онаго; въ военно-учебныя заведенія фельдшера назначаются по соглашенію съ ближайшими начальниками сихъ заведеній.

Ст. 238 (по III прод.). Помощникъ окружнаго военно-медицинскаго инспектора назначается Высочайшимъ приказомъ, по представленію военнаго министра, врачи для порученій и окружной ветеринаръ военнымъ министромъ, по представленію главнаго военно-медицинскаго инспектора, а окружной окулистъ, прочіе врачи, дѣлопроизводители окружнаго военно-медицинскаго управленія, фармацевты и ветеринары для командировокъ главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ, причемъ окружной окулистъ избирается изъ врачей, заявившихъ себя познаніями въ окулистикѣ. Помощникъ военно-медицинскаго инспектора и прочіе чины окружнаго военно-медицинскаго управленія подчиняются непосредственно окружному военно-медицинскому инспектору и исполняютъ всѣ его порученія.

Ст. 238. Помощникъ окружнаго военно-медицинскаго инспектора назначается Высочайшимъ приказомъ, по представленію военнаго министра, которымъ и избирается, врачи для порученій и окружной ветеринаръ военнымъ министромъ, по представленію главнаго военно-медицинскаго инспектора, а окружной окулистъ, прочіе врачи, дѣлопроизводители окружнаго военно-медицинскаго управленія, фармацевты и ветеринары для командировокъ — главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ, причемъ окружной окулистъ избирается изъ врачей, заявившихъ себя познаніями въ окулистикѣ. Помощникъ военно-медицинскаго инспектора и прочіе чины окружнаго военно-медицинскаго управленія подчиняются непосредственно окружному военно-медицинскому инспектору и исполняютъ всѣ его порученія.

Кн. XVI.

Ст. 66. Главный врачъ избирается главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ и утверждается въ должности Высочайшимъ приказомъ. Относительно общаго госпитальнаго управленія онъ подчиняется начальнику госпиталя, а по медицинской части состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ окружнаго военно-медицинскаго инспектора *и главнаго военно-медицинскаго управленія.*

Ст. 86 (по измѣненіи 1889 года). По управленію личнымъ составомъ госпитальныхъ чиновъ по частямъ медицинской и фармацевтической главный врачъ пользуется слѣдующими правами: 1) избирать и представлять окружному военно-медицинскому инспектору о назначеніи въ должности старшихъ ординаторовъ (ст. 99), прилагая къ представленіямъ объ избранныхъ имъ лицахъ заключенія начальника госпиталя.

Ст. 99. При выборѣ кандидатовъ на должность старшаго ординатора, берутся преимущественно во вниманіе служба врачей въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ и относительная степень врачебнаго ихъ образованія; при равныхъ правахъ даютъ преимущество ученая степень и медицинскія заслуги.

Въ случаѣ открытія вакансіи старшаго ординатора, главный врачъ, избравъ достойнѣйшаго изъ младшихъ ординаторовъ, излагаетъ въ представленіи своемъ (ст. 86 п. 1) причины выбора.

Ст. 66. Главный врачъ избирается главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ и утверждается въ должности Высочайшимъ приказомъ. Относительно общаго госпитальнаго управленія онъ подчиняется начальнику госпиталя, а по медицинской части состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ окружнаго военно-медицинскаго инспектора.

Ст. 86. По управленію личнымъ составомъ госпитальныхъ чиновъ по частямъ медицинской и фармацевтической главный врачъ пользуется слѣдующимъ правами: 1) представляетъ окружному военно-медицинскому инспектору, согласно установленному порядку, атестаціонные списки на подвѣдомственныхъ ему врачей и фармацевтовъ, съ приложеніемъ къ спискамъ атестацій начальника госпиталя о представляемыхъ лицахъ.

Ст. 99. При выборѣ кандидатовъ на должность старшаго ординатора берутся преимущественно во вниманіе служба врачей въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ и относительная степень врачебнаго образованія; при равныхъ правахъ даютъ преимущество ученая степень и медицинскія заслуги.

Положеніе о дивизіонномъ врачѣ ([1]).

(Прик. по воен. вѣд. 1871 г. № 51).

Ст. 27. Дивизіонный врачъ представляетъ военно-медицинскому инспектору округа кандидатовъ для опредѣленія на имѣющіяся въ дивизіи ва-

Ст. 27. Дивизіонный врачъ представляетъ по командѣ, чрезъ медицинское начальство, согласно установленному порядку: а) атестаціонные

([1]) Положеніемъ о дивизіонномъ врачѣ, согласно ст. 60 Положенія объ управленіи корпусомъ (прик. по воен. вѣд., 1874 г. № 234) и ст. 257 кн. III св. воен. пост. 1869 г. по II прод., руководствуются корпусные и областные врачи.

канціи врачей, ветеринаровъ и медицинскихъ, аптечныхъ и ветеринарныхъ фельдшеровъ. Тому же инспектору онъ представляетъ врачей и ветеринаровъ, заслуживающихъ прикомандированія, на казенный или собственный счетъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія къ клиникамъ медико-хирургической академіи и университетовъ и отправленія за границу съ научною цѣлью, а также для посылки врачей въ медико-хирургическую академію для спеціальнаго изученія полевой военной хирургіи.

списки подвѣдомственныхъ ему врачей и ветеринаровъ съ приложеніемъ атестацій ближайшаго строеваго начальства о представляемыхъ лицахъ, и б) кандидатовъ для замѣщенія открывающихся въ частяхъ дивизіи свободныхъ ваканцій медицинскихъ, аптечныхъ и ветеринарныхъ фельдшеровъ. Въ томъ же порядкѣ онъ представляетъ врачей и ветеринаровъ, заслуживающихъ прикомандированія на казенный или собственный счетъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія, къ клиникамъ военно-медицинской академіи и отправленія за границу съ научною цѣлью, а также для посылки врачей въ военно-медицинскую академію для спеціальнаго изученія полевой военной хирургіи.

ИЗБРАННЫЯ РѢШЕНІЯ

ГЛАВНАГО ВОЕННАГО СУДА ЗА 1891 Г.

25-го сентября, 1891 года, № 106-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло по касаціонной жалобѣ подсудимаго старшаго унтеръ-офицера 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка Леонтія *Корныгина* на состоявшійся о немъ и младшемъ унтеръ-офицерѣ того же полка Александрѣ Богородскомъ приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Изъ дѣла видно, что означенный судъ призналъ виновными: подсудимаго Богородскаго: 1) въ томъ, что 1-го января сего года ушелъ безъ разрѣшенія изъ казармы и пробылъ въ отсутствіи одинъ часъ; 2) что въ тотъ же день, придя послѣ вечерней переклички въ казарму, когда взводный его унтеръ-офицеръ подсудимый Корныгинъ запретилъ рядовому Шай-Ахметову исполнить отданное ему имъ, Богородскимъ, приказаніе идти за нимъ въ канцелярію и пособить ему переставить къ печкѣ столъ, нѣсколько разъ ударилъ за это Корныгина по лицу, и 3) въ томъ, что на другой день утромъ, подойдя къ фельдфебелю своей роты Ежову, находившемуся въ ротной канцеляріи, нанесъ ему ударъ по лицу за то, что онъ, по мнѣнію его, Богородскаго, допустилъ дурное обращеніе съ нимъ унтеръ-офицера Корныгина, и подсудимаго Корныгина въ томъ, что 1-го января сего года, послѣ того, какъ унтеръ-офицеръ его взвода подсудимый Богородскій нанесъ ему нѣсколько ударовъ по лицу, желая выместить ему за это, схватилъ его, Богородскаго, за грудь, повалилъ на землю и нанесъ ему ударъ ногою. Примѣнивъ къ дѣяніямъ подсудимаго Богородскаго 1 ч. 191, лит. *в.* 101 и 103 ст. С. В. П. XXII и обращаясь къ виновности подсудимаго Корныгина, судъ нашелъ, что, за нанесеніе удара подчиненному унтеръ-офицеру, онъ, на основаніи 186 ст. С. В. П. XXII, подлежитъ или взысканію дисциплинарному, или одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ по 2 и 1 степенямъ, или же отдачѣ въ дисциплинарные баталіоны по 4 и 3 степенямъ. Руководствуясь 149 ст. Улож. о наказ., судъ назначилъ ему среднее изъ этихъ наказаній, именно, отдачу въ дисциплинарные баталіоны по 4 степени въ низшей мѣрѣ. Посему временный военный судъ постановилъ: младшаго унтеръ-офицера, изъ вольноопредѣляющихся, Богородскаго и старшаго унтеръ-офицера Корныгина, по лишеніи обоихъ унтеръ-офицерскаго званія и нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, Корныгина и серебрянаго шеврона за сверхсрочную службу, къ отдачѣ въ дисциплинарные баталіоны или роты: Богородскаго на одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ, безъ перевода въ разрядъ штрафованныхъ, а Корныгина на одинъ годъ, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ. На этотъ приговоръ подсудимый Корныгинъ принесъ касаціонную жалобу, въ которой указываетъ, что

онъ не долженъ подлежать наказанію за насильственныя дѣйствія противъ унтеръ-офицера Богородскаго, какъ въ виду 101 ст. Улож. о наказ. угол. и исправ., такъ и по силѣ 6 ст. дисциплинар. устава. Сообразивъ эту жалобу съ приговоромъ суда и законами, и выслушавъ заключеніе исправляющаго должность главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находитъ, что въ признанномъ судомъ дѣяніи подсудимаго унтеръ-офицера Корныгина не заключается признаковъ преступленія, предусматриваемаго 186 ст. С. В. П. XXII, т. е. нанесенія ударовъ или побоевъ подчиненному нижнему чину: установленная же приговоромъ суда виновность этого подсудимаго въ томъ, что онъ, вслѣдствіе нанесенныхъ ему унтеръ-офицеромъ его взвода Богородскимъ нѣсколькихъ ударовъ по лицу, схватилъ Богородскаго и повалилъ на землю, не можетъ влечь за собою наказанія, такъ какъ Корныгинъ, обязанный прекратить дальнѣйшее нанесеніе ему ударовъ подчиненнымъ ему унтеръ-офицеромъ, напавшимъ на него по поводу сдѣланнаго имъ, Корныгинымъ, распоряженія по службѣ, имѣлъ право поступить такъ съ подчиненнымъ нижнимъ чиномъ, дозволившимъ себѣ нанести ему тяжкое оскорбленіе; затѣмъ послѣдующее дѣйствіе Корныгина, что онъ толкнулъ сваленнаго имъ унтеръ-офицера Богородскаго ногою, должно разсматриваться какъ маловажное нарушеніе порядка службы, влекущее за собою дисциплинарное взысканіе. Независимо отъ сего главный военный судъ не могъ не обратить вниманія на то, что временный военный судъ, примѣнивъ къ виновности подсудимаго Корныгина 186 ст. С. В. П. XXII и избравъ изъ положенныхъ въ этой статьѣ трехъ различнаго рода наказаній среднее, каковымъ являлось одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ, въ дѣйствительности, приговорилъ его къ отдачѣ въ дисциплинарный баталіонъ, т. е. къ строжайшему наказанію. На основаніи изложеннаго главный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Темиръ-Ханъ-Шурѣ по дѣлу объ унтеръ-офицерахъ Корныгинѣ и Богородскомъ, въ отношеніи подсудимаго Корныгина, измѣнить въ томъ, чтобы его, вмѣсто опредѣленнаго судомъ наказанія по 186 ст. С. В. П. XXII кн. 1869 г. изд. 2, подвергнуть, за маловажное нарушеніе порядка службы, на основаніи 15 ст. уст. дисц., простому аресту на десять сутокъ, безъ всякихъ праволишеній и послѣдствій; въ прочихъ же частяхъ приговоръ суда оставить въ своей силѣ.

3-го октября, № 108-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло по частной жалобѣ военнаго слѣдователя Варшавскаго военнаго округа подполковника *Джуричича* на постановленіе распорядительнаго засѣданія варшавскаго военно-окружнаго суда по дѣлу о стражникѣ Александровской бригады пограничной стражи *Тягловѣ*. Изъ дѣла видно, что 29-го іюня сего года военный слѣдователь подполковникъ Джуричичъ, разсмотрѣвъ полученный отзывъ военнаго прокурора варшавскаго военно-окружнаго суда, въ которомъ содержалось требованіе, во-первыхъ, о дополненіи дѣла о стражникѣ Тягловѣ, и во-вторыхъ, о привлеченіи по сему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 380 ст. улож., крестьянъ Іосифа и Войцеха Плескотовъ, нашелъ, что требованіе это, по отношенію къ 1-му пункту, подлежитъ исполненію согласно 368 ст. военно-судебнаго устава; что же касается привлеченія въ качествѣ обвиняемыхъ крестьянъ Плескотовъ, то слѣдователь не нашелъ достаточнаго основанія примѣнить ст. 348 воен. суд. устава и не счелъ возможнымъ просить распоряженія начальства о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ названныхъ крестьянъ по той причинѣ, что предварительнымъ слѣдствіемъ не до-

быто никакихъ данныхъ, изобличающихъ ихъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 380 улож. о нак. По мнѣнію военнаго слѣдователя, обязаннаго самостоятельно оцѣнить доказательства для привлеченія крестьянъ Плескотовъ, нужны болѣе осязательные факты, между тѣмъ какъ въ настоящемъ случаѣ такихъ не существуетъ. Посему и принимая въ соображеніе, что военному прокурору по закону не предоставлено право привлекать кого либо въ качествѣ обвиняемаго, военный слѣдователь постановилъ: во-первыхъ, требованіе о привлеченіи крестьянъ Плескотовъ въ качествѣ обвиняемыхъ, какъ противозаконное, оставить безъ исполненія и, во-вторыхъ, всѣ дополнительныя и повторенныя слѣдственныя по сему дѣлу дѣйствія, во избѣжаніе напрасныхъ издержекъ казны, исполнить въ порядкѣ 380 ст. военно-судебнаго устава. Копію съ этого постановленія военный прокуроръ представилъ временно исправляющему должность предсѣдателя варшавскаго военно-окружнаго суда для разсмотрѣнія въ распорядительномъ засѣданіи, причемъ въ рапортѣ своемъ изложилъ, что военный слѣдователь былъ обязанъ подчиниться его требованію на основаніи 368 ст. воен.-суд. устава, такъ какъ подъ изслѣдованіемъ преступленія надлежитъ разумѣть и обнаруженіе всѣхъ тѣхъ лицъ, на которыхъ можетъ падать отвѣтственность. По этому изслѣдованіе преступленія нельзя считать вполнѣ исчерпаннымъ и завершеннымъ, если не всѣ причастныя къ преступленію лица указаны слѣдствіемъ для привлеченія ихъ къ дѣлу въ установленномъ законномъ порядкѣ, и въ этомъ отношеніи на военно-прокурорскомъ надзорѣ, въ силу 175 и 366 ст. воен.-суд. устава, лежитъ обязанность предупреждать подобную неполноту дѣла, а какъ обнаруженіе доказательствъ виновности лица, еще непривлеченнаго къ слѣдствію и указаніе на это лицо военному начальству въ порядкѣ 348 ст. воен.-суд. уст. составляетъ одинъ изъ предметовъ изслѣдованія преступленія, то предъявляемыя въ этомъ направленіи требованія военно-прокурорскаго надзора являются обязательными для слѣдователя, въ силу 368 ст. воен.-суд. уст., хотя бы онъ и расходился съ мнѣніемъ военно-прокурорскаго надзора относительно достаточности поводовъ для привлеченія къ слѣдствію. Варшавскій военно-окружный судъ, въ распорядительномъ засѣданіи 6-го іюля сего года, выслушавъ означенный рапортъ, постановилъ: признавая требованіе военнаго прокурора дополненіемъ слѣдствія о стражникѣ Тягловѣ, предписать военному слѣдователю исполнить, на основаніи 368 ст. воен.-суд. уст., это требованіе и войти съ представленіемъ къ подлежащему начальству, на основаніи 348 ст. устава. На это постановленіе военный слѣдователь подполковникъ Джуричичъ подалъ частную жалобу, въ которой объясняетъ, что ст. 348 устава военно-судебнаго помѣщена въ отдѣлѣ о существѣ обязанности и степени власти военныхъ слѣдователей, причемъ имъ предоставлено право доводить до свѣдѣнія начальства, если при производствѣ слѣдствія будетъ обнаружено участіе другаго лица, не привлеченнаго къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, но приступать къ изслѣдованію сихъ новыхъ обстоятельствъ разрѣшается не иначе, какъ на общемъ основаніи, т. е. по порученію начальства. Засимъ, если въ законѣ не сказано, что военный прокуроръ можетъ потребовать отъ слѣдователя примѣненія имъ ст. 348 военно-судебнаго устава, то, значитъ, законодатель не считалъ цѣлесообразнымъ предоставить ему это право. Ссылка военно-окружнаго суда на ст. 368 уст. военно-судебнаго ни на чемъ не основана; равнымъ образомъ и требованіе военнаго прокурора о привлеченіи, въ порядкѣ 348 ст., въ качествѣ обвиняемыхъ Плескотовъ не заключало въ себѣ доказательствъ виновности этихъ лицъ. По дополненіи дѣла, согласно указа-

ніямъ военнаго прокурора, послѣдній не лишенъ былъ возможности, въ силу 375 ст. военно-судебнаго устава, обратиться къ подлежащему военному начальству и тогда, по порученію сего послѣдняго, онъ, военный слѣдователь, былъ бы обязанъ выполнить все требуемое точно и безотлагательно, да кромѣ того не былъ бы поставленъ въ затруднительное положеніе просить военное начальство о привлеченіи въ качествѣ обвиняемыхъ лицъ, для изобличенія которыхъ слѣдствіемъ имъ произведеннымъ не добыто ровно никакихъ данныхъ. Въ виду всего изложеннаго военный слѣдователь проситъ объ отмѣнѣ постановленія суда по дѣлу о рядовомъ Тягловѣ. По поводу этой жалобы варшавскій военно-окружный судъ и военный прокуроръ представили объясненія, причемъ судъ излагаетъ, что, предписывая военному слѣдователю исполнить, на основаніи 368 ст. воен.-суд. устава, требованіе военнаго прокурора и войти съ представленіемъ къ подлежащему начальству, согласно 348 ст. того же уст., судъ мотивировалъ это опредѣленіе тѣмъ, что призналъ требованіе военнаго прокурора дополненіемъ слѣдствія о стражникѣ Тягловѣ, а какъ, въ силу 368 ст. воен.-суд. устава, требованіе дополненія слѣдствія прокуроромъ обязательно для военнаго слѣдователя, то судъ и предписалъ подполковнику Джуричичу исполнить оное. Признаніе же вышеизложеннаго требованія военнаго прокурора дополненіемъ слѣдствія судъ основывалъ на тѣхъ самыхъ доводахъ, которые изложены въ рапортѣ военнаго прокурора. Такимъ образомъ заявленіе слѣдователя, о томъ, что постановленіе суда было не мотивированное, оказывается неправильнымъ. Что же касается заявленія, что требованіе военнаго прокурора о привлеченіи къ дѣлу крестьянъ Плескотовъ было не мотивировано и потому нельзя было обязывать военнаго слѣдователя исполнить оное, то хотя судъ и не имѣлъ въ своемъ разсмотрѣніи этого требованія, но изъ заключенія военнаго прокурора, изложившаго подробно собранныя при предварительномъ слѣдствіи улики противъ Плескотовъ, пришелъ къ убѣжденію, что этихъ уликъ вполнѣ достаточно для привлеченія Плескотовъ въ качествѣ обвиняемыхъ, содѣйствовавшихъ лихоимству стражника Тяглова, а потому и предписалъ военному слѣдователю, хорошо знавшему обстоятельства, служащія къ изобличенію Плескотовъ, войти съ предложеніемъ о привлеченіи тѣхъ крестьянъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ. Сообразивъ частную жалобу военнаго слѣдователя подполковника Джуричича съ опредѣленіемъ варшавскаго военно-окружнаго суда, объясненіемъ сего же суда, возраженіемъ военнаго прокурора на жалобу и законами и выслушавъ заключеніе исправляющаго должность главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находитъ, что, въ силу 368 ст. воен.-суд. устава, военный слѣдователь безусловно обязывается исполнять лишь тѣ законныя требованія военнаго прокурора или его помощника, которыя относятся исключительно къ изслѣдованію самаго факта преступленія и къ собранію доказательствъ виновности подозрѣваемаго въ преступленіи лица, а равно и лица, привлеченнаго уже къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго. Въ виду сего, требованіе военно-прокурорскаго надзора о составленіи военнымъ слѣдователемъ постановленія объ основаніяхъ для возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ лица, не привлеченнаго къ слѣдствію, въ качествѣ обвиняемаго, не можетъ относиться къ числу такихъ, которое, согласно вышеупомянутой статьи воен.-суд. устава, являлось бы обязательнымъ для военнаго слѣдователя, такъ какъ очевидно, что изслѣдованіе преступленія и собраніе доказательствъ виновности вовсе не находится въ прямой зависимости отъ привлеченія къ дѣлу того или другаго лица въ качествѣ обвиняемаго. Этимъ, между прочимъ, объясняется и наличность въ

воен.-суд. уставѣ 348 и 375 статей, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ правила дальнѣйшаго направленія дѣла при обнаруженіи военнымъ слѣдователемъ, во время производства слѣдствія, новаго преступленія или обстоятельствъ, указывающихъ на участіе въ обслѣдуемомъ уже противозаконномъ дѣяніи лица, не привлеченнаго еще въ качествѣ обвиняемаго. Затѣмъ, 375 ст. обязываетъ военнаго прокурора доводить до свѣдѣнія военнаго начальства о тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, когда они будутъ усмотрѣны военно-прокурорскимъ надзоромъ или во время наблюденія за производствомъ слѣдствія, или при разсмотрѣніи представленнаго на заключеніе дѣла. Посему военный слѣдователь подполковникъ Джуричичъ, получивъ предложеніе военнаго прокурора о привлеченіи къ уголовному преслѣдованію по дѣлу о стражникѣ Тягловѣ, крестьянъ Іосифа и Войцеха Плескотовъ по обвиненію ихъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 380 ст. улож. о наказ., и не находя, съ своей стороны, достаточныхъ основаній для исполненія такого требованія, имѣлъ полное право оставить это предложеніе безъ исполненія, поставивъ о семъ въ извѣстность военнаго прокурора. На основаніи изложеннаго, признавая частную жалобу подполковника Джуричича заслуживающею уваженія, главный военный судъ опредѣляетъ: состоявшееся по рапорту военнаго прокурора варшавскаго военно-окружнаго суда постановленіе распорядительнаго засѣданія сего суда по вопросу о привлеченіи къ уголовному преслѣдованію по дѣлу стражника Тяглова, крестьянъ Плескотовъ, со всѣми послѣдствіями, отмѣнить.

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ГЛАВНЫХЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ АРМІЙ ВЪ 1891 ГОДУ.

(Статья первая).

Общее значеніе отчетнаго года для арміи: Германіи, Австро-Венгріи, Франціи, Италіи и Англіи.

Прошлогодняя дѣятельность главныхъ западно-европейскихъ армій отличалась, по обыкновенію, упорной энергіей въ преслѣдованіи цѣлей всесторонней подготовки къ войнѣ. Каждая армія стремилась разрѣшить очередныя задачи своего устройства, но такъ какъ всѣ онѣ, кромѣ англійской, развиваются по одному образцу, являются продуктомъ одинаковой военной системы, то дѣятельность ихъ и въ частности имѣла многія общія стороны. Въ организаціонномъ отношеніи усилія повсюду были направлены къ возможному увеличенію численности обученныхъ чиновъ, поступающихъ на сформированіе армій военнаго времени, и къ обезпеченію надлежащаго пользованія всею этою массою. Въ сферѣ обученія продолжалась, принявшая весьма широкіе размѣры, подготовка къ распоряженію большими войсковыми массами, производились испытанія малодымнаго пороха и новыхъ ружей съ цѣлью выясненія вліянія, оказываемаго этими факторами на тактику, и провѣрялась принятая войсковая организація въ тактическомъ отношеніи. Въ области вооруженія господствовало, по прежнему, стремленіе воспользоваться всѣми усовершенствованіями новѣйшей техники. Всѣ правительства заботились о снабженіи войскъ возможно лучшими предметами снаряженія и принимали мѣры къ обезпеченію продовольствія войскъ въ военное время. Наконецъ, въ каждомъ государствѣ продолжалась перестройка крѣпостей, вызываемая развитіемъ артиллерійской техники, расширялась и улучшалась желѣзнодорожная сѣть спеціально въ военныхъ цѣляхъ. Достигнутые результаты соотвѣтствовали напряженности работы и обилію матеріальныхъ средствъ, предоставляемыхъ въ распоряженіе военныхъ министерствъ.

Въ *Германіи*, послѣ коренныхъ организаціонныхъ реформъ 1890 г., обезпечившихъ въ значительной степени утилизацію многочисленныхъ резервовъ, снова былъ поднятъ въ прошломъ году вопросъ о необходимости увеличить численность обученныхъ чиновъ и на этотъ разъ достигнуть цѣли предполагается посредствомъ сокращенія срока дѣйствительной службы съ трехъ лѣтъ на два года. Агитація началась въ военной печати, но вслѣдъ затѣмъ вопросъ перешелъ изъ области теоретическихъ разсужденій въ сферу практическихъ испытаній. По распоряженію военнаго министерства, приступлено къ производству опыта двухлѣтней службы. Съ этой цѣлью, въ нѣкоторыхъ пѣхотныхъ частяхъ нижніе чины распредѣлены между баталіонами такъ, что 1-й баталіонъ состоитъ изъ прослужившихъ одинъ годъ, 2-й баталіонъ—изъ прослужившихъ два года, и 3-й баталіонъ—изъ прослужившихъ одинъ и два года. Съ выполненіемъ очереднаго призыва, новобранцы поступятъ въ соотвѣтствующей пропорціи въ каждый изъ баталіоновъ; 1-й баталіонъ будетъ находиться, такимъ образомъ, въ условіяхъ двухлѣтней дѣйствительной службы. Опытъ доставитъ данныя для оцѣнки новой мѣры и если онъ будетъ свидѣтельствовать въ пользу реформы, то военное министерство внесетъ ко времени истеченія септената, т. е. къ 1-му апрѣля 1894 г., соотвѣтствующій законопроектъ на разсмотрѣніе рейхстага. Основная цѣль перехода къ новому порядку отбыванія воинской повинности состоитъ въ томъ, чтобы ознакомить съ военной службой всѣхъ годныхъ лицъ каждаго призывнаго возраста. По крайней мѣрѣ, такой выводъ логически вытекаетъ изъ всѣхъ соображеній, приводимыхъ въ пользу двухлѣтней дѣйствительной службы. Достигнуть указанной цѣли Германія не могла при трехлѣтнемъ срокѣ пребыванія подъ знаменами, несмотря на содержаніе многочисленныхъ кадровъ въ мирное время, несмотря на широкую практику преждевременнаго увольненія и не взирая на учрежденіе запаса новобранцевъ. Результатъ этотъ былъ предвидѣнъ нѣкоторыми еще вслѣдъ за изданіемъ закона 1-го мая 1880 г. Въ мѣстной военной печати тогда же доказывалось, что не слѣдовало останавливаться на полумѣрахъ, а былъ необходимъ коренной пересмотръ закона 1874 г. Высказывались требованія новаго усиленія постоянной арміи, зачисленія въ ряды войскъ всѣхъ годныхъ къ военной службѣ, полнаго присоединенія ландвера къ полевой арміи и заблаговременной организаціи ландштурма. Многое изъ этой програмы выполнено и, напримѣръ, возростаніе постоянной арміи, возстановленіе ландвера 2-го класса и другія существенныя реформы стали совершившимися фактами, но чрезъ ряды

войскъ все еще не проходитъ весь очередной возрастъ. Теперь, очевидно, настала очередь и этой мѣры.

Опытъ двухлѣтней службы производится только въ пѣхотныхъ войскахъ: изъ этого надо заключить, что распространять реформу на войска другихъ родовъ оружія военное министерство не предполагаетъ. Сторонники двухлѣтней службы настаиваютъ на введеніе этого срока вездѣ, кромѣ кавалеріи, но пока такое рѣшеніе считается въ руководящихъ сферахъ неосновательнымъ. Сокращеніе общаго курса строеваго обученія нижнихъ чиновъ вызвало необходимость установить новый планъ занятій, причемъ особенно существеннымъ измѣненіямъ подверглись дѣйствующія правила относительно стрѣлковаго обученія. Результаты опыта вполнѣ опредѣлятся лишь въ октябрѣ 1893 года, когда оба возраста опытныхъ баталіоновъ будутъ обучены исключительно при условіяхъ двухлѣтней службы. Выборъ частей для опыта сдѣланъ весьма предусмотрительно и практика должна показать: можно ли обойтиться нынѣшнимъ учебнымъ составомъ, или потребуется увеличить число офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Генералъ Богуславскій, одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ сторонниковъ двухлѣтней службы, полагаетъ, что практическое примѣненіе ея потребуетъ цѣлаго ряда новыхъ организаціонныхъ мѣръ, при которыхъ она только и можетъ принести ожидаемую пользу. Увеличеніе военныхъ расходовъ тѣсно связано, поэтому, съ принятіемъ двухлѣтней службы.

Въ ожиданіи новыхъ серьезныхъ реформъ, германское военное министерство ограничилось въ прошломъ году нѣкоторыми частными мѣропріятіями. Общій составъ постоянной арміи остался безъ измѣненія, именно: 538 баталіоновъ пѣхоты, 465 эскадроновъ кавалеріи, 437 батарей полевой артилеріи, включая три учебныхъ батареи; 31 баталіонъ крѣпостной артилеріи, 20 піонерныхъ баталіоновъ и 21 обозный баталіонъ. Дѣйствительная численность арміи мирнаго времени нѣсколько возросла и достигла 20,440 офицеровъ, 497,462 нижнихъ чиновъ, 1,830 военныхъ врачей, 6,514 чиновъ военно-административныхъ учрежденій и заведеній и 116,178 лошадей. Собственно въ прусской арміи новыя мѣропріятія относятся, прежде всего, до увеличенія штатнаго офицерскаго состава различныхъ учрежденій: военнаго министерства, артилерійскаго вѣдомства и т. д. Всего прибавлено 23 должности, а три изъ существовавшихъ упразднены, такъ что личный составъ увеличился на 20 офицеровъ. Комендантъ, плацъ-маіоръ и гарнизонный врачъ крѣпости Нисы переведены въ Грауденцъ, который снова получилъ, такимъ образомъ, крѣпостное управ-

леніе, что, повидимому, находится въ связи съ рѣшеніемъ возстановить крѣпостныя сооруженія этого пункта. Составъ округовъ пополненія усиленъ 50-ю офицерами, не состоящими на дѣйствительной службѣ, въ чинахъ капитана и поручика. Въ штатъ обозной инспекціи введенъ адъютантъ въ чинѣ ротмистра. Затѣмъ, численный составъ 14-го и 15-го обозныхъ баталіоновъ увеличенъ въ каждомъ баталіонѣ на 22 человѣка нижнихъ чиновъ и 44 лошади; цѣль этого увеличенія состоитъ въ томъ, чтобы баталіоны эти могли доставлять запряжку для крѣпостной артиллеріи во время упражненій. Наконецъ, двѣ трети остающагося отъ некомплекта подпоручиковъ инженерныхъ войскъ жалованія разрѣшено употребить на содержаніе сверхштатныхъ вице-фельдфебелей, которые значатся по штату въ числѣ нижнихъ чиновъ, но будутъ исполнять офицерскія обязанности. Число сверхштатныхъ вице-фельдфебелей устанавливается военнымъ министромъ, а распредѣляются они по баталіонамъ по усмотрѣнію генералъ-инспектора инженернаго и піонернаго корпусовъ.

Устройство корпуса офицеровъ продолжаетъ озабочивать германское военное министерство. Покрытіе некомплекта все еще не достигнуто. Разница между штатнымъ и наличнымъ составомъ офицеровъ по прежнему довольно значительна. Въ началѣ прошлаго года въ германской арміи было на лицо: 17,651 офицеръ постоянной службы, 9,225 офицеровъ резерва и 10,889 офицеровъ ландвера, не считая офицеровъ, состоящихъ въ распоряженіи военнаго министерства. Недостаетъ преимущественно субалтернъ-офицеровъ. Необходимость болѣе многочисленнаго укомплектованія для корпуса офицеровъ заставила принять по этому предмету исключительныя мѣры. Въ февралѣ отчетнаго года, въ потсдамскомъ, ганноверскомъ и кассельскомъ военныхъ училищахъ, а въ остальныхъ пяти прусскихъ училищахъ въ августѣ, были открыты сокращенные учебные курсы съ такимъ подраздѣленіемъ времени, чтобы въ первыхъ трехъ училищахъ до марта 1893 г., а во вторыхъ—до сентября 1893 г. состоялось три послѣдовательныхъ курса. Затѣмъ, въ февралѣ прошлаго года послѣдовало открытіе девятаго военнаго училища. Штатъ главнаго кадетскаго корпуса увеличенъ на 40 кадетъ и въ корпусѣ сформированы двѣ новыхъ роты, такъ что общее число ротъ дошло до 10. Штатъ кеслинскаго кадетскаго корпуса то же увеличенъ на 40 кадетъ. Въ Карлсруэ учрежденъ новый кадетскій корпусъ. Далѣе, кандидаты на подпранорщиковъ, выпущенные изъ кадетскихъ корпусовъ съ отличной атестаціей, допускаются въ военныя училища послѣ двухмѣсячной службы въ войскахъ, а остальные—послѣ трех-

мѣсячной. Сдача экзамена на званіе подпрапорщика разрѣшена во всякое время; высшая экзаменаціонная коммисія собирается каждый разъ, когда будетъ подано не менѣе 10-ти прошеній. Наконецъ, учебныя требованія для производства въ подпрапорщики и въ офицеры нѣсколько понижены, именно: отъ поступающихъ въ артиллерію и инженерныя войска требуются тѣ же отмѣтки по математикѣ, какъ и отъ офицеровъ другихъ родовъ оружія, а при испытаніяхъ на подпрапорщика отмѣнено представленіе ситуаціонныхъ плановъ.

До изданія новыхъ правилъ, молодые люди, поступающіе въ войска на правахъ кандидатовъ на офицерское званіе, производились въ подпоручики, въ лучшихъ случаяхъ, на 17-мъ мѣсяцѣ службы, а въ большинствѣ случаевъ—на 20—23 мѣсяцѣ. Кандидатъ долженъ былъ оставаться, по крайней мѣрѣ, пять мѣсяцевъ въ войскахъ, для усвоенія практической службы; затѣмъ, онъ поступалъ въ военное училище, учебный курсъ котораго продолжается девять мѣсяцевъ; по выдержаніи офицерскаго экзамена, онъ снова возвращался въ войска и производился въ офицеры спустя два мѣсяца. Теперь изъ всѣхъ этихъ сроковъ только послѣдній сохранилъ свою прежнюю продолжительность; первый сокращенъ на 2—3 мѣсяца, второй—на два мѣсяца. Въ результатѣ, молодые люди могутъ достигнуть офицерскаго званія на 13-мъ или 14-мъ мѣсяцѣ службы. Безспорно, обстоятельство это весьма выгодно для лицъ, избравшихъ военную карьеру, но какъ отзовется оно на подготовкѣ офицеровъ—это другой вопросъ. Даже и при установленномъ до сихъ поръ девятимѣсячномъ курсѣ преподавателямъ военныхъ училищъ приходилось напрягать всѣ силы, чтобы справиться съ возложенной на нихъ обязанностью. Для сокращенныхъ курсовъ понадобились новыя учебныя програмы, менѣе полныя, и, конечно, научное образованіе молодыхъ офицеровъ понизится. Что касается практической подготовки офицеровъ, то хотя начальники частей и обязаны принять всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы кандидаты на подпрапорщиковъ могли усвоить въ теченіи двухъ, трехъ мѣсяцевъ всѣ нужныя имъ практическія свѣдѣнія, но при самой искустной постановкѣ обученія нельзя сдѣлать въ два мѣсяца того, что при значительномъ напряженіи дѣлалось прежде въ пять мѣсяцевъ.

Временно, недостатокъ субалтернъ-офицеровъ покрывается сверхкомплектомъ вице-фельдфебелей, которыхъ разрѣшено имѣть по 10-ти человѣкъ въ каждомъ пѣхотномъ полку, по четыре въ стрѣлковомъ баталіонѣ, 75 въ крѣпостной артиллеріи и 81 въ инженерныхъ войскахъ; всѣ эти цифры относятся къ прусской арміи.

Матеріальное положеніе нѣкоторыхъ категорій офицеровъ нѣсколько улучшено въ отчетномъ году. Получающимъ фуражныя деньги офицерамъ пѣшихъ войскъ и ѣздящей артилеріи, начиная съ чина подпоручика и до получающихъ содержаніе полковаго командира, а равно и тѣмъ офицерамъ указанныхъ чиновъ, которые были переведены изъ пѣшихъ войскъ и ѣздящей артилеріи и получили особыя назначенія—всѣмъ этимъ офицерамъ назначены денежныя пособія на обзаведеніе верховыми лошадьми. Затѣмъ, срокъ службы казенныхъ лошадей тѣхъ офицеровъ кавалеріи и конной артилеріи, которымъ казенныя лошади полагаются, сокращенъ съ пяти лѣтъ на четыре года. Въ 3-мъ и 8-мъ армейскихъ корпусахъ учреждены, въ видѣ опыта, по одному офицерскому ремонтному депо съ тою цѣлью, чтобы дать возможность получающимъ фуражныя деньги офицерамъ, преимущественно пѣшихъ войскъ, пріобрѣтать здоровыхъ и годныхъ къ службѣ верховыхъ лошадей.

Въ прошломъ году германское военное министерство сдѣлало серьезное усиліе съ цѣлью болѣе надежнаго разрѣшенія унтеръ-офицерскаго вопроса. Въ виду постоянно увеличивающагося недостатка сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ, оно настояло на исполненіи нѣсколькихъ важныхъ мѣръ, способныхъ обезпечить организацію низшихъ кадровъ арміи. Въ правительственную програму по этому предмету входило, прежде всего, учрежденіе двухъ новыхъ подготовительныхъ унтеръ-офицерскихъ школъ, въ Юлихѣ и Волау; далѣе, министерство задумало пересмотръ дѣйствующихъ законоположеній о пенсіяхъ унтеръ-офицерамъ и, наконецъ, проектировало выдачу премій. По офиціальнымъ заявленіямъ, основная причина недостаточности унтеръ-офицеровъ заключается въ уменьшеніи числа желающихъ избирать военную карьеру, явившееся, въ свою очередь, слѣдствіемъ большей обезпеченности, достигаемой способными людьми въ другихъ професіяхъ. Въ Германіи, старшій унтеръ-офицеръ получаетъ не болѣе двухъ марокъ въ день, считая всѣ виды довольствія, и недостаточность такого содержанія по сравненію съ обезпеченностью способныхъ рабочихъ въ другихъ професіяхъ, заставляетъ многихъ унтеръ-офицеровъ, по окончаніи общаго срока службы, возвращаться въ первобытное состояніе. Если и находятся люди, соглашающіеся поступать на сверхсрочную службу, то они дѣлаютъ съ намѣреніемъ выслужить право на занятіе мѣста въ гражданской службѣ, стало быть все-таки съ тѣмъ, чтобы отказаться отъ военной карьеры, какъ только будетъ достигнута поставленная ими цѣль. Побудительная причина эта дурно отражается на прохожденіи службы

сверхсрочными; они не отдаютъ ей всѣхъ силъ, какъ того требуютъ современныя условія военнаго дѣла. Въ результатѣ, положеніе оказывается довольно неблагопріятное: унтеръ-офицеровъ недостаетъ, среди сверхсрочныхъ есть малоспособные и вся тяжесть службы падаетъ на немногихъ способныхъ унтеръ-офицеровъ, которые, дѣлая работу за другихъ, не получаютъ, однако, ни одного пфенига болѣе того скуднаго содержанія, которое назначено штатами.

Учрежденіе двухъ новыхъ подготовительныхъ унтеръ-офицерскихъ школъ расширитъ источникъ пополненія унтеръ-офицерскаго состава. Назначеніе сверхсрочнымъ унтеръ-офицерамъ премій, существенно улучшая матеріальныя выгоды, достигаемыя продолжительнымъ пребываніемъ на военной службѣ, привлечетъ въ ряды войскъ въ бóльшемъ, чѣмъ прежде, размѣрѣ способныхъ нижнихъ чиновъ. По проекту министерства, размѣръ премій предполагался слѣдующій: послѣ пятилѣтней службы 50 марокъ, послѣ шестилѣтней—100 марокъ, за семилѣтнюю—200 марокъ, за восьмилѣтнюю—350 марокъ, за девятилѣтнюю—550 марокъ, за 10-ти-лѣтнюю—800 марокъ, за 11-ти-лѣтнюю—900 марокъ и за 12-ти-лѣтнюю—1,000 марокъ. Правительству не удалось, однако, убѣдить рейхстагъ въ необходимости узаконить постепенность премій; всѣ промежуточные ассигнованія были отклонены и постановлено, что премія въ 1,000 марокъ выдается лишь послѣ 12-ти-лѣтней службы, взамѣнъ назначаемаго до сихъ поръ единовременнаго пособія въ 165 марокъ. Ежегодный расходъ на этотъ предметъ составитъ 2,400,000 марокъ, слѣдовательно, разсчитывается каждый годъ выдавать преміи 2,400 сверхсрочнымъ унтеръ-офицерамъ, покидающимъ службу послѣ 12-ти лѣтъ. Проектъ объ увеличеніи пенсій не вносился на разсмотрѣніе законодательной власти.

Говоря объ улучшеніи матеріальнаго положенія нижнихъ чиновъ, слѣдуетъ отмѣтить принятую въ прошломъ году мѣру относительно пособія нижнимъ чинамъ. Согласно закону 28-го февраля 1888 года, нуждающіяся семейства нижнихъ чиновъ, взятыхъ на постоянную службу, пользуются казенными пособіями въ установленныхъ закономъ размѣрахъ. Мѣра эта распространена и на семейства чиновъ резерва, ландвера и зеевера, призванныхъ на учебные сборы. Наименьшій размѣръ пособій опредѣленъ слѣдующій: женамъ: въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ, августѣ, сентябрѣ и октябрѣ — по 20 пфен. въ день; въ остальные мѣсяцы—по 30 пфен. въ день; остальнымъ членамъ семействъ, имѣющимъ право на пособія по закону 1888 года,—по 10 пфен. въ день. Пособія выдаются на недѣльные сроки. Половина

суммы наименьшаго размѣра пособiй уплачивается казной, а поло-
вина—общинами.

Въ порядкѣ пополненiя армiи произошли нѣкоторыя частныя
измѣненiя. Зачисленiе новобранцевъ, поступающихъ на строевую
службу, послѣдовало, въ кавалерiи, въ первыхъ числахъ октября, а
въ остальныхъ родахъ оружiя—между 2-мъ и 7-мъ числами ноября.
Нестроевые чины поступили на службу 1-го октября. Число ново-
бранцевъ, назначенныхъ каждой войсковой части, было опредѣлено
слѣдующими цифрами: пѣхотному баталiону: усиленнаго состава—
244 челов., средняго состава—228 челов. и низшаго состава—209
челов.; стрѣлковому баталiону: усиленнаго состава—232 чел., сред-
няго состава—216 челов. и низшаго состава—199 челов.: кавалерiй-
скому полку: усиленнаго состава—не менѣе 160 челов., средняго и
низшаго состава—не менѣе 150 челов.: конной батареи: усиленнаго
состава—не менѣе 35 челов., средняго состава—не менѣе 25 челов.;
ѣздящей батареи: усиленнаго состава—не менѣе 38 челов., средняго
состава—не менѣе 35 челов. и низшаго состава—не менѣе 30 чел.;
крѣпостному артиллерiйскому баталiону: усиленнаго состава—210
челов., низшаго состава—168 челов.: гвардейскому пiонерному ба-
талiону 210 человѣкъ; каждому изъ остальныхъ пiонерныхъ баталiо-
новъ 172 челов.; баталiону желѣзнодорожнаго полка не менѣе 135
человѣкъ; обознымъ ротамъ отъ 15 до 38 человѣкъ. Въ приведенныя
цифры не входятъ нестроевые чины, ежегодное число которыхъ въ
каждой части составляетъ, по крайней мѣрѣ, треть строевыхъ. Срав-
ненiе изложенныхъ данныхъ съ соотвѣтствующими данными, обна-
родованными въ 1890 году, показываетъ, что въ девяти частяхъ пѣ-
хоты и полевой артиллерiи установлено теперь три состава, вмѣсто
двухъ, что мѣра эта распространена на стрѣлковые баталiоны и на
кавалерiйскiе полки, содержавшiеся до сихъ поръ въ одномъ составѣ.
Кромѣ того, почти во всѣ части было назначено новобранцевъ болѣе,
чѣмъ въ 1890 году. Нововведенiя эти являются преимущественно
слѣдствiемъ закона 15-го iюля 1890 года, увеличившаго численность
германской армiи мирнаго времени и позволившаго усилить составъ
значительнаго числа частей различныхъ родовъ оружiя, расположен-
ныхъ на восточной и западной границахъ имперiи.

Для учета современнаго состава сухопутныхъ силъ Германiи
серьезное значенiе имѣютъ офицiальные отчеты объ отбыванiи воин-
ской повинности. Изъ послѣдняго отчета видно, что въ 1890 году
призыву къ отбыванiю воинской повинности подлежало 1.476,466
человѣкъ. На укомплектованiе постоянной армiи и флота поступило

182,836 челов., причемъ 179,511 челов. приходится на долю сухопутныхъ войскъ, а 3,325 человѣкъ—на долю флота. Вольноопредѣляющихся принято 12,666 человѣкъ. Въ запасъ новобранцевъ зачислено: сухопутной арміи 85,363 чел, флота 768 челов. Ландштурмъ перваго призыва возросъ на 110,170 челов. Затѣмъ, 521,629 челов. получили отсрочку отъ призыва, 368,297 человѣкъ хотя и значились въ призывныхъ спискахъ, но отбыли повинность не по призывамъ, 114,581 челов. не явилось, 30,680 челов. освобождены отъ повинности и т. д. Въ общемъ, за покрытіемъ надобности, осталось въ излишкѣ 5,916 человѣкъ.

Прошлогодняя учебная дѣятельность германской арміи выразилась въ слѣдующихъ главныхъ фактахъ. Корпусные маневры произвели 4-й и 11-й прусскіе армейскіе корпуса и оба баварскіе корпуса. На время маневровъ прусскимъ корпусамъ данъ былъ особый составъ. Каждый изъ корпусовъ былъ усиленъ кавалерійскою дивизіей, а 4-й корпусъ, кромѣ того, и резервною пѣхотною дивизіей, спеціально сформированной для этой цѣли. Оба корпуса вышли на маневры въ составѣ трехъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи, имѣя въ общемъ, до 55,000 человѣкъ и около 11,000 лошадей. Баварскіе корпуса маневрировали каждый въ двухдивизіонномъ составѣ, такъ какъ третья дивизія 2-го корпуса постоянно расположена въ Пфальцѣ и Эльзасъ-Лотарингіи и поэтому не была привлечена на маневры.

Корпусные маневры прошли обычнымъ, установившимся въ послѣднее время, порядкомъ. На маневрахъ присутствовалъ императоръ. Въ 11-мъ корпусѣ были отмѣнены слѣдуемые по уставу о полевой службѣ корпусные маневры противъ обозначеннаго противника, а въ 4-мъ корпусѣ вмѣсто этого рода маневровъ состоялись маневры на двѣ стороны. Затѣмъ въ прусскихъ корпусахъ послѣдовали трехдневные двухсторонніе корпусные маневры. Кавалерійскія дивизіи, по окончаніи установленныхъ уставомъ отдѣльныхъ кавалерійскихъ упражненій, вошли въ составъ соотвѣтствующихъ корпусовъ на время императорскихъ маневровъ. Собственно корпусные маневры прусскихъ корпусовъ начались производствомъ маршей, затѣмъ два дня разыгрывались бои, послѣ чего корпуса были сведены вмѣстѣ и маневрировали противъ обозначеннаго противника. По той же програмѣ выполнили маневры и баварскіе корпуса. Окончивъ дивизіонные сборы, корпуса сосредоточились и представились верховному вождю арміи. Затѣмъ одинъ день былъ посвященъ двухстороннимъ корпуснымъ маневрамъ, послѣ чего вся баварская армія, исключая

5-й дивизіи, въ составѣ 50-ти баталіоновъ, 40 эскадроновъ и 42-хъ батарей, была сведена въ одну групу и произвела маневры противъ обозначеннаго противника.

Главный интересъ корпусныхъ маневровъ сосредоточился на участіи въ нихъ резервной дивизіи, такъ какъ въ Прусіи это былъ первый опытъ привлеченія резервовъ къ большимъ строевымъ упражненіямъ постоянной арміи. Резервная дивизія состояла изъ четырехъ резервныхъ пѣхотныхъ полковъ, кавалерійскаго полка, сформированнаго изъ четырехъ эскадроновъ постоянной арміи, трехъ резервныхъ батарей и резервной піонерной роты. Каждый пѣхотный полкъ имѣлъ три баталіона; въ баталіонѣ находилось по 807 нижнихъ чиновъ и командованіе ими было ввѣрено штабъ-офицерамъ постоянной арміи, занимающимъ должности, такъ называемыхъ, «тринадцатыхъ» капитановъ. Баталіонные адъютанты были тоже взяты изъ числа субалтернъ-офицеровъ постоянной службы. Изъ четырехъ ротъ каждаго баталіона, тремя командовали офицеры не постоянной службы, а одною—капитанъ постоянной службы. Роты, во главѣ которыхъ находились офицеры ландвера, имѣли по одному поручику постоянной службы и по три субалтернъ-офицера ландвера; въ остальныхъ ротахъ всѣ субалтернъ-офицеры были не постоянной службы. Согласно сдѣланному заблаговременно объявленію о призывѣ, люди собрались въ призывные пункты и 7-го сентября баталіоны были сформированы. Люди принадлежали исключительно къ возрастнымъ классамъ 1879—1882 гг., слѣдовательно, состояли въ ландверѣ перваго призыва и въ прошломъ году были привлекаемы къ строевымъ упражненіямъ для ознакомленія съ ружьями новаго образца. Въ день явки на сборные пункты они были снабжены предметами обмундированія, снаряженія и вооруженія по табелямъ военнаго времени. Врачебный и хозяйственный персоналъ доставила постоянная армія. Въ ротахъ находилось по одному фельдфебелю постоянной службы и по 11 военно-отпускныхъ унтеръ-офицеровъ. Въ теченіе четырехъ дней роты и баталіоны резервныхъ полковъ упражнялись въ пунктахъ формированія, а затѣмъ были доставлены по желѣзнымъ дорогамъ въ раіонъ маневровъ, гдѣ и сформированы въ полки.

Кавалерійскій полкъ резервной дивизіи былъ своднымъ полкомъ постоянной арміи и, слѣдовательно, не принадлежалъ къ составу резервовъ. Напротивъ, артиллерійское отдѣленіе было сформировано изъ нижнихъ чиновъ ландвера. Подробностей формированія резервныхъ артиллерійскихъ частей мѣстная военная печать не приводитъ, хотя онѣ представляли бы выдающійся интересъ. Газеты ограничи-

ваются замѣчаніемъ, что, по финансовымъ соображеніямъ, вмѣсто полка было мобилизовано только отдѣленіе, и что лошади были наняты въ Берлинѣ, съ уплатою по 12 марокъ въ день за упряжную и по 9 марокъ— за верховую. Резервная піонерная рота была сформирована изъ нижнихъ чиновъ ландвера, принадлежащихъ къ названному роду оружія. Ротой командовалъ капитанъ постоянной службы и она имѣла четырехъ субалтернъ-офицеровъ: двухъ постоянной службы и двухъ ландвера. Рота была снабжена по образцу инженерныхъ ротъ дѣйствующей арміи.

По поводу формированія резервной дивизіи, мѣстная военная печать сдѣлала нѣсколько замѣчаній. Указывалось, прежде всего, что мундиры были узки для большинства ландверистовъ старшихъ возрастовъ, и что новая обувь стирала ноги; въ нѣкоторыхъ баталіонахъ число людей со стертыми ногами было весьма значительно. Мундиры оказались узки преимущественно ландверистамъ промышленныхъ классовъ; напротивъ, пригонка мундировъ земледѣльческимъ классамъ не вызвала затрудненій. Объясненіе этого факта кроется въ излишнемъ потребленіи пива промышленными классами, причемъ злоупотребленіе спиртными напитками ведетъ не только къ чрезмѣрной полнотѣ, но и къ потерѣ энергіи, что, по словамъ газетъ, ясно обнаружалось во время маневровъ резервной дивизіи.

Военная печать указывала далѣе на нецѣлесообразность обученія резервной дивизіи. Большинство ландвера предназначается для полевыхъ операцій въ военное время; поэтому производство маршей и веденіе боя должны служить главными сторонами обученія этой категоріи военно-обязанныхъ. Между тѣмъ, резервная дивизія занималась съ 8-го по 14-е сентября преимущественно церемоніальнымъ маршемъ. Выработка дисциплины не вызывала необходимости въ этихъ именно занятіяхъ, такъ какъ войска могли быть дисциплинированы посредствомъ упражненій въ маневрированіи и въ веденіи боя. Настоящая причина упражненій въ церемоніальномъ маршѣ заключалась въ томъ, что резервная дивизія должна была участвовать на смотру 4-го корпуса. Для ландверистовъ, говорила по этому поводу берлинская «Deutsche Heeres-Zeitung», смотры не составляютъ важнѣйшаго; церемоніальный маршъ и все связанное съ нимъ отнимаютъ слишкомъ много времени. Газета высказывала пожеланіе, чтобы резервныя дивизіи ежегодно были привлекаемы къ участію въ большихъ маневрахъ, но чтобы служба этихъ дивизій была регулирована иначе, чѣмъ дѣлалось въ призывъ текущаго года, а главное, чтобы ни въ какомъ случаѣ резервныя дивизіи въ парадахъ не уча-

ствовали. Хотя германская система подготовки ландвера имѣетъ неоспоримое преимущество надъ австрійской, но газета съ сожалѣніемъ признаетъ, что на маневрахъ текущаго года австрійскій ландверъ какъ въ бою, такъ и при маневрированіи производилъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ германскій. Газета мирится съ тѣмъ, что ландверныя дивизіи уступаютъ дивизіямъ постоянной арміи и въ отношеніи строевой подготовки и относительно дисциплины, но настаиваетъ на необходимости сдѣлать все возможное, чтобы уменьшить это различіе. Съ объявленіемъ войны, не будетъ времени постепенно втянуть ландверистовъ въ работу и тѣмъ заботливѣе слѣдуетъ въ мирное время подготовлять ихъ къ перенесенію трудностей боевой службы, иначе съ первыхъ дней кампаніи ландверисты переполнятъ лазареты.

Неблагопріятенъ также отзывъ мѣстной военной печати и объ офицерахъ резерва и ландвера, участвовавшихъ на маневрахъ. Безспорно, съ 1871 года многое было сдѣлано для теоретическаго и практическаго обученія офицеровъ этой категоріи, но все-таки рѣдко кому изъ нихъ удалось привить искусство командованія и управленія войсками. Ротные командиры изъ офицеровъ не постоянной службы, въ большинствѣ случаевъ, были неудовлетворительны и всегда можно было тотчасъ же узнать, какой ротой командуетъ офицеръ постоянной службы. Опытъ маневровъ далъ одной изъ мѣстныхъ военныхъ газетъ основаніе высказать по этому предмету слѣдующія пожеланія: 1) назначать въ военное время на должность ротныхъ командировъ въ резервныхъ дивизіяхъ исключительно офицеровъ постоянной службы, а старшимъ ландвернымъ офицерамъ давать другія назначенія; 2) обратить еще большее вниманіе на обученіе офицеровъ ландвера, и 3) озаботиться увеличеніемъ числа офицеровъ постоянной службы съ тѣмъ, чтобы дѣйствующіе полки имѣли возможность отдавать резервамъ бо̀льшее число офицеровъ. Формулируя эти требованія, газета оговаривается, однако, что новыя правила объ обученіи кандидатовъ на званіе офицеровъ резерва дѣйствуютъ недавно и поэтому не могли оказать вліянія на подготовку старшихъ офицеровъ ландвера, какъ и выяснилось вполнѣ на маневрахъ 4-й резервной дивизіи.

Спеціальные кавалерійскіе сборы происходили, кромѣ 4-го и 11-го армейскихъ корпусовъ, еще во 2-мъ и 17-мъ корпусахъ, гдѣ было тоже сформировано по одной кавалерійской дивизіи. По окончаніи спеціальныхъ упражненій, дивизіи произвели трехдневные двухсторонніе маневры. Упражненія крѣпостной артилеріи въ во-

оруженіи крѣпостей происходили въ Мецѣ, а большія піонерныя упражненія—у Грауденца.

Въ прошломъ году были объявлены новыя правила относительно обученія новобранцевъ запаса. Назначеніе лицъ этой категоріи, сказано, между прочимъ, въ правилахъ, состоитъ въ томъ, чтобы по возможности скорѣе поступить на укомплектованіе войсковыхъ частей, дѣйствующихъ на театрѣ войны. Поэтому, необходимо, чтобы въ мирное время люди эти усвоили требованія дисциплины, выработали у себя способность къ походнымъ движеніямъ и ознакомились обращенію съ оружіемъ. Такъ какъ они не предназначены на сформированіе самостоятельныхъ войсковыхъ частей, то будутъ отбывать службу въ составѣ обученныхъ войскъ; поэтому при подготовкѣ ихъ слѣдуетъ обращать главное вниманіе на одиночное обученіе. Бой на штыкахъ не нуженъ, равно какъ и всѣ упражненія, производимыя ради смотровыхъ цѣлей; гимнастика нужна имъ вообще по стольку, по скольку она требуется для полевой выправки нижнихъ чиновъ. Въ пѣхотныхъ войскахъ слѣдуетъ обращать особое вниманіе на стрѣлковое обученіе, а что касается до остальнаго, то въ первый сборъ слѣдуетъ ограничиться взводными ученьями. Во второй и третій сборы проходится ротное ученье и различныя отрасли полевой службы. На гарнизонную службу достаточно назначить по одному занятію въ каждый изъ трехъ сборовъ.

Едва закончилось перевооруженіе германской арміи ружьями уменьшеннаго калибра, какъ уже рѣшено приступить къ перевооруженію полевой артиллеріи пушками уменьшеннаго калибра. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшенъ вопросъ о введеніи въ составъ артиллеріи полевыхъ мортирныхъ батарей.

Крѣпостныя работы продолжались по извѣстному плану и состояли, преимущественно, въ перестройкѣ укрѣпленій сообразно развитію современной инженерной и артиллерійской техники. Затѣмъ, рѣшеніе укрѣпить островъ Гельголандъ вылилось въ опредѣленный проектъ. Въ смѣту морскаго министерства на 1892 — 1893 финансовый годъ внесенъ кредитъ въ 1.395,000 марокъ въ качествѣ перваго ассигнованія изъ общей суммы въ 8.895,000 марокъ, потребной на постройку фортификаціонныхъ сооруженій на островѣ Гельголандѣ. Требованіе это мотивировано слѣдующими соображеніями: Гельголандъ нуждается въ прочной защитѣ отъ непріятельскаго нападенія. Если возложить оборону острова исключительно на военный флотъ, то этимъ будетъ въ значительной степени стѣснена свобода его движеній въ открытомъ морѣ. Постройкой укрѣпленій на

Гельголандѣ можно помѣшать непріятелю обратить островъ въ опорный пунктъ для устройства блокады, или для подготовки нападенія на побережье Нѣмецкаго моря. Гельголандъ, снабженный укрѣпленіями, будетъ служить отличнымъ наблюдательнымъ пунктомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечитъ непрерывность морскаго сообщенія съ материкомъ. Изъ общей суммы въ 8.895,000 марокъ, исчисленной на укрѣпленіе острова, 5.000,000 марокъ предположено израсходовать собственно на фортификаціонныя сооруженія, 3.800,000 марокъ—на артиллерійское вооруженіе, а 95,000 марокъ—на воинскія зданія и т. д.

Въ прошломъ году было приступлено къ расширенію желѣзнодорожной сѣти германскихъ восточныхъ провинцій. Особый кредитъ въ 145.537,500 марокъ позволилъ начать сооруженіе нѣсколькихъ новыхъ линій, ведущихъ къ восточной границѣ, устроить вторые пути на нѣкоторыхъ изъ имѣющихся дорогъ и сдѣлать другія улучшенія въ рельсовой сѣти.

Къ числу новыхъ линій принадлежатъ: 1) Фордонъ—Шёнзее; 2) Лисса—Волштейнъ; 3) Мезеричъ—Ландсбергъ; 4) Сорау—Христіанштадтъ, и 5) Лаубанъ—Марклиса. Второй путь будетъ уложенъ на слѣдующихъ участкахъ: 1) Бейтенъ—Грошовицъ; 2) Ярочинъ—Островъ и Кемпенъ—Крейцбургъ; 3) Руновъ — Новый-Штетинъ — Койница; 4) Лисса—Познань; 5) Кенигсцельтъ—Лигнитъ, и 6) Кенигсвустергаузенъ—Котбусъ. Затѣмъ, рѣшено расширить станцію Госторъ въ Данцигѣ, берлинскую станцію штетинской дороги и произвести нѣкоторыя другія работы по улучшенію существующихъ дорогъ. Наконецъ, 53.800,000 марокъ назначено на увеличеніе подвижнаго состава всей германской желѣзнодорожной сѣти. Линія Фордонъ—Шёнзее является продолженіемъ участка Бромбергъ—Фордонъ, движеніе по которому было открыто 1-го ноября 1885 года. Она соединитъ у Кульмзее и у Шёнзее двѣ линіи, идущія по правому берегу Вислы, именно, линіи Торнъ—Маріенбургъ и Торнъ—Инстербургъ, съ линіей Бромбергъ—Торнъ, проходящею по лѣвому берегу Вислы. Общая длина новой линіи—56 килом. 600 метр., а стоимость—17.437,000 марокъ, въ томъ числѣ 9.800,000 марокъ на устройство желѣзнодорожнаго и колеснаго моста на Вислѣ. Все полотно дороги будетъ разсчитано на два пути. Участки Лисса—Волштейнъ и Мезеричъ—Ландсбергъ предназначены заполнить пробѣлъ, существующій въ рельсовой сѣти между Одеромъ и Вартой. Продолженіе этихъ участковъ отъ Мезерича, чрезъ Бенштейнъ, къ Волштейну, установитъ прямое соединеніе между двумя большими же-

лѣзнодорожными линіями Бреславль—Познань и Берлинъ—Данцигъ. Участокъ Сорау—Христіанштадтъ начнется у Сорау, пересѣчетъ линію Зомерфельдъ—Саганъ у Бернау и спустится по долинѣ р. Бобра до Христіанштадта. При такомъ направленіи онъ соединитъ съ большими желѣзнодорожными линіями богатыя промышленныя мѣстности этого раіона. Наконецъ, постройка линіи Лаубанъ—Маркинса продолжитъ линію Берлинъ—Кольфуртъ до богемской границы, а впослѣдствіи войдетъ въ составъ новой линіи между Берлиномъ и Прагой. Устройство вторыхъ путей на перечисленныхъ выше дорогахъ имѣетъ важное военное значеніе. Новая двухколейная линія Гроновицъ—Б. Стрѣлецъ непосредственно соединитъ Бреславль съ русской границей, сдѣлавъ ненужнымъ обходъ чрезъ Козель и освободитъ, такимъ образомъ, участокъ Нпса—Козель—Глейвицъ. На линіи Ярочинъ—Крейцбургъ средній участокъ (Островъ—Кемпенъ) имѣетъ уже два пути; укладка втораго пути на обоихъ крайнихъ участкахъ превратитъ эту дорогу въ первоклассную маневренную линію, проходящую вдоль границы. Линія эта будетъ дублироваться участкомъ Лисса—Познань, который тоже получитъ второй путь. Новая двухколейная линія Штетинъ—Койница позволитъ быстро доставить войска 2-го корпуса на границу, минуя Данцигъ. Наконецъ, укладка вторыхъ путей на двухъ остальныхъ изъ перечисленныхъ выше участковъ облегчитъ сообщеніе Берлина съ Силезіей.

Военные расходы Германіи въ 1892—1893 финансовомъ году исчислены въ слѣдующемъ размѣрѣ: постоянные расходы: Пруссіи и государствъ, контингенты которыхъ управляются прусскимъ военнымъ министерствомъ—332.092,823 марки; Саксоніи—28.561,200 марокъ и Виртемберга—17.405,469 марокъ; единовременные расходы: Пруссіи—31.217,556 марокъ, Саксоніи—3.811,350 марокъ и Виртемберга—425,256 марокъ; чрезвычайные расходы: Пруссіи—81.010.466. Саксоніи—3.939,020 марокъ и Виртемберга—2.697,700 марокъ. Военные расходы Баваріи, которые должны быть пропорціональны суммѣ, расходуемой на другіе союзные контингенты, достигнутъ 70.000,000 марокъ. Наконецъ, общая сумма расходовъ на пенсіи для сухопутныхъ войскъ составитъ 64.000,000 марокъ. Общій итогъ военныхъ расходовъ Германіи превыситъ, такимъ образомъ, 635.000,000 марокъ, или 317.500,000 р. сер., по нынѣшнему курсу.

Постоянные расходы Пруссіи возросли на 11.061,919 марокъ. Изъ этой суммы 1.191,712 марокъ приходится на денежное довольствіе войскъ. Въ числѣ различныхъ новыхъ мѣропріятій, вызвавшихъ увеличеніе расходовъ по статьѣ «денежное довольствіе»,

наиболѣе серьезное значеніе имѣетъ переустройство артиллерійско-инженерной школы. До сихъ поръ всѣ молодые офицеры полевой артиллеріи командировались въ эту школу для прохожденія 9½ мѣсячнаго учебнаго курса. Обученіе въ этой школѣ носитъ, преимущественно, теоретическій характеръ и поэтому она не даетъ офицерамъ основательныхъ практическихъ свѣдѣній по стрѣльбѣ, этой главной отрасли ихъ служебной дѣятельности. Для устраненія этого недостатка предполагается обязать каждаго изъ молодыхъ офицеровъ полевой артиллеріи проходить четырехмѣсячный учебный курсъ полевой артиллерійской стрѣлковой школы, гдѣ бы они практически изучали стрѣльбу и матеріальную часть полевой артиллеріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, посѣщеніе младшаго курса артиллерійско-инженерной школы признано впредь не нужнымъ. Проектированная мѣра представляетъ еще ту выгоду, что офицеры будутъ отвлекаться отъ строевой службы не 9½ мѣсяцевъ, какъ теперь, а только четыре мѣсяца. Выполненіе реформы поведетъ къ увеличенію личнаго состава полевой артиллерійской стрѣлковой школы на шесть офицеровъ, одного чиновника и на 12 казенныхъ лошадей. Ежегодно въ школу будетъ командироваться около 140 молодыхъ офицеровъ.

Кредитъ, отпускаемый на денежное довольствіе запасныхъ, увеличенъ на 795,345 марокъ, вслѣдствіе задуманнаго развитія учебныхъ сборовъ. Въ текущемъ году предполагается призвать въ Пруссію изъ состава резерва и ландвера 176,999 человѣкъ на срокъ отъ 12-ти до 56-ти дней. Изъ запаса новобранцевъ будетъ призвано: 12,500 человѣкъ—на 10 недѣль, 10,500 человѣкъ—на шесть недѣль и 9,500 человѣкъ—на четыре недѣли. Производившіеся до сихъ поръ, въ видѣ опыта, тактическія учебныя поѣздки генераловъ и штабъ-офицеровъ кавалеріи и конной артиллеріи признаны весьма полезными и имъ рѣшено придать постоянный характеръ. Равнымъ образомъ, асигнованы средства на содержаніе и дрессировку военныхъ собакъ, такъ какъ производившіеся въ нѣкоторыхъ стрѣлковыхъ батальонахъ по этому предмету опыты дали благопріятные результаты. Затѣмъ, особый кредитъ въ 93,800 марокъ назначенъ на упражненія въ производствѣ атакъ полевыхъ укрѣпленій въ виду необходимости ввести ихъ въ кругъ постоянныхъ войсковыхъ занятій.

По статьѣ «артиллерія и ручное оружіе» потребовано на 1.087,878 марокъ болѣе, чѣмъ въ прошломъ году. Добавочный кредитъ цѣликомъ предназначенъ на заготовку снарядовъ и патроновъ, расходъ которыхъ предвидится бо́льшій, чѣмъ до сихъ поръ. Расходы по перевозкѣ войскъ, по выдачѣ прогонныхъ и суточныхъ денегъ увели-

чены на 809,710 марокъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе развитія желѣзнодорожныхъ перевозокъ. Кредитъ на продовольствіе войскъ увеличенъ на 5.320,662 марки. Стоимость заготовки провіанта и фуража исчислена на 4.814,435 марокъ болѣе, чѣмъ по дѣйствующей смѣтѣ, а по приварочному довольствію требуется на 471,825 марокъ болѣе. Заготовительныя цѣны приняты слѣдующія: центнера пшеницы—10,52 марокъ, ржи—9,76 марокъ, овса—7,60 марокъ, сѣна - 2,89 марки и соломы—2,53 марки.

Изъ остальныхъ мѣропріятій прусскаго военнаго министерства слѣдуетъ упомянуть объ увеличеніи числа чиновъ интендантскаго вѣдомства на 28 человѣкъ, о развитіи поѣздокъ офицеровъ генеральнаго штаба, объ увеличеніи расходовъ по вещевому довольствію на 300,000 марокъ и по продовольствію на 663,700 марокъ, вслѣдствіе развитія строевыхъ упражненій запасныхъ, объ упраздненіи укрѣпленій Раштата, объ упорядоченіи ремонтныхъ депо и проч.

Вслѣдствіе единства организаціи различныхъ контингентовъ, образующихъ германскую армію, увеличеніе постоянныхъ военныхъ расходовъ Баваріи, Саксоніи и Виртемберга обусловлено тѣми же мѣропріятіями, которыя проектированы для прусской арміи и распространятся на войска остальныхъ государствъ имперіи.

Единовременные военные расходы предназначены, по обыкновенію, на сооруженіе различныхъ воинскихъ зданій, преимущественно казармъ. Прусская смѣта, кромѣ того, предусматриваетъ заготовку предметовъ полеваго снаряженія для кавалеріи, нѣкоторое увеличеніе неприкосновенныхъ запасовъ продовольствія, вызванное измѣненіями въ продовольственномъ обозѣ, заготовку матеріальной части для полеваго телеграфа и военно-желѣзнодорожныхъ мостовъ.

Чрезвычайные расходы значительно возрасли по сравненію съ расходами дѣйствующей смѣты. По прусской росписи требуется, между прочимъ, 2.082,139 марокъ на пополненіе крѣпостныхъ продовольственныхъ запасовъ и 4.500,000 марокъ, въ качествѣ перваго асигнованія на заготовленіе переносныхъ полевыхъ палатокъ, такъ какъ признано необходимымъ обратить особое вниманіе на предохраненіе войскъ отъ дождя и холода при расположеніи бивакомъ въ военное время. На изготовленіе новой матеріальной части артилеріи требуется общій кредитъ въ 106.377,400 марокъ, а подлежащая израсходованію въ будущемъ году часть этого кредита составляетъ 40.876,400 марокъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы замѣнить нынѣшнія орудія полевой артилеріи новыми стальными пушками

уменьшеннаго калибра. 13.380,000 марокъ потребовано на изготовленіе ручнаго оружія; весь кредитъ по этой статьѣ составляетъ 20.942,500 марокъ. Сумма въ 2.570,600 марокъ подлежитъ расходованію на заготовку патроновъ, а 3.835,000 марокъ — на артиллерійское вооруженіе крѣпостей, причемъ весь кредитъ по этой статьѣ исчисленъ въ 26.291,000 марокъ.

Бюджетная численность арміи опредѣлена въ 20,542 офицера и 486.983 человѣка нижнихъ чиновъ, не считая 1,837 врачей и 2,430 чиновъ разныхъ наименованій: ветеринаровъ, оружейныхъ мастеровъ и т. д.

Въ *Австро-Венгріи* организаціонныя мѣропріятія прошлаго года были направлены, преимущественно, къ утилизаціи многочисленнаго прироста обученныхъ чиновъ, доставленнаго новымъ закономъ о пополненіи арміи. Въ пѣхотѣ усиленъ составъ штабныхъ ротъ и запасныхъ частей. При современной численности сухопутныхъ силъ, обще-имперская армія можетъ сформировать: 102 пѣхотныхъ полка по четыре баталіона, 30 стрѣлковыхъ баталіоновъ, тирольскій стрѣлковый полкъ въ 12 баталіоновъ, девять боснійскихъ баталіоновъ, 60 штабныхъ ротъ и 110 добавочныхъ баталіоновъ, всего 584 полевыхъ баталіона, общей численностью въ 567,000 человѣкъ; укомплектованіе полевымъ баталіонамъ будутъ доставлять 102 запасныхъ баталіона пѣхотныхъ полковъ, 30 запасныхъ стрѣлковыхъ ротъ и три запасныхъ баталіона тирольскаго полка, штатный составъ которыхъ доведенъ до 170,000 человѣкъ. Ландверъ можетъ выставить 186 баталіоновъ, годныхъ для полевыхъ дѣйствій, численностью въ 183,000 человѣкъ, 34 резервныхъ баталіона, численностью въ 37,000 человѣкъ, 28 запасныхъ баталіоновъ и 92 запасныхъ роты, численностью въ 75,000 человѣкъ, и въ составѣ ландвера останется еще до 70,000 человѣкъ, которые могутъ поступить на сформированіе добавочныхъ ротъ. Добавочныя войсковыя части поступятъ на уравненіе состава нѣкоторыхъ дивизій до принятой нормы въ 14—15 баталіоновъ, на образованіе крѣпостныхъ гарнизоновъ, на укомплектованіе армейскихъ корпусовъ, выдѣлившихъ нѣсколько баталіоновъ для спеціальнаго назначенія, на усиленіе гарнизоновъ Зараскаго отдѣла; наконецъ, на смѣну части войскъ, расположенныхъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Пѣхотѣ обще-имперской арміи и ландвера обезпечена въ настоящее время существенная помощь пѣхоты ландштурма, такъ какъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, по крайней мѣрѣ, венгерскому министерству обороны страны, удалось обезпечить формированіе по одному подвижному баталіону ландштурма въ каждомъ изъ 94 ланд-

штурмныхъ округовъ и образованіе изъ этихъ баталіоновъ полковъ и бригадъ.

Вслѣдствіе сформированія 15-го драгунскаго полка, уже участвовавшаго въ большихъ маневрахъ прошлаго года, общее число кавалерійскихъ полковъ достигло 42. Численность всѣхъ частей, входящихъ въ военное время въ составъ полка, опредѣлена въ 58 офицеровъ, 1,507 нижнихъ чиновъ и 1,498 лошадей, а всей кавалеріи— въ 2,436 офицеровъ, 63,294 челов. нижнихъ чиновъ и 62,916 лошадей, причемъ число строевыхъ чиновъ доходитъ до 51,786 человѣкъ, на 1,233 челов. болѣе, чѣмъ прежде.

Современный составъ и численность полевой артиллеріи по военному времени установлены слѣдующіе: 14 корпусныхъ артиллерійскихъ полковъ: въ полку два дивизіона по три батареи въ восемь орудій, всего 84 батареи съ 672 орудіями корпусной артиллеріи; третьи дивизіоны по три восьми-орудійныхъ батареи, всего 42 батареи съ 336 орудіями, составляющими артиллерію ландверныхъ пѣхотныхъ дивизій; 28 отдѣльныхъ дивизіоновъ по три восьми-орудійныхъ батареи, всего 84 батареи съ 672 орудіями, составляющими артиллерію пѣхотныхъ дивизій обще-имперской арміи; восемь конныхъ дивизіоновъ по двѣ шести-орудійныхъ батареи, всего 16 батарей съ 96-ю орудіями; отдѣльный горный дивизіонъ въ шесть четырехъ-орудійныхъ батарей, всего шесть батарей съ 24-мя орудіями; четыре узкоколейныхъ батареи по четыре орудія, 16 орудій, и, наконецъ, 24 горныхъ батареи по четыре орудія, 96 орудій. Итого 260 батарей съ 1,912 орудіями. Въ общемъ числѣ орудій 1,696 девяти-сантиметровыхъ (210 полевыхъ батарей и четыре узкоколейныхъ батареи), 96 орудій восьми-сантиметровыхъ (16 конныхъ батарей) и 120 орудій семи-сантиметровыхъ (30 горныхъ батарей). Современный составъ артиллеріи, по сравненію съ прежнимъ, возросъ на 112 орудій девяти-сантиметроваго калибра, формирующихъ 14 полевыхъ батарей, и на 120 орудій семи-сантиметроваго калибра, формирующихъ 30 горныхъ батарей.

По новой организаціи крѣпостной артиллеріи она должна имѣть слѣдующій составъ: по мирному времени: шесть полковыхъ штабовъ, три штаба отдѣльныхъ баталіоновъ, 15 баталіонныхъ штабовъ, 72 полевыхъ роты и 18 кадровыхъ ротъ, общей численностью въ 408 офицеровъ и 7,722 челов. нижнихъ чиновъ; по военному времени: то же число штабовъ, баталіоновъ и полевыхъ ротъ, а вмѣсто 18-ти кадровыхъ ротъ, 18 запасныхъ ротъ, общей численностью въ 648 офицеровъ и 21,798 челов. нижнихъ чиновъ. Сравненіе новаго со-

става съ прежнимъ показываетъ, что численность крѣпостной артиллеріи возрасла: по штатамъ мирнаго времени на 60 офицеровъ и 1.138 нижнихъ чиновъ, а по штатамъ военнаго времени — на 144 офицера и 4,464 челов. нижнихъ чиновъ.

Весьма существенная реформа была произведена въ прошломъ году въ устройствѣ обозныхъ войскъ. Впредь каждой пѣхотной дивизіи будетъ придаваться по одному обозному эскадрону, подраздѣленному не на четыре взвода, а на шесть. Эскадронное управленіе (ротмистръ, ветеринарный врачъ, 10 нижнихъ чиновъ, 10 лошадей, три казенныхъ повозки и обывательская подвода) служитъ по прежнему обознымъ управленіемъ дивизіи. 1-й взводъ эскадрона (субалтернъ-офицеръ, 102 нижнихъ чина и 166 лошадей) запрягаетъ шесть повозокъ дивизіоннаго штаба, три повозки бригадныхъ штабовъ, 22 повозки санитарныхъ учрежденій дивизій, пять повозокъ санитарной колонны нѣмецкаго рыцарскаго ордена, двѣ повозки полевой почты, провіантскія повозки штабныхъ войскъ и три повозки личнаго обоза высшихъ начальствующихъ лицъ. Обывательскихъ подводъ во взводѣ 24, причемъ три для личнаго состава (священникъ, аудиторъ и чиновники), а 21 повозка на тотъ случай, когда дурныя дороги не позволяютъ везти весь грузъ на казенныхъ повозкахъ. 2-й, 3-й, 4-й и 5-й взводы, каждый въ составѣ субалтернъ-офицера, 12 нижнихъ чиновъ и восемь лошадей, вещевой и 81 провіантской обывательскихъ подводъ, составляютъ продовольственные эшелоны дивизіоннаго продовольственнаго обоза. Каждый взводъ поднимаетъ однодневный запасъ на 17,700 челов., 22,000 казенныхъ и 1.300 обывательскихъ лошадей дивизіоннаго штаба, 15 баталіоновъ, кавалерійскаго и артилерійскаго дивизіоновъ, летучаго артилерійскаго парка и санитарныхъ учрежденій. Вѣсъ суточной дачи продовольствія принятъ въ 900 грамовъ; дача овса казеннымъ лошадямъ—въ пять килограмовъ, а обывательскимъ—въ три килограма. Наконецъ, 6-й взводъ образуетъ резервный эшелонъ продовольственной колонны. Штатъ взвода: субалтернъ-офицеръ, 34 нижнихъ чина, 16 казенныхъ лошадей и 152 обывательскихъ подводы (двѣ вещеваго обоза). 6-й взводъ поднимаетъ трехдневный запасъ консервовъ на пѣхотную дивизію и тоже подраздѣленъ на три эшелона, по суточному запасу въ каждомъ. Вѣсъ порціи людскихъ консервовъ принятъ въ 706 грамовъ, а конскихъ—въ 2,500 грамовъ. Обозный эскадронъ, придаваемый кавалерійской дивизіи, подраздѣляется тоже на шесть взводовъ, но штаты эскадрона нѣсколько иные. Въ 1-мъ взводѣ только пять санитарныхъ повозокъ; вмѣсто того, взводъ запрягаетъ шесть

повозокъ полеваго телеграфнаго отдѣленія: обывательскихъ подводъ для личнаго состава четыре; но добавочныхъ обывательскихъ подводъ лишь 12. Каждый изъ четырехъ взводовъ, образующихъ продовольственные эшелоны, имѣетъ 94 обывательскихъ подводы, а 6-й взводъ—резервный продовольственный эшелонъ—153 обывательскихъ подводы.

На тѣхъ же началахъ устроены и продовольственные транспорты. Число транспортовъ осталось прежнее, т. е. 14. Они распредѣляются по одному между первыми по порядку 14-ю армейскими корпусами. Каждый транспортъ подраздѣленъ на 15 эшелоновъ и каждой изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій армейскаго корпуса назначено по пяти эшелоновъ. Первые четыре изъ этихъ эшелоновъ возятъ по одно-дневному продовольственному запасу на дивизію, а пятый эшелонъ—трехдневный запасъ консервовъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ транспортѣ первые 12 эшелоновъ возятъ обыкновенные продовольственные запасы, а три эшелона—запасъ консервовъ. Затѣмъ, въ извѣстныхъ эшелонахъ находится по суточному запасу провіанта и фуража и по трехдневному запасу консервовъ для корпусныхъ управленій и для войскъ, не входящихъ въ составъ дивизій.

Если подсчитать общее количество подвижныхъ продовольственныхъ запасовъ, которыми полагается, въ настоящее время, обезпечить австро-венгерскія войска въ военное время, то окажется, что ихъ достанетъ уже не на 15 дней, какъ было установлено до сихъ поръ, а на 19—20 дней. Ранцевый запасъ остался трехдневный; запасъ полковаго обоза—2—3-хъ-дневный: въ дивизіонномъ обозѣ—семидневный, и въ продовольственныхъ транспортахъ — тоже семидневный. Эшелонъ, это единица продовольственнаго обоза, сдѣланъ болѣе подвижнымъ. Однако, организація соединенныхъ продовольственныхъ колоннъ, формируемыхъ изъ полковаго провіантскаго обоза, осталась прежняя, т. е. онѣ поднимаютъ двухдневный запасъ и образуютъ въ каждой дивизіи одинъ эшелонъ, состоящій, въ пѣхотныхъ дивизіяхъ, изъ 75-ти казенныхъ и 72-хъ обывательскихъ подводъ. Отмѣчая эту непослѣдовательность, мѣстная военная печать доказываетъ необходимость подраздѣлить соединенныя колонны тоже на три эшелона: два—съ обыкновенными продовольственными припасами и одинъ—съ консервами.

Обозный конвойный эскадронъ, придаваемый каждому продовольственному транспорту, состоитъ изъ управленія (13 человѣкъ, девять лошадей и три обывательскихъ повозки) и 15-ти взводовъ. Штаты взводовъ слѣдующіе: 15-го взвода: субалтернъ-офицеръ, 49 нижнихъ чиновъ, 22 лошади, двѣ вещевыхъ и 213 провіантскихъ

обывательскихъ подводъ; 13-го и 14-го взводовъ: субалтернъ-офицеръ, 30 нижнихъ чиновъ, 16 лошадей, двѣ вещевыхъ и 150 провіантскихъ обывательскихъ подводъ; 3-го, 6-го, 9-го и 12-го взводовъ: субалтернъ-офицеръ, 30 нижнихъ чиновъ, 16 лошадей, двѣ вещевыхъ и 122 провіантскихъ обывательскихъ подводы; 1-го, 2-го, 4-го, 5-го, 7-го, 8-го, 10-го и 11-го взводовъ: субалтернъ-офицеръ, 12 нижнихъ чиновъ, восемь лошадей, вещевая и 81 провіантская обывательская подвода. Послѣдніе изъ перечисленныхъ взводовъ одинаковы по составу со 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ взводами дивизіоннаго обоза, а 13-й и 14-й — съ взводами дивизіоннаго обоза, везущими консервы, такъ что соотвѣтствующіе взводы могутъ замѣщать другъ друга.

Обозный эскадронъ, придаваемый корпусному управленію, подраздѣляется тоже на шесть взводовъ. Составъ эскадроннаго управленія одинаковый съ управленіями эскадроновъ, придаваемыхъ пѣхотнымъ и кавалерійскимъ дивизіямъ. 1-й взводъ запрягаетъ 12 повозокъ корпуснаго управленія, передовой мостовой паркъ, полевое телеграфное отдѣленіе, почтовыя повозки и т. д.; штатъ взвода: офицеръ, 96 нижнихъ чиновъ, 151 лошадь и, въ случаѣ надобности, 38 обывательскихъ подводъ. 2-й, 3-й, 4-й и 5-й взводы подымаютъ каждый суточный запасъ продовольствія на все число людей и лошадей корпуснаго управленія и штабныхъ войскъ; штатъ взвода: офицеръ, девять нижнихъ чиновъ, шесть казенныхъ лошадей и 42 обывательскихъ подводы. Наконецъ, 6-й взводъ (офицеръ, 23 нижнихъ чиновъ и 11 лошадей и 63 обывательскихъ подводы) везетъ трехдневную потребность консервовъ. Выше было сказано, что слѣдующая по порядку категорія продовольственныхъ запасовъ для корпусныхъ управленій и войскъ, не входящихъ въ составъ дивизій, возится, въ трехдневной пропорціи, 3-мъ, 6-мъ, 9-мъ и 12-мъ взводами каждаго продовольственнаго транспорта.

Управленіямъ армій назначено, по прежнему, по одному эскадрону въ четыре взвода, а штабу главнокомандующаго — эскадронъ въ два взвода. Обозные эскадроны, запрягающіе мостовые парки, горные обозные эскадроны, эскадронъ корпусныхъ артилерійскихъ парковъ, горныхъ дивизіонныхъ артилерійскихъ парковъ, обозныя отдѣленія для полевыхъ хлѣбопекаренъ, конскіе госпитали и т. д. — всѣ эти учрежденія сохранили прежнее устройство. Крѣпостныя обозныя учрежденія упразднены. До сихъ поръ по табелямъ продовольственныхъ учрежденій базиса не полагалось особаго обоза. Лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ комуникаціонныхъ линій предусмотрѣно было формированіе этапныхъ продовольственныхъ обозовъ. По новому положенію, въ случаѣ мобилизаціи, должно быть сформирова-

по 67 этапныхъ продовольственныхъ транспортовъ, каждый въ составѣ субалтернъ-офицера, ветеринара, 175 нижнихъ чиновъ, 290 лошадей и 66 повозокъ. Транспорты эти перевозятъ продовольствіе отъ конечныхъ желѣзнодорожныхъ станцій или рѣчныхъ пристаней въ постоянныя продовольственныя учрежденія, устраиваемыя вблизи расположенія операціонной арміи. Число повозокъ этапныхъ транспортовъ разсчитано такъ, что они могутъ поднять двухдневный запасъ на дивизію. Въ случаѣ, если казенныхъ повозокъ не достанетъ для этого, разрѣшается формировать этапные транспорты изъ обывательскихъ подводъ.

По отношенію къ устройству корпуса офицеровъ наиболѣе существеннымъ изъ мѣропріятій прошлаго года было переустройство юнкерскихъ училищъ. Военно-учебныя заведенія эти играютъ выдающуюся роль въ дѣлѣ комплектованія корпуса офицеровъ обще-имперской арміи, такъ какъ доставляютъ ей ежегодно до 500 офицеровъ. Цѣль реформы состоитъ въ томъ, чтобы поднять въ научномъ отношеніи юнкерскія училища до уровня военныхъ училищъ и, какъ вслѣдствіе этого, такъ и чрезъ измѣненіе условій пріема въ юнкерскія училища, установить большую однородность корпуса офицеровъ арміи. Юнкерскія училища получили названіе второй групы военно-воспитательныхъ и учебныхъ заведеній. Пріемъ въ училища нижнихъ чиновъ запрещенъ. Условія пріема слѣдующія: австрійское или венгерское подданство, физическая годность, безупречное поведеніе, извѣстный возрастъ, требуемая научная подготовка, обязательство завести и поддерживать въ хорошемъ видѣ нѣкоторые предметы на свой счетъ, своевременный взносъ денегъ за обученіе и на экипировку, и обязательство оставаться удлиненный срокъ на службѣ. Пріемный возрастъ отъ 14-ти до 20-ти лѣтъ. Доказательствомъ научной подготовки служатъ школьное свидѣтельство и сдача вступительнаго экзамена, къ которому допускаются только представившіе свидѣтельство о прохожденіи, по крайней мѣрѣ, съ удовлетворительнымъ успѣхомъ извѣстныхъ курсовъ среднихъ учебныхъ заведеній. По окончаніи курса 4-го класса воспитанники выпускаются въ армію, поступая, вмѣстѣ съ тѣмъ, на дѣйствительную службу. Въ зависимости отъ имѣющихся вакансій и смотря по атестаціи, они выходятъ въ армію подпрапорщиками или унтеръ-офицерами, причемъ обязаны пробыть на дѣйствительной службѣ, сверхъ общаго срока, еще по одному году за каждый годъ пребыванія въ училищѣ.

На пополненіе австро-венгерскихъ войскъ было призвано въ прошломъ году: для обще-имперской арміи и флота: 60,389 человѣкъ

изъ населенія Цислейтаніи и 42,711 человѣкъ изъ населенія Транслейтаніи, всего 103,100 человѣкъ; для австрійскаго ландвера 10,000 человѣкъ, а для венгерскаго—12,500 человѣкъ. Контингентъ запаса новобранцевъ, по обыкновенію, не былъ опредѣленъ точными цифрами, такъ какъ численность его зависитъ отъ общаго числа молодыхъ людей призывнаго возраста, остающихся свободными отъ укомплектованія постоянныхъ войскъ.

Произведенная въ прошломъ году перепись населенія Австро-Венгріи представила интересныя данныя по вопросу о составѣ арміи по національностямъ. Согласно даннымъ переписи, наличная численность австро-венгерскихъ сухопутныхъ войскъ и флота выражалась слѣдующими цифрами: обще-имперская армія 288,000 человѣкъ, цислейтанскій ландверъ 10,900 челов., транслейтанскій ландверъ 16,900 челов. и флотъ 8,200 челов., всего 324,000 человѣкъ. По національностямъ, а слѣдовательно и по разговорному языку распредѣленіе приведеннаго состава таково: нѣмцевъ 29%, мадьяръ 17%, чеховъ и моравовъ 14%, словаковъ 5%, поляковъ 8%, русинъ 9%, словенцевъ 3%, кроатовъ и сербовъ 8%, румынъ 6% и итальянцевъ 1%. Такимъ образомъ, если не считать итальянскаго языка, на которомъ говорятъ сравнительно немногіе изъ военно-служащихъ, то все-таки остается еще девять языковъ, на которыхъ говорятъ въ австро-венгерскихъ войскахъ. Хотя въ Австро-Венгріи принята территоріальная система укомплектованія арміи, но, въ виду неправильнаго разселенія національностей по территоріи, лишь въ меньшинствѣ полковъ люди говорятъ однимъ языкомъ. Напротивъ, въ бо́льшей части полковъ два, три и даже четыре разговорныхъ языка. Поэтому, необходимость установить обязательный служебный языкъ явилась сама собою; такимъ языкомъ принятъ для обще-имперской арміи и цислейтанскаго ландвера—нѣмецкій, а для гонведа—венгерскій. Затѣмъ, уставы обязываютъ офицеровъ знать языки, на которыхъ говорятъ люди ихъ полковъ, и при назначеніи офицеровъ въ части принимается, до извѣстной степени, во вниманіе, какіе языки имъ знакомы. Всѣ эти мѣры не достигаютъ, однако, желаемой цѣли. Въ мѣстной военной печати были приведены несомнѣнныя доказательства, что субалтернъ-офицеры недостаточно знакомы съ языками, на которыхъ говорятъ ввѣренные имъ нижніе чины. У штабъ-офицеровъ, вслѣдствіе болѣе рѣдкихъ непосредственныхъ сношеній съ нижними чинами, этого рода знанія еще неудовлетворительнѣе. Что касается офицеровъ резерва, то большинство изъ нихъ не можетъ быть даже понято нижними чинами. Преподаваніе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ; по-

этому, молодые люди, знающіе этотъ языкъ, въ особенности нѣмцы, имѣютъ болѣе шансовъ достигнуть офицерскаго званія. Равнымъ образомъ, они легче получаютъ дипломъ офицера резерва. Даже, что касается различныхъ степеней унтеръ-офицерскаго званія, то нижніе чины, не говорящіе по нѣмецки, лишь съ большимъ трудомъ достигаютъ ихъ. Такое положеніе дѣла не разъ служило поводомъ къ неудовольствіямъ со стороны лицъ, законные интересы которыхъ оно нарушаетъ. Однако, согласовать противоположныя требованія въ этомъ дѣлѣ представляется невозможнымъ, такъ какъ отмѣнить постановленія объ офиціальномъ языкѣ для служебныхъ сношеній въ арміи нельзя, не вызвавъ новыхъ и, быть можетъ, болѣе серьезныхъ затрудненій. Какъ бы то ни было, существованіе многихъ языковъ въ арміи Австро-Венгріи принесетъ несомнѣнный вредъ дѣлу обученія и воспитанія войскъ монархіи, затруднитъ выработку въ частяхъ по мобилизаціи необходимой сплоченности, спайки и вызоветъ неудобства при устройствѣ командной части.

Австро-венгерская армія выполнила въ прошломъ году большіе маневры по слѣдующей програмѣ: въ двухъ корпусахъ маневры были корпусные, въ восьми корпусахъ—дивизіонные, въ остальныхъ—отрядные; въ трехъ корпусахъ состоялись спеціальные кавалерійскіе сборы, у Коморна—большіе крѣпостные маневры, у Линца и Петау—упражненія инженерныхъ войскъ. Двухсторонніе корпусные маневры происходили между 2-мъ и 8-мъ армейскими корпусами.

2-й армейскій корпусъ, управленіе котораго помѣщается въ Вѣнѣ, вышелъ на маневры въ составѣ трехъ пѣхотныхъ дивизій, кавалерійской дивизіи и четырехъ отдѣленій корпусной артилеріи; каждая пѣхотная дивизія имѣла по три батареи и по два эскадрона ландверной кавалеріи; кавалерійская дивизія состояла изъ 22½ эскадроновъ, конной батареи, двухъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и телеграфнаго отдѣленія. Въ общемъ, 2-й корпусъ имѣлъ 46 баталіоновъ, 28 эскадроновъ и 78 орудій. 8-й армейскій корпусъ, управленіе котораго помѣщается въ Прагѣ, состоялъ въ первые два дня маневровъ только изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій, кавалерійской дивизіи и девяти батарей корпусной артилеріи. На третій день маневровъ въ составъ корпуса вошла 21-я ландверная дивизія, а въ послѣдній день—еще и 3-я пѣхотная дивизія. Каждая изъ пѣхотныхъ дивизій 8-го корпуса имѣла по три батареи и по два эскадрона постоянной арміи. Всего въ 8-мъ армейскомъ корпусѣ, въ послѣдній день маневра, находилось 54 баталіона, 30 эскадроновъ и 84 орудія. Роты были пополнены резервистами до 130 человѣкъ въ каждой; эскадроны имѣли по 14 рядовъ во взводѣ, а батареи, кромѣ конныхъ, по четыре ору-

дія. Общая численность маневрировавшихъ войскъ доходила до 70,000 человѣкъ и 10,000 лошадей. Войска получили по 100 зарядовъ на ружье и орудіе и по 20 зарядовъ на карабинъ; кромѣ того, каждая дивизія имѣла запасъ въ 38,000 патроновъ. Ружейные патроны и орудійные заряды были изготовлены изъ малодымнаго пороха. Главное руководство маневрами было ввѣрено генералъ-инспектору арміи, эрцъ-герцогу Альбрехту, при которомъ находился начальникъ генеральнаго штаба, многочисленный штабъ и посредники. На маневрахъ присутствовали австрійскій императоръ, германскій императоръ и саксонскій король. Войска походнымъ порядкомъ сосредоточивались въ раіонъ маневровъ. Для большинства частей сосредоточеніе было комбинировано съ производствомъ дивизіонныхъ маневровъ. По общему порядку, длина перехода не превышала 15—20 верстъ, а въ дни маневрированія еще менѣе. Войска располагались на отдыхъ исключительно по квартирамъ и продовольствовались чрезъ своихъ поставщиковъ, имѣя при себѣ повозки для мяса. Съ началомъ собственно корпусныхъ маневровъ продовольствіе войскъ стало производиться изъ магазиновъ, которые были открыты въ Горнѣ, гдѣ, кромѣ запасовъ провіанта и фуража, находились также подвижныя хлѣбопекарни и депо бойнаго скота. Проходя через Горнъ, войска брали съ собой на пять дней мяса въ живомъ скотѣ, такъ что вполнѣ были обезпечены мяснымъ довольствіемъ. Дивизіонные маневры были произведены по бо̀льшей части съ участіемъ войскъ ландвера. Независимо того, обычный составъ корпусовъ всегда бывалъ усиленъ резервистами, которые оставались подъ знаменами отъ 16-ти до 25-ти дней.

Отдѣльные кавалерійскіе маневры производили обѣ дивизіи, участвовавшія въ корпусныхъ маневрахъ, и дивизія, входящая въ составъ 1-го корпуса (штабъ Краковъ). Въ крѣпостныхъ маневрахъ у Коморна участвовало 11 баталіоновъ пѣхоты, три эскадрона кавалеріи, 48 полевыхъ орудій, 20 осадныхъ орудій, четыре баталіона крѣпостной артиллеріи, инженерный баталіонъ, четыре піонерныхъ роты и 12 обозныхъ эскадроновъ. Маневры продолжались пять дней и четыре ночи.

Перевооруженіе арміи магазинными ружьями уменьшеннаго калибра и магазинными карабинами, а также передѣлка ружей 11-ти-милим. калибра въ магазинные со стволомъ 8-ми-милим. калибра и заготовленіе малодымнаго пороха̀, продолжались согласно установленному по этому предмету плану. Кромѣ того, продолжалось снабженіе осадныхъ парковъ новыми стале-бронзовыми орудіями и изготовлялись крѣпостныя орудія.

Крѣпостныя работы происходили въ прошломъ году въ Краковѣ и Перемышлѣ и въ нѣкоторыхъ укрѣпленныхъ пунктахъ другихъ границъ имперіи. Крѣпостной кредитъ прошлаго года былъ опредѣленъ въ размѣрѣ 2.000,000 гульденовъ. Въ Галиціи было приступлено къ постройкѣ многочисленныхъ казармъ нормальнаго типа на замѣну барачныхъ помѣщеній, устроенныхъ для войскъ, переведенныхъ въ послѣднее время изъ внутреннихъ областей монархіи въ эту пограничную провинцію.

Въ прошломъ году было рѣшено приступить къ дальнѣйшему развитію стратегической желѣзнодорожной сѣти Австро-Венгріи съ цѣлью увеличить число линій, соединяющихъ Галицію съ Венгріей и ускорить сообщеніе центровъ австро-венгерской монархіи съ ея восточными пограничными областями. Новыхъ дорогъ строится двѣ; одна изъ нихъ соединитъ линію Мармарошъ—Сигетъ съ Сучавой, а вторая пройдетъ отъ Сигета чрезъ Станиславовъ къ Тарнополю, для соединенія съ желѣзною дорогою Карла-Людовика. Съ постройкою первой изъ этихъ линій поѣзда будутъ проходить разстояніе отъ Пешта до сѣверо-восточной границы имперіи въ 12 часовъ. Стоимость сооруженія линіи исчислена въ 40.000,000 гульденовъ: она будетъ находиться въ вѣдѣніи казны. Линія Сигетъ—Тарнополь образуетъ кратчайшій путь между Венгріей и Галиціей; стоимость линіи опредѣлена въ 25.000,000 гульденовъ. Затѣмъ, на линіи Стрый—Бескидъ будетъ проложенъ второй путь.

На маневрахъ прошлаго года желѣзныя дороги, по обыкновенію, имѣли возможность показать, насколько оборудованіе ихъ отвѣчаетъ требованіямъ военнаго времени. Наибольшія требованія были предъявлены тому участку желѣзнодорожной сѣти, который находится въ районѣ бывшихъ корпусныхъ маневровъ. Изъ Горна и ближайшихъ къ нему станцій было отправлено въ теченіе 36½ часовъ 74 воинскихъ поѣзда, которые перевезли 2,232 офицеровъ, 56,648 нижнихъ чиновъ, 1,122 лошади и 200 повозокъ. Всѣ линіи, по которымъ происходило усиленное движеніе—одноколейныя, и только на одной имѣется небольшой участокъ въ двѣ колеи. Кромѣ воинскихъ поѣздовъ, было отправлено въ три дня 27 обыкновенныхъ пасажирскихъ поѣздовъ и прибыло 65 поѣздовъ съ необходимымъ подвижнымъ составомъ.

Результаты, достигнутые въ настоящее время по устройству австро-венгерскихъ сухопутныхъ силъ, при всей ихъ значительности, признаются, однако, не вполнѣ удовлетворительными и въ руководящихъ военныхъ сферахъ выработанъ, повидимому, планъ дальнѣйшихъ реформъ, сущность которыхъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Нынѣшней организаціи пѣхоты австро-венгерской арміи присущи слѣдующіе главные недостатки: малочисленность офицеровъ постоянной службы и сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ и слабая мирная численность нижнихъ чиновъ. Послѣ войны 1866 года число офицеровъ постоянной службы было значительно уменьшено, по экономическимъ соображеніямъ, и, вмѣсто трехъ, въ ротѣ оставлено по два субалтернъ-офицера. Между тѣмъ, вѣроятная большая убыль въ военное время и постоянное развитіе резервовъ дѣлаютъ настоятельно необходимымъ существованіе многочисленнаго корпуса офицеровъ постоянной службы. Цѣль эта, по отношенію къ пѣхотѣ, до извѣстной степени, можетъ быть достигнута переустройствомъ управленій округовъ пополненія и увеличеніемъ числа субалтернъ-офицеровъ. Въ настоящее время управленія округовъ пополненія служатъ одновременно и управленіями кадровъ запасныхъ баталіоновъ; требуется снять съ нихъ эту обязанность и назначить въ каждый кадръ по одному штабъ-офицеру и по одному капитану. Командиръ округа, при его сложныхъ обязанностяхъ, не можетъ быть и командиромъ запаснаго баталіона, тѣмъ болѣе, что въ будущемъ значеніе этихъ войсковыхъ частей возрастетъ и они не всегда будутъ расквартированы въ главныхъ пунктахъ округовъ. Что касается до числа субалтернъ-офицеровъ, то предполагается имѣть въ ротѣ по три младшихъ офицера. Оба изложенныя мѣропріятія поведутъ къ увеличенію мирной численности корпуса офицеровъ на 105 штабъ-офицеровъ, 105 капитановъ и на 1,800 субалтернъ-офицеровъ, всего на 2,010 офицеровъ постоянной службы.

Чтобы осуществить численное возрастаніе корпуса офицеровъ, необходимо увеличить штаты воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній и привлечь на постоянную службу сравнительно бо́льшее число офицеровъ резерва. На подготовку офицеровъ резерва надо обратить, поэтому, особенно серьезное вниманіе, и командиры частей должны побуждать офицеровъ резерва къ службѣ въ постоянныхъ частяхъ ландвера, кадры котораго тоже придется увеличить. Затѣмъ, офицеровъ резерва слѣдуетъ ежегодно привлекать на 28-ми-дневные учебные сборы. Для привлеченія унтеръ-офицеровъ на сверхсрочную службу необходимо увеличить денежныя преміи унтеръ-офицеровъ на 1/4 или на 1/5 часть.

Въ настоящее время, п ѣ х о т н ы я роты австро-венгерской арміи выходятъ для обычныхъ строевыхъ занятій въ составѣ 50-ти человѣкъ, причемъ и при такой численности ротъ происходятъ постоянныя перемѣны состава обучающихся. Вслѣдствіе этого, систематическое и однообразное обученіе нижнихъ чиновъ весьма затрудни-

тельно. Послѣдствія малочисленности ротъ обнаруживаются и на маневрахъ, такъ какъ оберъ-офицеры и унтеръ-офицеры усвоиваютъ неправильное представленіе о времени и пространствѣ, необходимыхъ для правильныхъ дѣйствій войсковыхъ частей. Наконецъ, по той же причинѣ низшимъ начальникамъ не достастъ въ мирное время необходимой практики и пробѣлъ этотъ не можетъ быть своевременно пополненъ въ военное время. При мобилизаціи призывъ резервистовъ подъ знамена увеличитъ численность роты съ 76 на 220 строевыхъ чиновъ и только треть этихъ чиновъ будетъ состоять изъ обученныхъ людей, а двѣ трети, въ томъ числѣ и немало унтеръ-офицеровъ, изъ людей, отвыкшихъ отъ строя. По всѣмъ этимъ соображеніямъ признается желательнымъ увеличить мирную численность ротъ до 100 человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо привлекать чиновъ запаса новобранцевъ къ періодическимъ строевымъ упражненіямъ, какъ это требуется уставомъ о воинской повинности.

Составъ австро-венгерской к а в а л е р і и, по сравненію съ другими родами оружія, признается слабымъ, но сколько нибудь значительное увеличеніе кавалеріи невозможно по дороговизнѣ содержанія войскъ этого оружія. Тѣмъ болѣе, поэтому, слѣдуетъ заботиться о боевой годности и мобилизаціонной готовности кавалеріи. Необходимо увеличить число кавалерійскихъ офицеровъ постоянной службы, устроить новыя ремонтныя депо и передавать выѣзжанныхъ лошадей въ пользованіе частныхъ лицъ до тѣхъ поръ, пока полки будутъ въ состояніи выступить въ походъ въ полномъ составѣ на готовыхъ лошадяхъ и немедленно формировать годные къ полевой службѣ резервные эскадроны. Эти послѣдніе должны образовать въ военное время дивизіонную кавалерію и поэтому слѣдуетъ содержать для нихъ соотвѣтствующіе кадры и, мобилизуя эскадроны, привлекать резервную кавалерію къ маневрамъ въ составѣ пѣхотныхъ дивизій. Въ настоящее время, такъ называемые, запасные кадры, обязанные формировать резервные эскадроны, состоятъ каждый изъ двухъ офицеровъ, 21 человѣка нижнихъ чиновъ и семи лошадей.

Въ каждомъ корпусномъ а р т и л е р і й с к о м ъ полку находится теперь група въ три батареи, содержащаяся въ уменьшенномъ мирномъ составѣ. Такихъ артилерійскихъ дивизіоновъ, какъ они называются по принятой въ Австро-Венгріи терминологіи, 14; они предназначены для снабженія артилеріей ландверныхъ дивизій, и каждая имѣетъ 14 офицеровъ, 136 нижнихъ чиновъ, 66 лошадей и шесть орудій, въ то время какъ нормальный составъ артилерійскаго дивизіона—15 офицеровъ, 322 человѣка нижнихъ чиновъ, 136 лошадей и 12 орудій. Признается необходимымъ довести дивизіоны умень-

шеннаго состава до нормальнаго, что поведетъ къ усиленію полевой артилеріи на 14 офицеровъ, 2,604 человѣка нижнихъ чиновъ, 980 лошадей и на 84 орудія. Мѣра эта мотивируется тѣмъ соображеніемъ, что, относительно мобилизаціонной готовности, батареи уменьшеннаго состава уступаютъ батареямъ нормальнаго состава и поэтому доставка въ область сосредоточенія тѣхъ дивизій, артилерію которыхъ составляютъ батареи уменьшеннаго состава, будетъ замедлена. Затѣмъ, желательно увеличить число артилерійскихъ офицеровъ постоянной службы и реорганизовать крѣпостную артилерію.

Современная численность піонерныхъ войскъ, а слѣдовательно, и составъ мостовыхъ парковъ, признается недостаточной. Устранить недостатокъ въ людяхъ можно путемъ обученія собственно инженерныхъ войскъ піонерной службѣ, но матеріальную часть необходимо заготовить въ бо̀льшемъ противъ существующаго размѣрѣ.

Относительно продовольственнаго и обознаго вѣдомства высказывается мнѣніе, что въ будущую кампанію нельзя разсчитывать на снабженіе массовыхъ армій печенымъ хлѣбомъ и свѣжимъ мясомъ; продукты эти придется замѣнить сухарями и мясными консервами. Если къ нимъ прибавить растительные консервы, то этими продуктами исчерпывается обыкновенная пищевая табель военнаго времени, а все остальное: хлѣбъ, свѣжее мясо, чай, кофе, спиртъ и т. д. можно будетъ доставлять только случайно и тѣмъ или другимъ частямъ, но не всей арміи. Тѣмъ настоятельнѣе необходимость заблаговременно обезпечить непрерывность снабженія войскъ продуктами обыкновенной пищевой табели. Нынѣшніе консервы, принятые въ австро-венгерской арміи, признаются неудовлетворительными; они недостаточно питательны, скоро пріѣдаются и изготовленіе ихъ требуетъ много времени; замѣна нынѣшнихъ консервовъ болѣе подходящими къ условіямъ военнаго времени признается весьма желательной. Необходимо также замѣнить тяжелыя провіантскія повозки болѣе легкими и болѣе подходящими къ топографическому характеру вѣроятныхъ театровъ войнъ. На помощь колеснымъ перевозочнымъ средствамъ должны придти въ широкомъ размѣрѣ полевыя переносныя желѣзныя дороги, для чего слѣдуетъ заблаговременно заготовить необходимую матеріальную часть и дать этимъ перевозочнымъ средствамъ необходимую организацію.

Выполненіе нѣкоторыхъ изъ мѣропріятій новаго плана военныхъ реформъ предусмотрѣно утвержденной росписью обще-имперскихъ военныхъ расходовъ въ текущемъ году.

На военныя надобности въ будущемъ году испрашено 121.720,490 гульденовъ, на 4.430,206 гульд. болѣе, чѣмъ по прошлогодней смѣтѣ.

Собственные доходы военнаго вѣдомства исчислены въ 2.673,508 гульденовъ. Расходы подраздѣляются на обыкновенные, въ количествѣ 107.093,247 гульденовъ, и на чрезвычайные, исчисленные въ суммѣ 14.627,243 гульдена.

Обыкновенные расходы возросли на 4.253,402 гульдена. Вздорожаніе цѣнъ на зерновой хлѣбъ и другіе продовольственные продукты заставило увеличить соотвѣтствующія статьи смѣты на 1.848,000 гульденовъ. Расходы по квартирному довольствію войскъ увеличились на 1.593,864 гульдена, вслѣдствіе повышенія окладовъ квартирныхъ денегъ. Укомплектованіе 14-ти артилерійскихъ дивизіоновъ, содержащихся въ уменьшенномъ составѣ, до нормальнаго состава, т. е. запряжка въ 42-хъ батареяхъ по два добавочныхъ орудія, обусловливаетъ новый постоянный расходъ въ 755,678 гульденовъ и единовременный въ 940,000 гульденовъ, причемъ расходы эти разложены на два года. Составъ обозныхъ войскъ увеличенъ на извѣстное число нижнихъ чиновъ, что вызвало новый расходъ въ 47,335 гульденовъ. Расходы по обученію запасныхъ нижнихъ чиновъ увеличились на 60,918 гульденовъ, вслѣдствіе того, что число призывныхъ чиновъ запаса новобранцевъ возросло на 11,000 человѣкъ; равнымъ образомъ, предполагается призвать на восьминедѣльные сборы на 700 офицеровъ резерва болѣе, чѣмъ въ прошломъ году, всего 3,500 офицеровъ, и расходы по этой статьѣ возросли на 63,000 гульдена. Развитіе упражненій въ боевой стрѣльбѣ повело къ новому расходу въ 200,000 гульденовъ, а замѣна чернаго пороха малодымнымъ увеличитъ издержки по этой статьѣ на 509,586 гульденовъ.

Общая сумма чрезвычайныхъ расходовъ въ 14.627,243 гульдена превышаетъ чрезвычайный кредитъ прошлаго года всего на 176,804 гульдена. На изготовленіе ружей и карабиновъ Манлихера назначено 2.000,000 гульденовъ, составляющихъ второе асигнованіе изъ того кредита въ 9.772,300 гульденовъ, который отпущенъ на этотъ предметъ. На фабрикацію малодымнаго пороха асигновано 2.500,000 гульденовъ. Усиленіе крѣпостей Галиціи вызвало второй кредитъ въ 1,000,000 гульденовъ; въ связи съ этимъ асигнованіемъ находится сумма въ 500,000 гульденовъ, назначаемая на развитіе вооруженія укрѣпленныхъ пунктовъ посредствомъ замѣны старыхъ орудій новыми; въ прошломъ году на этотъ предметъ было отпущено 1,000,000 гульденовъ. Въ 1890 г. военному министерству былъ отпущенъ кредитъ въ размѣрѣ 1.848,000 гульденовъ на изготовленіе запаса матеріальной части артилеріи и на замѣну легкихъ батарей во всѣхъ корпусныхъ артилерійскихъ полкахъ тяжелыми батареями; изъ этой суммы было израсходовано 889,534 гульдена, а

остающіеся 959,066 гульденовъ подлежатъ израсходованію въ текущемъ году. Матеріальной части для полевыхъ желѣзныхъ дорогъ уже заготовлено на 800,000 гульденовъ; на продолженіе заготовокъ испрошено 400,000 гульденовъ. Значительныя суммы назначены военнымъ министерствомъ на заготовку продовольственныхъ запасовъ, именно, сухарей и мясныхъ консервовъ. Признано необходимымъ освѣжить первую партію этихъ запасовъ, изготовленныхъ въ 1887 г. на средства особаго кредита, выдавъ ее на продовольствіе войскъ, и заготовить новую партію. Освѣженіе обойдется въ 858,000 гульденовъ. Кромѣ того, продовольственные запасы будутъ увеличены на 1.705,000 гульденовъ, причемъ изъ этой суммы потребовано на текущій годъ 142,000 гульденовъ. Наконецъ, военное министерство испросило 130,000 гульденовъ для начала массовыхъ заготовокъ добавочныхъ консервовъ, включенныхъ въ составъ продовольственнаго обоза по новому положенію.

На содержаніе добавочнаго контингента въ 26-ти пѣхотныхъ полкахъ назначено 672,200 гульденовъ; въ прошломъ году добавочный контингентъ содержался въ 27-ми полкахъ. Увеличеніе офицерскаго состава выразилось двумя мѣрами: асигнованіемъ 921,558 гульденовъ на содержаніе офицеровъ, взамѣнъ находящихся въ постоянной командировкѣ, и 265,300 гульденовъ—на содержаніе 225 сверхштатныхъ поручиковъ. Точно также, находящіеся въ постоянной командировкѣ нижніе чины будутъ замѣщены въ своихъ частяхъ, на что требуется 291,900 гульденовъ. Добавочное содержаніе войскъ, находящихся въ южной Далмаціи, исчислено въ 90,000 гульденовъ. Наконецъ, по смѣтѣ прошлаго года разрѣшенъ добавочный кредитъ въ 1.532,968 гульденовъ на покрытіе сверхсмѣтныхъ расходовъ по квартирному довольствію.

Бюджетная численность общеимперской арміи установлена слѣдующая: офицеровъ—13,126; нижнихъ чиновъ: строевыхъ: подпрапорщиковъ — 2,207, унтеръ-офицеровъ — 24,812; рядовыхъ — 197,335; нестроевыхъ: унтеръ-офицеровъ—8,643, рядовыхъ—11,395 и казенной прислуги—14,691. Общая численность арміи, включая военное духовенство, врачей, аудиторовъ, счетоводовъ и другихъ гражданскихъ чиновъ, составляетъ 276,867 человѣкъ. Воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній — 2,310. Казенныхъ лошадей—51,775.

Въ слѣдующей статьѣ будетъ указано общее значеніе отчетнаго года для арміи: Франціи, Италіи и Англіи.

В. Недзвѣцкій.

(Окончаніе будетъ).

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ «ВОЕННАГО СБОРНИКА»

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ЖУРНАЛЪ «ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ»,

ОСТАВШІЙСЯ ВЪ КРАЙНЕ ОГРАНИЧЕННОМЪ ЧИСЛѢ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ ТОЛЬКО ЗА СЛѢДУЮЩІЕ ГОДЫ:

1862, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1880, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886 и 1887 гг.

Цѣна годоваго изданія шесть руб.

За 1888, 1889, и 1890 года цѣна годоваго изданія **семь рублей.**

За пересылку слѣдуетъ высылать по почтовому положеніе, за 12 фунтовъ.

Географическіе и статистическіе очерки **ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО** съ раскрашенною картою. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Черты изъ жизни и царствованіе Императора Николая I. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Русская армія въ вѣкъ Императрицы Екатерины II. Цѣна 50 к., съ пересылкою 75 к.

Требованія книгъ, не означенныхъ выше, не могутъ быть удовлетворяемы, равно какъ и другія порученія, не относящіяся прямо до редакціи.

При большомъ числѣ статей. присылаемыхъ въ редакцію „**Военнаго Сборника**“, возвращеніе авторамъ статей, не предназначенныхъ къ напечатанію, съ объявленіемъ причинъ, почему онѣ не могли быть помѣщены въ этомъ журналѣ, весьма неудобно по многимъ причинамъ. Вслѣдствіе этого, редакція „**Сборника**“ проситъ авторовъ обратить вниманіе на слѣдующія слова объявленія объ изданіи журнала на 1892 годъ.

«Желающіе помѣщать свои статьи въ «Военномъ Сборникѣ« благоволятъ доставлять ихъ въ редакцію «Сборника». Въ случаѣ одобренія, статьи будутъ напечатаны ва «Сборникѣ» при первой возможности. Въ случаѣ же неодобренія—возвращаются автору, по его личному востребованію или довѣренному отъ него лицу, безъ всякихъ объясненій.

6 р

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на „**Военный Сборникъ**“ и „**Русскій Инвалидъ**“ на 1892 годъ принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи означенныхъ изданій: на Надеждинской, домъ Трута, № 48.

Военно-служащіе и войсковыя части, подписывающіеся на „**Русскій Инвалидъ**“ и „**Военный Сборникъ**“, т. е. на оба изданія **вмѣстѣ**, платятъ съ доставкою и пересылкою **тринадцать рублей.**

Отдѣльная подписка на журналъ и газету для всѣхъ безъ различія назначается:

За годовой экземпляръ журнала „**Военный Сборникъ**“ **девять рублей**, съ пересылкою и доставкою въ Петербургѣ на домъ. Заграничная подписка **двѣнадцать рублей.** На мѣсячные сроки подписка на журналъ «Военный Сборникъ» не принимается.

За годовой экземпляръ газеты „**Русскій Инвалидъ**“ **девять рублей**, съ пересылкою и доставкою въ Петербургѣ на домъ.

Подписная цѣна на газету „Русскій Инвалидъ“ на сроки:

ВЪ РОССІИ:

Срокъ		р.		к.	
На годъ. . .		9	р.	—	к.
» 11	мѣсяцевъ	8	»	50	»
» 10	»	8	»	—	»
» 9	»	7	»	50	»
» 8	»	7	»	—	»
» 7	»	6	»	50	»
» 6	»	6	»	—	»
» 5	»	5	»	—	»
» 4	»	4	»	—	»
» 3	»	3	»	50	»
» 2	»	3	»	—	»
» 1	»	1	»	50	»

Съ доставкою въ Петербургѣ и съ пересылкою иногороднымъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ:

Срокъ		р.		к.	
На годъ . . .		15	р.	—	к.
» 11	мѣсяцевъ	14	»	—	»
» 10	»	13	»	—	»
» 9	»	12	»	—	»
» 8	»	11	»	—	»
» 7	»	10	»	—	»
» 6	»	9	»	—	»
» 5	»	8	»	—	»
» 4	»	7	»	—	»
» 3	»	6	»	—	»
» 2	»	4	»	—	»
» 1	»	3	»	—	»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОРЪ ЖУРНАЛА „ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“ И ВОЕННОЙ ГАЗЕТЫ „РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ **ЛАВРЕНТЬЕВЪ.**

Помощникъ Главнаго Редактора, Генералъ-Маіоръ **ЛАЧИНОВЪ.**

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая, № 40.